

ЯЗЫК ШИПОВ

ПОЛУНОЧНЫЕ СКАЗКИ
И ТЕМНОЕ ВОЛШЕБСТВО

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 NEW YORK TIMES

ЛИ БАРДУГО

ЯЗЫК ШИПОВ

ПОЛУНОЧНЫЕ СКАЗКИ
И ТЕМНОЕ ВОЛШЕБСТВО

ЛИ БАРДУГО

Иллюстрации САРЫ КИПИН

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б24

Leigh Bardugo
THE LANGUAGE OF THORNS
MIDNIGHT TALES AND DANGEROUS MAGIC

Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc
и Andrew Nurnberg

Grishaverse logo and Grishaverse monogram used
on cover and spine with permission ™ and © 2017 Leigh Bardugo
Cover and Interior Illustrations © 2017 by Leigh Bardugo.
Used with permission. All rights reserved.
Illustrations designed by Sara Kipin.
Cover designed by Natalie C. Sousa

Художественное оформление *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Надежды Сечкиной*

Бардуго, Ли.

Б24 Язык шипов. Полуночные сказки и темное волшебство: [повести] / Ли Бардуго; пер. с англ. Н. Сечкиной — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Миры Ли Бардуго. Grishaverse).

ISBN 978-5-17-112359-8

Сказания о прекрасных русалках и рыжебородых големах, монстрах и принцессах, зачарованных городах и наводящих ужас лесах. Коллекция завораживающих историй с великолепными цветными иллюстрациями — для всех любителей вселенной гришей и темного фэнтези.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112359-8

© Н. Сечкина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖЕМИННЕ —
МАЛЫШКЕ, НАДЕЛЕННОЙ СИЛОЙ

АЙЯМА И ТЕРНОВЫЙ ЛЕС

Земенская сказка

6

ЛИС-УМНИК

Равкианская сказка

56

ВЕДЬМА ИЗ ДУВЫ

Равкианская сказка

84

НОЖИЧЕК

Равкианская сказка

122

ПРИНЦ-СОЛДАТ

Керчийская сказка

148

КОГДА ВОДА ЗАПЕЛА ОГНЕМ

Фьерданская сказка

196

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

284

АЙЯМА
И
ТЕРНОВЫЙ ЛЕС

В ТОТ ГОД ЛЕТО НИКАК НЕ ХОТЕЛО УХОДИТЬ.

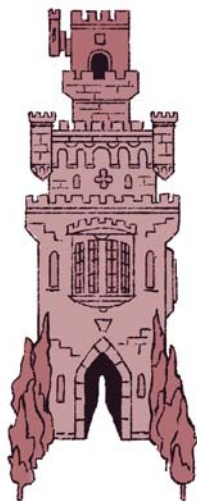
Жара придавила долину тяжестью обмякшего трупa. Безжалостное солнце испепеляло высокие травы, животные замертво падали в выжженных полях. В тот год радовались только мухи, а королеве западных земель он принес беду.

Все знают историю, как королева стала королевой — как, несмотря на лохмотья и низкое происхождение, пленила юного принца своей красотой и оказалась во дворце, где ее одели в шелка и вплели в волосы нити с драгоценными камнями; как всем велели преклонить колени перед той, что вчера ходила в прислугах.

В те времена принц еще не взошел на трон, был отчаян, безрассуден и дерзок и каждый день отправлялся охотиться верхом на рыжем коне, которого объездил сам. Вместо того, чтобы заключить брак, выгодный для королевства, он назло отцу выбрал в жены простолюдинку. Королева-мать давно умерла, а в одобрении придворного Совета принц не нуждался.

Народ его выходка позабавила, красавица-невеста всем пришлась по нраву, так что поначалу у молодоженов все шло хорошо. Жена подарила принцу круглощекое первенца; младенец весело агукал в колыбельке, и всеобщая любовь к новой принцессе росла день ото дня.

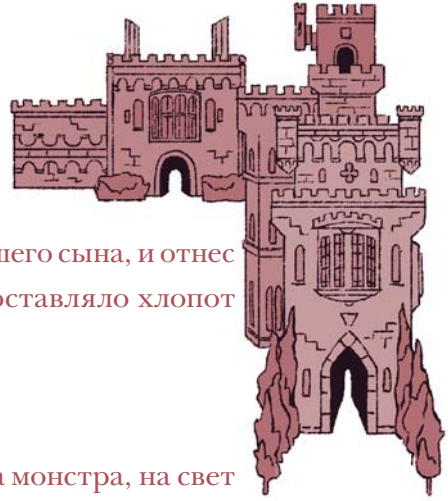
Незадолго до того страшного лета старый король умер. Бесшабашного наследника престола короновали, королева понесла во второй раз, а дожди по всей стране прекратились. Река пересохла, обнажив каменистую

полосу дна, колодцы наполнились песком и пылью. Каждый день королева, тяжело неся большой живот, поднималась на стену замка и молилась о том, чтобы ребенок вырос мудрым, сильным и красивым, а паче всего — о том, чтобы спасительный ветер охладил ее кожу и облегчил страдания.

В ночь, когда родился второй королевский отпрыск, в небе взошла полная луна — темная, как старый струп. Вокруг дворца собрались койоты — они выли, царапали когтями стены, а стражника, посланного их отогнать, разорвали на части. Возбужденный лай койотов заглушил вопли ужаса королевы, узревшей существо, что с пронзительным криком вышло из ее чрева. Новорожденный принц более походил на волчонка, нежели на мальчика: все его тельце от макушки до когтистых ступней было покрыто гладкой черной шерстью, глаза были красные, точно кровь, на голове виднелись два бугорка — зачатки рогов.

Король не хотел прослыть первым в стране сыноубийцей, однако держать это жуткое создание во дворце было нельзя. И вот он созвал всех самых толковых министров и инженеров и велел выстроить позади дворца огромный лабиринт. Сооружение тянулось на несколько миль, до самой рыночной площади, закручиваясь спиралью из многих и многих витков. На возведение лабиринта ушли годы, и половина рабочих, занятых на строительстве, бесследно сгинула в его стенах. Когда все было готово, король вошел

в детскую, отпер клетку, где держал младшего сына, и отнес в лабиринт, дабы чудовище более не доставляло хлопот своей матери и всему королевству.

* * *

Тем же летом, когда королева родила монстра, на свет появился еще один младенец. Кима была из бедной крестьянской семьи. Урожая с клочка земли, который обрабатывали ее родители, едва хватало на пропитание. С первым своим вздохом новорожденная не закричала, но звонко запела, и в то же мгновение небеса разверзлись и на землю хлынул дождь, положивший конец долгой засухе.

В тот день природа воскресла. Говорили, что там, где ступала нога Кимы, тотчас начинало пахнуть молодой зеленью. Девушка была высокой и гибкой, словно молодая липа, и двигалась с такой грацией и легкостью, что становилось почти страшно — а ну как эту пушинку сдует ветром?

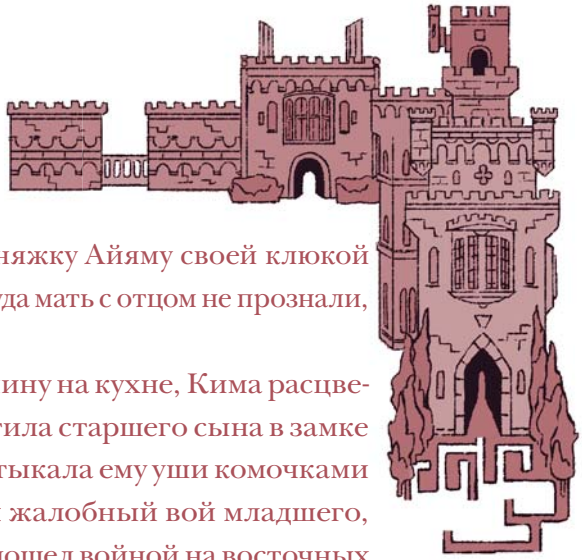
Шелковая кожа Кимы светилась изнутри мягким медовым сиянием — точь-в-точь как горы в нежный час перед закатом; водопад густых черных кудрей, которые она не закалывала, обрамлял лицо, как распустившиеся цветы.

Жители города были уверены, что такая дочка — истинное благословение для родителей, ведь ей наверняка суждено выйти замуж за богача, может быть даже за самого принца, и обеспечить отцу с матерью безбедную старость. Однако всего год спустя боги послали семье вторую дочь и сделали это будто в насмешку: по мере того, как девочка росла,

становилось ясно, что она напрочь лишена тех достоинств, каковыми в избытке обладала Кима. Айяма была неуклюжей и криворукой, ходила вперевалку, а ее плотная приземистая фигура напоминала пивную кружку. Если голос Кимы был певучим и умиротворяющим, как тихий дождик, то от резких скрипучих звуков, что издавала Айяма, сводило зубы и хотелось бежать прочь. Родители стеснялись младшей дочери и вели ей поменьше разговаривать. Ее держали в четырех стенах, заставляли делать всю домашнюю работу и отпускали пройтись только до реки и обратно — и то лишь для того, чтобы перестирать белье.

Оберегая покой Кимы, родители приказали Айяме спать подле очага на кухне, бросив на теплые каменные плиты соломенный тюфяк. От спанья на такой постели волосы девушки скоро разлохматились, кожа пропиталась золой, смуглое лицо сделалось пепельно-серым. Робко, боясь оскорбить остальных своим видом, она прошмыгивала из одной тени в другую. Мало-помалу люди и вовсе забыли, что в семье растут две дочери, и стали считать Айяму обычной служанкой.

Кима не раз пыталась заговорить с сестрой, но стоило ей приблизиться к Айяме, как родители, прочившие старшую дочку в жены богачу, тут же звали ее обратно — дескать, нужно торопиться в школу или на урок танцев. Днями напролет Айяма молча трудилась на кухне, а поздним вечером пробиралась к кровати Кимы, брала сестру за руку и слушала сказки, которые рассказывала бабушка. Голос дряхлой Ма Зиль убаюкивал, однако, едва догорали свечи,

как старуха расталкивала бедняжку Айяму своей клюкой и отправляла назад к очагу, покуда мать с отцом не прознали, что она тревожит сон сестры.

Шли годы. Айяма гнула спину на кухне, Кима расцветала все краше, королева растила старшего сына в замке на высоком утесе и на ночь затыкала ему уши комочками шерсти, чтобы он не слышал жалобный вой младшего, доносившийся снизу. Король пошел войной на восточных соседей, но потерпел поражение. Как обычно, люди роптали, когда правитель вводил новые налоги или забирал их сыновей в армию, жаловались на погоду, ждали дождей.

И вот одним ясным утром горожан разбудил раскат грома. В небе не было ни облачка, и все же от грохота с крыш посыпалась черепица, а ковылявший по дороге старик отлетел в канаву, где ему пришлось пролежать два часа, пока сыновья его не вытащили. К этому времени все уже знали, что причиной грома была не гроза. Чудовище вырвалось из лабиринта и своим ревом сотрясло городские стены и окрестные горы.

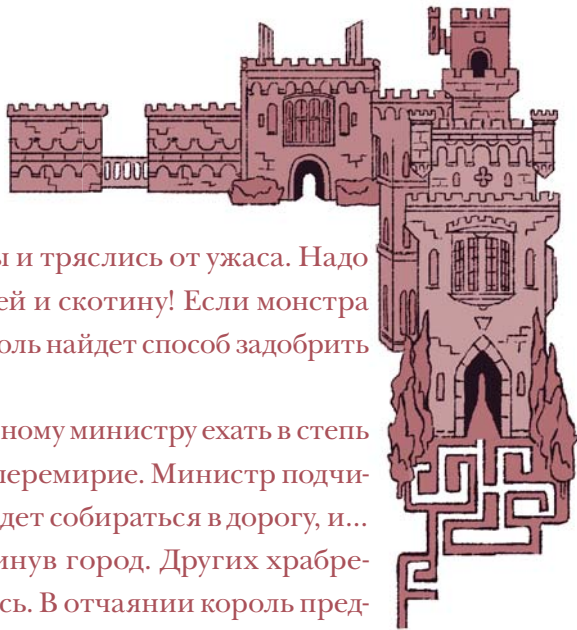
Люди тотчас перестали ворчать по поводу налогов, плохого урожая и войны. Теперь их страшил монстр, который может ворваться в дом и всех сожрать. Они запирали двери на засовы и точили ножи, не выпускали детей на улицу и жгли свечи до самого утра.

Так или иначе, но жить в непрерывном страхе невозможно. Шли дни, чудовище не объявлялось, и народ начал подумывать, что зверь избрал для своей жестокой охоты

другую местность. А потом Болан Беди отправился в долину осмотреть стада на выпасе и обнаружил, что скотина перерезана, а трава в западных полях залита кровью. Как выяснилось, пострадал не он один. Молва о бойне ширилась; отец Айямы, тоже отправившийся проверить свое стадо, возвратился с леденящим душу рассказом о новорожденных телятах, у которых были оторваны головы, и вскрытых от шеи до паха овцах, чья белоснежная шерсть сделалась бурой от крови. Только монстр мог натворить столько бед за одну ночь.

Жители западной долины не считали своего правителя героем: ну, а что — войну проиграл, жена-простушка, да и до земных благ большой охотник. Теперь же они переполнились гордостью: монарх поклялся защитить свой народ и разделаться со своим диким отпрыском раз и навсегда. Король собрал большой охотничий отряд и направился в степь, где, как предполагали министры, находилось логово зверя, а для сопровождения взял дворцовую гвардию. Взбивая дорожную пыль, сотня солдат маршировала по главному тракту. Впереди шагал капитан в сияющих латных рукавицах из бронзы. Через кухонное окошко Айяма видела, как они проходили, и восхищалась их мужеством.

Наутро, когда горожане пришли на рыночную площадь, чтобы вести торговлю, их взорам предстало кошмарное зрелище: в самом центре площади, у колодца, в высокую кучу — точно плавник, собранный на берегу, — были сложены кости сотни солдат. Поблескивая на солнце, башню из костей венчали латные рукавицы капитана.

Пришедшие утирали слезы и тряслись от ужаса. Надо придумать, как защитить людей и скотину! Если монстра нельзя уничтожить, пускай король найдет способ задобрить своего младшего сына.

Король приказал самому умному министру ехать в степь и там заключить с чудовищем перемирие. Министр подчинился приказу, сказал, что пойдет собираться в дорогу, и... задал стрелача, навсегда покинув город. Других храбрых-переговорщиков не нашлось. В отчаянии король предложил три сундука золота и тридцать рулонов шелка тому, кто выступит его посланником. Вечером в домах жителей велось много разговоров.

— Надо уезжать отсюда, — сказал отец Айямы, когда семья собралась за ужином. — Видели эту грудку костей? Если король не умиловит чудовище, оно непременно явится за нами.

— Да, — согласилась мать Айямы. — Двинемся на восток и выстроим новый дом на побережье.

Ма Зиль сидела на своей скамеечке и жевала сушеные цветки юрды. Старой женщине не хотелось отправляться в дальний путь.

— Пошлите к зверю Айяму, — сказала она и плюнула в огонь.

Повисла долгая тишина, нарушало которую лишь потрескивание пламени. Несмотря на жар очага, Айяму, прокаливавшую на сковороде пшено, бросило в озноб.

Мать Айямы будто вспомнила, что долг обязывает ее воспротивиться, и промолвила:

— Нет, нет. Как бы тяжело ни было с Айямой, она моя дочь. Лучше переберемся на восток.

— Да вы только поглядите на ее грязное платье и спутанные косы, — вмешался отец. — Разве такая годится в королевские посланницы? Чудовище пузо надорвет от смеха и немедля прогонит ее прочь.

Айяма не знала, способны ли монстры смеяться, но обдумать эту мысль не успела: Ма Зиль опять плюнула в огонь и сказала:

— Чудовище — это дикий зверь, что ему до пышных нарядов или смазливой мордашки! Айяма выступит как посланница короля, мы разбогатеет, и Кима сможет найти себе партию получше, чтобы нам хватило денег на всю жизнь.

— А если монстр ее сожрет? — со слезами на прекрасных глазах спросила добрая Кима.

Айяма благодарно посмотрела на сестру. Она и сама отчаянно хотела возразить против бабушкиного плана, но родители так долго приучали ее молчать, что слова давались девушке с большим трудом.

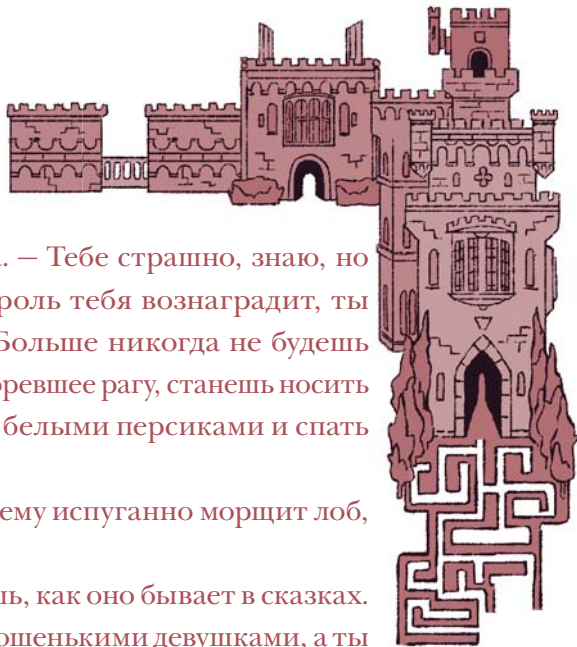
Ма Зиль небрежно отмахнулась.

— Тогда мы поплачем над ее костями, зато денежки останутся при нас.

Отец с матерью молчали, стараясь не смотреть на Айяму. Им уже грезились огромные сундуки с королевским золотом.

Всю ночь Айяма ворочалась на жестком полу у очага, не смыкая глаз. Старая Ма Зиль подошла к ней и коснулась щеки мозолистой рукой.

— Не бойся, — сказала она. — Тебе страшно, знаю, но прикинь-ка вот что: когда король тебя вознаградит, ты наймешь собственных слуг. Больше никогда не будешь тереть полы и отскребать пригоревшее рагу, станешь носить лазоревые шелка, лакомиться белыми персиками и спать в мягкой кровати.

Видя, что Айяма по-прежнему испуганно морщит лоб, старуха молвила:

— Ну-ну, внучка, сама знаешь, как оно бывает в сказках. Чудеса случаются только с хорошенькими девушками, а ты к закату уже вернешься домой.

Эти слова утешили Айяму. Под звуки колыбельной, которую запела Ма Зиль, она уснула и громко захрапела, ведь во сне никто не заставлял ее приглушать голос.

* * *

Отец Айямы известил короля, что готов отправить младшую дочь на переговоры с чудовищем. Многие с большим недоверием отнеслись к тому, что такая дурнушка может справиться с заданием, однако же, согласно королевскому указу, от добровольца не требовалось ничего, кроме храбрости. И вот Айяме как королевской посланнице приказали отыскать в степи монстра и выслушать его требования.

Волосы Айямы смазали душистым маслом, косы заплели наново. Девушку нарядили в одно из платьев Кимы. Правда, оно было ей мало во всех местах, а подол пришлось

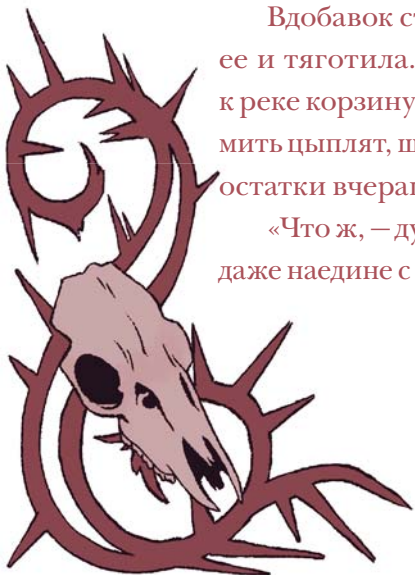
подшить, чтобы не волочился по земле. Ма Зиль повязала на пояс внучке небесно-голубой передник и водрузила ей на голову широкополую шляпу, украшенную венком из алых маков. Айяма сунула в карман передника небольшой топорик, которым рубила хворост, сухую дорожную лепешку и медную чашку — на случай, если посчастливится найти воду.

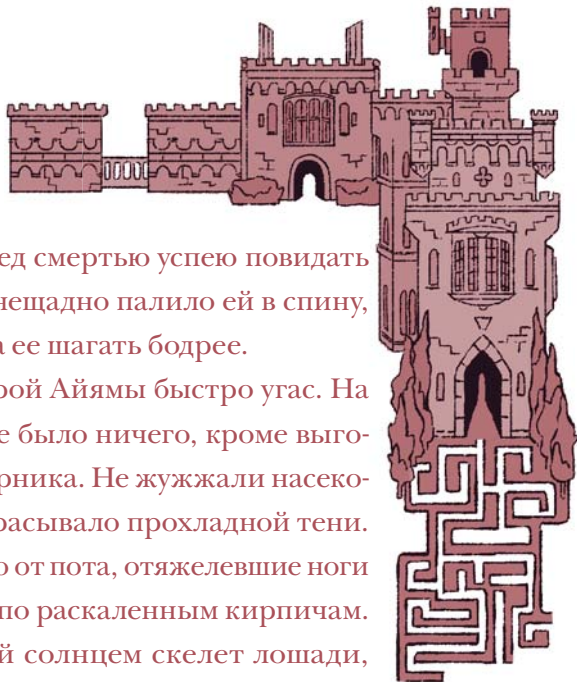
Горожане всплескивали руками, смахивали слезы и восхищались мужеством родителей Айямы, а также превозносили внешность Кимы, ведь та даже с заплаканным личиком оставалась красавицей. Поохав, народ разошелся, и Айяма в одиночестве двинулась в путь.

Надо заметить, на душе у нее было невесело. А как иначе, ведь родные отправили ее на верную смерть в надежде получить кучку золота и получше пристроить старшую сестру! И все же она любила Киму, которая тайком от отца с матерью положила ей в карман медовые соты и к тому же успела научить самым модным танцам, которые знала сама. Айяма всем сердцем желала, чтобы сестричка получила все, о чем только мечтает.

Вдобавок стоит сказать, что разлука с домом не так уж ее и тяготила. Теперь кому-то другому придется таскать к реке корзину с бельем, драить полы, готовить ужин, кормить цыплят, штопать одежду и отскребать от стенок горшка остатки вчерашнего рагу.

«Что ж, — думала Айяма, привыкшая хранить молчание даже наедине с собой, — по крайней мере, сегодня я свободна

от работы и, может быть, перед смертью успею повидать что-то новое». И хотя солнце нещадно палило ей в спину, уже одна эта мысль заставляла ее шагать бодрее.

Впрочем, радостный настрой Айямы быстро угас. На многие мили вокруг в степи не было ничего, кроме выгоревшей травы и чахлого кустарника. Не жужжали насекомые, ни одно растение не отбрасывало прохладной тени. Тесное платье Айямы промокло от пота, отяжелевшие ноги горели, как будто она ступала по раскаленным кирпичам. Наткнувшись на выбеленный солнцем скелет лошади, девушка вздрогнула, но уже через час начала крутить головой по сторонам в надежде снова увидеть гладкий череп или реберную клетку, похожую на недоплетенную корзину. Такие находки хоть как-то разбавляли монотонный пейзаж и служили признаком, что в этой голой местности все же обитали — пусть и недолго — живые существа.

«Может статься, — размышляла Айяма, — я просто упаду замертво прежде, чем доберусь до зверя, даже испугаться не успею».

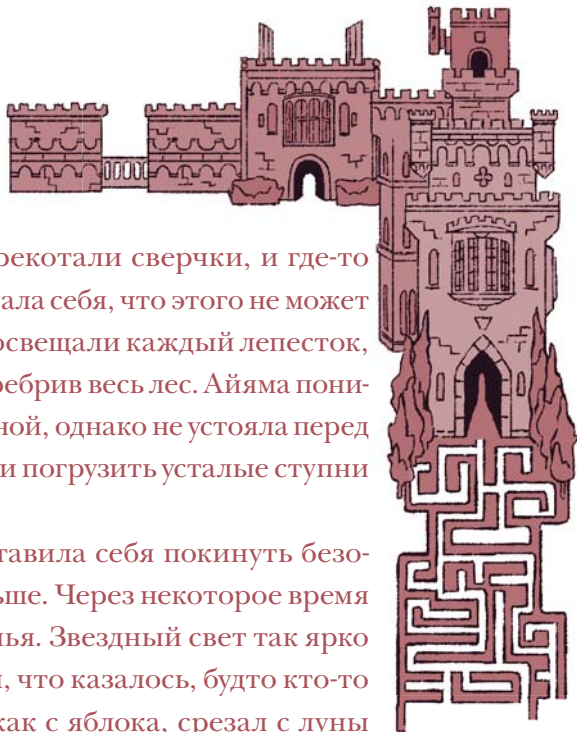
Тем не менее, в конце концов на горизонте показалась темная полоска. Подойдя ближе, Айяма сообразила, что перед ней густой лес. Деревья в нем росли высокие, с серой корой; ветви, сплошь покрытые колючими шипами, так плотно переплетались, что за ними невозможно было что-либо разглядеть. Вот где скрывается младший королевич, поняла Айяма.

Девушка заколебалась. Кто знает, что ждет ее в терновой чаще? Может, ей и жить-то осталось считанные минуты. «Тут хотя бы тенек, — сказала она себе. — И потом, чем лес хуже огорода, заросшего колючими сорняками? Эта чащоба наверняка не таит ничего особенного. Может, разок-другой всплакну, если уколуюсь, да и только. Что там говорила бабушка?» Айяма, как мысленным щитом, вооружилась обещанием Ма Зиль, напомнила себе, что не рождена для чудесных приключений, и нырнула в просвет между зарослями, досадливо ойкнув, когда острые шипы оцарапали ей руки.

На ватных ногах Айяма пробиралась через дебри все глубже и глубже, пока не очутилась в полной темноте. Сердце колотилось, как у зайца; девушке очень хотелось развернуться и убежать, и все же, проведя большую часть жизни в тени, она научилась хорошо в ней ориентироваться. Айяма застыла на месте, чувствуя, как пот холодит кожу. Уже через несколько минут она поняла, что лесной мрак казался непроглядным только после яркого степного солнца, оставленного позади.

Когда глаза привыкли к темноте, Айяма решила, что на жаре ей напекло голову, ибо лес озаряли звезды, при том что время — она точно знала! — едва перевалило за полдень. В вышине, на фоне насыщенной синевы сумеречного неба, чернели контуры ветвей, а вокруг — там, где еще мгновения назад щетинились острые шипы, светились гроздья белоснежных цветов айвы. Сладко пели ночные

птицы, ритмично и резко стрекотали сверчки, и где-то неподалеку — хотя Айяма убеждала себя, что этого не может быть, — журчала вода. Звезды освещали каждый лепесток, каждый камушек, словно посеребрив весь лес. Айяма понимала, что нужно быть осторожной, однако не устояла перед искушением скинуть башмаки и погрузить усталые ступни в прохладный мягкий мох.

Немного постояв, она заставила себя покинуть безопасный уголок и зашагала дальше. Через некоторое время Айяма оказалась на берегу ручья. Звездный свет так ярко отражался от его поверхности, что казалось, будто кто-то одной непрерывной лентой, как с яблока, срезал с луны кожицу и пустил эту сияющую извитую полосу по воде. Следуя за течением ручья, Айяма двинулась вдоль берега, все больше углубляясь в лес, и в конце концов вышла на окутанную тишиной поляну. В ветвях деревьев, ее окружавших, мерцали светляки, а небо было матово-лиловым, точно спелая слива. Айяма проникла в самое сердце леса.

Ручей впадал в широкий пруд, обрамленный гладкими камнями и зарослями папоротника. Увидев кристально-чистую, прозрачную воду, Айяма тут же обо всем забыла и опустилась перед ней на колени. Маки на ее шляпе давно завяли, горло высохло, как старая ореховая скорлупа. Своей маленькой медной чашкой Айяма зачерпнула воды из пруда, но в эту самую минуту раздался оглушительный рев, и выбитая из руки чашка поплыла по воздуху над поляной. От удивления Айяма едва не свалилась в пруд.

— Глупая девчонка! — загремел голос, похожий на рокот снежной лавины в горах. — Хочешь стать чудищем?

Айяма съежилась на траве и зажала рукой рот, сдерживая вопль ужаса. Она скорее ощущала, нежели видела очертания массивной фигуры монстра, который рассерженно ходил взад-вперед в сумраке леса.

— Отвечай! — потребовал зверь.

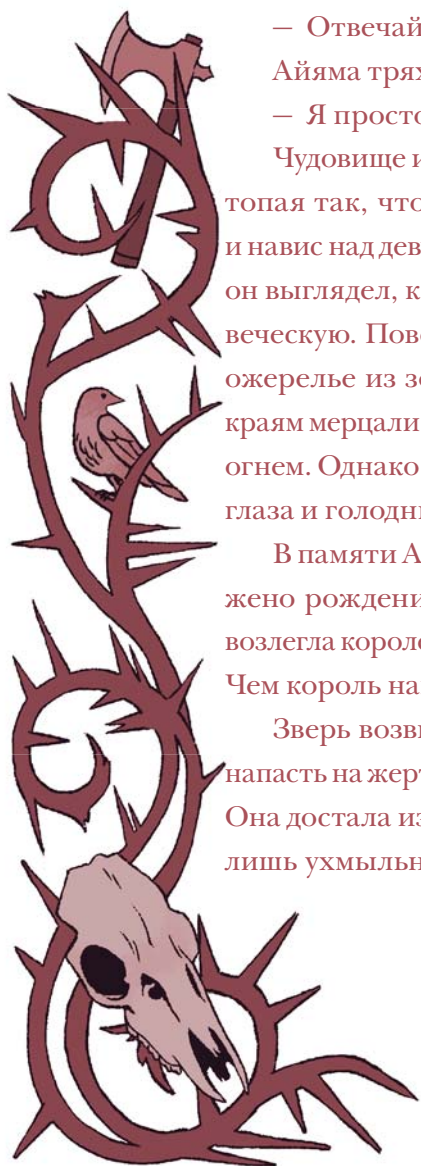
Айяма тряхнула головой и хрипло проскрежетала:

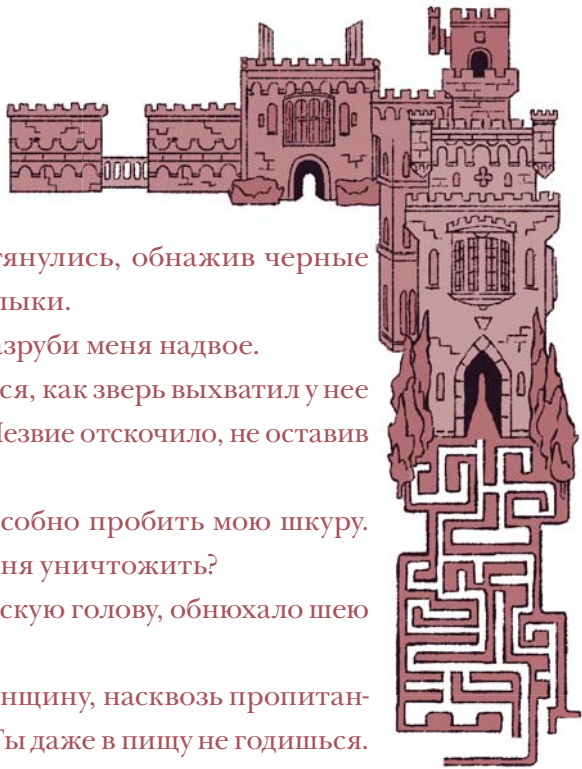
— Я просто хотела пить.

Чудовище издало гневный рык и направилось к Айяме, топая так, что дрожала земля. Зверь поднялся на дыбы и навис над девушкой. Черная тень заслонила небо. Внешне он выглядел, как огромный волк, однако стать имел человеческую. Поверх густой гривы на шее монстра блестело ожерелье из золота и рубинов. Витые рога на голове по краям мерцали алым, словно подсвеченные изнутри тайным огнем. Однако страшнее всего были его горящие красные глаза и голодный оскал пасти, полной острых зубов.

В памяти Айямы всплыли слухи, которыми было окружено рождение младшего принца. С каким же демоном возлегла королева, чтобы породить столь ужасное создание? Чем король навлек на себя это проклятье?

Зверь возвышался над Айямой, как медведь, готовый напасть на жертву. «Оружие!» — мелькнуло в голове девушки. Она достала из кармана передника топорик, но чудовище лишь ухмыльнулось. Да-да, иначе как ухмылкой это и не

назовешь: губы монстра растянулись, обнажив черные десны и страшные длинные клыки.

— Бей, — приказал он. — Разруби меня надвое.

Не успела Айяма опомниться, как зверь выхватил у нее топорик и ударил себя в грудь. Лезвие отскочило, не оставив следа.

— Никакое оружие не способно пробить мою шкуру. Думаешь, отец не пробовал меня уничтожить?

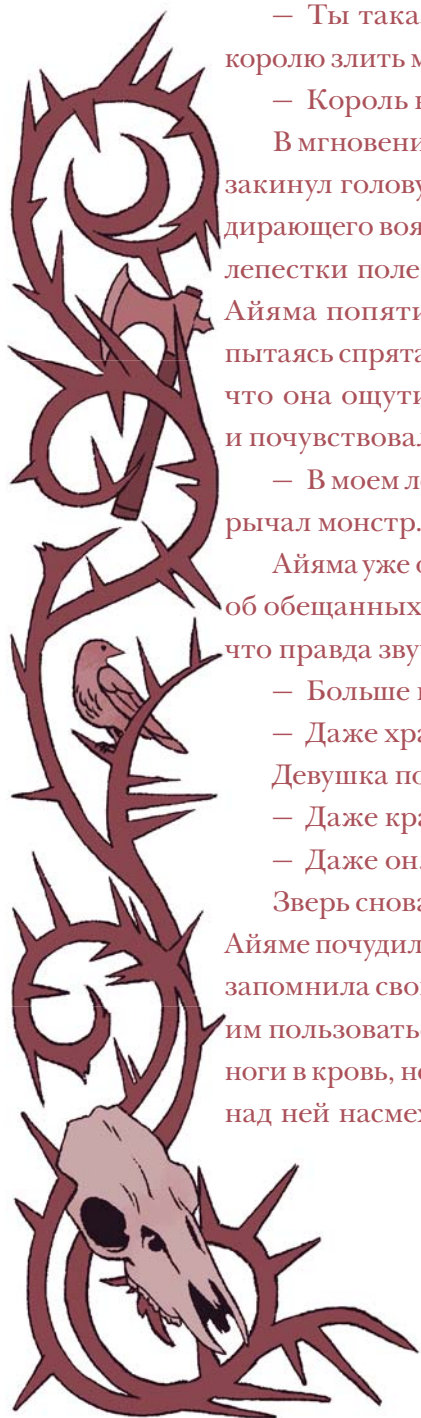
Чудовище опустило гигантскую голову, обнюхало шею Айямы и фыркнуло.

— Отправил ко мне деревенщину, насквозь пропитанную золой и кухонной вонью! Ты даже в пищу не годишься. Пожалуй, я сдеру с тебя кожу и отдам другим тварям тернового леса, чтобы разозлить их и вызвать на драку.

Привычная к оскорблениям, Айяма научилась пропускать их мимо ушей. Сейчас, однако, она испытывала такую усталость, боль и страх, что в теле гудела каждая косточка. Наверное, именно поэтому девушка нашла в себе силы встать и с горечью произнести тем самым скрипучим голосом, что так раздражал ее родителей:

— Вот вам и чудище! Его слабым челюстями подавай лишь мягкотелых принцесс.

Она немедленно пожалела о своих словах, но зверь в ответ только расхохотался, и от этого человеческого звука, исторгнутого из нечеловеческой груди, внутри у Айямы все похолодело.

— Ты такая же колючая, как этот лес. Скажи, зачем королю злить меня, присылая неуклюжую простолюдинку?

— Король назначил меня...

В мгновение ока все добродушие зверя испарилось. Он закинул голову и пронзительно завыл. От этого душераздирающего воя листья на ветвях задрожали, а бело-розовые лепестки полетели по воздуху, точно сорванные ветром. Айяма попятилась и обхватила голову руками, словно пытаясь спрятаться. Чудовище склонилось к ней так близко, что она ощутила странный звериный запах его шкуры и почувствовала жар дыхания.

— В моем лесу есть одно-единственное правило, — про-рычал монстр. — Говори правду!

Айяма уже открыла рот, чтобы рассказать о своей семье, об обещанных в награду шелках и золоте, и вдруг поняла, что правда звучит намного проще.

— Больше никто не захотел идти.

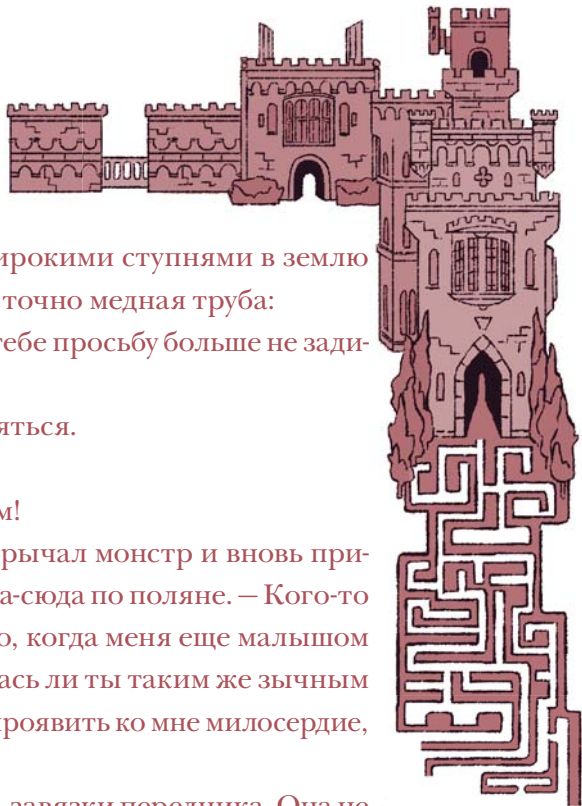
— Даже храбрые королевские воины?

Девушка покачала головой.

— Даже красавец-принц, мой старший брат?

— Даже он.

Зверь снова разразился хохотом, и в отзвуках его смеха Айяме почудилось бречание костей. Теперь, когда девушка запомнила свой собственный голос, она уже не стеснялась им пользоваться. Не для того она столько прошла, стерея ноги в кровь, не для того страдала от тоски и жажды, чтобы над ней насмехались! Айяма отбросила страх, собралась

с духом, покрепче уперлась широкими ступнями в землю и прокричала громко и резко, точно медная труба:

— Меня послали передать тебе просьбу больше не зади-
рать нашу скотину!

Чудовище прекратило смеяться.

— Это еще почему?

— Потому, что мы голодаем!

— А мне какое дело? — прорычал монстр и вновь при-
нялся раздраженно ходить туда-сюда по поляне. — Кого-то
волновало мое голодное брюхо, когда меня еще малышом
загнали в лабиринт? Обращалась ли ты таким же зычным
голосом к королю, просила ли проявить ко мне милосердие,
маленькая посланница?

Айяма принялась теревить завязки передника. Она не
могла не признать, что, хоть в то время и сама была ребен-
ком, ни разу не слыхала, чтобы ее родители или другие
жители долины когда-нибудь пожалели монстра.

— Нет, — ответил зверь на свой вопрос, — не просила.
Если ваш добрый король так печется о народе, пускай
накормит вас мясом овец из собственного стада.

Возможно, правителю и стоило бы так поступить,
однако Айяма была не вправе ему указывать.

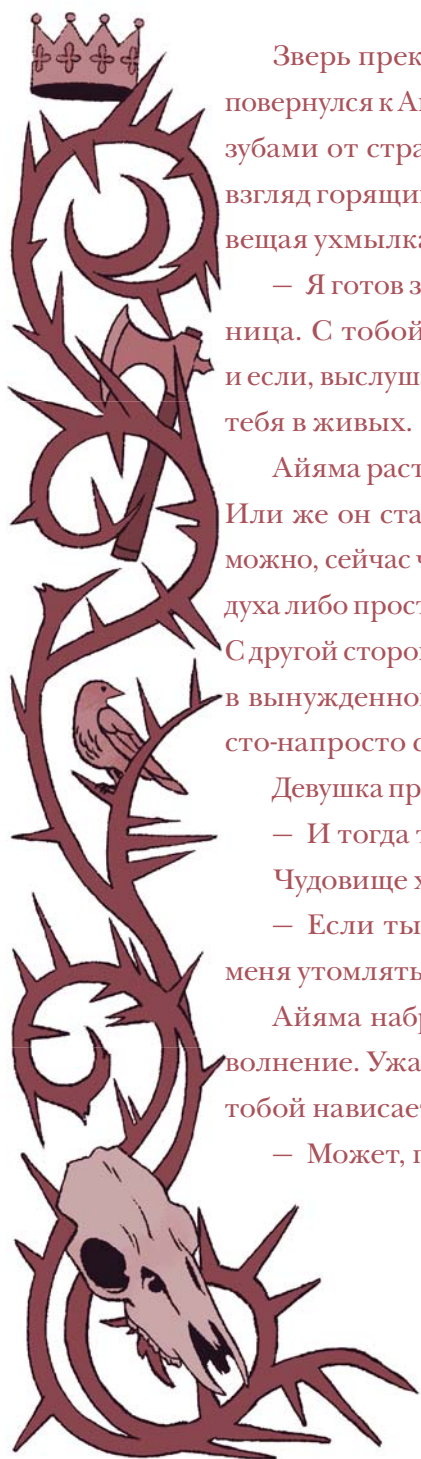
— Я пришла договориться с тобой.

— У короля нет того, что я хочу.

— Тогда прояви милость безвозмездно.

— Отец этому меня не научил.

— Разве ты не способен научиться сам?

Зверь прекратил бороздить поляну и очень медленно повернулся к Айяме, которая отчаянно старалась не стучать зубами от страха, даже когда чудовище устремило на нее взгляд горящих красных глаз. На его морде появилась злобная ухмылка.

— Я готов заключить уговор с тобой, маленькая посланница. С тобой, а не с королем. Расскажи мне историю, и если, выслушав ее, я не разгневаюсь, то, пожалуй, оставлю тебя в живых.

Айяма растерялась. Предложение монстра — ловушка? Или же он ставит заведомо невыполнимое условие? Возможно, сейчас чудовище пребывает в добром расположении духа либо просто насытилось трапезой и желает развлечься. С другой стороны, Айяма, большую часть жизни проводшая в вынужденном молчании, допускала, что зверь мог просто-напросто соскучиться по разговорам.

Девушка прочистила горло и на всякий случай спросила:

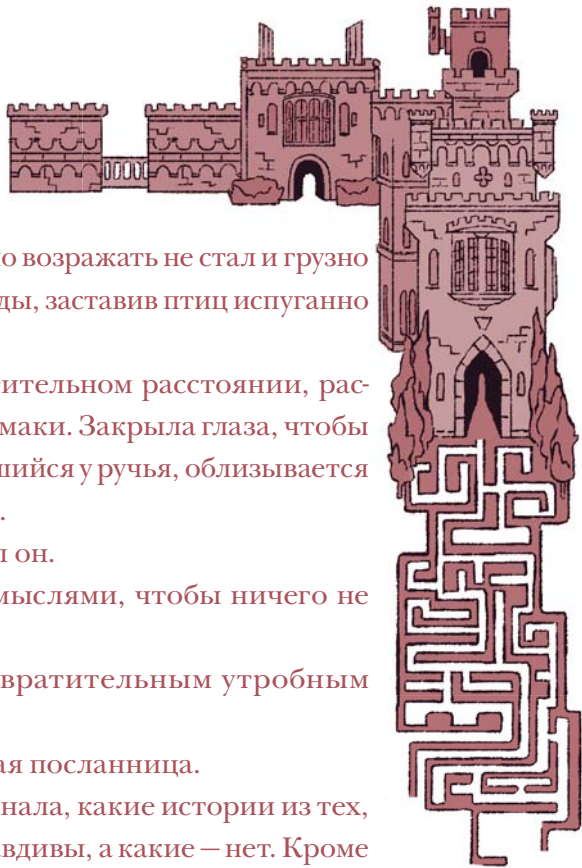
— И тогда ты перестанешь резать нашу скотину?

Чудовище хрюкнуло.

— Если ты мне не надоешь. Впрочем, ты уже начала меня утомлять.

Айяма набрала полную грудь воздуха, пытаясь унять волнение. Ужасно трудно собраться с мыслями, когда над тобой нависает огромное свирепое существо.

— Может, присядешь? — она жестом указала на землю.

Зверь недовольно рыкнул, но возражать не стал и грузно плюхнулся на траву у кромки воды, заставив птиц испуганно вспорхнуть с темных ветвей.

Айяма устроилась на почтительном расстоянии, расправила передник и обула башмаки. Закрыла глаза, чтобы не видеть, как монстр, свернувшийся у ручья, облизывается в предвкушении удовольствия.

— Не тяни время, — бросил он.

— Я просто собираюсь с мыслями, чтобы ничего не перепутать.

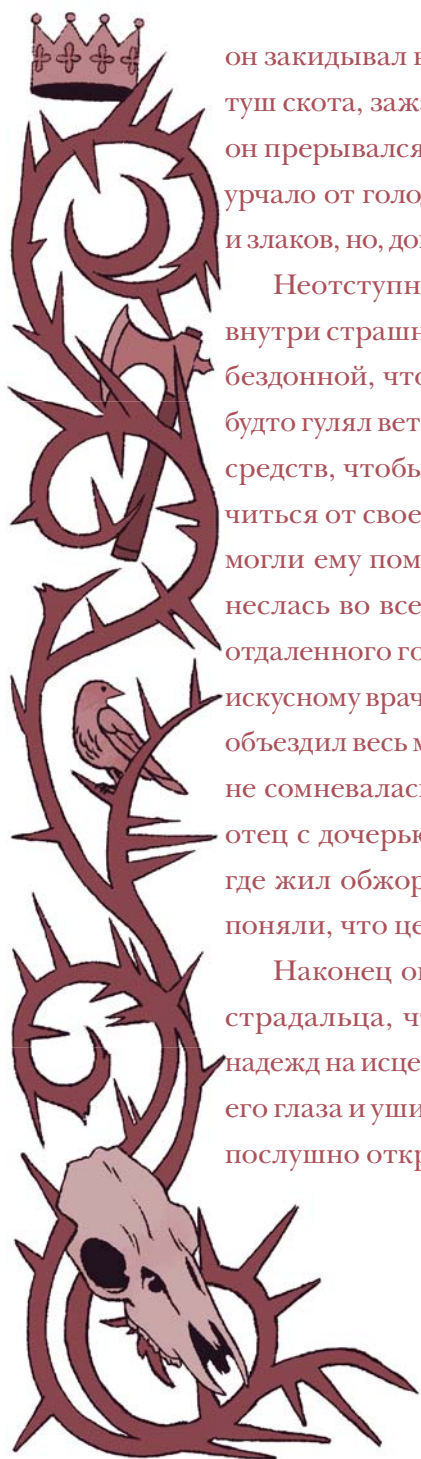
Чудовище засмеялось отвратительным утробным смехом.

— Говори правду, маленькая посланница.

Айяма похолодела: она не знала, какие истории из тех, что рассказывала Ма Зиль, правдивы, а какие — нет. Кроме того, страх близкой смерти и вовсе мешал соображать. Тем не менее, тот факт, что у Айямы отсутствовали слушатели, далеко не означал, что ей нечего было сказать. Еще как было! И если зверю на самом деле было приятно, что с ним разговаривают, то девушка и подавно радовалась, что кто-то готов ее выслушать.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

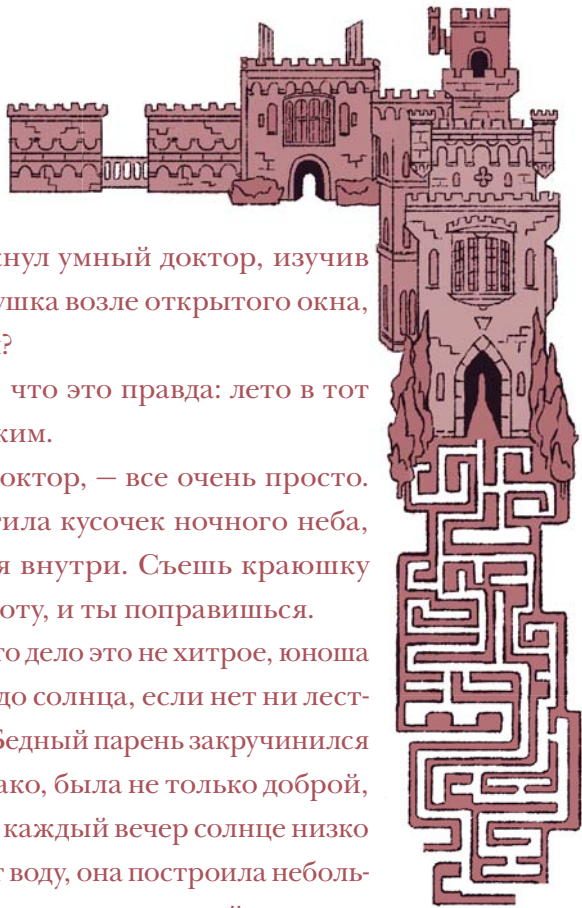
Жил-был юноша, который ел, ел и никак не мог наесться. Он лопал гусей целыми выводками, не утруждаясь их ощипать; досуха выпивал озера вместе со всей рыбой, что там водилась, а потом отрывал камни со дна. Одним махом

он закидывал в рот дюжину яиц, после чего съедал тысячу туш скота, зажаренных на тысяче вертелов. Лишь изредка он прерывался на сон, а когда просыпался, в животе опять урчало от голода. Он уничтожал огромные поля кукурузы и злаков, но, дойдя до последнего ряда, все так же хотел есть.

Неотступный голод измучил парня. Бедняга ощущал внутри страшную пустоту, и порой она казалась ему такой бездонной, что в чреве — он мог в этом поклясться! — как будто гулял ветер. Родители его отчаялись, так как не имели средств, чтобы прокормить обжору. Юноша мечтал излечиться от своего недуга, но ни доктора, ни лекари-зова не могли ему помочь. Молва о нем, как обычно бывает, разнеслась во все концы и докатилась до одной девушки из отдаленного городка. Она тут же рассказала об этом отцу — искусному врачевателю и умнейшему человеку. Доктор этот объездил весь мир и познал много тайн и секретов. Девушка не сомневалась, что он сумеет найти лекарство, и вскоре отец с дочерью собрали вещи и отправились в деревню, где жил обжора. Завидев начисто объеденные поля, они поняли, что цель путешествия близка.

Наконец они прибыли на место и сообщили родным страдальца, что хотят его вылечить. Юноша не питал надежд на исцеление, но все же позволил доктору осмотреть его глаза и уши, а когда тот пожелал заглянуть ему в горло, послушно открыл рот.

— Вот оно что! — воскликнул умный доктор, изучив глотку. — Не спала ли твоя матушка возле открытого окна, когда носила тебя под сердцем?

Мать юноши подтвердила, что это правда: лето в тот год выдалось на редкость жарким.

— Ну что ж, — заключил доктор, — все очень просто. Твоя матушка во сне проглотила кусочек ночного неба, и его пустота застряла у тебя внутри. Съешь краюшку солнца, чтобы заполнить пустоту, и ты поправишься.

Хотя доктор и утверждал, что дело это не хитрое, юноша считал иначе. Как дотянуться до солнца, если нет ни лестницы, ни подходящего дерева? Бедный парень закручинился еще сильнее. Дочка врача, однако, была не только доброй, но и умной девушкой. Зная, что каждый вечер солнце низко опускается над морем и золотит воду, она построила небольшую лодочку и вдвоем с парнем поплыла на ней к западу. В пути юноша съел двух китов, так как плыть пришлось долго. Наконец они достигли золотого дворца, где солнце встречалось с морем. Девушка взяла черпак, вырезанный из древесины ясеня, и зачерпнула из воды немного солнца. Когда юноша выпил жидкое солнце...

Чудовище глухо зарычало, и Айяма подскочила от неожиданности. Увлечшись рассказом, она от всей души наслаждалась тем, что наконец обрела слушателя, и уже почти забыла, где находится.

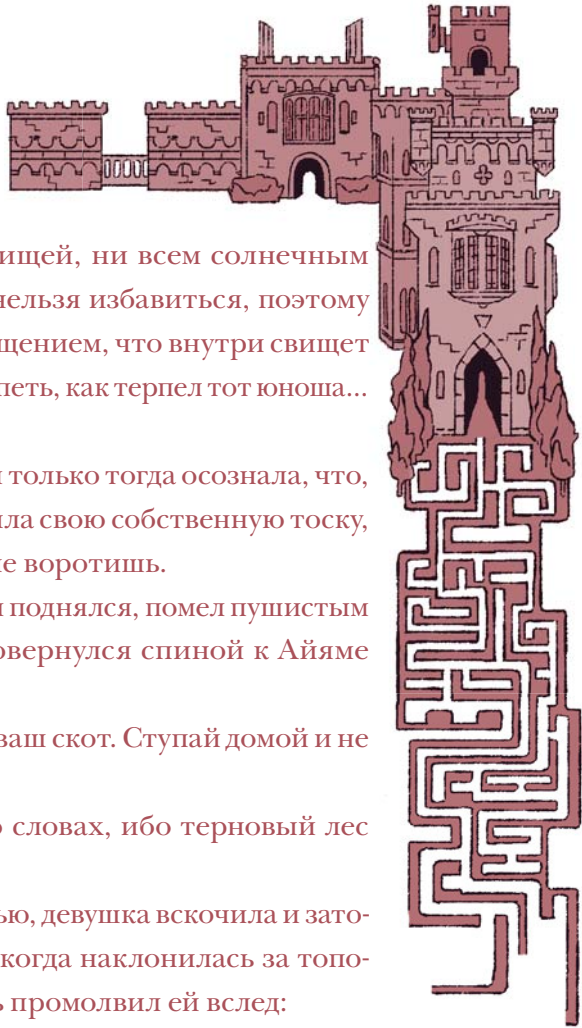
— Дай угадаю, — пророкотал монстр. — Мальчишка выпил глоток солнечного моря и благополучно исцелился. Приплыл домой, женился на пригожей дочке лекаря, и у них народилась куча детишек, которые помогали отцу работать в поле, так?

— Чепуха! — возразила Айяма, надеясь, что дрожь в голосе не выдаст ее испуга. — Конечно же, все было по-другому.

Девушка слукавила: история заканчивалась именно так, как предположил зверь, — по крайней мере, в привычном варианте. И все же эта концовка почему-то всякий раз вызывала у нее странную грусть и досаду, как звучание фальшивой ноты. Но как завершить рассказ, чтобы чудовище не разозлилось? Айяма, которой всю жизнь затыкали рот, научилась внимательно слушать и накрепко запомнила правило тернового леса: говорить только правду. История требовала правдивого окончания.

Айяма собралась с мыслями, подхватила нить повествования и принялась разматывать ее дальше.

— Все верно, юноша выпил из ясеневое черпака растворенное в воде солнце и избавился от мучительного голода. Теперь на завтрак ему не нужно было целое стадо скотины и целое озеро воды. Да, он женился на хорошенькой дочке врача и каждый день усердно возделывал землю. Однако несмотря на все это, парень по-прежнему чувствовал себя несчастным. Видишь ли, некоторые люди от рождения носят в себе частицу ночи, и эту пустоту ничем

не заполнить — ни сытной пищей, ни всем солнечным светом в мире. От нее также нельзя избавиться, поэтому иногда мы просыпаемся с ощущением, что внутри свищет ветер, и приходится просто терпеть, как терпел тот юноша...

Айяма завершила рассказ и только тогда осознала, что, стараясь быть честной, раскрыла свою собственную тоску, но сказанного, как известно, не воротишь.

Монстр долго молчал, затем поднялся, помел пушистым черным хвостом по земле, повернулся спиной к Айяме и сказал:

— Я больше не буду резать ваш скот. Ступай домой и не возвращайся.

И она не усомнилась в его словах, ибо терновый лес требовал правды.

С трудом веря своему счастью, девушка вскочила и затопила прочь с поляны, но когда наклонилась за топориком и медной чашкой, зверь промолвил ей вслед:

— Постой.

Теперь он казался не более чем смутной тенью во мраке — Айяма разглядела лишь красные огоньки глаз и светящиеся очертания рогов.

— Возьми с собой гроздь цветов айвы да смотри не вырони, когда будешь идти через степь.

Айяма без лишних вопросов сорвала тонкую веточку с цветами и побежала вдоль ручья. Остановилась она только

после того, как продралась сквозь заросли безжалостных колючек и вновь ощутила на лице солнечное тепло.

Девушка шагала через степь, заботливо припрятав в кармане передника гроздь белых цветов, и на этот раз раскаленный песок не обжигал ей ноги, а яркое солнце не палило плечи. Когда впереди показалась родная долина, девушка радостно вскрикнула.

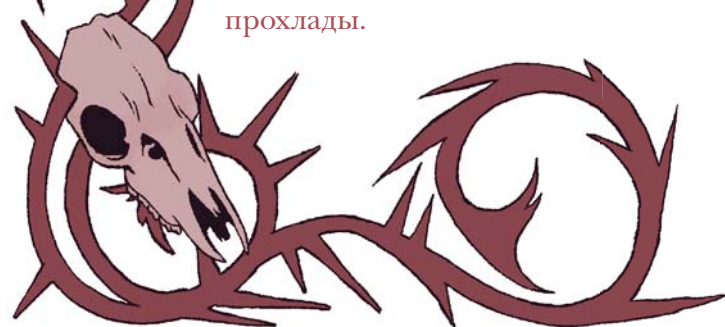
Завидев королевскую посланницу живой и невредимой, жители города отперли тяжелые засовы на дверях, распахнули ставни и высыпали на улицы. По выражению их лиц Айяма поняла: на ее возвращение никто не надеялся.

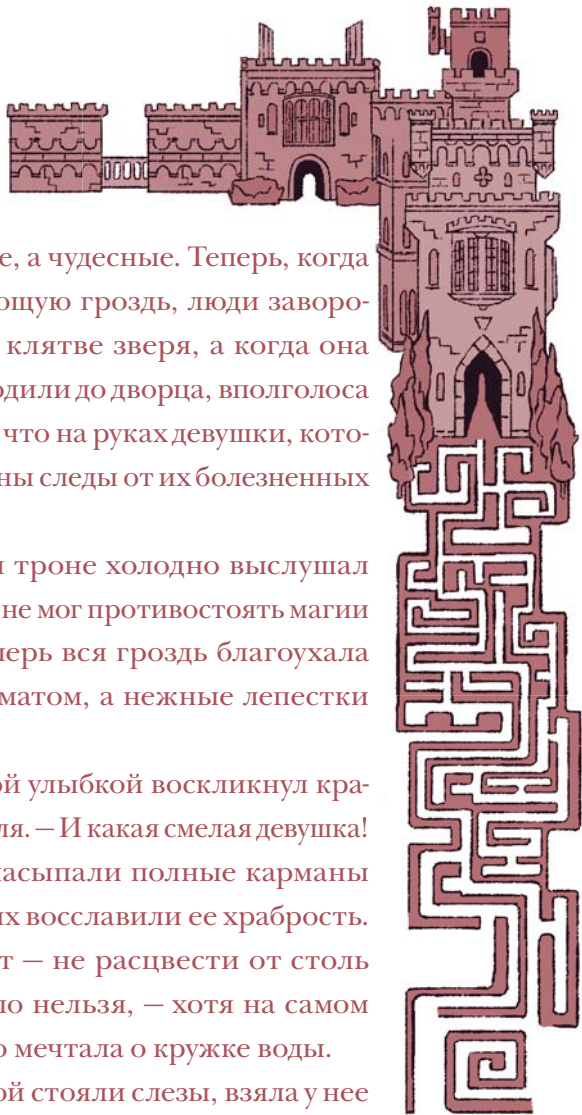
Айяму немедленно засыпали вопросами, а когда она стала отвечать, горожане рассердились, стали больно щипать за руки и обзывать лгуньей.

— Волшебный лес в дикой степи? — фыркнул один. — Вот враки-то!

— Да она и вовсе не ходила к зверю, — высказался другой. — Пропала себе весь день в теньке под мескитовым деревом.

В доказательство Айяма достала из кармана передника гроздь цветов айвы, свежих и ничуть не увядших. На бело-розовых лепестках еще дрожали капли росы, и прекрасная гроздь сияла в девичьей ладони, как небесное созвездие. Глядя на цветы, горожане чувствовали на языке терпкий вкус айвы, ощущали кожей ласкающую сень прохлады.

Да, цветы были не простые, а чудесные. Теперь, когда Айяма держала в руке мерцающую гроздь, люди заворожено слушали ее рассказ о клятве зверя, а когда она закончила, почтительно проводили до дворца, вполголоса переговариваясь и не замечая, что на руках девушки, которой они восхищаются, еще видны следы от их болезненных щипков.

Король на своем высоком троне холодно выслушал отчет посланницы, однако и он не мог противостоять магии цветов в ладонях Айямы. Теперь вся гроздь благоухала странным и прекрасным ароматом, а нежные лепестки постепенно начали алеть.

— Что за диво! — с широкой улыбкой воскликнул красавец-принц, старший сын короля. — И какая смелая девушка! Она заслуживает, чтобы ей насыпали полные карманы драгоценных камней и в песнях восславили ее храбрость.

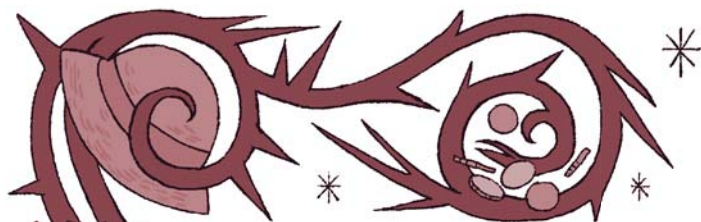
Айяма улыбнулась в ответ — не расцвести от столь галантного комплимента было нельзя, — хотя на самом деле в эту минуту больше всего мечтала о кружке воды.

Королева, в глазах у которой стояли слезы, взяла у нее цветочную гроздь и сказала мужу:

— Ты должен выполнить, что обещал.

Король приказал, чтобы домой к Айяме доставили три сундука золота и тридцать рулонов шелка.

Вечером в семье царило оживление: родители радовались свалившемуся на них богатству, Кима расцеловала

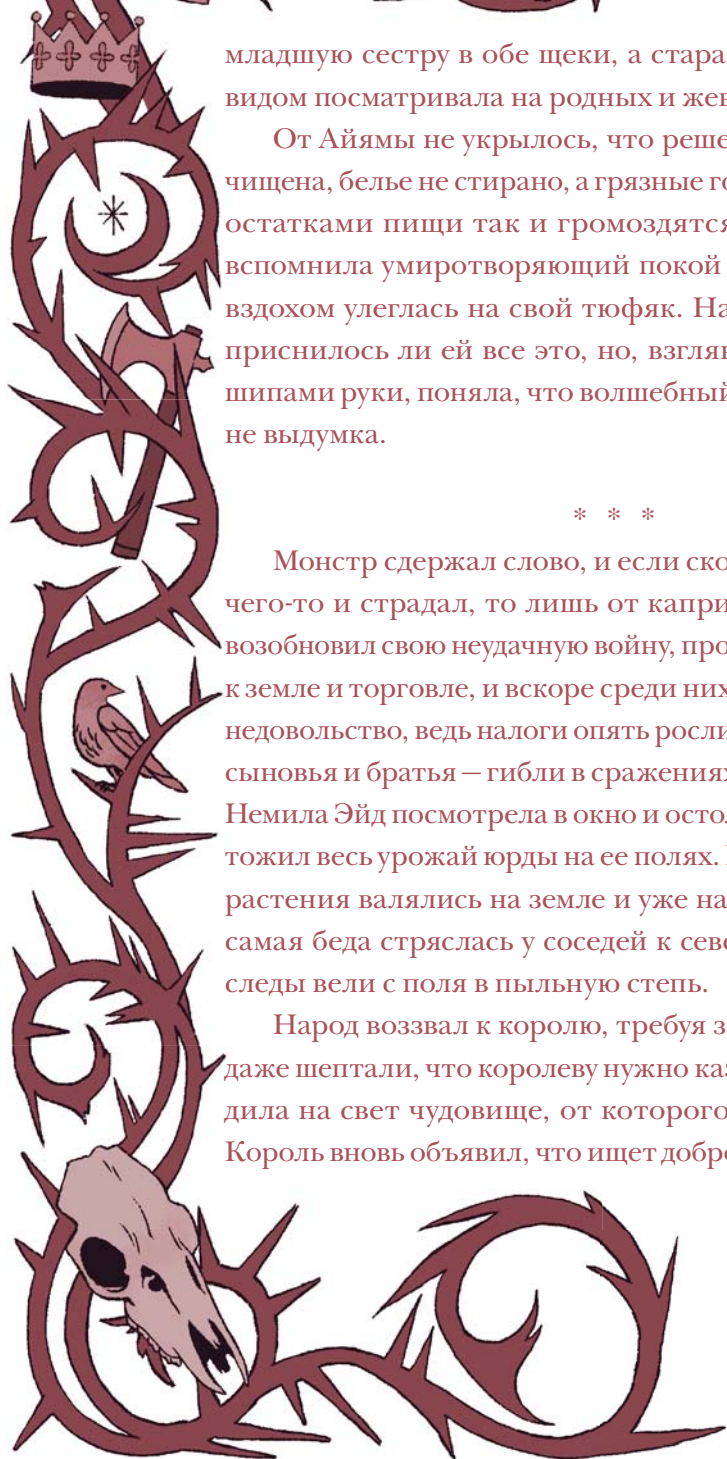
младшую сестру в обе щеки, а старая Ма Зиль с гордым видом посматривала на родных и жевала юрду.

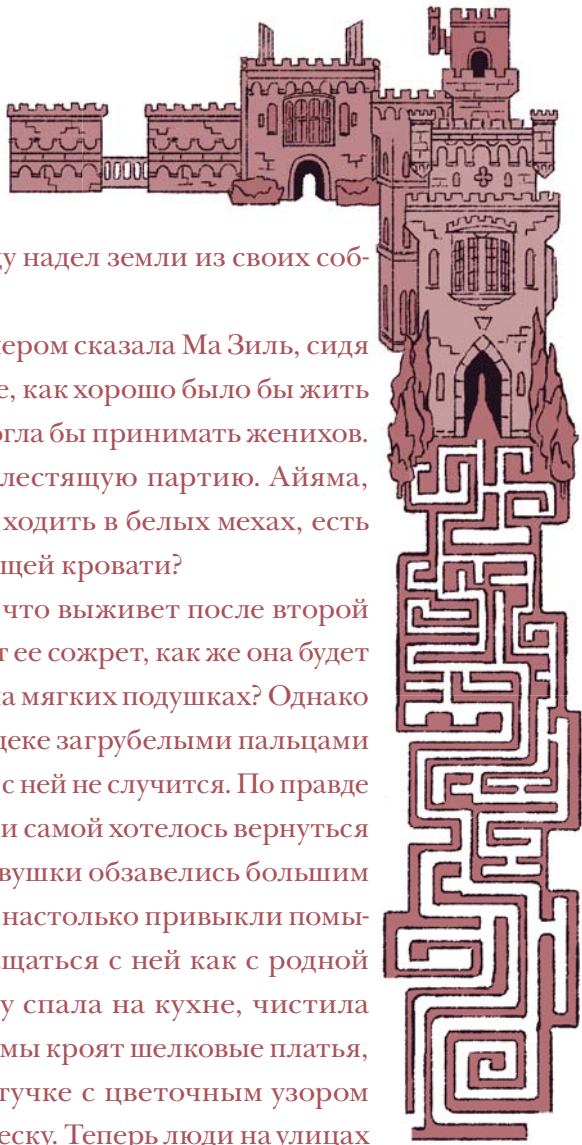
От Айямы не укрылось, что решетка перед очагом не чищена, белье не стирано, а грязные горшки с присохшими остатками пищи так и громоздятся на столе. Девушка вспомнила умиротворяющий покой тернового леса и со вздохом улеглась на свой тюфяк. Наутро она гадала, не приснилось ли ей все это, но, взглянув на оцарапанные шипами руки, поняла, что волшебный лес на краю степи — не выдумка.

* * *

Монстр сдержал слово, и если скот в долине теперь от чего-то и страдал, то лишь от капризов погоды. Король возобновил свою неудачную войну, простые люди вернулись к земле и торговле, и вскоре среди них вспыхнуло прежнее недовольство, ведь налоги опять росли, а мужчины — чьи-то сыновья и братья — гибли в сражениях. Но однажды утром Немила Эйд посмотрела в окно и остолбенела: кто-то уничтожил весь урожай юрды на ее полях. Вырванные с корнем растения валялись на земле и уже начали жухнуть. Та же самая беда стряслась у соседей к северу и югу. Странные следы вели с поля в пыльную степь.

Народ воззвал к королю, требуя защиты, а некоторые даже шептали, что королеву нужно казнить, ведь она породила на свет чудовище, от которого никому нет житья. Король вновь объявил, что ищет добровольца-посланника,

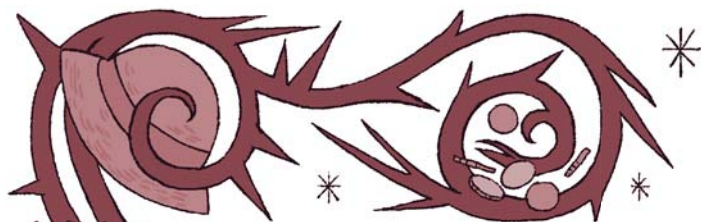

и на этот раз посулил в награду надел земли из своих собственных лучших владений.

— Мы теперь богаты, — вечером сказала Ма Зиль, сидя у огня, — но только представьте, как хорошо было бы жить в роскошном доме, где Кима могла бы принимать женихов. Тогда она уж точно сделает блестящую партию. Айяма, а тебе разве не хочется зимой ходить в белых мехах, есть сочную хурму и спать в настоящей кровати?

Айяма очень сомневалась, что выживет после второй встречи с монстром, и, если тот ее сожрет, как же она будет наслаждаться хурмой и спать на мягких подушках? Однако Ма Зиль погладила внучку по щеке загорбелыми пальцами и пообещала, что ничего худого с ней не случится. По правде сказать, в глубине души Айяме и самой хотелось вернуться в лес. Разбогатева, родители девушки обзавелись большим количеством слуг, но при этом настолько привыкли помыкать ею, что разучились обращаться с ней как с родной дочерью. Айяма по-прежнему спала на кухне, чистила горшки и смотрела, как для Кимы кроят шелковые платья, а опрятная горничная в фартучке с цветочным узором убирает волосы матери в прическу. Теперь люди на улицах кланялись Айяме, но никто никогда не останавливался, чтобы спросить, как она поживает, и просто поболтать. Чудовище свирепо рычало, скалило клыки и вполне могло перегрызть ей горло, но, по крайней мере, зверю было интересно ее слушать.

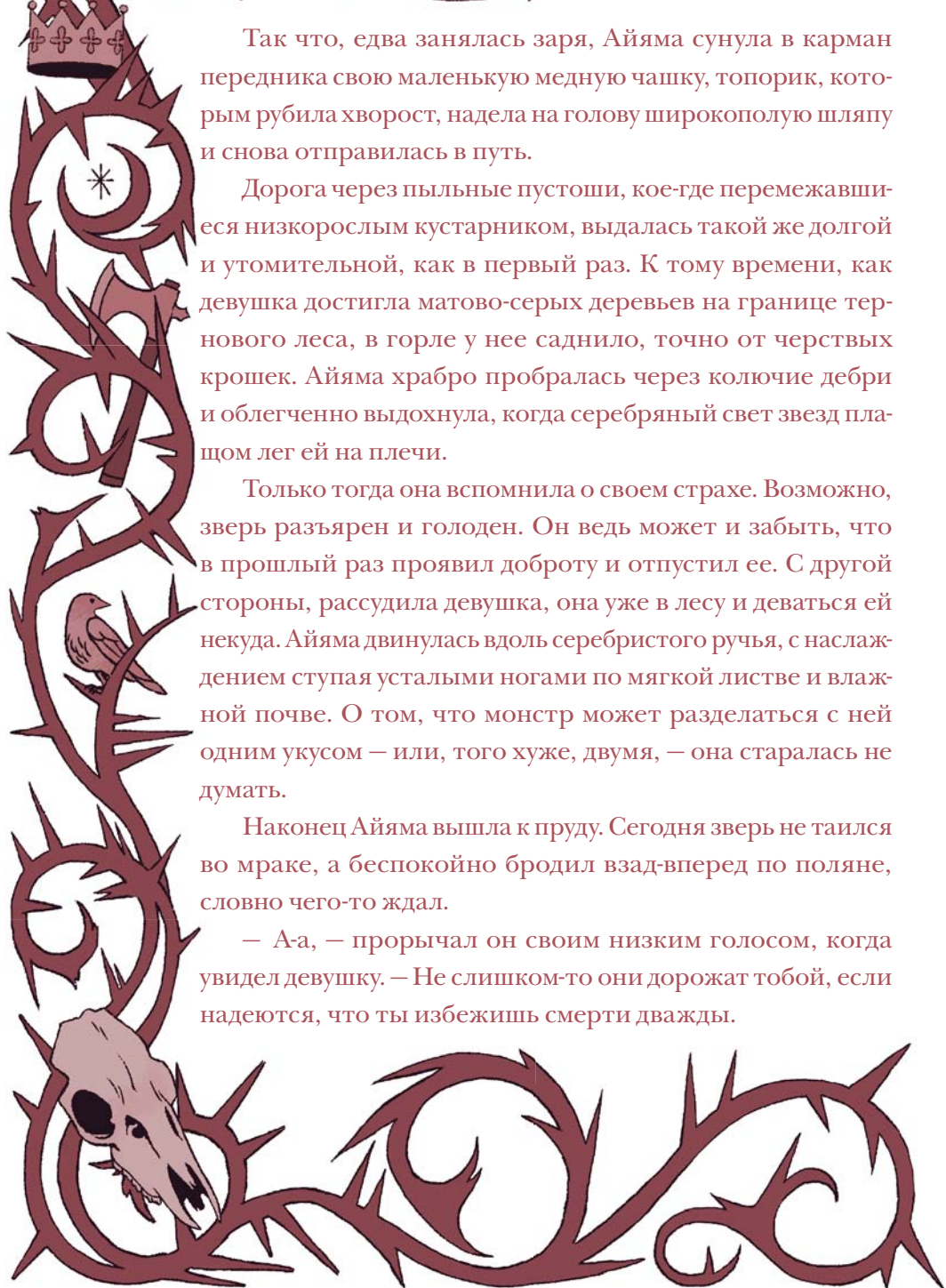
Так что, едва занялась заря, Айяма сунула в карман передника свою маленькую медную чашку, топорик, которым рубила хворост, надела на голову широкополую шляпу и снова отправилась в путь.

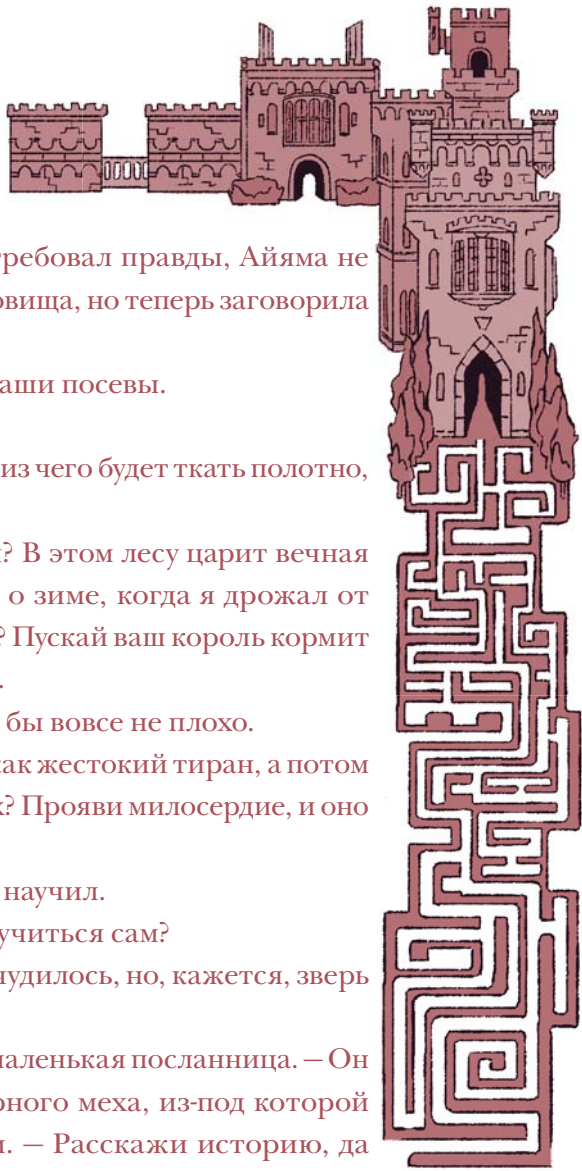
Дорога через пыльные пустоши, кое-где перемежавшиеся низкорослым кустарником, выдалась такой же долгой и утомительной, как в первый раз. К тому времени, как девушка достигла матово-серых деревьев на границе тернового леса, в горле у нее саднило, точно от черствых крошек. Айяма храбро пробралась через колючие дебри и облегченно выдохнула, когда серебряный свет звезд плащом лег ей на плечи.

Только тогда она вспомнила о своем страхе. Возможно, зверь разъярен и голоден. Он ведь может и забыть, что в прошлый раз проявил доброту и отпустил ее. С другой стороны, рассудила девушка, она уже в лесу и деваться ей некуда. Айяма двинулась вдоль серебристого ручья, с наслаждением ступая усталыми ногами по мягкой листве и влажной почве. О том, что монстр может разделаться с ней одним укусом — или, того хуже, двумя, — она старалась не думать.

Наконец Айяма вышла к пруду. Сегодня зверь не таился во мраке, а беспокойно бродил взад-вперед по поляне, словно чего-то ждал.

— А-а, — прорычал он своим низким голосом, когда увидел девушку. — Не слишком-то они дорожат тобой, если надеются, что ты избежишь смерти дважды.

Поскольку терновый лес требовал правды, Айяма не могла не признать правоту чудовища, но теперь заговорила гораздо смелее.

— Прекрати уничтожать наши посевы.

— Это еще почему?

— Без льна и хлопка нам не из чего будет ткать полотно, когда придет зима.

— Какое мне дело до зимы? В этом лесу царит вечная весна. Кто-нибудь вспоминал о зиме, когда я дрожал от холода в отцовском лабиринте? Пускай ваш король кормит и одевает вас из своих запасов.

Айяма сочла, что это было бы вовсе не плохо.

— Сперва ты ведешь себя, как жестокий тиран, а потом упрекаешь в жестокости других? Прояви милосердие, и оно к тебе вернется.

— Мой отец этому меня не научил.

— Разве ты не способен научиться сам?

Возможно, Айяме лишь почудилось, но, кажется, зверь улыбнулся.

— Ты знаешь мое условие, маленькая посланница. — Он уселся подле ручья — гора черного меха, из-под которой поблескивали золотые когти. — Расскажи историю, да такую, чтобы я не рассердился. Если мне понравится, может, я и оставлю тебя в живых.

Айяма только этого и ждала. Она вдруг осознала, что все время после возвращения из волшебного леса — много дней и ночей, проведенных в молчании, — подбирала слова

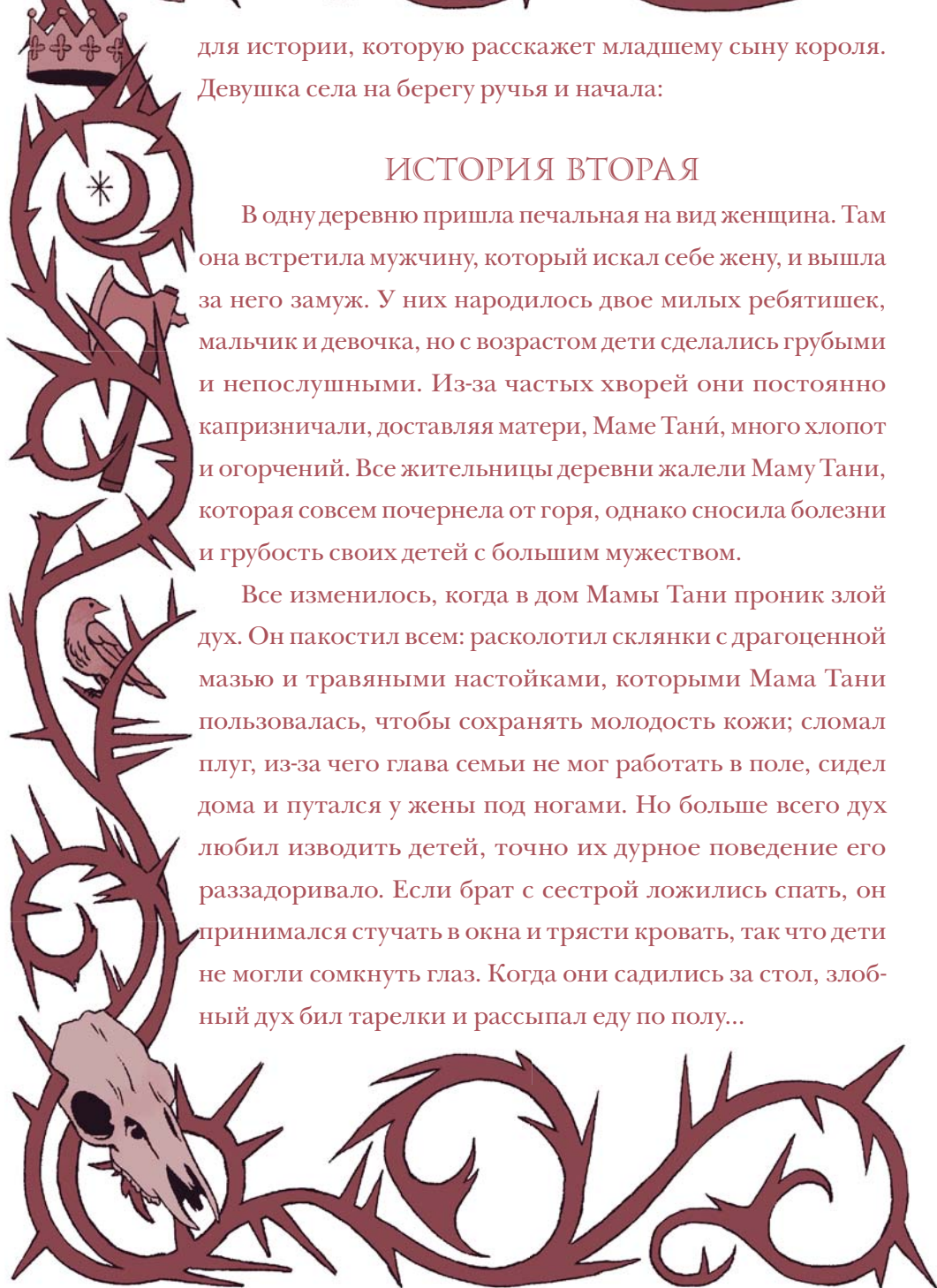

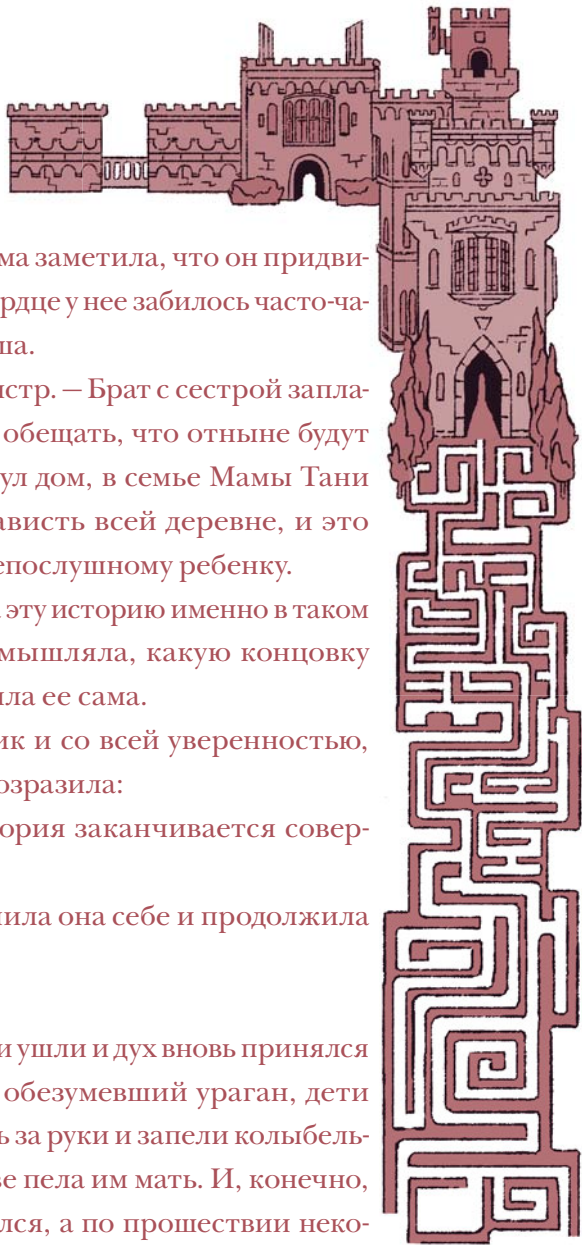
для истории, которую расскажет младшему сыну короля.
Девушка села на берегу ручья и начала:

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

В одну деревню пришла печальная на вид женщина. Там она встретила мужчину, который искал себе жену, и вышла за него замуж. У них родилось двое милых ребятешек, мальчик и девочка, но с возрастом дети сделались грубыми и непослушными. Из-за частых хворей они постоянно капризничали, доставляя матери, Маме Тани́, много хлопот и огорчений. Все жительницы деревни жалели Маму Тани, которая совсем почернела от горя, однако сносила болезни и грубость своих детей с большим мужеством.

Все изменилось, когда в дом Мамы Тани проник злой дух. Он пакостил всем: расколотил склянки с драгоценной мазью и травяными настояками, которыми Мама Тани пользовалась, чтобы сохранять молодость кожи; сломал плуг, из-за чего глава семьи не мог работать в поле, сидел дома и путался у жены под ногами. Но больше всего дух любил изводить детей, точно их дурное поведение его раззадоривало. Если брат с сестрой ложились спать, он принимался стучать в окна и трясти кровать, так что дети не могли сомкнуть глаз. Когда они садились за стол, злобный дух бил тарелки и рассыпал еду по полу...

Зверь грозно зарычал; Айяма заметила, что он придвинулся к ней почти вплотную. Сердце у нее забилося часто-часто, она замерла, почти не дыша.

— Дай угадаю, — сказал монстр. — Брат с сестрой заплакали, стали молиться богам и обещать, что отныне будут вести себя хорошо. Дух покинул дом, в семье Мама Тани воцарился мир и покой на зависть всей деревне, и это послужило уроком каждому непослушному ребенку.

Разумеется, Айяма слышала эту историю именно в таком пересказе и все же часто размышляла, какую концовку предпочла бы, если бы сочинила ее сама.

Девушка огладила передник и со всей уверенностью, которую смогла изобразить, возразила:

— Ничего подобного! История заканчивается совершенно не так.

«Говори правду!» — напомнила она себе и продолжила повествование по-своему:

— Однажды, когда родители ушли и дух вновь принялся разбойничать в доме, словно обезумевший ураган, дети тихонько сели в уголке, взялись за руки и запели колыбельную — одну из тех, что в детстве пела им мать. И, конечно, злой дух мало-помалу успокоился, а по прошествии некоторого времени заговорил. Только вот оказалось, что буянил не один дух, а двое.

— Двое? — повторило чудовище, подавшись вперед.

— Представь себе. Это были призраки двух первых детей Мамаы Тани, мальчика и девочки, которых она нарочно довела до смерти, чтобы вызвать сочувствие у всех женщин деревни, где прежде жила. После этого она убралась подальше от того места, и дети-призраки долгие годы разыскивали ее, но как только нашли, стали делать все возможное для защиты новой семьи Мамаы Тани. Духи разбивали склянки, где та держала смертельные зелья, рассыпали отравленную кашу и не давали брату с сестрой спать, зная, что Мама Тани собирается жечь в курильнице ядовитые травы, от дыма которых дети не проснутся. Призраки умышленно сломали плуг, чтобы глава семейства не мог работать, сидел дома, и мальчик с девочкой не оставались наедине с матерью.

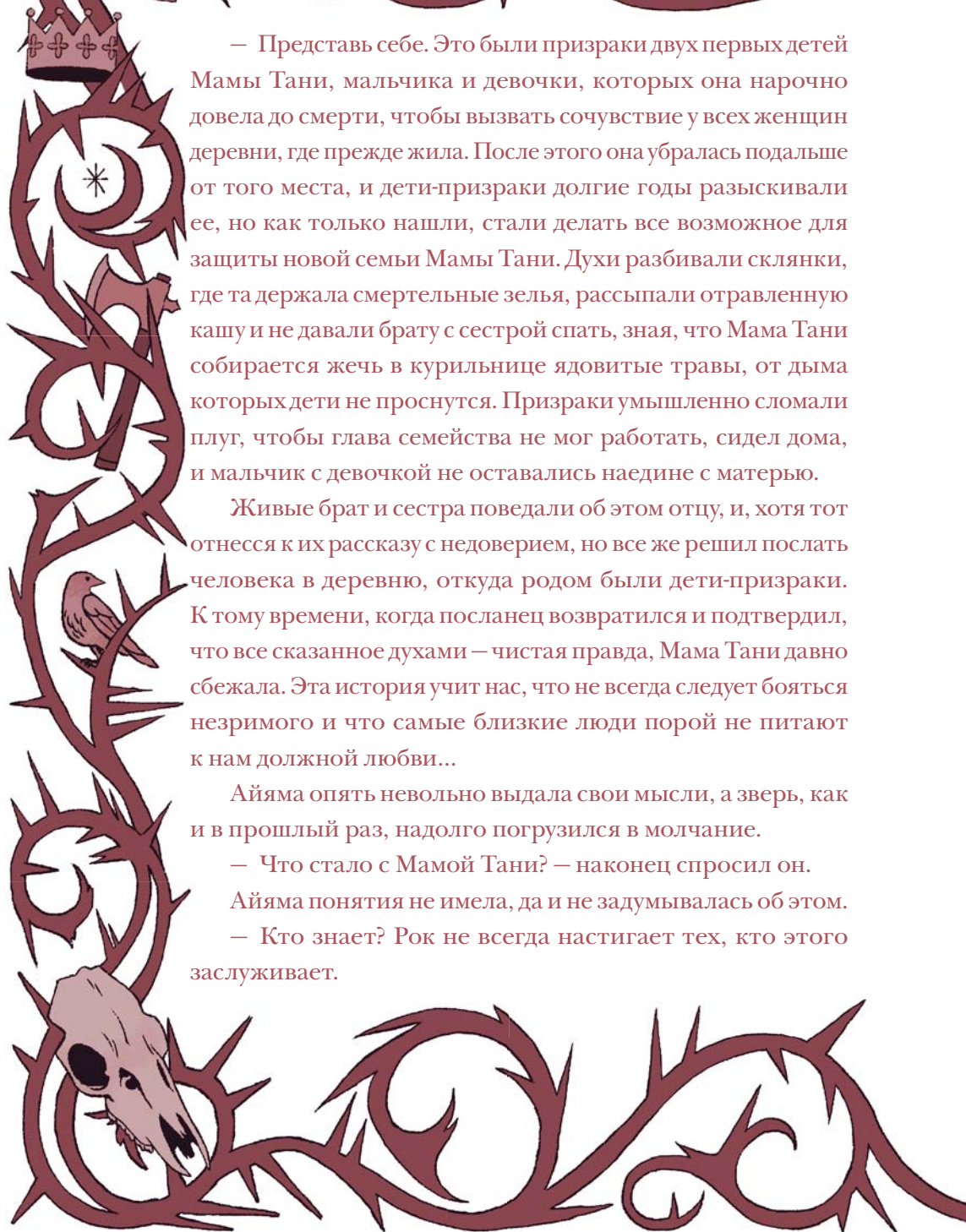
Живые брат и сестра поведали об этом отцу, и, хотя тот отнесся к их рассказу с недоверием, но все же решил послать человека в деревню, откуда родом были дети-призраки. К тому времени, когда посланец возвратился и подтвердил, что все сказанное духами — чистая правда, Мама Тани давно сбежала. Эта история учит нас, что не всегда следует бояться незримого и что самые близкие люди порой не питают к нам должной любви...

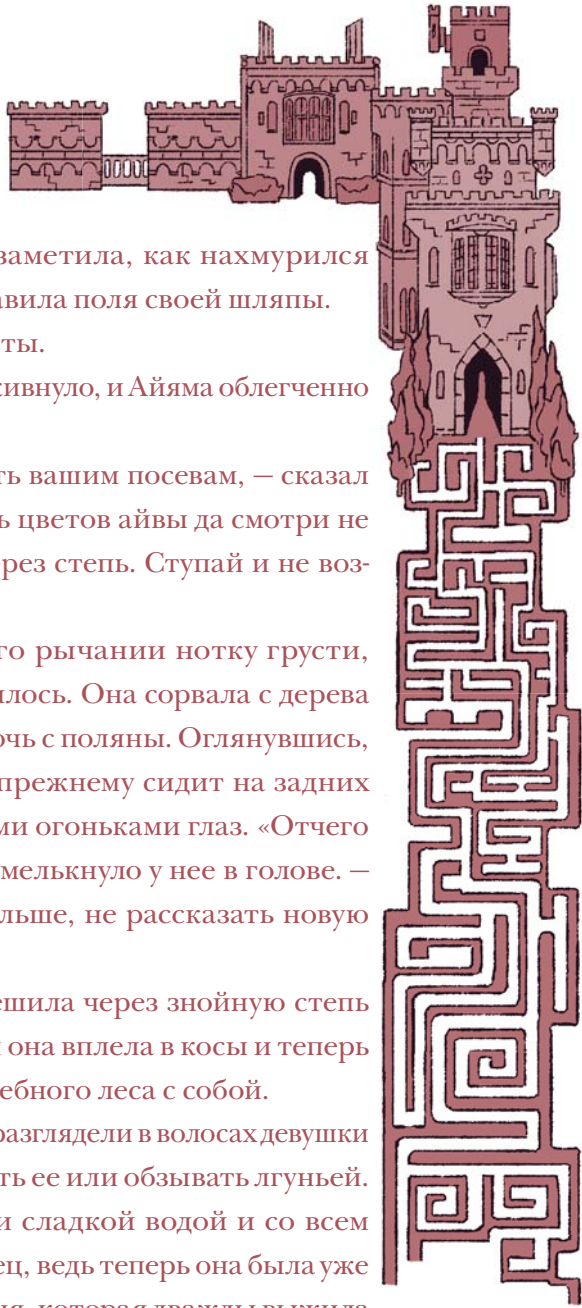
Айяма опять невольно выдала свои мысли, а зверь, как и в прошлый раз, надолго погрузился в молчание.

— Что стало с Мамо́й Тани? — наконец спросил он.

Айяма понятия не имела, да и не задумывалась об этом.

— Кто знает? Рок не всегда настигает тех, кто этого заслуживает.

Даже в сумраке девушка заметила, как нахмурился монстр. Кашлянув, она расправила поля своей шляпы.

— Думаю, ее сожрали койоты.

Чудовище удовлетворенно кивнуло, и Айяма облегченно выдохнула.

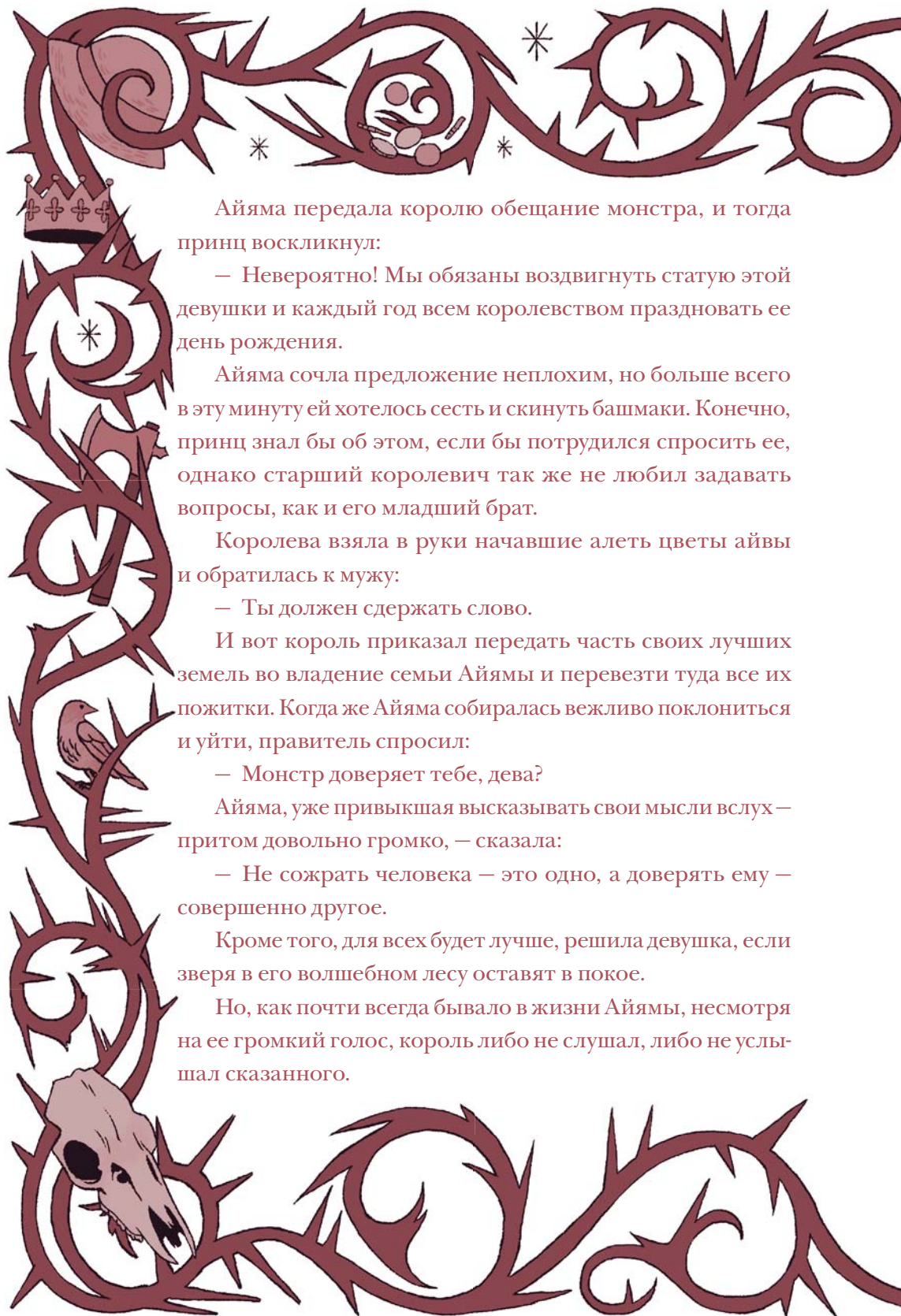
— Я больше не буду вредить вашим посевам, — сказал зверь. — Возьми с собой гроздь цветов айвы да смотри не вырони, когда будешь идти через степь. Ступай и не возвращайся.

Девушка расслышала в его рычании нотку грусти, а может, ей это просто почудилось. Она сорвала с дерева цветочную гроздь и пошла прочь с поляны. Оглянувшись, Айяма увидела, что зверь по-прежнему сидит на задних лапах и следит за ней горящими огоньками глаз. «Отчего бы мне не задержаться? — промелькнуло у нее в голове. — Отчего не побыть здесь подольше, не рассказать новую историю?..»

Вместо этого Айяма поспешила через знойную степь обратно в долину. Цветы айвы она вплела в косы и теперь будто бы несла прохладу волшебного леса с собой.

На этот раз горожане сразу разглядели в волосах девушки белые цветки и не стали щипать ее или обзывать лгуньей. Вместо этого Айяму напоили сладкой водой и со всем почтением проводили во дворец, ведь теперь она была уже не кухонная прислуга, а героиня, которая дважды выжила после встречи с чудовищем.

Айяма передала королю обещание монстра, и тогда принц воскликнул:

— Невероятно! Мы обязаны воздвигнуть статую этой девушки и каждый год всем королевством праздновать ее день рождения.

Айяма сочла предложение неплохим, но больше всего в эту минуту ей хотелось сесть и скинуть башмаки. Конечно, принц знал бы об этом, если бы потрудился спросить ее, однако старший королевич так же не любил задавать вопросы, как и его младший брат.

Королева взяла в руки начавшие алеть цветы айвы и обратилась к мужу:

— Ты должен сдержать слово.

И вот король приказал передать часть своих лучших земель во владение семьи Айямы и перевезти туда все их пожитки. Когда же Айяма собиралась вежливо поклониться и уйти, правитель спросил:

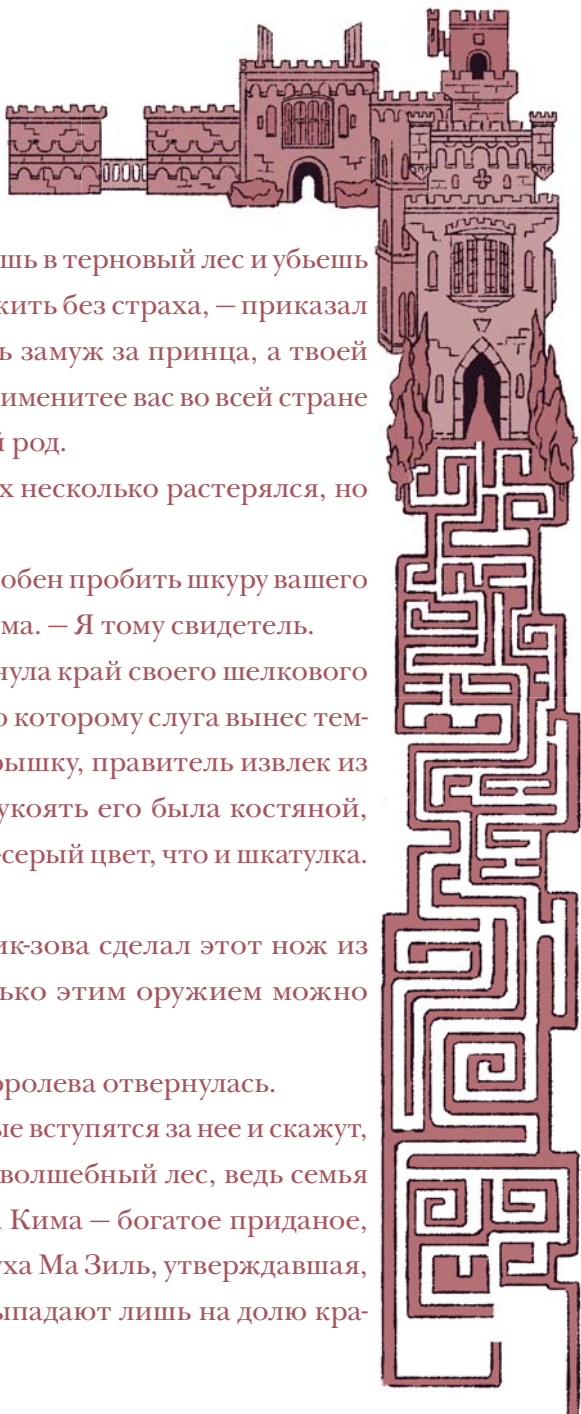
— Монстр доверяет тебе, дева?

Айяма, уже привыкшая высказывать свои мысли вслух — притом довольно громко, — сказала:

— Не сожрать человека — это одно, а доверять ему — совершенно другое.

Кроме того, для всех будет лучше, решила девушка, если зверя в его волшебном лесу оставят в покое.

Но, как почти всегда бывало в жизни Айямы, несмотря на ее громкий голос, король либо не слушал, либо не услышал сказанного.

— Ты возьмешь нож, пойдешь в терновый лес и убьешь монстра, чтобы мы все могли жить без страха, — приказал он. — Сделаешь это — выйдешь замуж за принца, а твоей семье я пожалую титул, так что именитее вас во всей стране будет только мой собственный род.

Королевич при этих словах несколько растерялся, но возражать не стал.

— Никакой кинжал не способен пробить шкуру вашего младшего сына, — сказала Айяма. — Я тому свидетель.

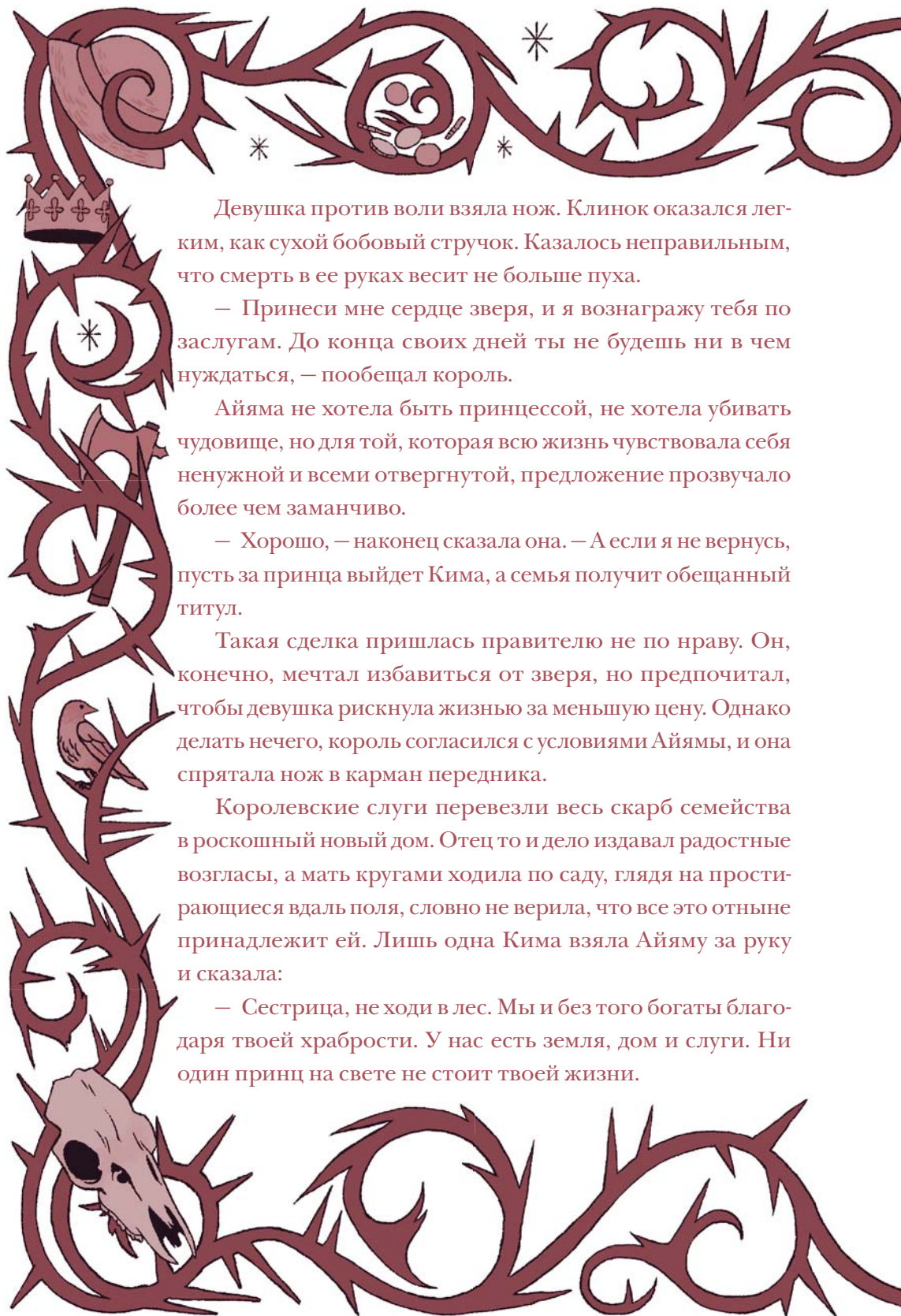
Королева в волнении стиснула край своего шелкового платья, а король подал знак, по которому слуга вынес темно-серую шкатулку. Открыв крышку, правитель извлек из шкатулки необычный нож: рукоять его была костяной, а лезвие имело тот же дымчато-серый цвет, что и шкатулка. И терновые деревья.

— Могущественный резчик-зова сделал этот нож из шипа тернового дерева. Только этим оружием можно умертвить зверя.

Не в силах это слышать, королева отвернулась.

Айяма надеялась, что родные вступятся за нее и скажут, что она больше не вернется в волшебный лес, ведь семья уже заполучила дом и земли, а Кима — богатое приданое, но все промолчали, даже старуха Ма Зиль, утверждавшая, что чудесные приключения выпадают лишь на долю красавиц.

Девушка против воли взяла нож. Клинок оказался легким, как сухой бобовый стручок. Казалось неправильным, что смерть в ее руках весит не больше пуха.

— Принеси мне сердце зверя, и я вознагражу тебя по заслугам. До конца своих дней ты не будешь ни в чем нуждаться, — пообещал король.

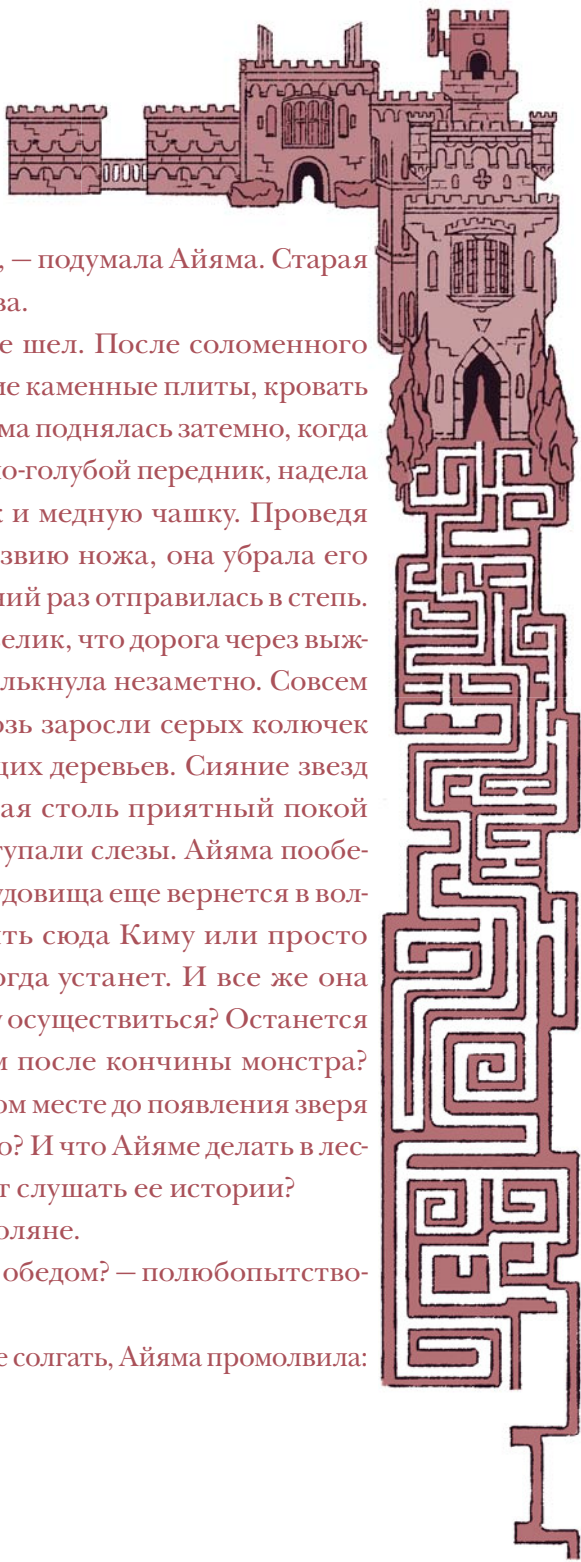
Айяма не хотела быть принцессой, не хотела убивать чудовище, но для той, которая всю жизнь чувствовала себя ненужной и всеми отвергнутой, предложение прозвучало более чем заманчиво.

— Хорошо, — наконец сказала она. — А если я не вернусь, пусть за принца выйдет Кима, а семья получит обещанный титул.

Такая сделка пришлась правителю не по нраву. Он, конечно, мечтал избавиться от зверя, но предпочитал, чтобы девушка рискнула жизнью за меньшую цену. Однако делать нечего, король согласился с условиями Айямы, и она спрятала нож в карман передника.

Королевские слуги перевезли весь скарб семейства в роскошный новый дом. Отец то и дело издавал радостные возгласы, а мать кругами ходила по саду, глядя на простирающиеся вдаль поля, словно не верила, что все это отныне принадлежит ей. Лишь одна Кима взяла Айяму за руку и сказала:

— Сестрица, не ходи в лес. Мы и без того богаты благодаря твоей храбрости. У нас есть земля, дом и слуги. Ни один принц на свете не стоит твоей жизни.

«Это смотря какой принц», — подумала Айяма. Старая Ма Зиль не проронила ни слова.

В ту ночь сон к девушке не шел. После соломенного тюфяка, брошенного на жесткие каменные плиты, кровать казалась чересчур мягкой. Айяма поднялась затемно, когда все еще спали, повязала небесно-голубой передник, надела шляпу, взяла с собой топорик и медную чашку. Проведя пальцами по зазубренному лезвию ножа, она убрала его в карман передника и в последний раз отправилась в степь.

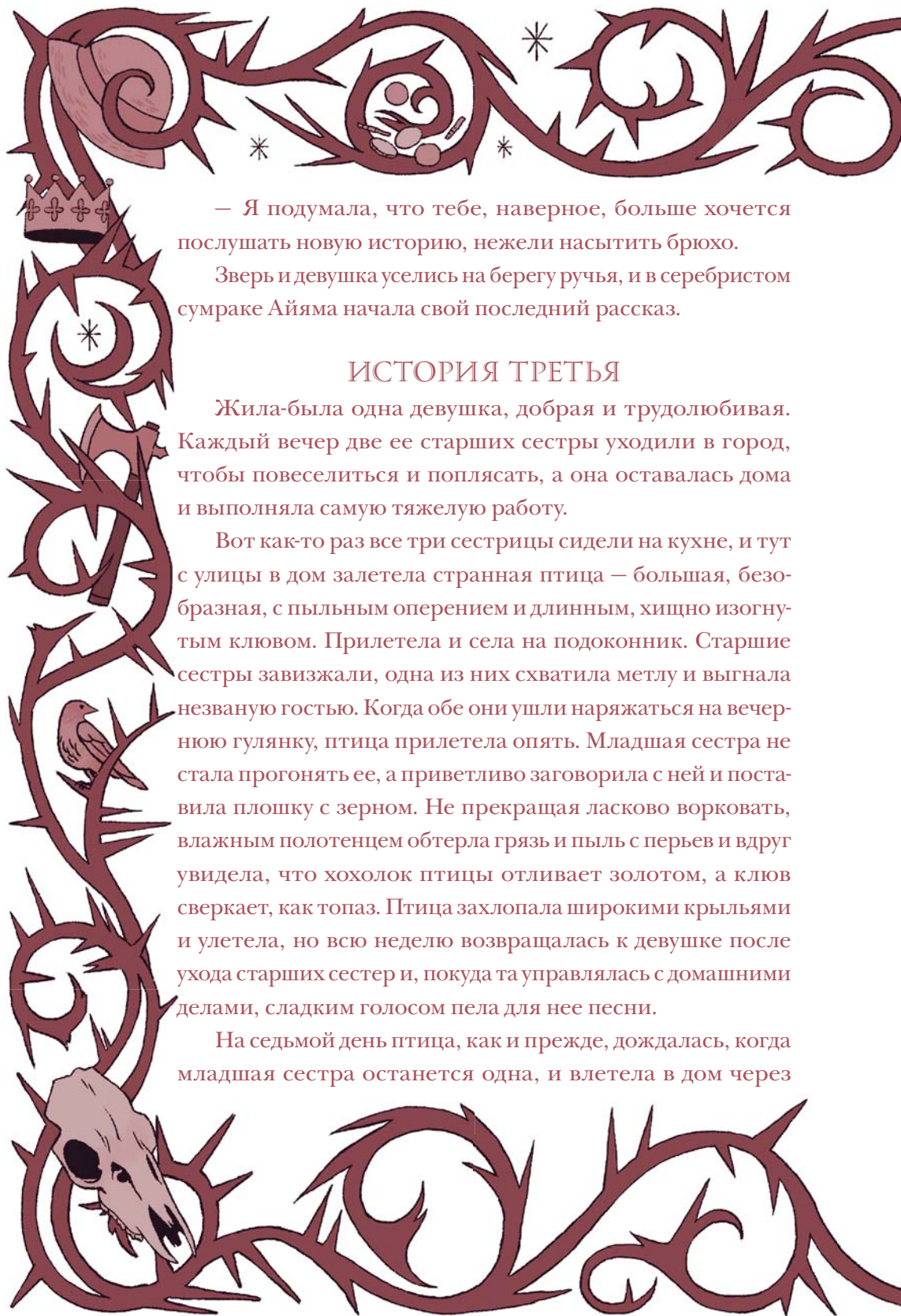
Страх ее, видимо, был так велик, что дорога через выжженные зноем пустоши промелькнула незаметно. Совсем скоро Айяма прорвалась сквозь заросли серых колючек и очутилась под сенью цветущих деревьев. Сияние звезд ласкало кожу девушки, навевая столь приятный покой и прохладу, что к глазам подступали слезы. Айяма пообещала себе, что после смерти чудовища еще вернется в волшебный лес, станет приводить сюда Киму или просто приходить в одиночестве, когда устанет. И все же она сомневалась: суждено ли этому осуществиться? Останется ли терновый лес неизменным после кончины монстра? Стояла ли стена деревьев на этом месте до появления зверя или выросла, чтобы укрыть его? И что Айяме делать в лесной тишине, если некому будет слушать ее истории?

Монстр ждал девушку на поляне.

— Не терпится стать моим обедом? — любопытствовал он.

Подобрав слова так, чтобы не солгать, Айяма промолвила:

— Я подумала, что тебе, наверное, больше хочется послушать новую историю, нежели насытить брюхо.

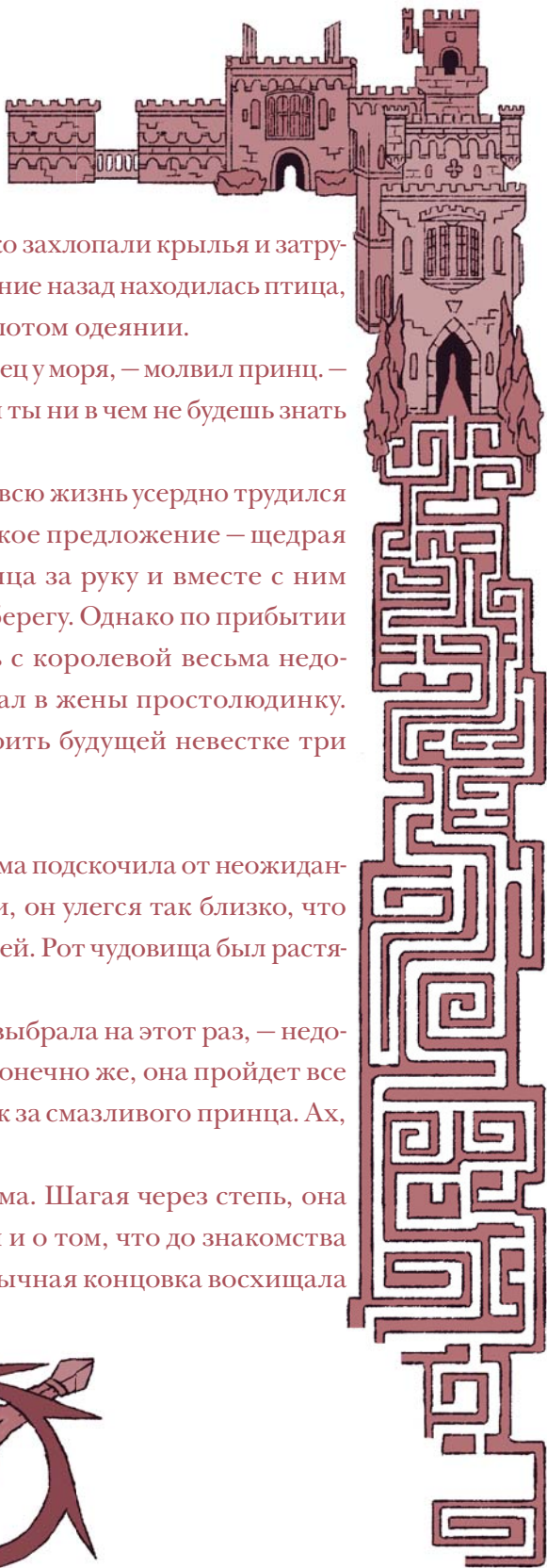
Зверь и девушка уселись на берегу ручья, и в серебристом сумраке Айяма начала свой последний рассказ.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Жила-была одна девушка, добрая и трудолюбивая. Каждый вечер две ее старших сестры уходили в город, чтобы повеселиться и поплясать, а она оставалась дома и выполняла самую тяжелую работу.

Вот как-то раз все три сестрицы сидели на кухне, и тут с улицы в дом залетела странная птица — большая, безобразная, с пыльным оперением и длинным, хищно изогнутым клювом. Прилетела и села на подоконник. Старшие сестры завизжали, одна из них схватила метлу и выгнала незваную гостью. Когда обе они ушли наряжаться на вечернюю гулянку, птица прилетела опять. Младшая сестра не стала прогонять ее, а приветливо заговорила с ней и поставила плошку с зерном. Не прекращая ласково ворковать, влажным полотенцем обтерла грязь и пыль с перьев и вдруг увидела, что хохолок птицы отливает золотом, а клюв сверкает, как топаз. Птица захлопала широкими крыльями и улетела, но всю неделю возвращалась к девушке после ухода старших сестер и, покуда та управлялась с домашними делами, сладким голосом пела для нее песни.

На седьмой день птица, как и прежде, дождалась, когда младшая сестра останется одна, и влетела в дом через

кухонное окошко. Тотчас громко захлопали крылья и затрубили фанфары. Там, где мгновение назад находилась птица, стоял прекрасный принц в золотом одеянии.

— Летим со мной в мой дворец у моря, — молвил принц. — Я вознагражу тебя за доброту, и ты ни в чем не будешь знать нужды.

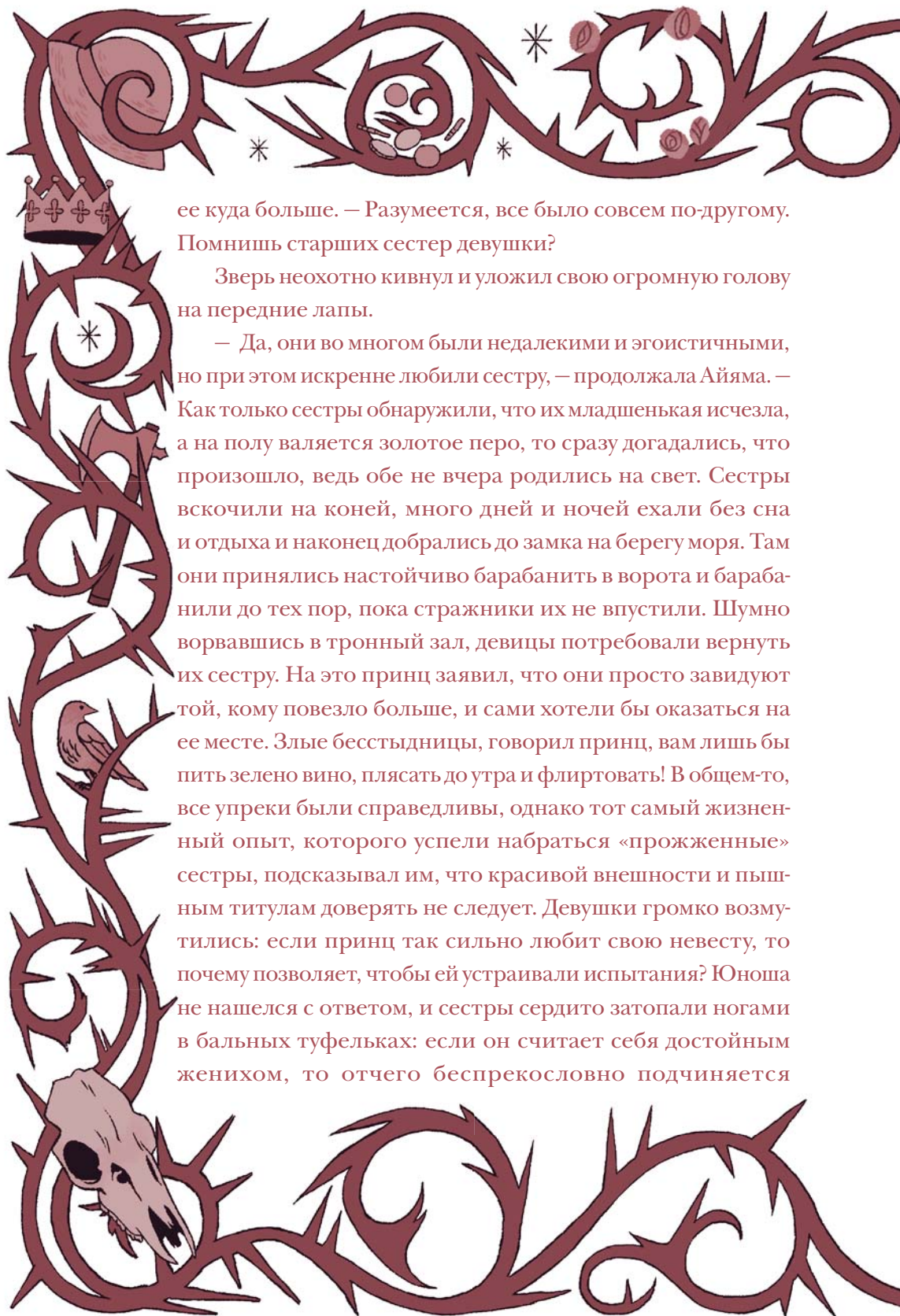
Как известно, для того, кто всю жизнь усердно трудился и ничего за это не получал, такое предложение — щедрая награда. Девушка взяла принца за руку и вместе с ним улетела во дворец на морском берегу. Однако по прибытии сразу же выяснилось: король с королевой весьма недовольны тем, что их сын выбрал в жены простолюдинку. И вот королева решила устроить будущей невестке три испытания...

Зверь глухо зарычал, и Айяма подскочила от неожиданности. Незаметно для девушки, он улегся так близко, что почти касался мордой ее коленей. Рот чудовища был растянут в ухмылке.

— Что за глупую байку ты выбрала на этот раз, — недовольно пробурчал монстр. — Конечно же, она пройдет все три испытания и выйдет замуж за смазливового принца. Ах, сколько счастья!

— Чепуха! — отрезала Айяма. Шагая через степь, она много думала об этой истории и о том, что до знакомства с королевскими особами привычная концовка восхищала

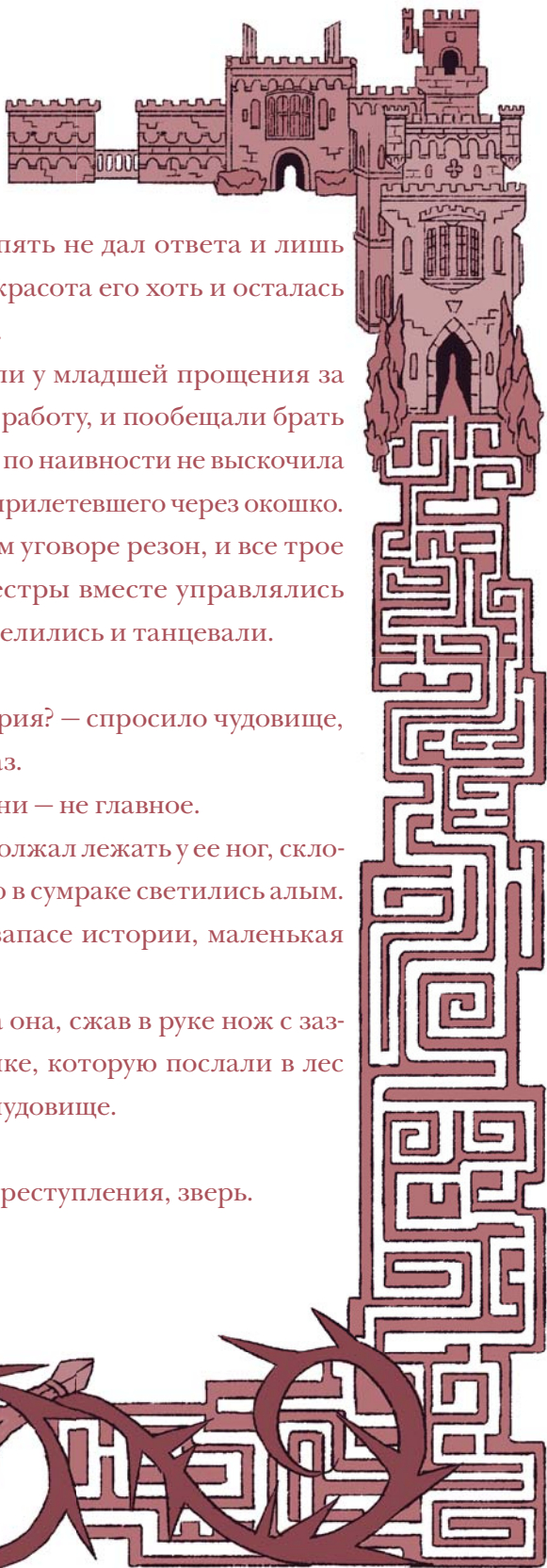

ее куда больше. — Разумеется, все было совсем по-другому. Помнишь старших сестер девушки?

Зверь неохотно кивнул и уложил свою огромную голову на передние лапы.

— Да, они во многом были недалекими и эгоистичными, но при этом искренне любили сестру, — продолжала Айяма. — Как только сестры обнаружили, что их младшенькая исчезла, а на полу валяется золотое перо, то сразу догадались, что произошло, ведь обе не вчера родились на свет. Сестры вскочили на коней, много дней и ночей ехали без сна и отдыха и наконец добрались до замка на берегу моря. Там они принялись настойчиво барабанить в ворота и барабанили до тех пор, пока стражники их не впустили. Шумно ворвавшись в тронный зал, девицы потребовали вернуть их сестру. На это принц заявил, что они просто завидуют той, кому повезло больше, и сами хотели бы оказаться на ее месте. Злые бесстыдницы, говорил принц, вам лишь бы пить зелено вино, плясать до утра и флиртовать! В общем-то, все упреки были справедливы, однако тот самый жизненный опыт, которого успели набраться «прожженные» сестры, подсказывал им, что красивой внешности и пышным титулам доверять не следует. Девушки громко возмутились: если принц так сильно любит свою невесту, то почему позволяет, чтобы ей устраивали испытания? Юноша не нашелся с ответом, и сестры сердито затопали ногами в бальных туфельках: если он считает себя достойным женихом, то отчего беспрекословно подчиняется

родительской воле? Принц опять не дал ответа и лишь что-то растерянно лепетал, а красота его хоть и осталась при нем, но чуточку померкла.

Старшие сестры попросили у младшей прощения за то, что взваливали на нее всю работу, и пообещали брать с собой на вечеринки, чтобы та по наивности не выскочила замуж за первого же кавалера, прилетевшего через окошко. Младшая сестра увидела в этом уговоре резон, и все трое возвратились домой. Днем сестры вместе управлялись с хозяйством, а по вечерам веселились и танцевали.

— И чему же учит эта история? — спросило чудовище, когда Айяма завершила рассказ.

— Тому, что принцы в жизни — не главное.

Айяма встала, а зверь продолжал лежать у ее ног, склонив лохматую голову, и рога его в сумраке светились алым.

— У тебя еще остались в запасе истории, маленькая посланница? — спросил он.

— Только одна, — ответила она, сжав в руке нож с зазубренным лезвием. — О девушке, которую послали в лес уничтожить отвратительное чудовище.

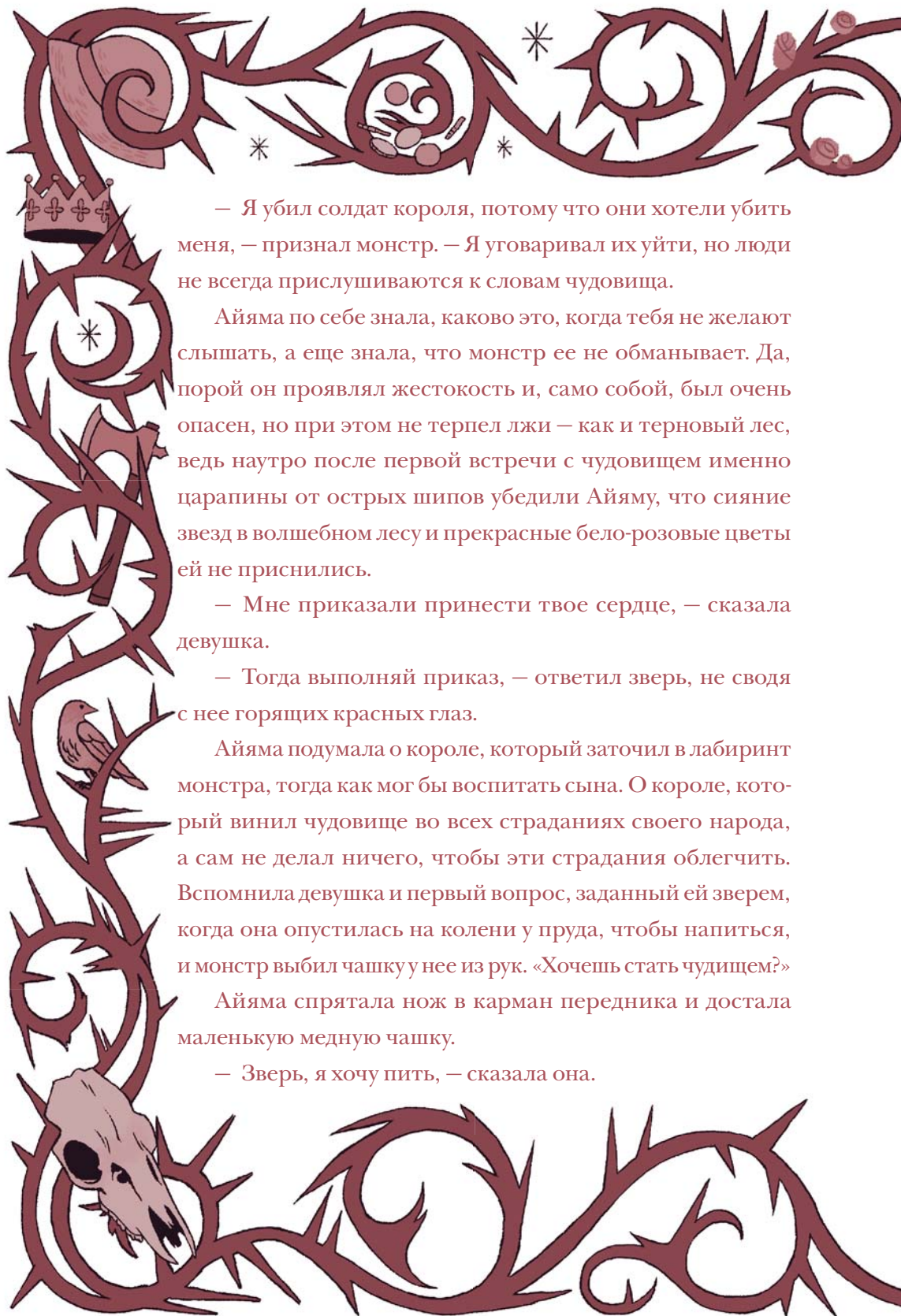
— И она это сделала?

— Ты совершил ужасные преступления, зверь.

— В самом деле?

— Говори правду.

— Я убил солдат короля, потому что они хотели убить меня, — признал монстр. — Я уговаривал их уйти, но люди не всегда прислушиваются к словам чудовища.

Айяма по себе знала, каково это, когда тебя не желают слышать, а еще знала, что монстр ее не обманывает. Да, порой он проявлял жестокость и, само собой, был очень опасен, но при этом не терпел лжи — как и терновый лес, ведь наутро после первой встречи с чудовищем именно царапины от острых шипов убедили Айяму, что сияние звезд в волшебном лесу и прекрасные бело-розовые цветы ей не приснились.

— Мне приказали принести твое сердце, — сказала девушка.

— Тогда выполняй приказ, — ответил зверь, не сводя с нее горящих красных глаз.

Айяма подумала о короле, который заточил в лабиринт монстра, тогда как мог бы воспитать сына. О короле, который винил чудовище во всех страданиях своего народа, а сам не делал ничего, чтобы эти страдания облегчить. Вспомнила девушка и первый вопрос, заданный ей зверем, когда она опустилась на колени у пруда, чтобы напиться, и монстр выбил чашку у нее из рук. «Хочешь стать чудищем?»

Айяма спрятала нож в карман передника и достала маленькую медную чашку.

— Зверь, я хочу пить, — сказала она.

* * *

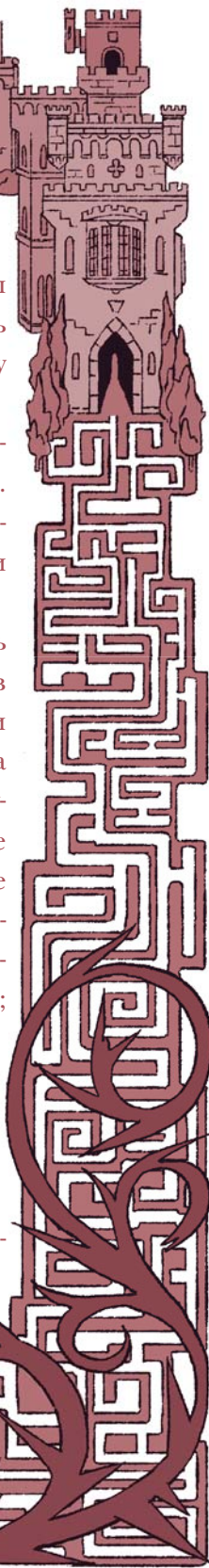
Монстр позволил Айяме связать ему передние лапы колючими побегами терновника, и они двинулись в путь через сухую пыльную степь. От жаркого солнца девушку защищала тень ее ужасного спутника.

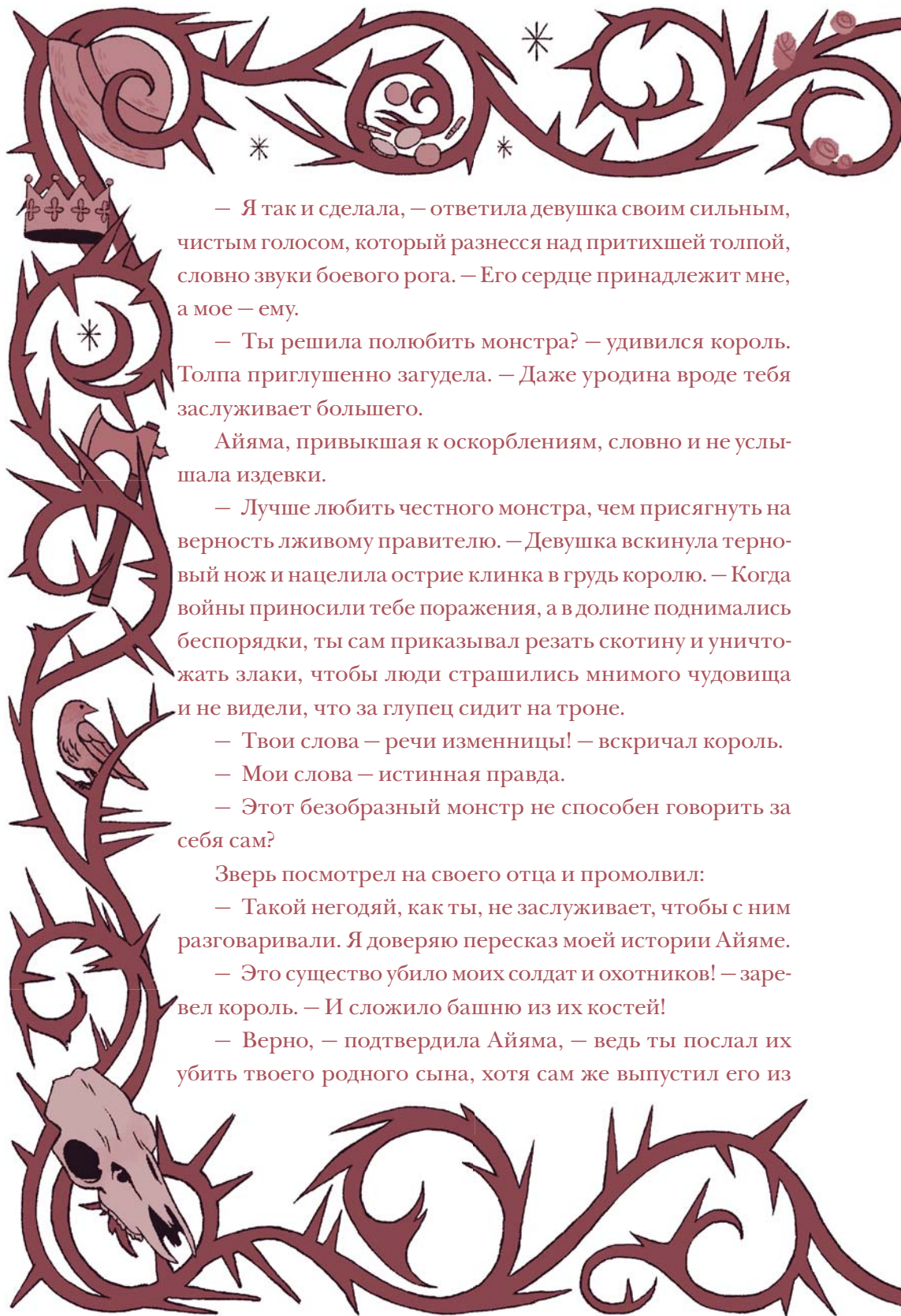
Когда они вошли в город, многие люди в панике бросились с улиц, стали запираются в домах и закрывать ставни. Другие же, наоборот, шли следом, глаза на девушку в широкополой шляпе и переднике и чудовище, чьи лапы стягивали колючие побеги.

В сопровождении толпы Айяма и монстр поднялись вверх по холму, миновали широкие ворота замка. Завидев Айяму, дворцовые стражники вытянулись в струнку и отдали ей честь, ибо она шла с гордо поднятой головой. Нет, она не изменилась и оставалась все той же приземистой неуклюжей простолюдинкой, кухонной прислугой, но в то же время была девушкой, которая трижды выжила после встречи со свирепым монстром, а теперь вела его, связанного, по городу. Чудовище громко фыркало и грозно сверкало глазами на всякого, кто осмеливался приблизиться; витые рога таинственно светились алым.

Король не стал дожидаться в тронном зале, а вышел во всем своем великолепии на широкую лестницу вместе с королевой и красавцем-принцем и сверху воззрился на пришедших.

— Зачем ты привела чудовище к моим дверям? — спросил он Айяму. — Я велел принести его сердце.

— Я так и сделала, — ответила девушка своим сильным, чистым голосом, который разнесся над притихшей толпой, словно звуки боевого рога. — Его сердце принадлежит мне, а мое — ему.

— Ты решила полюбить монстра? — удивился король. Толпа приглушенно загудела. — Даже уродина вроде тебя заслуживает большего.

Айяма, привыкшая к оскорблениям, словно и не услышала издевки.

— Лучше любить честного монстра, чем присягнуть на верность лживому правителю. — Девушка вскинула терновый нож и нацелила острие клинка в грудь королю. — Когда войны приносили тебе поражения, а в долине поднимались беспорядки, ты сам приказывал резать скотину и уничтожать злаки, чтобы люди боялись мнимого чудовища и не видели, что за глупец сидит на троне.

— Твои слова — речи изменницы! — вскричал король.

— Мои слова — истинная правда.

— Этот безобразный монстр не способен говорить за себя сам?

Зверь посмотрел на своего отца и промолвил:

— Такой негодяй, как ты, не заслуживает, чтобы с ним разговаривали. Я доверяю пересказ моей истории Айяме.

— Это существо убило моих солдат и охотников! — заревел король. — И сложило башню из их костей!

— Верно, — подтвердила Айяма, — ведь ты послал их убить твоего родного сына, хотя сам же выпустил его из

лабиринта. Ты нарочно дал ему волю, чтобы из-за страха перед чудовищем мы забыли о братьях и сыновьях, что погибли на твоей войне, и о непомерных поборах, благодаря которым крыша твоего дворца сияет золотом.

— Заткните эту девчонку! Не позволяйте ей распространять гнусную ложь! — крикнул король стражникам.

Те с большой неохотой повиновались приказу, вытащили кинжалы и напали на Айяму. Однако сколько бы ударов ей ни наносили, девушка оставалась целой и невредимой. Когда же она сняла шляпу, все увидели, что она более не человек. Язык Айямы раздвоился; глаза горели опаловым огнем, а волосы извивались и лизали воздух золотисто-оранжевыми змейками пламени. Девушка превратилась в монстра, и отныне ее не мог поразить ни один клинок. Ножом из тернового шипа она разрубила колючие побеги, которыми были связаны лапы зверя.

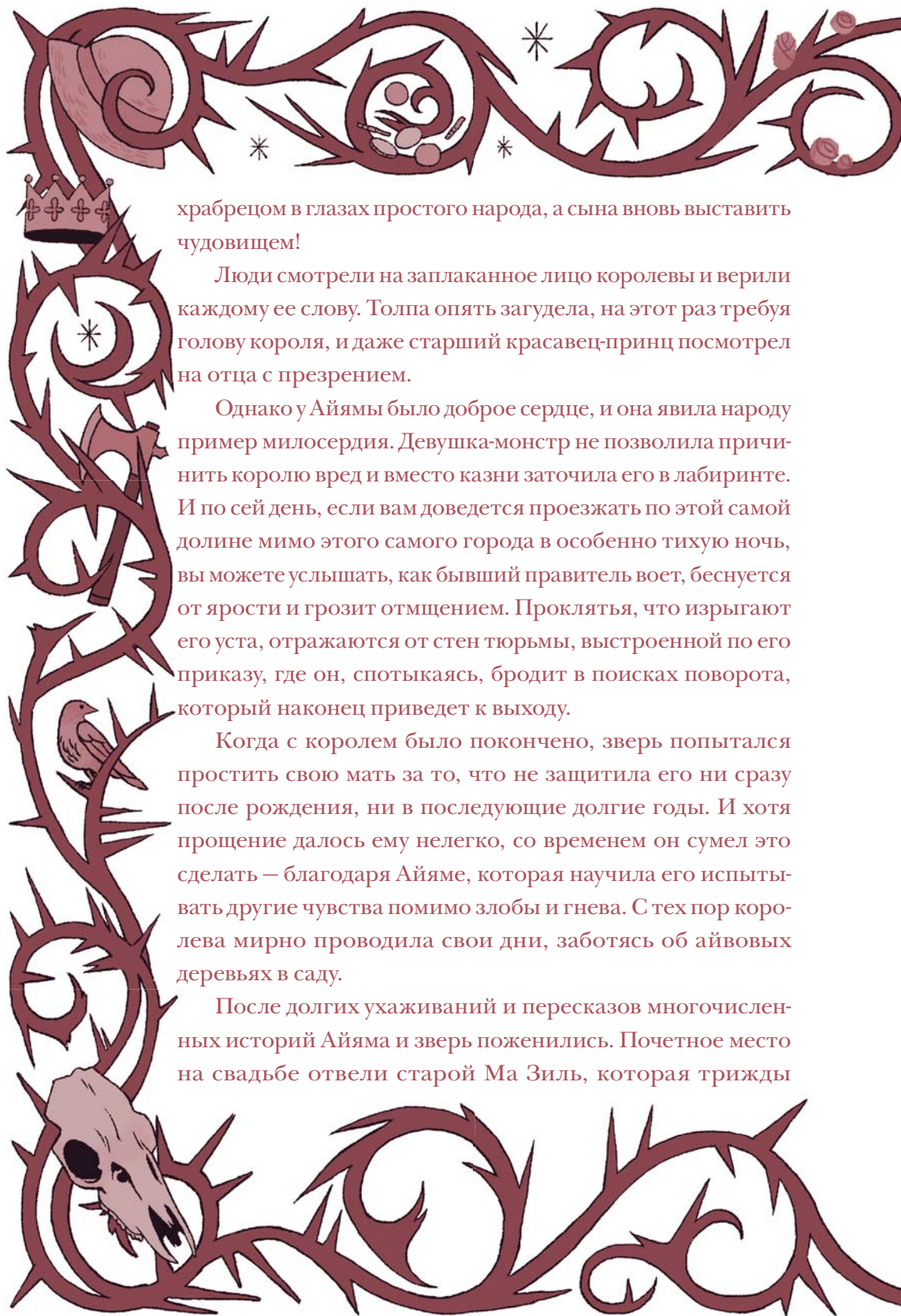
Горожане закричали и затопали; некоторые в страхе отвернулись. Айяма же стояла, как скала, упершись ногами в землю. Чистый, мощный голос загремел в вышине, точно раскат грома:

— Говори правду! — повелела королю девушка-монстр.

Бессовестный правитель уже раскрыл рот, готовый высыпать очередную порцию лживых слов — огромную, словно стая саранчи, но его опередила королева.

— Да! — воскликнула она. — Это он совершил все злодеяния, он держал моего сына в темном подземелье и никого к нему не пускал; он дал ему свободу, только чтобы сделаться

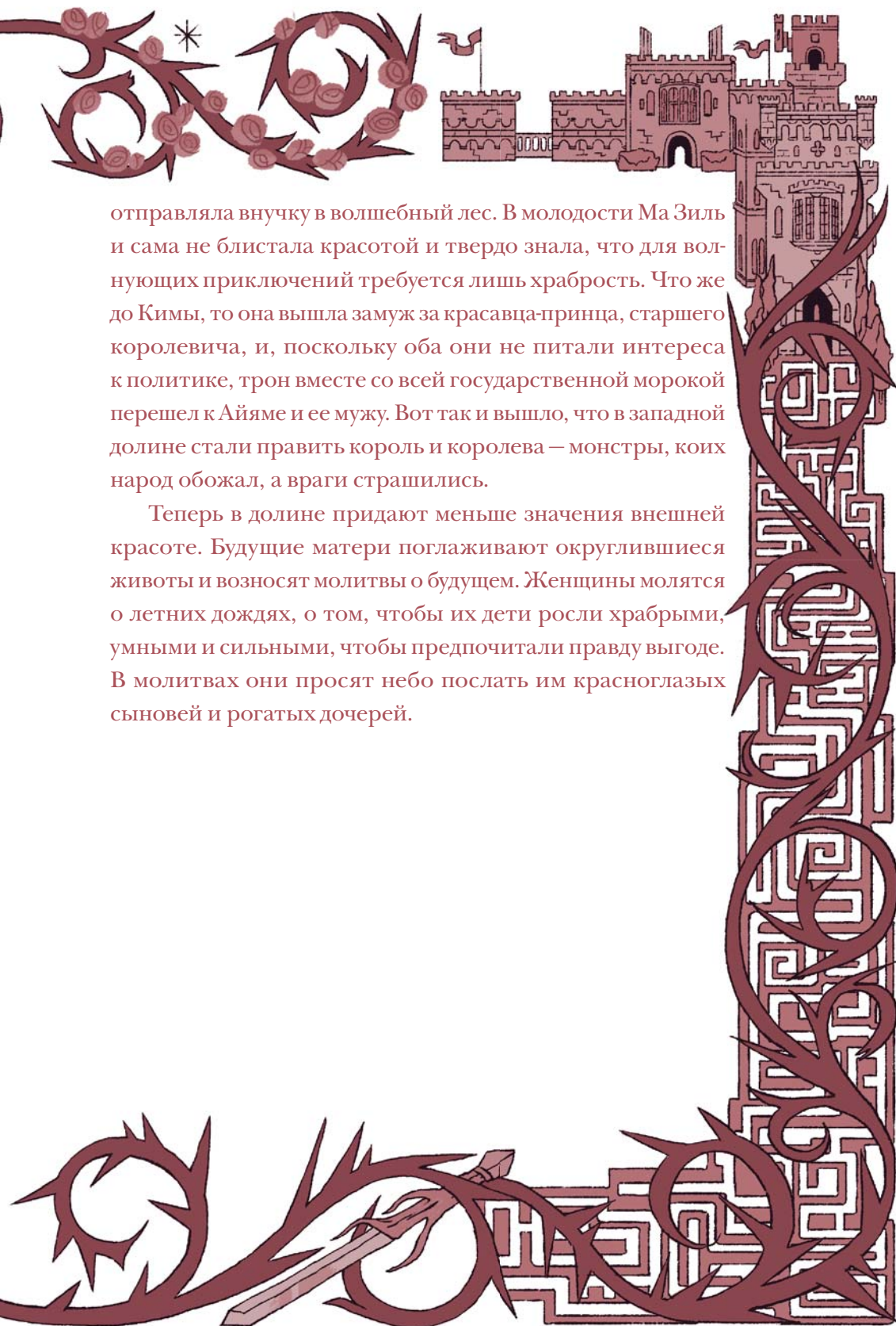
храбрецом в глазах простого народа, а сына вновь выставить чудовищем!

Люди смотрели на заплаканное лицо королевы и верили каждому ее слову. Толпа опять загудела, на этот раз требуя голову короля, и даже старший красавец-принц посмотрел на отца с презрением.

Однако у Айямы было доброе сердце, и она явила народу пример милосердия. Девушка-монстр не позволила причинить королю вред и вместо казни заточила его в лабиринте. И по сей день, если вам доведется проезжать по этой самой долине мимо этого самого города в особенно тихую ночь, вы можете услышать, как бывший правитель воет, беснуется от ярости и грозит отмщением. Проклятья, что изрыгают его уста, отражаются от стен тюрьмы, выстроенной по его приказу, где он, спотыкаясь, бродит в поисках поворота, который наконец приведет к выходу.

Когда с королем было покончено, зверь попытался простить свою мать за то, что не защитила его ни сразу после рождения, ни в последующие долгие годы. И хотя прощение далось ему нелегко, со временем он сумел это сделать — благодаря Айяме, которая научила его испытывать другие чувства помимо злобы и гнева. С тех пор королева мирно проводила свои дни, заботясь об айвовых деревьях в саду.

После долгих ухаживаний и пересказов многочисленных историй Айяма и зверь поженились. Почетное место на свадьбе отвели старой Ма Зиль, которая трижды

отправляла внучку в волшебный лес. В молодости Ма Зиль и сама не блистала красотой и твердо знала, что для волнующих приключений требуется лишь храбрость. Что же до Кимы, то она вышла замуж за красавца-принца, старшего королевича, и, поскольку оба они не питали интереса к политике, трон вместе со всей государственной морокой перешел к Айяме и ее мужу. Вот так и вышло, что в западной долине стали править король и королева — монстры, коих народ обожал, а враги страшились.

Теперь в долине придают меньше значения внешней красоте. Будущие матери поглаживают округлившиеся животы и возносят молитвы о будущем. Женщины молятся о летних дождях, о том, чтобы их дети росли храбрыми, умными и сильными, чтобы предпочитали правду выгоде. В молитвах они просят небо послать им красноглазых сыновей и рогатых дочерей.

ЛИС-УМНИК

ПЕРВОЙ ОПАСНОСТЬЮ, КОТОРОЙ ИЗБЕГНУЛ
лисенок, были материнские челюсти.

Оправившись от тягот произведения на свет потомства, мать-лисица оглядела свой выводок и вздохнула. Прокормить такую ораву будет трудно, да, по правде говоря, она и сама изрядно проголодалась после родов. Лисица выхватила из помета двух самых мелких детенышей и быстренько ими закусила. Уже потом она обнаружила среди других щенят крохотный, извивающийся комочек с пятнистой шерсткой и желтыми глазами.

— Надо было съесть тебя первым, — сказала лисица. — В этой жизни ты обречен страдать.

К удивлению мамыши, комочек возразил:

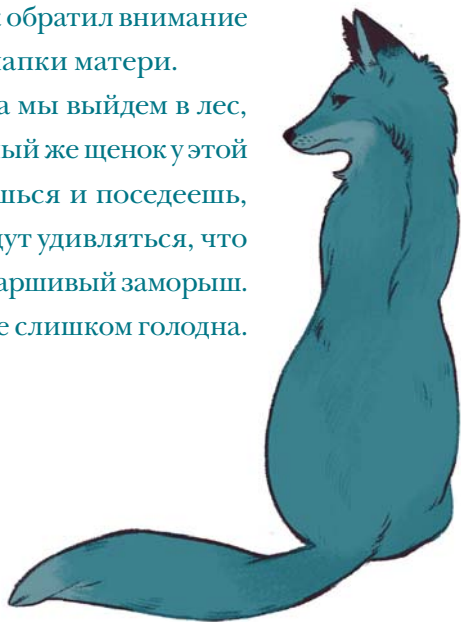
— Не ешь меня, матушка. Лучше перетерпеть голод сейчас, чем потом жалеть о содеянном.

— Нет уж, лучше от тебя избавиться, чтобы ты не мозолил глаза. Что скажут другие, когда увидят эдакого уродца?

Другому, менее сообразительному малышу эти жестокие слова разбились бы сердце, но наш лисенок обратил внимание на ухоженную шерсть и белоснежные лапки матери.

— А вот что, — отозвался он. — Когда мы выйдем в лес, звери скажут: «Поглядите, ну и безобразный же щенок у этой красавицы!» И даже когда ты состаришься и поседеешь, никто этого не заметит; все только и будут удивляться, что у такой красивой матери родился такой паршивый заморыш.

Поразмыслив, лисица решила, что не слишком голодна.

Уверенная, что заморыш не протянет и года, она не потрудилась дать ему имя. Однако, когда лисенок пережил сперва одну зиму, а потом и вторую, выяснилось, что его нужно как-то называть. В насмешку над неказистым видом малыш получил имя Койя — «красавчик», а вскоре заработал репутацию умника.

Едва Койя подрос, как случилась беда: стая охотничьих собак загнала лисенка в западню из веток неподалеку от норы. Съежившись на сырой земле и слушая свирепый лай гончих, другой бы на его месте поддался страху, начал бы в панике кружить и дожидаться, когда к западне подойдет человек. Вместо этого Койя крикнул:

— Я — лис-чародей!

Самый большой пес со смехом пролаял:

— Может, мы и спим у хозяйского очага и питаемся объедками с человеческого стола, но все же не настолько глупы! Надеешься, мы поверим твоей болтовне и оставим в живых?

— Нет, — пискнул Койя самым робким и покорным голоском. — Ясное дело, вы одержали верх. Но перед смертью я могу исполнить любое желание, только произнесите его вслух.

— Богатство! — гавкнул первый пес.

— Здоровье! — гавкнул второй.

— Много мяса! — прорычал третий.

— Моей силы хватит только на одно желание, — сказал заморыш, — так что выбирайте поскорее, пока не пришел

ваш хозяин, иначе мне придется выполнить то, чего захочет он.

Собаки принялись яростно спорить, и пока они, рыча и брызжа слюной, кидались друг на друга, Койя потихоньку улизнул.

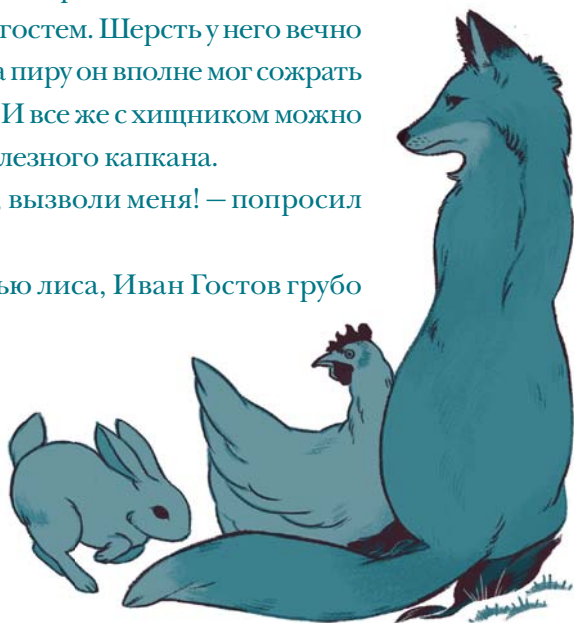
Всю ночь под безопасной сенью леса звери пировали, превознося смекалистый ум лисенка. Издалека ветер доносил тоскливый вой голодных и обиженных собак, которых хозяин в наказание не пустил в дом.

Несмотря на острый ум Койи, удача сопутствовала ему не всегда. Однажды, возвращаясь домой с зажатой в зубах аппетитной курочкой, украденной на ферме Туполева, Койя угодил в капкан. Когда железные челюсти с лязгом захлопнулись, другой на его месте принялся бы визжать и скулить от страха, невольно привлекая внимание самодовольного фермера, либо попытался бы отгрызть себе лапу.

Наш Койя, однако, лежал себе и дышал, покуда не услышал, как через лес шумно пробирается медведь по имени Иван Гостов. Медведь этот, зверь грубый и кровожадный, на лесных празднествах не был желанным гостем. Шерсть у него вечно была грязная и свалявшаяся, и на пиру он вполне мог сожрать не только угощение, но и хозяев. И все же с хищником можно договориться — в отличие от железного капкана.

— Братец, будь добренький, вызволи меня! — попросил Койя.

Завидев истекающего кровью лиса, Иван Гостов грубо расхохотался.

— Охотно вызволю, — проревел он. — Сейчас освобожу тебя из капкана, а вечером поужинаю свеженькой лисятиной.

Медведь вырвал из земли капканную цепь и перекинул молодого лиса через плечо. Болтаясь на медвежьей спине, с железным капканом на раненой ноге, любой другой на месте Койи просто зажмурил бы глаза и молил об одной лишь быстрой смерти, но, пока наш герой мог говорить, у него оставалась надежда.

Он шепнул блохам, которыми кишела грязная шкура Ивана Гостова:

— Если искусаете медведя, я позволю вам жить на мне целый год. Можете сколько угодно пить мою кровь, а я обещаю не мыться, не чесаться и не мазаться керосином. Клянусь, у вас будет привольное житье!

Блохи посовещались между собой. Иван Гостов был отвратительным хозяином, а кроме того, постоянно окунался в воду и катался по земле, чтобы избавиться от нахальных жильцов.

— Хорошо, мы тебе поможем, — наконец хором ответили блохи.

Лис подал знак, и крохотные насекомые принялись кусать бедного медведя точно между лопатками, куда не дотягивались его длинные когти.

Медведь вертелся волчком, яростно скреб шкуру и истошно ревел. Потом он отшвырнул цепь, к которой

крепился капкан, рухнул на землю и принялся извиваться, как безумный.

— Ко мне, мои маленькие друзья, — крикнул Койя.

Блохи перескочили на лисью шубку, и Койя, несмотря на боль в перебитой лапе, помчался к своей норе, волоча за собой окровавленную цепь.

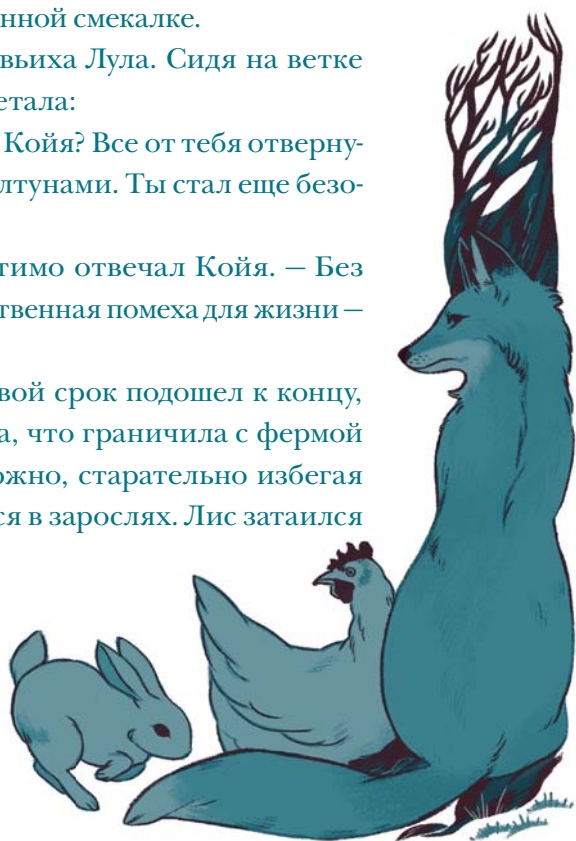
Тяжкий год провел лис, но слово свое сдержал. Хотя зуд от укусов сводил с ума, лис не чесался и даже бинтовал себе лапы, чтобы справиться с искушением. Из-за страшной вони звери избегали подходить к Койе, однако он мужественно терпел и не мылся. Как только у него возникала мысль побежать к реке, лис заставлял себя посмотреть на цепь, что лежала в углу норы. Рыжий Барсук помог ему снять капкан, но Койя сохранил цепь как напоминание, что своей свободой он обязан блохам и собственной смекалке.

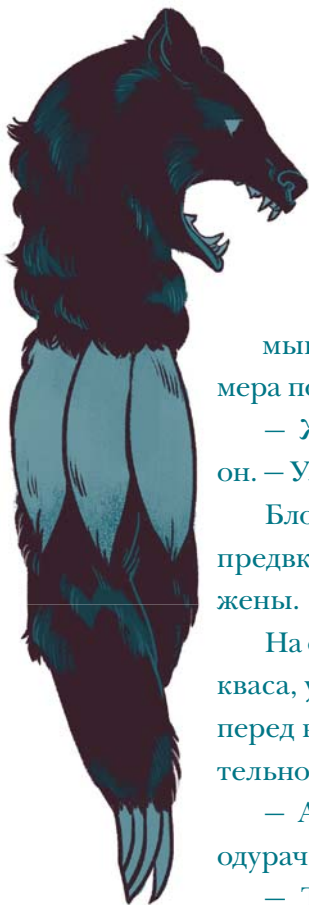
Навещала его только соловыха Лула. Сидя на ветке березы, Лула насмешливо щебетала:

— Не такой уж ты умник, а, Койя? Все от тебя отвернулись, и шерсть твоя сбилась колтунами. Ты стал еще безобразней, чем прежде!

— Это не беда, — невозмутимо отвечал Койя. — Без красоты прожить можно; единственная помеха для жизни — смерть.

Когда же обещанный годовой срок подошел к концу, Койя пробрался в ту часть леса, что граничила с фермой Туполева. Двигался он осторожно, старательно избегая капканов, что могли скрываться в зарослях. Лис затаился

на птичьем дворе, и, когда один из слуг открыл кухонную дверь, чтобы вылить помои, Койя просмыгнул в дом Туполева. Зубами стащил с кровати фермера покрывало и выпустил на постель всех своих блох.

— Желаю отлично повеселиться, братцы, — сказал он. — Уж не обессудьте, к себе вас больше не приглашаю.

Блохи попрощались с лисом и заползли под простыни, предвкушая, как славно попируют кровью фермера и его жены.

На обратном пути Койя прихватил из кладовой бутылку кваса, украл из курятника цыпленка и оставил гостинцы перед входом в берлогу Ивана Гостова. Медведь подозрительно обнюхал подношения.

— А ну, покажись! — заревел он. — Опять вздумал меня одурачить, хитрый лис?

— Ты — мой спаситель, медведушка. Если хочешь, можешь мной закусить. Правда, мясо у меня сухое, жилистое, разве что язык мягкий и вкусный. Ужин из меня выйдет так себе, зато компания отличная.

Медвежий хохот сотряс всю округу, так что соловьяха Лула даже с ветки свалилась. Иван Гостов и Койя уплели цыпленка, запили его квасом и всю ночь рассказывали друг другу истории. С той поры они сделались друзьями, и все знали, что обидеть лиса — значит навлечь на себя гнев медведя.

С наступлением зимы медведь пропал. Лесные обитатели заметили, что их число отчего-то сокращается. Меньше стало оленей, птицы и мелкого зверя — зайцев, белок,

мышей. Такое бывало и прежде, трудные времена то наступали, то отступали, и все же Иван Гостов — это вам не пугливая косуля или мышь-полевка. Койя не на шутку встревожился, когда сообразил, что уже несколько недель не видел своего приятеля и не слышал его рева.

— Лула, — сказал он соловыхе, — слетай-ка ты в город и постарайся что-нибудь разузнать.

— Попроси меня как полагается, лис, да повежливей, — вздернула клювик соловыха, — не то брошу тебя и улечу в теплые края.

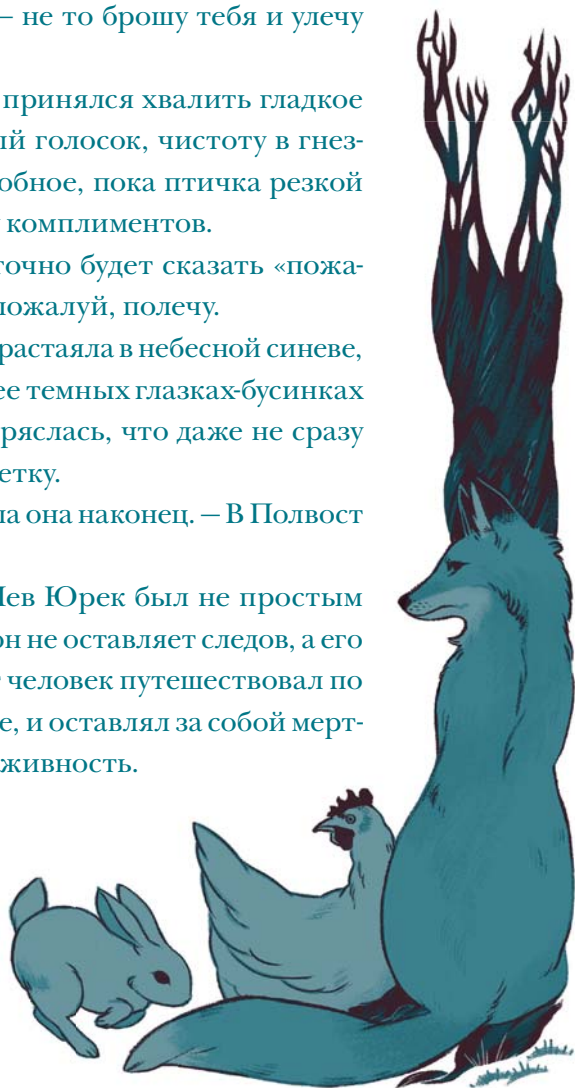
Койя с учтивым поклоном принялся хвалить гладкое оперение Лулы, ее хрустальный голосок, чистоту в гнездышке и так далее, и тому подобное, пока птичка резкой трелью не оборвала эту череду комплиментов.

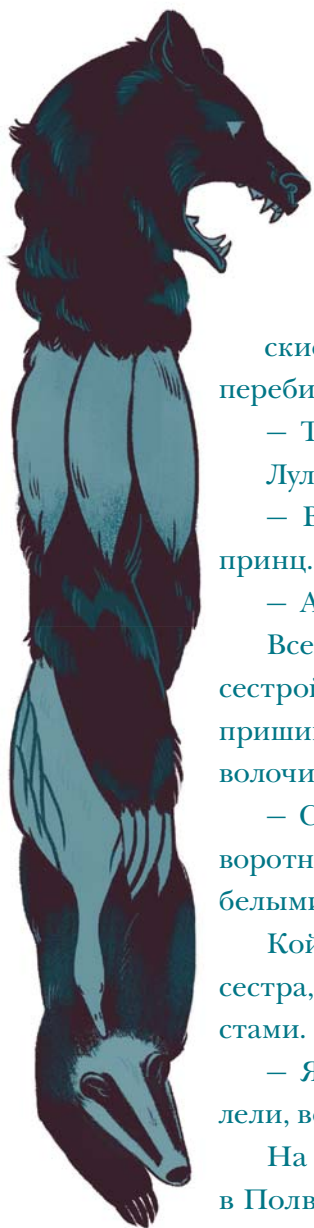
— В следующий раз достаточно будет сказать «пожалуйста». Если ты закончил, я, пожалуй, полечу.

Лула взмахнула крыльями и растаяла в небесной синеве, а когда час спустя вернулась, в ее темных глазках-бусинках застыл страх. Соловыха так тряслась, что даже не сразу смогла уцепиться лапками за ветку.

— Смерть идет, — пропищала она наконец. — В Полвост явился Лев Юрек.

Звери онемели от ужаса. Лев Юрек был не простым охотником. Ходили слухи, что он не оставляет следов, а его ружье стреляет без звука. Этот человек путешествовал по всей Равке, от деревни к деревне, и оставлял за собой мертвый лес, поголовно истребляя живность.

— Он только что пришел из Балакирева, — звонкий голос соловыхи дрожал. — Завалил городские лавки олениной и мехами. Воробьи говорят, он перебил всех зверей в лесу.

— Ты его видела? — спросил Рыжий Барсук.

Лула кивнула.

— Высокий такой, широкоплечий и красив, точно принц.

— А девушка?

Все знали, что Юрек путешествует вместе со сводной сестрой Софией. Непроданные шкуры она по его приказу пришивала к жуткой накидке, которая длинным шлейфом волочилась за ней по земле.

— Софию я тоже видела, и ее страшную накидку. Койя... воротник этой накидки украшен семью лисьими хвостами, белыми как снег.

Койя нахмурился. Недалеко от Балакирева жила его сестра, у которой было семеро лисят, и все с белыми хвостами.

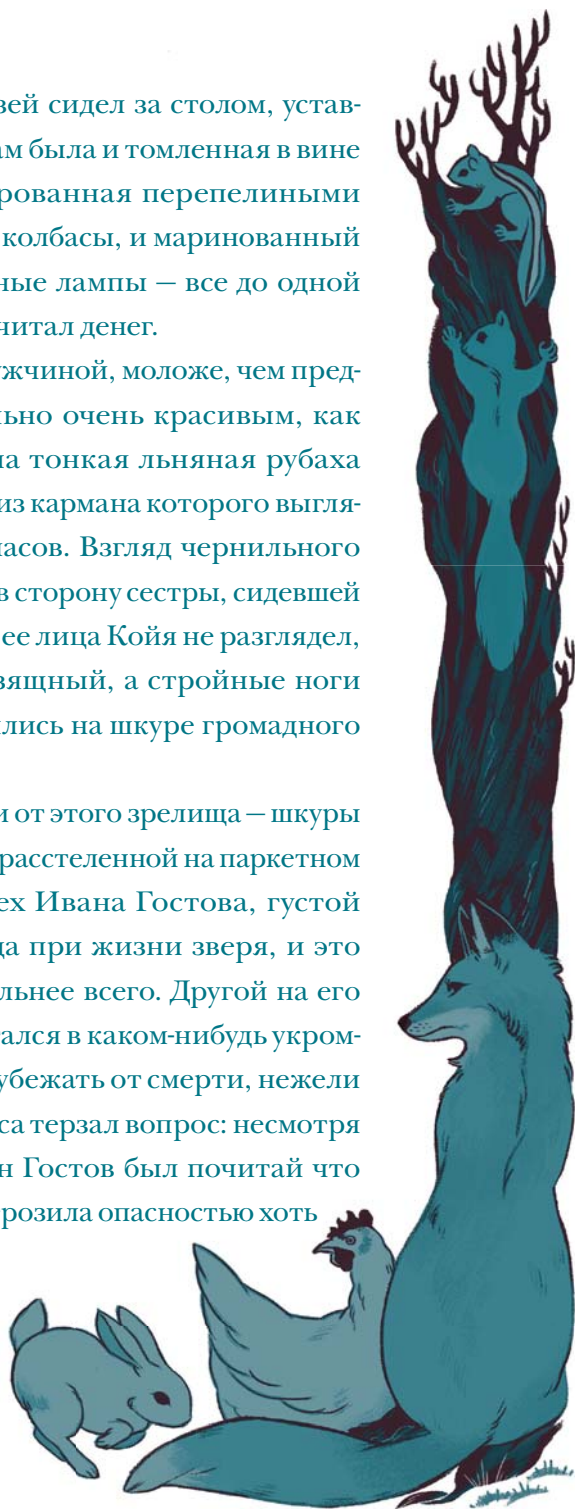
— Я все выясню, — сказал лис, и звери чуточку повеселели, ведь умнее его не было во всем лесу.

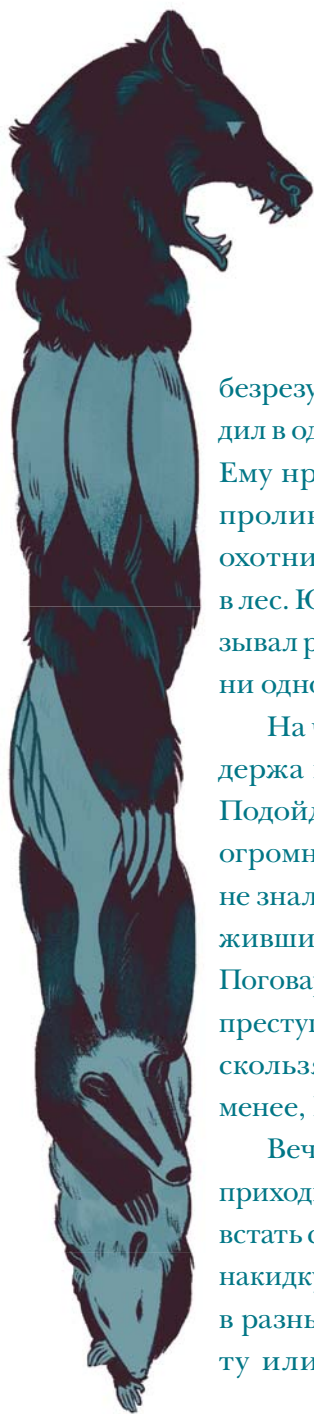
На закате Койя усадил Лулу на спину и прокрался в Полвост. Скрываясь в тени, узкими переулками они добрались до центра города. Юрек и его сестра снимали большой дом рядом с трактирами, что тянулись вдоль Баршайского проспекта. Встав на задние лапы, Койя прижался носом к оконному стеклу.

Лев Юрек в компании друзей сидел за столом, уставленным богатыми яствами — там была и томленная в вине капуста, и телятина, фаршированная перепелиными яйцами, и истекающие жиром колбасы, и маринованный шалфей. Ярко светили масляные лампы — все до одной в зале. Охотник и вправду не считал денег.

Юрек оказался крупным мужчиной, моложе, чем представлял Койя, но действительно очень красивым, как и говорила Лула. На нем была тонкая льняная рубаша и отороченный мехом кафтан, из кармана которого выглядывала толстая цепочка для часов. Взгляд чернильного цвета глаз то и дело обращался в сторону сестры, сидевшей у камина с книгой. Выражения ее лица Койя не разглядел, но профиль у девушки был изящный, а стройные ноги в элегантных туфельках покоились на шкуре громадного черного медведя.

Кровь застыла в жилах Койи от этого зрелища — шкуры поверженного друга, небрежно расстеленной на паркетном полу, натертом до блеска. Мех Ивана Гостова, густой и чистый, блестел как никогда при жизни зверя, и это отчего-то опечалило Койю сильнее всего. Другой на его месте стал бы горевать и спрятался в каком-нибудь укромном местечке, сочтя за лучшее убежать от смерти, нежели обмануть ее. Однако умного лиса терзал вопрос: несмотря на свои грубые замашки, Иван Гостов был почитай что царем леса, встреча с которым грозила опасностью хоть

для человека, хоть для зверя, так каким же неведомым образом Юрек сумел его одолеть?

Три дня и три ночи Койя следил за охотником, но безрезультатно. Каждый вечер Юрек много ел и пил — уходил в один из трактиров и возвращался глубоко за полночь. Ему нравилось бражничать и бахвалиться, и он часто проливал вино себе на одежду. После ночных кутежей охотник долго спал; пробудившись, шел в кожевню или в лес. Юрек ставил капканы, купался в реке, чистил и смазывал ружье, но ни разу на глазах Койи не поймал и не убил ни одного зверя.

На четвертый день, однако, Юрек вышел из кожевни, держа в мускулистых руках что-то большое и тяжелое. Подойдя к деревянной раме, он растянул на ней шкуру огромного серого волка. Имени этого волка лесные звери не знали, а спрашивать не осмеливались. Серый хищник, живший на вершине крутого утеса, держался одиночкой. Поговаривали, что стая изгнала его за какое-то чудовищное преступление. В долину он спускался лишь, когда охотился, скользя меж деревьев безмолвной серой тенью. Тем не менее, Юреку удалось снять с него шкуру!

Вечером охотник позвал в дом музыкантов. Горожане приходили подивиться на волчью шкуру. Юрек велел сестре встать с любимого кресла у камина и завернуться в ужасную накидку из шкур убитых животных. Гости тыкали пальцами в разные части накидки, а Юрек рассказывал, как добыл ту или иную шкуру: как застрелил белого медведя

Иллариона, как поймал двух золотистых рысей, чей мех пошел на рукава. Он даже похвастался, как изловил семерых лисят и сделал из их пушистых белоснежных хвостов роскошный воротник. С каждым словом Юрека его сестра все ниже опускала голову, пока не уткнулась взглядом в пол.

Койя видел, как охотник вышел из дома, отрезал от шкуры волка голову и отдал сестре. Пока гости пили и плясали, София пришивала к своей страшной накидке капюшон. Вот один из музыкантов ударил в барабан, игла в пальцах девушки дернулась и уколола ее. София поморщилась и поднесла палец к губам.

«Подумаешь, лишняя капелька крови», — сказал себе Койя. Он знал, что зловещая накидка и без того насквозь пропитана кровью убитых животных.

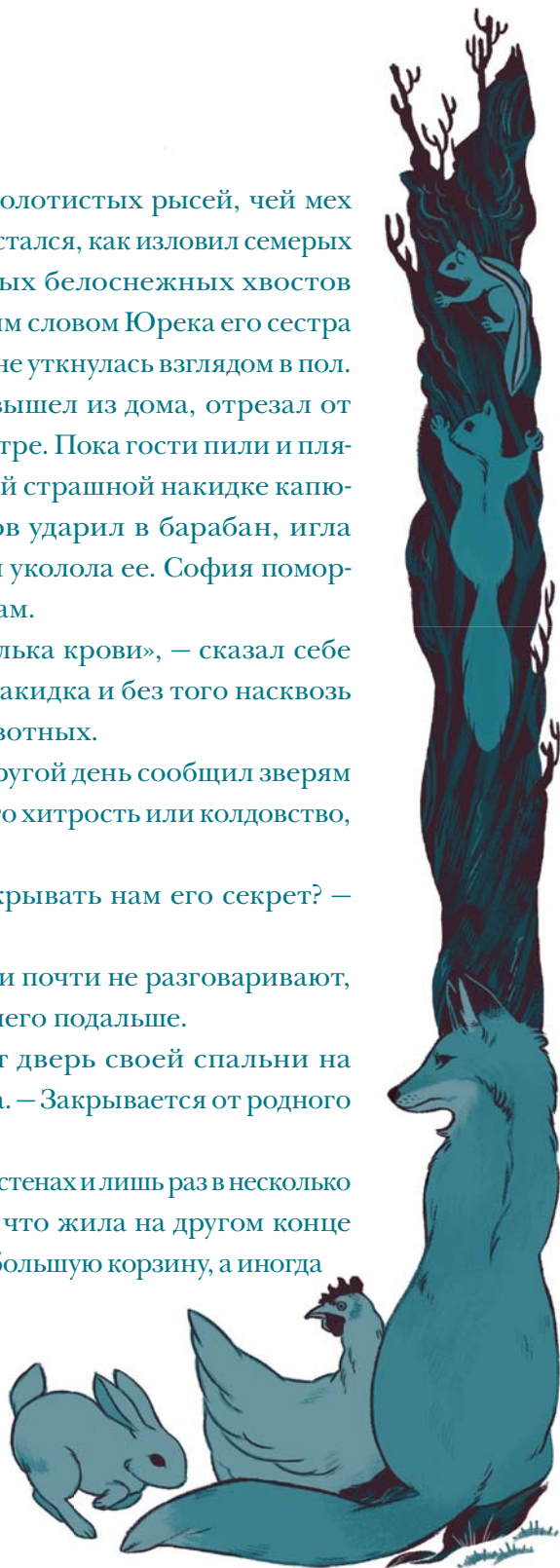
— Все дело в Софии, — на другой день сообщил зверям лис. — Юрек использует какую-то хитрость или колдовство, и сестра про то знает.

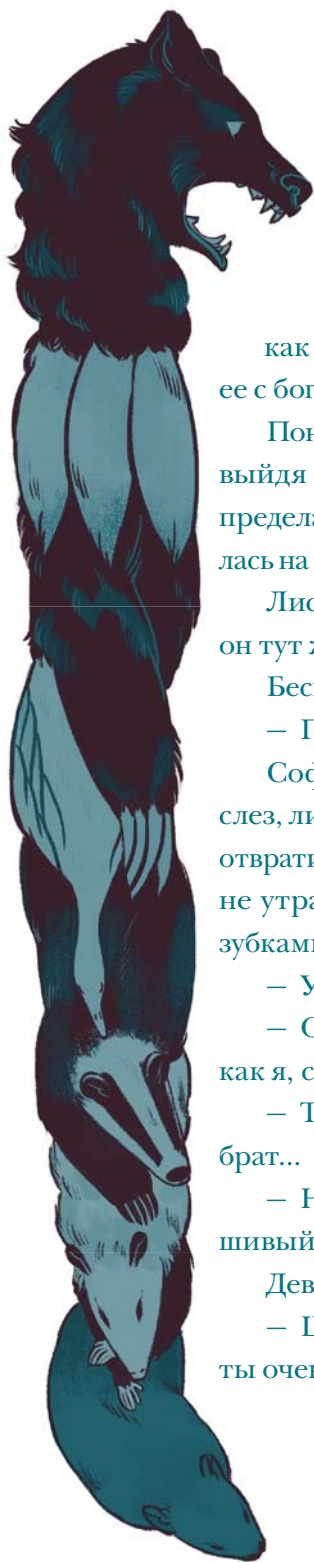
— Но с какой стати ей открывать нам его секрет? — спросил Рыжий Барсук.

— София боится брата. Они почти не разговаривают, и она старается держаться от него подальше.

— По ночам она запирает дверь своей спальни на засов, — прощепетала соловыха. — Закрывается от родного брата! Что-то тут нечисто.

Брат держал сестру в четырех стенах и лишь раз в несколько дней отпускал к старой вдове, что жила на другом конце долины. С собой девушка брала большую корзину, а иногда

везла салазки, набитые узлами с едой и шкурами. София всегда была в своей жуткой накидке, и, глядя, как она медленно тащится по дороге, Койя сравнивал ее с богомолкой, идущей на покаяние.

Поначалу София шагала бодро и не сходила с тропы, но, выйдя на тихую, засыпанную снегом полянку далеко за пределами города, она вдруг остановилась. Тяжело опустилась на поваленное дерево, уронила лицо в руки и заплакала.

Лису было неловко подглядывать за девушкой, однако он тут же смекнул: вот и возможность поговорить!

Бесшумно вскочив на другой край бревна, Койя спросил:
— Почему ты плачешь, дева?

София испуганно охнула. Глаза у нее покраснели от слез, лицо покрылось пятнами, голову закрывал капюшон отвратительной накидки, и все же, несмотря на это, девушка не утратила красоты. Беспокойно кусая губу ровными зубками, она огляделась по сторонам и шепнула:

— Уходи отсюда, лис. Здесь тебе грозит опасность.

— Опасность сопровождает меня с той самой минуты, как я, скуля, покинул чрево моей матери.

— Ты не понимаешь, — покачала головой София. — Мой брат...

— На что я ему сдался? Мясо у меня жесткое, мех паршивый.

Девушка слабо улыбнулась.

— Шкурка у тебя пятнистая, это верно, но все равно ты очень даже милый.

— Вот как? Пожалуй, я отправлюсь в Ос Альту и закажу собственный портрет.

— Что может знать о столице лесной зверь?

— Я там бывал, — сказал Койя, почуяв, что может развлечь собеседницу байкой. — По личному приглашению королевы. Она повязала мне на шею синий бант, и каждую ночь я спал на бархатных подушках.

Слезы на глазах девушки высохли, она рассмеялась.

— В самом деле?

— Все придворные старались мне подражать. Красили волосы в рыжий цвет и вырезали дырки в кафтанах, чтобы было похоже на мои пятнышки.

— Ясно, — кивнула София. — Так отчего же ты променял роскошь Большого Дворца на этот мерзлый лес?

— У меня появились враги.

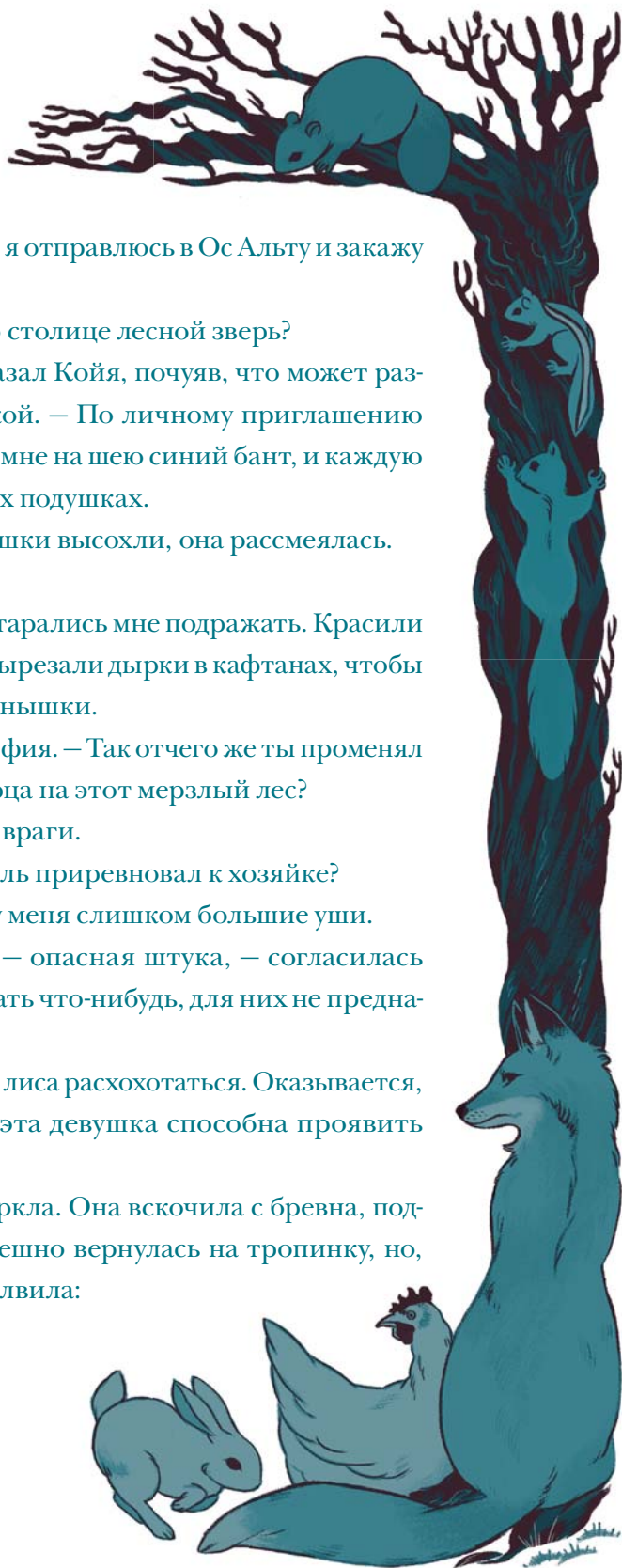
— Королевский пудель приревновал к хозяйке?

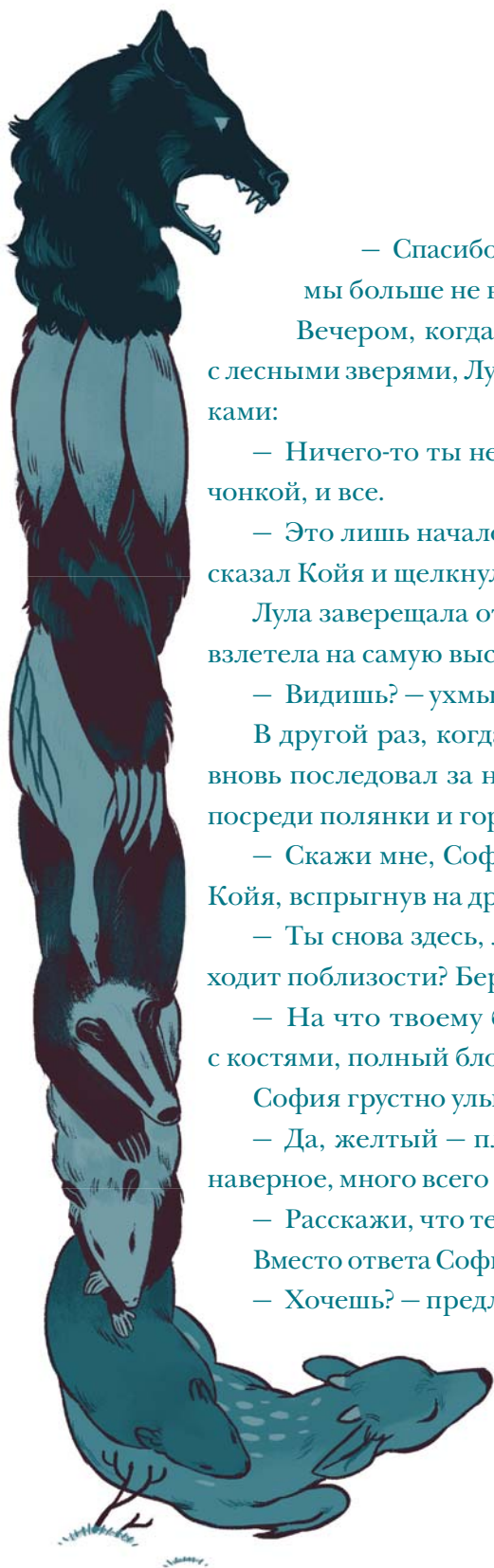
— Король счел, что у меня слишком большие уши.

— Да, большие уши — опасная штука, — согласилась София. — Можно услышать что-нибудь, для них не предназначенное.

Теперь пришел черед лиса расхохотаться. Оказывается, вдали от брата-тирана эта девушка способна проявить остроумие!

Улыбка Софии померкла. Она вскочила с бревна, подхватила корзину и поспешно вернулась на тропинку, но, прежде чем уйти, промолвила:

— Спасибо, что рассмешил меня, лис. Надеюсь, мы больше не встретимся на этом месте.

Вечером, когда Койя поделился своим рассказом с лесными зверями, Лула в отчаянии всплеснула крылышками:

— Ничего-то ты не разузнал! Только заигрывал с девчонкой, и все.

— Это лишь начало, птичка. Не нужно торопиться, — сказал Койя и щелкнул зубами над головой соловьи.

Лула заверещала от ужаса и под смех Рыжего Барсука взлетела на самую высокую ветку.

— Видишь? — ухмыльнулся Койя. — Опасайся тихонь.

В другой раз, когда София отправилась к вдове, лис вновь последовал за ней. Девушка опять села на бревно посреди полянки и горько заплакала.

— Скажи мне, София, отчего ты плачешь? — спросил Койя, вспрыгнув на другой конец бревна.

— Ты снова здесь, лис? Разве не знаешь, что мой брат ходит поблизости? Берегись, он тебя поймает!

— На что твоему брату сдался желтоглазый мешок с костями, полный блох?

София грустно улыбнулась.

— Да, желтый — плохой цвет, — признала она. — Ты, наверное, много всего видишь такими большими глазами.

— Расскажи, что тебя печалит, дева, — попросил Койя. Вместо ответа София достала из корзины головку сыра.

— Хочешь? — предложила она.

Койя облизнулся. Он все утро караулил Софию и потому не успел позавтракать. Однако умный лис знал, что нельзя брать пищу из человеческих рук, даже таких изящных и нежных. Видя, что зверь не проявляет интереса к угощению, девушка пожала плечами и сама откусила кусок сыра.

— А как же голодные вдовы? — любопытствовал Койя.

— Да пусть хоть околеют, — с досадой бросила София и вновь вонзила зубы в сырную голову.

— Почему ты от него не уйдешь? — задал следующий вопрос лис. — Ты не уродина и легко могла бы найти себе мужа.

— Не уродина? А с желтыми глазами и огромными ушами, значит, была бы просто красавицей?

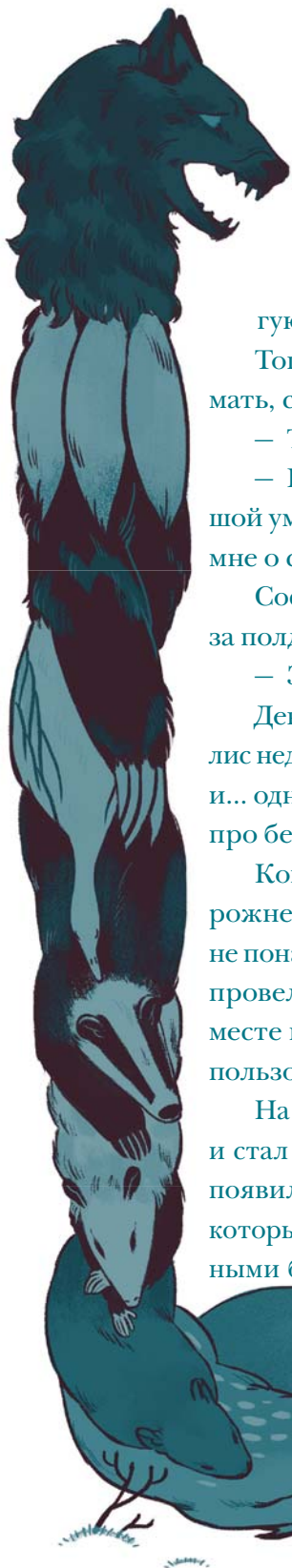
— По крайней мере, от поклонников отбоя точно не было бы.

Койя рассчитывал снова позабавить девушку, однако София лишь вздохнула. Ветер подхватил ее скорбный вздох и вознес в свинцово-серое небо.

— Мы переезжаем из одного города в другой, — сказала она. — В Балакиреве ко мне почти посватался парень, но брат не позволил нам встречаться. Я еще надеюсь, что он женится или выдаст меня замуж, но надежда эта тает с каждым днем. — Глаза Софии наполнились слезами.

— Ну, будет плакать, — сказал лис. — Я всю жизнь только и делал, что выбирался из ловушек, так неужели же не придумаю, как тебя вызволить?

— Если тебе удалось выбраться из одной западни, это не значит, что ты не попадешь в другую, — возразила София.

Тогда Койя похвастался, как перехитрил собственную мать, собак и даже Ивана Гостова.

— Ты — большой умник, — похвалила девушка.

— Не просто большой, — сказал Койя, — а самый большой умник на свете. И это все решает. А теперь расскажи мне о своем брате.

София посмотрела на солнце в небе. Время перевалило за полдень.

— Завтра, — пообещала она. — Когда вернусь.

Девушка оставила сыр на бревне и ушла. После этого лис недоверчиво обнюхал угощение. Огляделся по сторонам и... одним махом проглотил всю головку, даже не вспомнив про бедных голодных вдов.

Койя понимал, что должен вести себя как можно осторожнее, если намерен разговорить сестру охотника. Он не понаслышке знал, что такое оказаться в капкане. София провела в неволе много лет; более слабое создание на ее месте предпочло бы и дальше жить в страхе, нежели воспользоваться шансом на свободу.

На следующий день лис спрятался за кустом на опушке и стал дожидаться возвращения Софии. Наконец девушка появилась. Она с трудом тащила вверх по холму салазки, которые были нагружены узлами из одеял, туго перевязанными бечевкой. Под их тяжестью полозья салазок утопали

в снегу. Добравшись до опушки, София остановилась и робко позвала:

— Лис, ты здесь? Койя?

Только тогда Койя покинул укрытие. Завидев его, София радостно улыбнулась. Она села на бревно и заговорила о своем брате.

Юрек вставал поздно, но никогда не забывал помолиться. Каждое утро он обливался ледяной водой и съедал на завтрак полдюжины яиц. Иногда ходил в трактир, иногда чистил шкуры, а порой куда-то исчезал.

— Вспомни хорошенько, — попросил Койя, — есть ли у твоего брата что-то, чем он особенно дорожит? Может быть, он всегда носит при себе иконку? Какой-нибудь амулет или просто клочок материи, с которым никогда не расстанется?

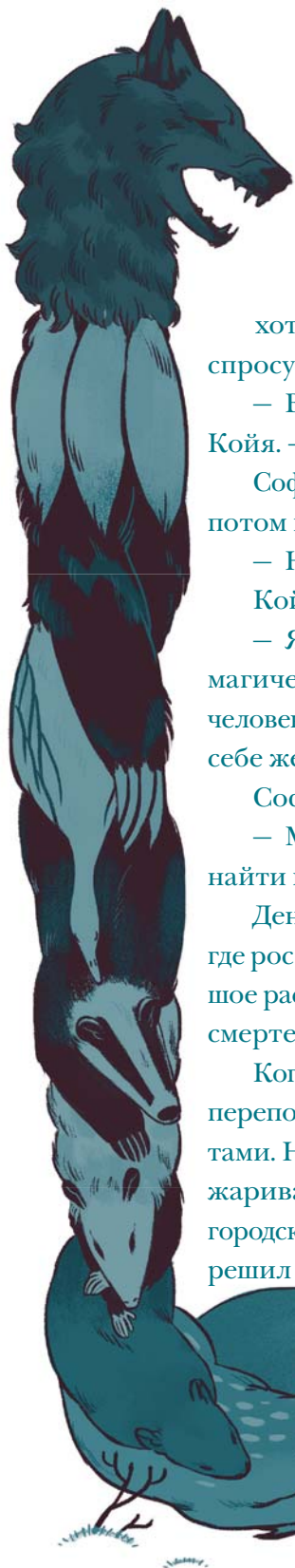
София задумалась.

— В кармашке для часов брат носит небольшой кисет, подарок одной старой женщины, которую он много лет назад спас из реки. Мы были еще совсем детьми, но Юрек уже тогда выглядел крупнее остальных ребят. Когда старуха упала в реку Сокол, он прыгнул за ней в воду и вытащил на берег.

— Значит, он бережет этот кисет?

— Да. Юрек даже спит, зажав его в кулаке.

— Должно быть, эта старуха — ведьма, — заключил Койя. — А кисет и есть та волшебная вещица, что помогает твоему брату бесшумно передвигаться по лесу и не оставлять следов. Ты должна выкрасть у него амулет.

София побелела как полотно.

— Нет, нет, — залепетала она, — я не могу. Братец хоть и храпит, но спит чутко, и, если увидит, что я без спросу зашла в его спальню... — Девушка задрожала.

— Встретимся на этом месте через три дня, — решил Койя. — Я придумаю, как быть.

София встала и стряхнула снег со своей ужасной накидки, потом грустно посмотрела на лиса и промолвила:

— Не проси от меня слишком много, лис.

Койя шагнул к ней ближе.

— Я освобожу тебя из этой западни, — сказал он. — Без магического амулета твой брат превратится в обычного человека. Ему придется осесть на одном месте, а ты найдешь себе жениха.

София намотала на руку веревку от салазок.

— Может быть, — вздохнула она. — Но сперва я должна найти в себе смелость.

День, ночь и еще один день добирался лис до болота, где рос омежник, а добравшись, аккуратно выкопал небольшое растение. Яд, содержащийся в корнях омежника, был смертелен, а для Юрека, знал лис, хватит и листьев.

Когда Койя вернулся с болот, среди лесного народа царил переполох: пропала кабаниха Тага вместе с тремя поросятами. На следующий день их сочащиеся жиром тушки поджаривались на вертелах над костром, разведенным на городской площади. Рыжий Барсук вместе со всем семейством решил уйти из леса, и другие звери тоже.

— Он не оставляет следов! — кричал Барсук. — Его ружье стреляет беззвучно! Он — не обычный охотник, лис, и даже тебе его не провести.

— Погоди, — попытался урезонить Барсука Койя. — Юрек — простой смертный, а не чудовище, и с ним можно справиться, если лишить его магической силы.

На морде Рыжего Барсука было написано отчаяние. Он согласился подождать еще немного, однако запретил своим барсучатам высовываться из норы.

При следующей встрече на опушке лис передал Софии листья омежника.

— Опусти их в кипящую воду, — велел он, — а потом вылей отвар ему в вино, и он уснет мертвецким сном. Ты без помех заберешь амулет, только вместо кисета вложи брату в ладонь какую-нибудь безделушку.

— Думаешь, у меня получится?

— Окажи мне эту небольшую услугу и будешь свободна.

— Но куда мне потом деваться?

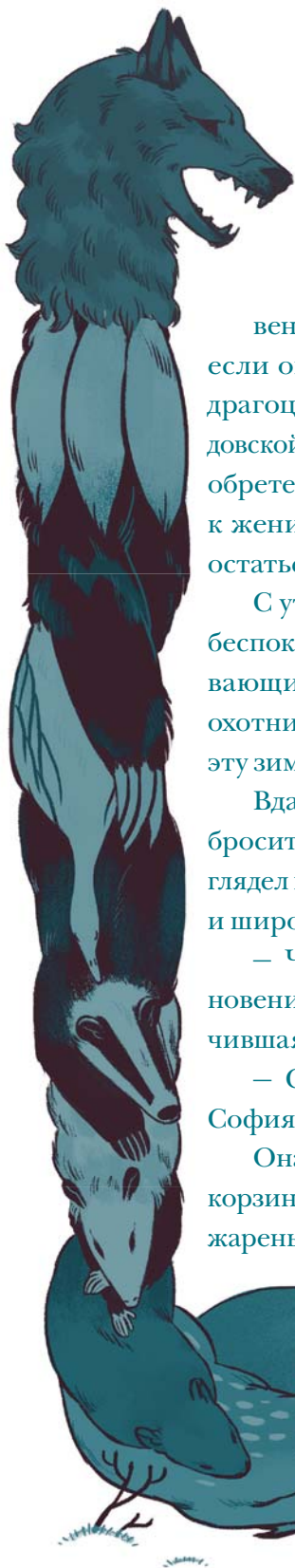
— Я стану приносить тебе хворост для костра и цыплят с фермы Туполева, чтобы ты не голодала. Мы вместе сожжем твою ужасную накидку.

— Нет, ничего не выйдет.

Койя привстал на задние лапы и ткнулся носом в дрожащую руку девушки, а затем скрылся в лесу, напоследок сказав:

— Свобода — это бремя, но ты научишься его выдерживать. Увидимся завтра. Все будет хорошо.

Несмотря на эти бодрые слова, Койя провел ночь, тревожно меряя шагами нору. Юрек — здоровенный детина. Что, если силы отвара не хватит? Что, если он проснется, когда сестра попытается выкрасть драгоценный амулет? Как только охотник лишится колдовской силы, лесные обитатели вздохнут спокойно, а София обретет свободу. Как она поступит? Вернется в Балакирев к жениху или, может, попробовать уговорить девушку остаться?

С утра пораньше Койя прибежал на опушку и теперь беспокойно топтался по мерзлой земле. Резкий, пронизывающий ветер раскачивал голые ветви деревьев. Если охотник продолжит свое черное дело, зверям не пережить эту зиму. Лес за Полвостом вымерет.

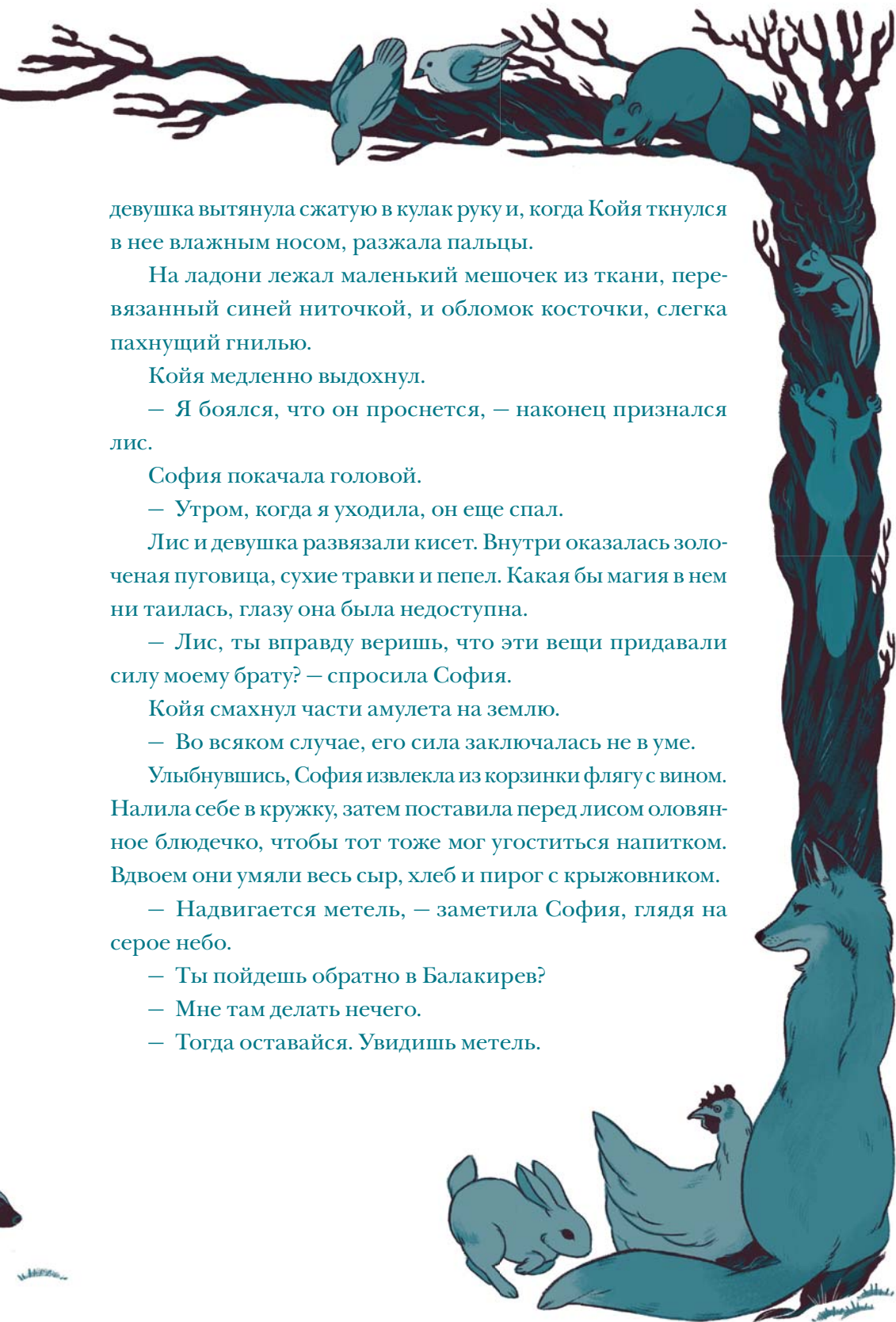
Вдалеке замаячил силуэт Софии. Лису не терпелось броситься ей навстречу, однако он сдержался. Койя разглядел под страшным капюшоном разрумянившиеся щеки и широкую улыбку, и сердце его радостно дрогнуло.

— Что скажешь? — спросил лис, когда девушка, по обыкновению мягко ступая, вышла на опушку. Накидка, волочившаяся за ней по земле, как будто заматала следы.

— Сядь со мной рядом, — с сияющим взглядом сказала София.

Она расстелила на бревне одеяло и достала из своей корзинки головку ароматного сыра, каравай хлеба, плоску жареных грибов и медовый пирог с крыжовником. А потом

девушка вытянула сжатую в кулак руку и, когда Койя ткнулся в нее влажным носом, разжала пальцы.

На ладони лежал маленький мешочек из ткани, перевязанный синей ниточкой, и обломок косточки, слегка пахнувший гнилью.

Койя медленно выдохнул.

— Я боялся, что он проснется, — наконец признался лис.

София покачала головой.

— Утром, когда я уходила, он еще спал.

Лис и девушка развязали кисет. Внутри оказалась золоченая пуговица, сухие травки и пепел. Какая бы магия в нем ни таилась, глазу она была недоступна.

— Лис, ты вправду веришь, что эти вещи придавали силу моему брату? — спросила София.

Койя смахнул части амулета на землю.

— Во всяком случае, его сила заключалась не в уме.

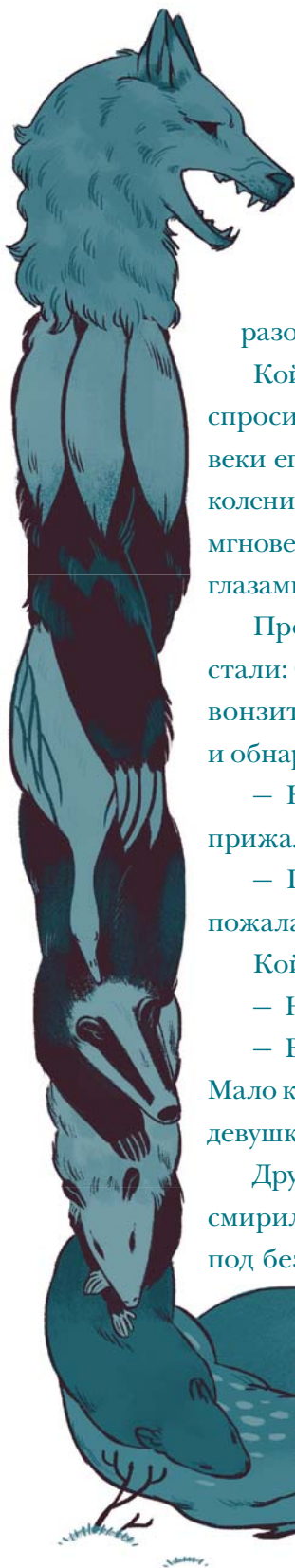
Улыбнувшись, София извлекла из корзинки флягу с вином. Налила себе в кружку, затем поставила перед лисом оловянное блюдечко, чтобы тот тоже мог угоститься напитком. Вдвоем они умяли весь сыр, хлеб и пирог с крыжовником.

— Надвигается метель, — заметила София, глядя на серое небо.

— Ты пойдешь обратно в Балакирев?

— Мне там делать нечего.

— Тогда оставайся. Увидишь метель.

— Да, до этого времени останусь. — Девушка подлила в блюдо вина. — Расскажи-ка мне еще разок, лис, как ты перехитрил собак.

Койя повторил свой рассказ о глупых собаках, а потом спросил у Софии, какое желание загадала бы она, но тут веки его начали тяжелеть. Лис заснул, положив голову на колени девушке и чувствуя себя счастливым — впервые с того мгновения, как увидел этот мир своими чересчур умными глазами.

Проснулся он от того, что ощутил щекочущий холод стали: София уже приставила нож к его брюху, собираясь вонзить лезвие. Койя попробовал отползти в сторону и обнаружил, что лапы у него связаны.

— Но почему? — выдохнул он, когда София сильнее прижала нож.

— Потому что охотник — это я. — Она равнодушно пожала плечами.

Койя бессильно застонал.

— Но я же хотел тебе помочь!

— Все всегда хотят, — сладко промурлыкала София. — Мало кто останется равнодушным при виде хорошенькой девушки в слезах.

Другой бы на месте лиса стал бы просить пощады или смирился бы с тем, что его алая кровь окропит белый снег под безжалостным ножом, но Койя отчаянно пытался

что-нибудь придумать. Было тяжело — ядовитый омежник отравил острый лисий ум.

— Твой брат...

— Мой брат — болван, которому страшно даже находиться со мной в одной комнате. Но алчность пересиливает, поэтому он остается и топит свой страх в вине. Пока вы все смотрите на его большое ружье и болтаете о ведьмах, я хожу в лес.

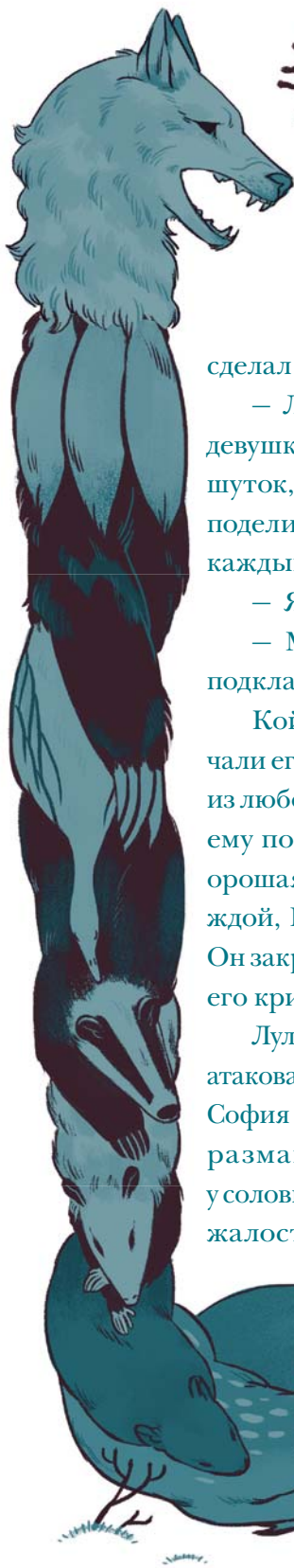
Неужели это правда? Так это Юрек заглушает ужас хмельным вином, покорно подчиняется Софии и старается держаться от нее подальше? Так, значит, это сестра приволокла убитого волка, а брат созвал полный дом гостей, только чтобы не оставаться с ней наедине? Все горожане, как и Койя, приписывали трофеи Юреку, чествовали его, требовали охотничьих историй, к которым он не имел отношения. Выходит, он отдал сестре волчью голову, чтобы потешить ее гордость?

Безмолвное лезвие вошло глубже. София не нуждалась ни во внимании публики, ни в громких выстрелах. Койя застонал от боли.

— Ты умен, — проговорила охотница, заживо снимая с лиса шкуру. — Так разве ничего не заподозрил, глядя на мои салазки?

Койя из последних сил напряг разум. Верно, иногда София возила гостинцы вдове на салазках. Он припомнил, что время от времени салазки были тяжело нагружены

и на обратном пути. Что же находилось в тех жутких узлах из одеял?

Лис проверил, крепко ли держатся путы, и вновь сделал попытку вырваться из плена дурмана.

— Ловушка всегда одна и та же, — негромко продолжала девушка. — Тебе хотелось поговорить, медведю не хватало шуток, волку — музыки. Кабанихе просто не с кем было поделиться заботами. Одиночество — западня, в которую каждый из нас рано или поздно попадает, даже я.

— Я — лис-чародей... — проскрежетал Койя.

— мех у тебя жесткий и некрасивый, я пушу его на подкладку. Буду держать тебя у самого сердца.

Койя в отчаянии обратился к словам, что всегда выручали его, к своему острому уму, который подсказывал выход из любого переплета. Однако верный друг — язык не желал ему повиноваться. Жизнь медленно вытекала из лиса, орошая заснеженное бревно. И тогда, расставшись с надеждой, Койя совершил то, чего не делал никогда прежде. Он закричал, и высоко в ветвях березы соловыхи услышала его крик.

Лула камнем слетела вниз. Птичка атаковала охотницу, целясь ей в глаза. София с яростным воплем принялась размахивать ножом, но клюв у соловыхи был острый, и она не знала жалости. В лесной чаще даже мелким

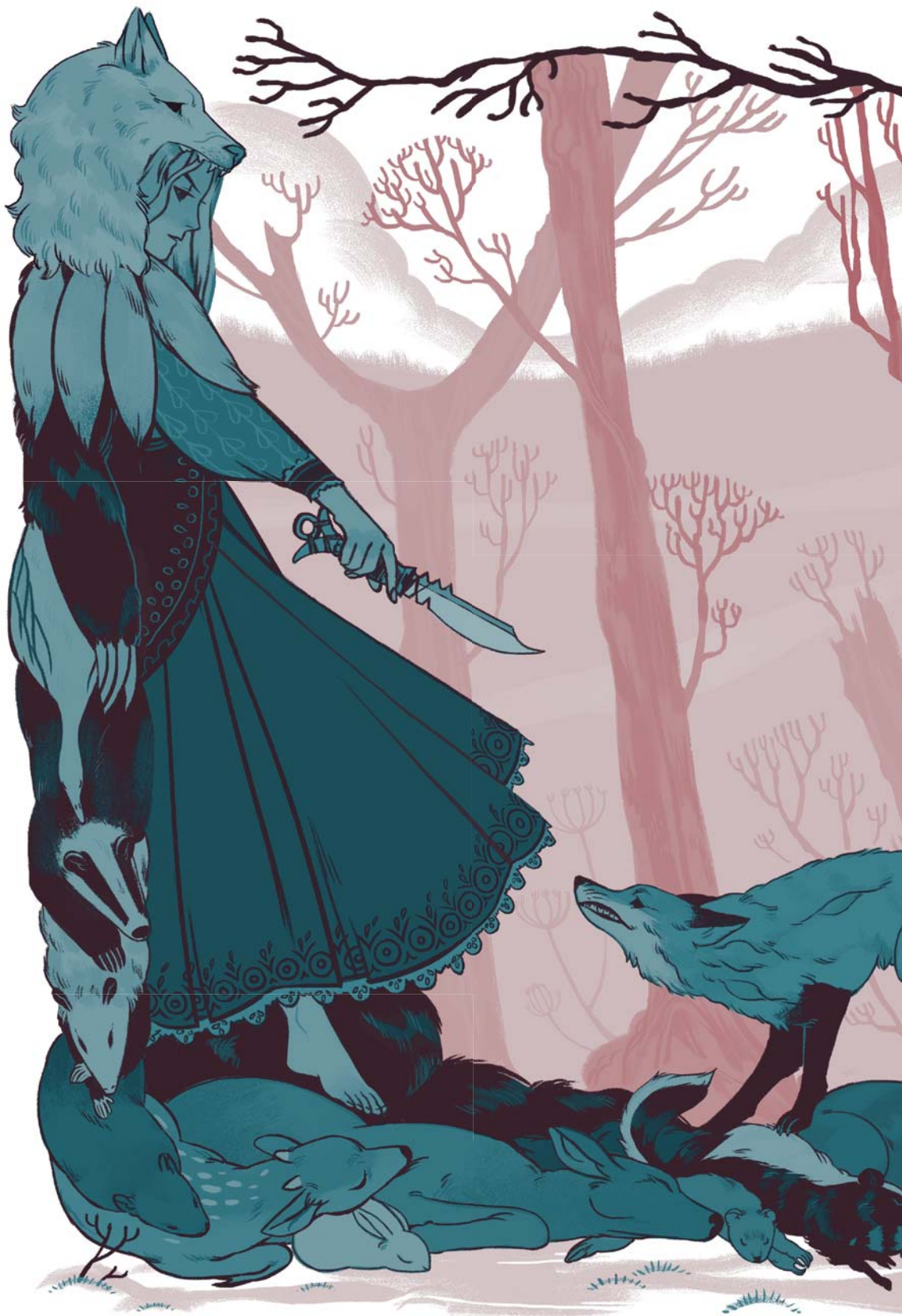

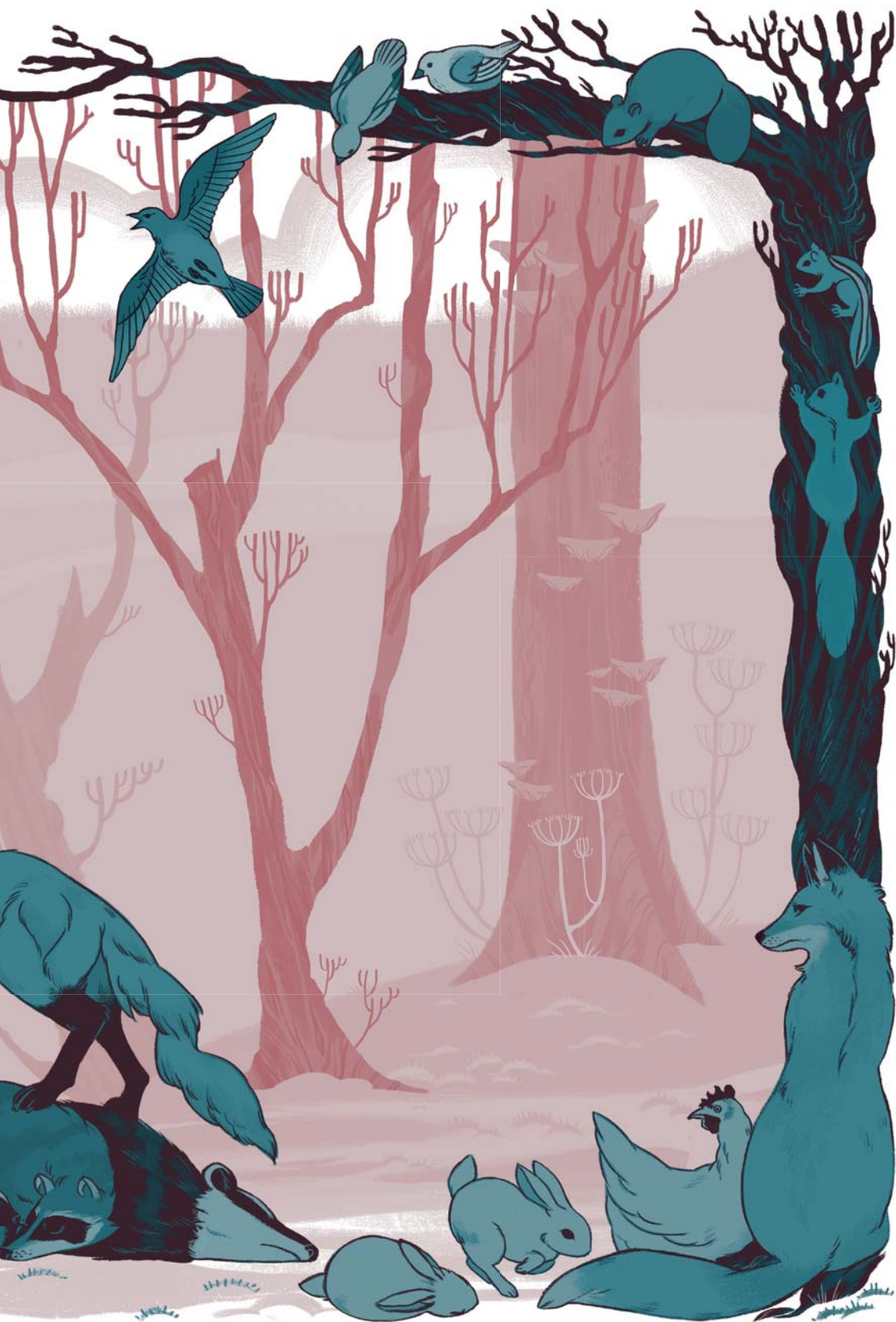
птицам приходится проявлять жестокость, чтобы выжить.

Ослепленная, умирающая от голода, София двое суток плутала по лесу, прежде чем вышла к людям. Со временем ее брат подыскал дом поскромнее и сделался дровосеком — для этой работы он годился как нельзя лучше. Нашлась ему и невеста. Безумные речи жениховой сестры о волках и лисах пугали девушку, и Юрек без лишних сожалений отправил Софию жить к старой вдове. Та приняла ее, памятуя о прежнем добре, однако, хотя София и приносила старухе еду, у нее ни разу не нашлось для вдовы доброго словечка. Так как дружбы и тепла между женщинами не было, вскоре благодарность старухи иссякла, забота о сумасшедшей стала для нее обузой, и София все чаще одиноко сидела у огня, кутаясь в свою ужасную накидку.

Меху Койи так полностью и не отрос. Теперь лис осторожнее вел себя с людьми, даже с глупым фермером Туполевым. Лесные звери уже не решались поддразнивать Койю, а когда приходили в гости к нему и соловыхе, никто и словом не упоминал о проплешинах на лисьей груди.

Койя и Лула тихо-мирно жили вдвоем. Кто другой, не такой умный, на месте птички стал бы попрекать Койю его промахами, высмеивать самоуверенность, что привела к беде, но соловыха была не просто умна. Она была мудрой.

ВЕДЬМА ИЗ ДУВЫ

БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА ЛЕС ЗА ДЕРЕВНЕЙ ДУВА
пожирал девочек.

С последнего случая минуло много лет, и все же в такие
ночи, как эта, когда с Цибей налетает ледяной ветер,
матери крепче прижимают к себе дочерей и велят не
уходить далеко от дома. «Возвращайся до темноты, — шеп-
чут они. — Деревья изголодались».

В те черные времена жили на опушке леса девочка
по имени Надя и ее брат Гавел — дети Максима Грушова,
дровосека и плотника. Максим был хорошим человеком,
в деревне его уважали. Он крыл надежные крыши,
которые выдерживали любое ненастье, мастерил креп-
кие стулья и ладные игрушки, умел гладко обтесать
острые края и так аккуратно соединить стыки, что швы
были незаметны глазу. В поисках работы он ходил от
деревни к деревне, от городка к городку, до самого Рай-
воста. В теплое время года Максим путешествовал
пешком или брал легкую телегу, а зимой запрягал в сани
двух вороных лошадок, целовал детей и отправлялся
в снежную даль. Домой он всегда возвращался с гостин-
цами: привозил то мешок зерна, то рулон шерстяной
ткани, а в отцовских карманах для дочки и сына всегда
находились сладости.

Но затем пришел голод. Деньги у людей кончились,
заплатить за резной стол или деревянную утку стало
нечем. Теперь они пускали домашнюю мебель на растопку
и молились о том, чтобы дотянуть до весны. Максиму

пришлось продать лошадей, а потом и сани, которые они тянули по заснеженным дорогам.

Удача отвернулась от плотника, а вместе с ней стала угасать и жена. Бледная и исхудавшая, точно призрак, она безмолвно бродила по комнатам. Надя уговаривала мать съесть хоть что-нибудь из скудных остатков, отдавала ей свою порцию репы и картошки, закутывала хрупкую фигурку в шаль и усаживала на крыльцо в надежде, что свежий воздух пробудит аппетит. Однако бедная женщина не ела ничего, кроме маленьких апельсиновых кексов с глазурью, что пекла вдова Карина Стоянова. Никто не знал, где вдова брала сахар, хотя у деревенских кумушек были свои догадки, по большей части связанные с одиноким состоятельным торговцем из города за рекой.

За весенней оттепелью наступило лето, но земля опять не уродила. Наконец припасы иссякли даже у вдовы. Когда кексы закончились, Надина мать совсем перестала принимать пищу, отказываясь даже от глотка чая.

Она умерла в первый день зимы вместе с последним дыханием осени и надеждой на благосклонность природы. Смерть ее осталась почти незамеченной, поскольку за два дня до отхода жены плотника в иной мир в деревне снова пропала девочка.

Лара Деникина была застенчивой девчушкой с мелким нервным смехом — одной из тех, что на сельских танцах робко стоят в сторонке. Нашли только кожаный башмак Лары, на каблуке которого запеклась кровь. Она стала

второй девочкой, исчезнувшей за последние месяцы. До нее пропала Шура Ешевская: вышла развесить белье и больше не вернулась. Кучка прищепок да мокрые простыни в луже грязи — вот и все, что от нее осталось.

Деревню охватил страх. В прошлом девочки пропадали раз в несколько лет. Ходили слухи, что такое происходило и в других деревнях, но особо в это не верилось. Теперь же, когда есть было нечего и жители Дувы потуже затягивали пояса, казалось, будто зло, притаившееся в лесу, также рассвирепело от голода.

Лара, Шура, а до них — Бетя, Людмила, Райза, Никола, другие, чьи имена позабылись... В деревне их повторяли шепотом, словно заклинания. Родители молились своим святым, девочки ходили по двое, сосед с подозрением глядел на соседа. На краю леса селяне сооружали безыскусные алтари: ставили расписные иконы, жгли восковые свечи, приносили цветы и четки.

Мужчины винили во всем волков и медведей, собирались в охотничьи отряды и хотели поджечь отдельные участки леса. Бедного дурачка Ури Панкина едва не забили камнями до смерти, обнаружив у него куклу одной из пропавших девочек. Спасли несчастного только слезы его матери и настойчивость, с которой она уверяла, будто сама нашла злосчастную игрушку на Востопольском тракте.

Некоторые предполагали, что девочки могли по собственной воле уйти в лес, влекомые голодом. Время от

времени, когда ветер дул со стороны деревьев, оттуда доносились невероятно аппетитные, сводившие с ума запахи — например, *пельменей* с мясом молочного ягненка или вишневой бабки. Сидя на крыльце рядом с матерью и уговаривая ее съесть еще ложечку бульона, Надя и сама едва справлялась с соблазном побежать в лес. Ей чудился аромат печеной тыквы, грецких орехов, тростникового сахара, и ноги сами несли девочку вниз по ступенькам, в густую тень, где деревья тихо шелестели листвой и вздыхали, словно готовились расступиться перед ней.

Вот дурехи-девчонки, подумаете вы. Уж вы ни за что бы так не сглупили, верно? Но вам невдомек, что такое бескормица. Последние несколько лет выдались урожайными, а люди быстро забывают тяжкие времена. Они уже не помнят, как матери душили в колыбельках младенцев, чтобы унять их голодный плач, и как зверолов Леонид Гемка, два месяца просидев в нетопленной хижине, обглодал ногу убитого им родного брата.

Сидя перед домом Бабы Оли, деревенские старухи вглядывались в лесной сумрак и шепотом повторяли: «Хитка!» От этого слова волосы на голове Нади вставали дыбом, однако она уже выросла из детских сказок, а потому вместе с Гавелом смеялась над глупой болтовней. Хитками называли злобных лесных духов, мстительных и кровожадных. По легендам, они охотились за новорожденными детьми и юными девушками, еще не созревшими для замужества.

— Кто знает, отчего у него пробуждается аппетит? — безнадежно махнула костлявой рукой Баба Оля. — Может, зависть разыграла или обозлился на что-то...

— А может, ему просто пришлось по вкусу наши девицы! — Ковыляя мимо крыльца, хромой Антон Козарь сопровождал свое высказывание непристойными движениями языка.

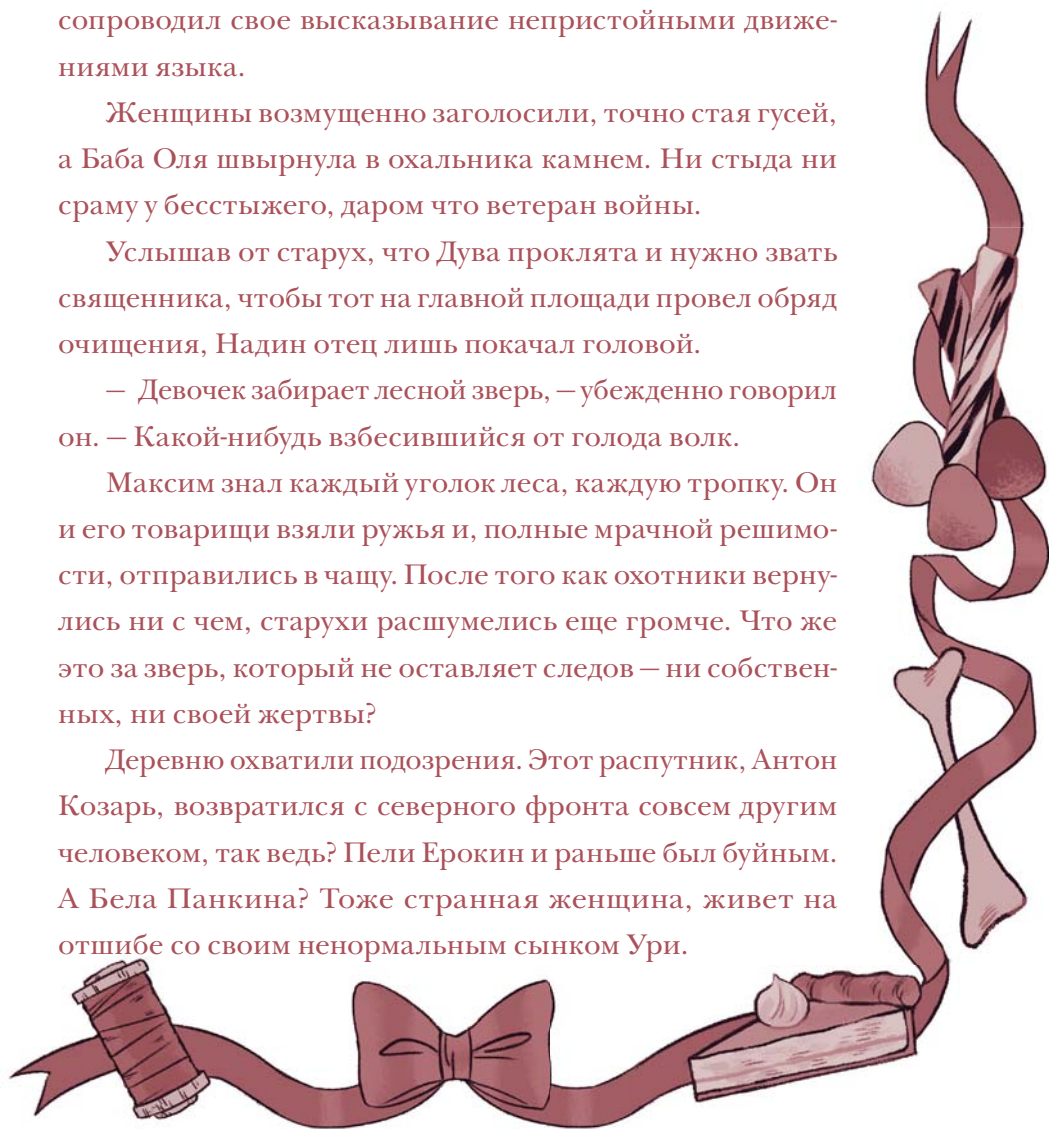
Женщины возмущенно заголосили, точно стая гусей, а Баба Оля швырнула в охальника камнем. Ни стыда ни сраму у бесстыжего, даром что ветеран войны.

Услышав от старух, что Дува проклята и нужно звать священника, чтобы тот на главной площади провел обряд очищения, Надин отец лишь покачал головой.

— Девочек забирает лесной зверь, — убежденно говорил он. — Какой-нибудь взбесившийся от голода волк.

Максим знал каждый уголок леса, каждую тропку. Он и его товарищи взяли ружья и, полные мрачной решимости, отправились в чащу. После того как охотники вернулись ни с чем, старухи расшумелись еще громче. Что же это за зверь, который не оставляет следов — ни собственных, ни своей жертвы?

Деревню охватили подозрения. Этот распутник, Антон Козарь, возвратился с северного фронта совсем другим человеком, так ведь? Пели Ерокин и раньше был буйным. А Бела Панкина? Тоже странная женщина, живет на отшибе со своим ненормальным сыном Ури.

Хитка умеет принимать любой облик. Может, Бела вовсе и не «нашла» куклу той пропавшей девочки.

Стоя у могилы матери, Надя видел деревянную ногу и сальную ухмылку Антона, разлохмаченные волосы и стиснутые кулаки жилистого Пели Ерокина, тревожно нахмуренный лоб Белы Панкиной, сочувственную улыбку и взгляд выразительных черных глаз вдовы Карины Стояновой, которых она не сводила с Надиного отца, пока гроб, сколоченный им для любимой жены, опускали в мерзлую землю. Хитка мог обернуться кем угодно, однако чаще всего принимал облик красивой женщины.

Скоро Карина стала частой гостьей в доме Максима. Она приносила еду и квас, а заодно нашептывала вдовцу, что кто-то должен позаботиться о нем и его детях. Гавела вот-вот призвут на военную службу — юноша сядет на поезд, что идет в Полизную, и отправится в армию, — а за Надей нужно приглядывать. «Ты же не хочешь, — сладко мурлыкала Карина, — чтобы дочка тебя опозорила?»

Тем же вечером Надя подошла к отцу, который сидел у огня, потягивал квас и обстругивал деревяшку. В свободное время плотник иногда вырезал для Нади кукол, хотя девочка давно из них выросла. Острый нож неумоимо двигался в умелых руках, роняя на пол завитки мягкой стружки. Максим слишком засиделся дома. Лето и осень — сезоны, когда можно было найти заработок, — он провел, ухаживая за хворой женой. Пройдет немного времени, и зима засыплет дороги снежными сугробами. Запасы

еды подходили к концу, а деревянные куклы на каминной полке множились, напоминая безмолвный, бесполезный хор. Плотник порезал палец, выругался и только тогда заметил дочь, взволнованно переминавшуюся с ноги на ногу.

— Папа, — попросила Надя, — не женись на Карине.

Она надеялась, отец скажет, что даже не задумывался о женитьбе, но тот слизнул кровь из ранки на пальце и спросил:

— Почему? Она тебе не нравится?

— Нет, — честно ответила Надя. — И я ей — тоже.

Максим со смехом провел грубыми костяшками пальцев по девичьей щеке.

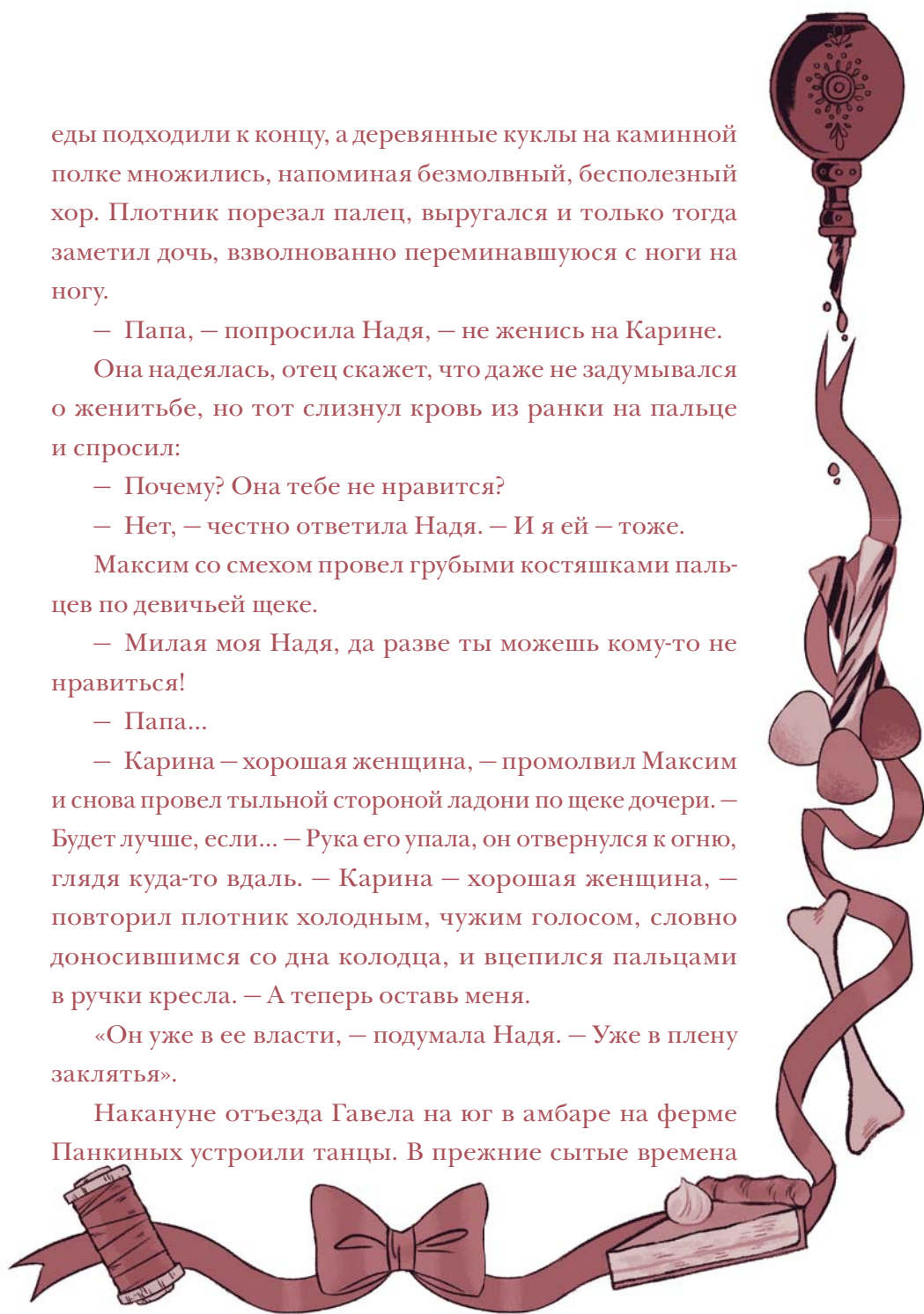
— Милая моя Надя, да разве ты можешь кому-то не нравиться!

— Папа...

— Карина — хорошая женщина, — промолвил Максим и снова провел тыльной стороной ладони по щеке дочери. — Будет лучше, если... — Рука его упала, он отвернулся к огню, глядя куда-то вдаль. — Карина — хорошая женщина, — повторил плотник холодным, чужим голосом, словно доносившимся со дна колодца, и вцепился пальцами в ручки кресла. — А теперь оставь меня.

«Он уже в ее власти, — подумала Надя. — Уже в плену заклятья».

Накануне отъезда Гавела на юг в амбаре на ферме Панкиных устроили танцы. В прежние сытые времена

праздник гремел бы на всю округу, а столы ломились бы от блюд, наполненных орехами и яблоками, горшков с медом и кувшинов с пряным квасом. Сегодня все было почти так же — мужчины выпивали, весело играла скрипка, но даже сосновые ветки и блеск начищенного самовара Бабы Оли, главного ее сокровища, не могли скрыть того факта, что на столах пусто. И хотя гости плясали и хлопали в ладоши, на празднике неуловимо веяло мрачным унынием.

Женечку Лукину выбрали Королевой Оттепели. Чтобы зима поскорее закончилась, Королеве полагалось танцевать с любимым, кто ее пригласит, однако по-настоящему радостным на этом празднике выглядел лишь Гавел. Он уже почти солдат, скоро будет ходить с ружьем и питаться за счет королевской казны. Возможно, он, как многие до него, погибнет на войне или вернется домой калекой, но в этот вечер лицо юноши светилось облегчением: он покидает Дуву.

Надя разок станцевала с братом, другой — с Виктором Ероновым, а потом села к вдовам и замужним женщинам. Взгляд упал на Карину: та не отходила от ее отца. Руки — словно гибкие ветви березы, глаза — черные озера, скованные льдом. Максим уже нетвердо держался на ногах.

Хитка, дохнуло на Надю из темноты под крышей амбара, когда Карина взяла плотника под локоть — пальцы оплелись цепко, будто бледный ползучий побег. Девочка отогнала глупые мысли и перевела взор на Королеву Оттепели,

на ее длинную золотую косу, украшенную яркими красными лентами. Почувствовав укол зависти, Надя устыдилась. Нашла чему завидовать! Женечка терпела, пока не закончится танец с Антоном Козарем; тот просто стоял и покатывался, одной рукой опираясь на костыль, а другой крепко прижимая к себе Женечкину талию. И все же неприятное чувство Надю не отпускало.

— Поезжай с Гавелом, — раздался голос у нее над ухом.

От неожиданности девочка чуть не подскочила. Она и не заметила, как к ней подошла Карина. Красивая, стройная, черные волосы рассыпаны по плечам мягкими кольцами. Надя посмотрела на нее, а затем отвернулась и вновь устремила взгляд на танцующих.

— Я не могу уехать, и тебе это известно. Я еще недостаточно взрослая, — до призыва в армию Наде оставалось два года.

— Так соври, прибавь пару лет.

— Здесь мой дом, — яростным шепотом ответила девочка, борясь с подступившими слезами. — Ты не посмеешь меня выгнать. — «Папа тебе не позволит», — мысленно прибавила она, не осмеливаясь произнести это вслух.

Карина вплотную наклонилась к Наде. Алые влажные губы вдовы раскрылись в улыбке, обнажив полный рот зубов — казалось, их чересчур много.

— Гавел, по крайней мере, мог работать и охотиться, — пропела она, — а ты — просто лишний рот.

Не переставая улыбаться, Карина больно дернула девочку за волосы. Если бы сейчас Надин отец посмотрел на них, то увидел бы лишь, как молодая женщина дружелюбно подбадривает его дочь — наверное, уговаривает выйти потанцевать.

— Больше предупреждать не буду, — прошипела вдова. — Убирайся вон.

Наутро мать Женечки Лукиной обнаружила, что постель дочери не разобрана. Королева Оттепели не пришла домой с танцев. Лишь алая ленточка трепетала на ветру, зацепившись за ветку молодой березы у опушки леса, ленточка да клочок золотых волос, словно вырванных из косы.

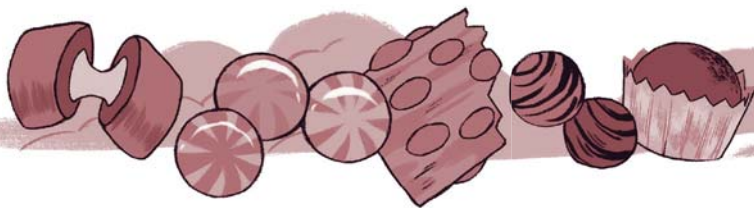
Надя молча смотрела, как мать Женечки рухнула на колени и зарыдала. Прижимая ленту к губам, бедная женщина взывала к милости святых. Вдова наблюдала за ней с другой стороны дороги. Черные глаза Карины сверкали, уголки губ опустились так, что рот напоминал отставшую от дерева кору; длинные тонкие пальцы походили на голые ветви, с которых сорвал листву жестокий ветер.

На прощание Гавел обнял сестру и шепнул ей:

— Береги себя.

— Как? — спросила девочка, но у брата не было ответа на ее вопрос.

Через неделю Максим Грушов и Карина Стоянова обвенчались в маленькой беленой церквушке, что стояла в самом центре деревни. Свадебного пира не было, как не

было и цветов в причёске новобрачной, лишь бабушкин жемчужный кокошник. Сойдясь во мнении, что жемчуг, скорее всего, фальшивый, соседи все же не могли не признать, что невеста выглядит очень мило.

Чтобы молодожены могли провести брачную ночь наедине, Надю положили спать у Бабы Оли. Когда утром девочка возвратилась домой, ее встретила тишина — отец и мачеха еще не вставали. На кухонном столе валялась пустая бутылка из-под вина, рядом на блюде — крошки от пирога — судя по запаху, апельсинового кекса. Похоже, Карина все-таки сохранила про запас немного сахара. Надя не удержалась и облизала блюдо.

* * *

Несмотря на отъезд Гавела, в доме стало как будто теснее. Максим беспокойно бродил из комнаты в комнату, не в силах усидеть на одном месте дольше нескольких минут. В первое время после свадьбы он выглядел спокойным, почти счастливым, но постепенно делался все более нервным и взвинченным. Плотник много пил, проклинал нехватку работы, сани, которых лишился, пустое брюхо. Он кричал на Надю, а когда девочка подходила слишком близко, отворачивался, точно она была ему противна.

В редкие случаи, когда Максим бывал ласков с дочерью, на пороге непременно появлялась Карина. Ее черные глаза горели ревностью, узкие пальцы туго скручивали полотенце. Она отправляла падчерицу на кухню,

заставляла выполнять самую нелепую работу и велела не путаться у отца под ногами.

За столом Карина смотрела на Надю так, словно ненавидела за каждую каплю разведенного водой бульона, которую проглатывала девочка, словно с каждой ложкой падчерица вычерпывала содержимое ее собственного желудка, расширяя и углубляя образовавшуюся в нем пустоту.

Минуло чуть больше недели, когда Карина схватила Надю за плечо и, кивнув в сторону леса, приказала:

— Ступай проверь силки.

— Скоро стемнеет, — возразила Надя.

— Глупости, еще совсем светло! Должна же быть от тебя хоть какая-то польза. Иди и без мяса к ужину не возвращайся.

— Где отец? — потребовала ответа девочка.

— У Антона Козаря. Пьет, играет в карты и пытается забыть, что небеса наказали его, послав негодную дочку. — Карина с силой вытолкала падчерицу за дверь. — Ну, ступай, не то скажу отцу, будто видела тебя с Виктором Ероновым.

Наде хотелось ворваться в убогую хижину Антона Козаря, выбить из отцовской руки стакан, крикнуть, чтобы он выгнал из дома эту злобную ведьму с бездонными черными глазами. Именно так Надя и поступила бы, будь она уверена, что отец примет ее сторону. Вместо этого девочка пошла в лес.

Две первых ловушки оказались пустыми. Сердце в груди Нади гулко стучало, а тени становились все длиннее, но она заставила себя идти дальше, ориентируясь на белые камушки, которыми Гавел отмечал тропинку. В третьем силке трепыхался ошалевший от страха заяц-русак. Пропустив мимо ушей последний писк, исторгнутый из груди зверька, Надя одним решительным движением свернула ему шею и почувствовала, как обмякла теплая тушка. Шагая назад с добычей, девочка представляла, как порадуетсся отец за ужином. Он назовет ее храброй девочкой, но отругает за то, что она отправилась в лес в одиночку, а когда Надя признается, что в лесную чащу ее послала мачеха, отец навсегда прогонит Карину.

Однако, когда она переступила порог, Карина уже дожидалась ее, вся белая от бешенства. Мачеха вырвала зайца из Надиных рук и затолкала девочку в комнату. Снаружи щелкнул засов. Надя долго колотила в дверь кулаками, требовала ее выпустить, но кто мог отозваться на крики?

Наконец, ослабев от голода и отчаяния, она упала на кровать, подтянула колени к груди и расплакалась. Девочка долго лежала, сотрясаясь в рыданиях, но урчание пустого желудка не давало уснуть. Надя скучала по брату, тосковала по матери. За весь день она съела лишь кусочек репы на завтрак, и, если бы Карина не отобрала у нее зайца, девочка зубами порвала бы его на куски и сожрала сырым.

Поздно ночью она услышала, как распахнулась входная дверь, отец на заплетающихся ногах прошел по коридору и осторожно поскребся к ней. Прежде чем Надя успела ответить, за дверью раздался ласковый, воркующий голос Карины. Тишина, шорох ткани, глухой стук, стон и снова стук — ритмичные шлепки тел о стену, охи и вздохи. Надя заткнула уши. Конечно, Карина знала, что в комнате слышен каждый звук, и устроила все это ей в наказание. Девочка еще глубже зарылась в одеяла и подушки, но все равно не могла спрятаться от этого постыдного, иступленного ритма, в такт с которым в голове Нади звучали слова Карины, сказанные на танцах: «Убирайся вон. Вон. Вон. Вон».

На следующий день отец проспал до полудня. Когда он вышел на кухню и Надя подала ему чай, Максим отшатнулся от дочери. Взгляд его блуждал по полу. Мачеха с перекошенным лицом стояла возле раковины и перемешивала щелок.

— Пойду к Антону, — объявил плотник.

Надя в отчаянии открыла рот, чтобы просить отца не оставлять ее наедине с Кариной, однако тут же поняла, что это бессмысленно. Через мгновение Максима уже не было.

На сей раз, когда Карина велела ей проверить силки, девочка молча повиновалась. Однажды она уже ходила в лес, а значит, справится и сегодня. Она освежает и приготовит зайца сама, на костре. Домой Надя

вернется сытой и сумеет дать отпор мачехе, с отцовской помощью или без.

Надежда придала ей уверенности. В воздухе закружились первые снежинки, но девочка не повернула назад и упорно шла от одной пустой ловушки к другой. Только когда начало смеркаться, она сообразила, что уже не видит белых камушков — отметок Гавела. С неба падали снежные хлопья. Надя замерла и медленно повернулась кругом, крутя головой по сторонам в поисках какого-нибудь ориентира, знака, который выведет ее на тропинку. Деревья превратились в черные полосы, с земли мягкими клубами взметались снежные вихри. Дневной свет постепенно тускнел. Девочка поняла, что дорогу домой ей не найти. Царившее вокруг безмолвие нарушал лишь вой ветра и ее собственное прерывистое дыхание. Лес погружался в темноту.

А потом она вдруг ощутила его, это густое, душистое облако, такое горячее, что обжигало ноздри: аромат жженого сахара! Надя задышала часто-часто, и, хотя в груди нарастал страх, рот непроизвольно наполнился слюной. Она подумала о зайце, которого достала из силка в прошлый раз, вспомнила сумасшедший стук его сердечка, вращавшиеся от ужаса белки глаз. Что-то прошмыгнуло мимо нее в темноте. Надя бросилась бежать.

Не разбирая дороги, она неслась через лес. Ветви хлестали по лицу, ноги цеплялись за ползучие побеги ежевики, засыпанные снегом. За спиной хрустели

неуклюжие шаги — ее собственные? А может, Надю преследовал кто-то или что-то... с полной пастью острых зубов и длинными белыми пальцами, хватавшими ее за подол?

Когда впереди за деревьями замаячил огонек, на краткий безумный миг Наде показалось, будто она вернулась домой. Однако выбравшись на опушку, девочка увидела, что дом имеет совсем другие очертания. Он был большой, кривобокий, в каждом окошке горел свет. В Духе никто не стал бы попусту жечь свечи. Казалось, дом поворачивается, словно приветствуя гостью. Она растерянно попятилась, под ногой треснула ветка. Надя метнулась к крашеной двери и принялась дергать за ручку. Фонарь над головой закачался. «Помогите!» — крикнула Надя. Дверь отворилась, девочка забежала внутрь, захлопнув ее за собой. Что это за глухой стук снаружи? Кто-то в бесильной злобе скребет когтями по доскам или Наде просто почудилось? Из-за хриплых рыданий, душивших девочку, разобрать было трудно. Она стояла, прислонившись лбом к двери, и ждала, пока успокоится бешеный стук сердца. Только после этого Надя смогла выдохнуть и повернуться.

В комнате было тепло, ее озарял мягкий золотистый свет — Надя словно оказалась внутри заварной булочки. Пахло жареным мясом и свежеиспеченным хлебом. Все вокруг было расписано яркими узорами из цветов, листьев, животных и крохотных человечков, которые сверкали

как новенькие, так что после унылой серости Дувы на них даже больно было смотреть.

У дальней стены, во всю длину которой протянулась черная кухонная плита, стояла женщина. На плите булькало не менее двух десятков горшков: и маленькие, накрытые крышками, и большие, открытые, содержимое коих едва не переливалось через край. Под плитой за железными распашными дверцами на петлях располагалась духовка, такая огромная, что в нее можно было уложить вдоль человека — если не взрослого, то уж ребенка точно.

Женщина сняла крышку с одного из горшков, и на Надю пахнуло душистым паром. Лук, щавель, курица. Девочку охватило чувство голода, столь острое и всепоглощающее, что перед ним отступил даже страх. С ее губ сорвался приглушенный взглас, и она поспешно прикрыла рот ладошкой.

Женщина оглянулась. Старая, но не уродливая; длинная седая коса перевязана красной лентой. Увидев ленту и вспомнив Женечку Лукину, Надя заколебалась. Ароматы жженого сахара, баранины, чеснока и масла наслаивались друг на друга и дурманили до дрожи.

В корзинке, свернувшись клубком, лежал пес. Животноеглодало косточку. Когда же Надя пригляделась, то обнаружила, что это вовсе и не пес, а медвежонок в золотом ошейнике.

— Нравится Владчек?

Надя кивнула.

Женщина поставила на стол миску, доверху наполненную мясным рагу.

— Садись, — сказала она и вернулась к плите. — Ешь.

Надя сняла накидку и повесила ее у двери, потом стянула промокшие варежки. Опасливо села за стол, взяла ложку и вновь застыла в нерешительности. Она хорошо помнила из историй, что в доме ведьмы ни в коем случае нельзя есть и пить, но в конце концов не устояла. Девочка жадно съела рагу — всю тарелку, до последней горячей капельки соуса, — затем слоеные булочки, сливы в сиропе, яичный пудинг и ромовую бабу с коричневым сахаром, щедро начиненную изюмом. Надя ела и не могла остановиться, а женщина тем временем присматривала за горшками на плите, негромко напевая себе под нос.

«Она нарочно меня откармливает, — подумала Надя, чьи веки уже начали тяжелеть. — Дождется, пока я усну, потом сунет в печку и поджарит — вот и выйдет новая порция рагу». Впрочем, девочку это уже не пугало. На полу рядом с корзинкой Владчека женщина постелила одеяло. Надя рухнула на него и крепко заснула, довольная, что умрет не на голодный желудок.

Однако, проснувшись на следующее утро, девочка обнаружила, что все части тела по-прежнему при ней, а на столе ее ждет миска горячей каши, ржанные тосты с маслом и блестящие ломтики сельди, утопающие в соусе.

Старуха назвалась Магдой. Она села за стол и, посасывая сливу в сахаре, стала молча смотреть, как гостья

завтракает. За окном падал снег, а Надя ела, пока не заболел живот. Насытившись, она поставила миску на пол перед медвежонком, и Владчек начисто ее вылизал. Только после этого Магда выплюнула сливовую косточку в кулак и спросила:

— Чего ты хочешь?

— Вернуться домой, — ответила Надя.

— Так иди, — сказала старуха.

Надя посмотрела в окно. Метель не прекращалась.

— Не могу.

— Тогда помогай мне помешивать варево в горшках.

Весь день до вечера Надя штопала носки, чистила сковородки, измельчала травы, процеживала сахарный сироп. От долгого стояния у плиты в клубках пара волосы у нее начали завиваться. Девочка мешала варево в котелках и гадала, какая судьба ждет ее дальше. В этот вечер на ужин они ели голубцы с мясом, жареного гуся с хрустящей корочкой, а на десерт — абрикосы с заварным кремом в маленьких розетках.

Утром Надя угощалась толстыми промасленными блинами с начинкой из вишни и творога. После завтрака ведьма спросила:

— Чего ты хочешь?

— Вернуться домой, — сказала Надя. Посмотрев в окошко, за которым сыпал снег, она прибавила: — Только не могу.

— Тогда мешай варево в горшках, — сказала Магда.

Так продолжалось день за днем, а снег все шел, наметая вокруг дома огромные пушистые сугробы. Утром метель наконец прекратилась. Ведьма накормила девочку картофельным пирогом с сосисками и спросила:

- Чего ты хочешь?
- Вернуться домой, — ответила Надя.
- Тогда бери в руки лопату, — сказала Магда.

Надя взяла лопату и начала расчищать сугробы вокруг дома. Компанию ей составил Владчек, весело кувыркавшийся в снегу, и слепой ворон, которого Магда кормила ржаными крошками и иногда носила на плече. Днем Надя подкрепилась черным хлебом с мягким сыром, печеными яблоками, выпила кружку горячего сладкого чая, приготовленного старухой, и отправилась в обратный путь.

Выйдя к лесу, она вдруг подумала: а в какую сторону идти? Ударил мороз, лес превратился в царство льда и сплетенных ветвей. Что ждет ее в чаще? И даже если она проберется через глубокие сугробы и найдет дорогу в Дуву, что тогда? Слабак-отец робко попытается ее обнять? А как поступит его похотливая жена? Ни одна дорога не приведет Надю в прежний, любимый дом. От этой мысли в ее груди образовалась болезненная трещина, щель, через которую в душу проникал холод. На какой-то страшный миг она почувствовала себя маленьким заблудившимся ребенком, безымянным и никому не нужным. Стой она хоть целую вечность на этой опушке с лопатой в руке, никто не окликнет ее, не позовет домой. Надя резко

развернулась и побежала обратно, к золотистому теплу кухни. На бегу она шепотом повторяла собственное имя, словно боялась его забыть.

Изо дня в день девочка трудилась: мыла полы, вытирала пыль, чинила одежду, убирала снег, очищала окна от намерзшего льда. Но чаще всего Надя помогала Магде с готовкой — и не только еды. Ведьма делала лосьоны и притирания, едко пахнущие мази, настойки во флаконах темного стекла, жемчужного оттенка пудру, которую раскладывала по маленьким узорным баночкам. В горшках на плите всегда булькало что-то непонятное. Скоро Надя узнала секрет Магды.

Они всегда являлись поздно вечером, на растущей луне. Мужчины и женщины преодолевали долгие мили льда и снега, в санях или верхом на захудалой лошаденке, даже пешком. Они приносили яйца, вяленое мясо, муку, зерно; везли копченую рыбу, кирпичики соли, головы сыра, вино в бутылках, чай в жестяных банках и непременно сахар — целыми мешками, ибо Магда, как известно, любила сладкое. Они приходили за приворотным зельем или ядом, который нельзя распознать, умоляли сделать их красивыми, богатыми, здоровыми.

Когда в дверь стучали, Надя пряталась. По приказу ведьмы она забиралась на самую высокую полку в кладовой. «Молчи и не высовывайся, — наказывала Магда. — Не хватало еще, чтобы пошли слухи, будто я краду девочек». И вот Надя сидела в кладовой с Владчеком, грызла пряное

сухое печенье или сосала лакричный леденец и наблюдала за работой ведьмы. Девочка легко могла выскочить к людям, закричать, что Магда удерживает ее силой, и попросить, чтобы ее отвезли домой. Вместо этого она сидела тихо-тихо, не издавая ни звука. Во рту растекалась сладость, а Надя смотрела, как люди приходят к старухе со своими просьбами, отчаявшись или негодуя, но при этом проявляют к ней неизменную почтительность.

Магда давала им капли для глаз, лосьоны для укрепления волос, разглаживала морщины, стучала по груди, пока больной не отхаркивал черную желчь. Надя не могла понять, что из этого — настоящее целительство, а что — лишь умелое представление, пока однажды ночью к ведьме не пришла женщина с кожей, точно воск.

Как и остальные, она была страшно худой, с впалым, резко очерченным лицом. Магда задала ей вопрос, которым встречала всякого, к ней приходившего: «Чего ты хочешь?»

Задышавшись от рыданий, женщина рухнула на руки ведьмы, и та принялась гладить ее по плечам, бормотать что-то ласковое, утирать слезы. Надя не могла разобрать слов — они переговаривались слишком тихо. Перед уходом незнакомка достала из кармана крохотный мешочек и высыпала его содержимое на ладонь Магды. Надя вытянула шею, стараясь получше разглядеть, что там такое, но ведьма быстро сжала кулак.

С утра Магда отправила девочку чистить снег. К обеду та справилась, но ведьма опять выпроводила ее из дома, сунув в руки тарелку тушеной трески. С наступлением вечера, когда Надя закончила посыпать края расчищенной дорожки солью, над опушкой поплыл запах имбирного печенья. Аромат щекотал ноздри и был таким густым, что почти пьянил.

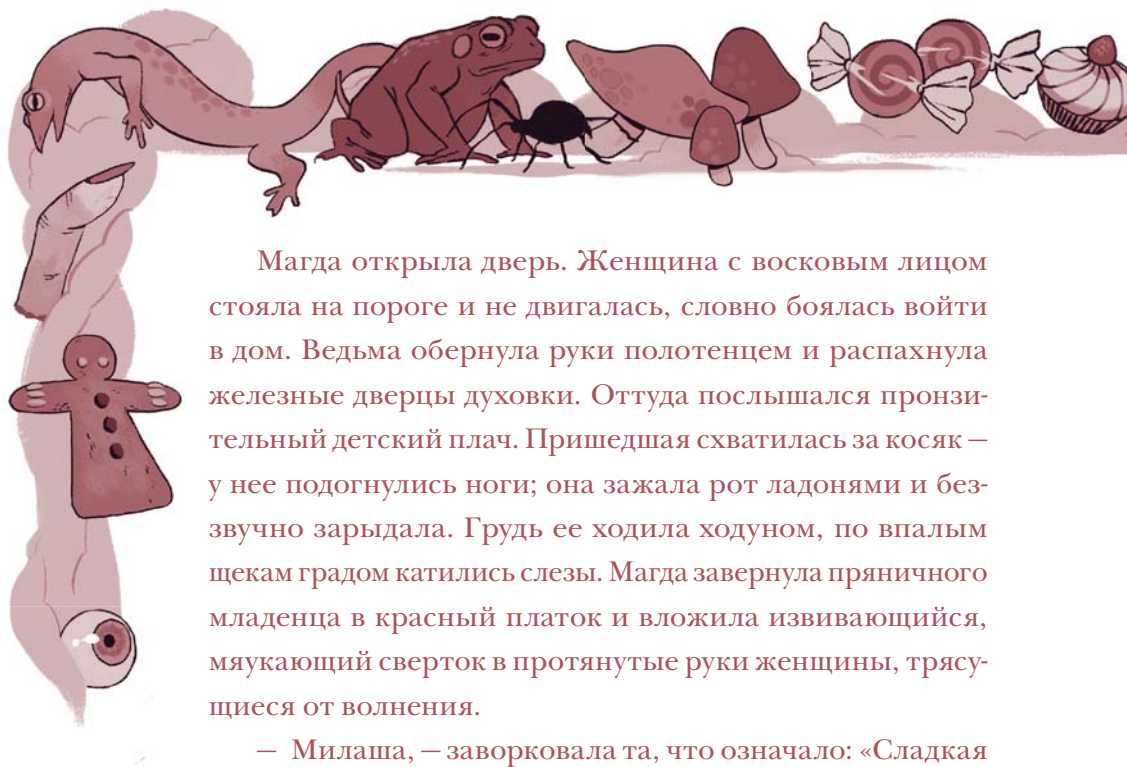
За ужином Надя с нетерпением ждала, когда Магда откроет духовку, но на десерт старуха поставила перед ней тарелку с вчерашним лимонным кексом. Пожав плечами, девочка потянулась за сливками, как вдруг услышала негромкое гуканье. Она посмотрела на медвежонка, но Владчек спал в своей корзинке, ровно посапывая. Гуканье повторилось, за ним последовало нечто похожее на жалобный хнык. Звук определенно доносился из духовки.

Надя вскочила из-за стола, едва не перевернув стул, и в ужасе уставилась на Магду. Старая женщина, однако, и бровью не повела. В дверь постучали.

— Ступай в кладовку, — велела Магда.

На мгновение Надя замерла между столом и дверью, точно угодившая в паутину муха, у которой еще есть силы освободиться из тенет, но затем скрылась в кладовке, не забыв затащить с собой на верхнюю полку медвежонка, чье теплое меховое тельце и сонное похрапывание ее успокаивали.

Магда открыла дверь. Женщина с восковым лицом стояла на пороге и не двигалась, словно боялась войти в дом. Ведьма обернула руки полотенцем и распахнула железные дверцы духовки. Оттуда послышался пронзительный детский плач. Пришедшая схватила за косяк — у нее подогнулись ноги; она зажала рот ладонями и беззвучно зарыдала. Грудь ее ходила ходуном, по впалым щекам градом катились слезы. Магда завернула пряничного младенца в красный платок и вложила извивающийся, мяукающий сверток в протянутые руки женщины, трясущиеся от волнения.

— Милаша, — заворковала та, что означало: «Сладкая моя девочка».

Она круто развернулась и исчезла в ночи, не потрудившись затворить за собой дверь.

На следующий день Надя не притронулась к завтраку. Остывшую кашу она отдала медвежонку, но Владчек воротил нос от миски, покуда ведьма заново не подогрела ее на плите.

Не дожидаясь расспросов Магды, Надя сказала:

— Это же не настоящий ребенок. Зачем она его взяла?
— Для нее он вполне настоящий, — возразила старуха.
— Что с ним будет? А с ней? — Надя едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик.

— В конце концов от младенца останутся одни крошки, — невозмутимо промолвила Магда.

— И что потом? Ты испечешь нового?

— Мать умрет гораздо раньше. У нее та же лихорадка, что унесла дитя.

— Так излечи ее! — Девочка хлопнула по столу ложкой, к которой не прикоснулась за завтраком.

— Она не просила лекарства. Она просила ребенка.

Надя схватила варенье и, топоча, выбежала на улицу. Обедать она не пришла. Хотела пропустить и ужин — показать ведьме, что думает о ней и ее ужасном колдовстве, — но к вечеру в животе урчало от голода, и когда Магда поставила перед ней блюдо с утиной под охотничьим соусом, Надя взялась за нож и вилку.

— Я хочу вернуться домой, — пробормотала она, глядя в тарелку.

— Так иди, — сказала Магда.

* * *

Морозная, снежная зима не отступала, но в окнах домика Магды всегда горел уютный золотистый свет. Надины щеки налились румянцем, одежда стала тесноватой. Девочка научилась готовить укрепляющие тоники, не заглядывая в рецепт, и печь миндальный кекс в форме короны. Она отличала целебные растения от ядовитых и знала, какие из них целебны благодаря своему яду.

Надя понимала, что Магда раскрывает ей далеко не все тайны своего промысла, и была этому только рада, убеждая себя, что ничего не хочет знать о темной стороне

ведьмовского ремесла. И все же порой девочку разбирало нестерпимое любопытство, по силе не уступавшее голоду.

Однажды утром она проснулась от того, что слепой ворон стучал клювом по подоконнику, а на улице — кап-кап-кап! — с крыши капала вода. Яркое светило солнце. Пришла оттепель.

На завтрак Магда подала сдобные булочки со сливовым джемом, отварные яйца и молодую зелень. Надя уминала все подряд, страшась того момента, когда трапеза закончится. В конце концов она наелась так, что больше не могла проглотить ни кусочка.

— Чего ты хочешь? — спросила Магда.

Надя в нерешительности замялась.

— Если я уйду, можно мне будет...

— Нельзя ходить туда-сюда — не воду из колодца носишь.

Я не позволю тебе привести к моему порогу монстра.

Монстра. Надя поежилась. Значит, она не ошиблась насчет мачехи.

— Чего ты хочешь? — повторила вопрос ведьма.

Надя вспомнила танцующую Женечку Лукину, застенчивую Лару, Бетю, Людмилу и всех остальных девочек, с которыми не была знакома.

— Я хочу, чтобы отец избавился от Карины. Чтобы жизнь в Дуге снова стала спокойной. Я хочу вернуться домой.

Магда легко коснулась левой руки Нади — сперва безымянного пальца, затем мизинца. В памяти девочки

всплыла женщина с восковым лицом и маленький мешочек, содержимое которого она вытряхнула на ладонь ведьмы.

— Подумай об этом, — сказала Магда.

Накрывая на стол следующим утром, старуха увидела топор, который принесла Надя. Два дня он пролежал на столе, пока ведьма и девочка готовили тесто — отмеряли, просеивали, вымешивали и мяли. На второй день, когда с самой трудной работой было покончено, Магда посмотрела на Надю.

— Ты ведь знаешь, что можешь остаться, — сказала она.

Вместо ответа девочка вытянула руку.

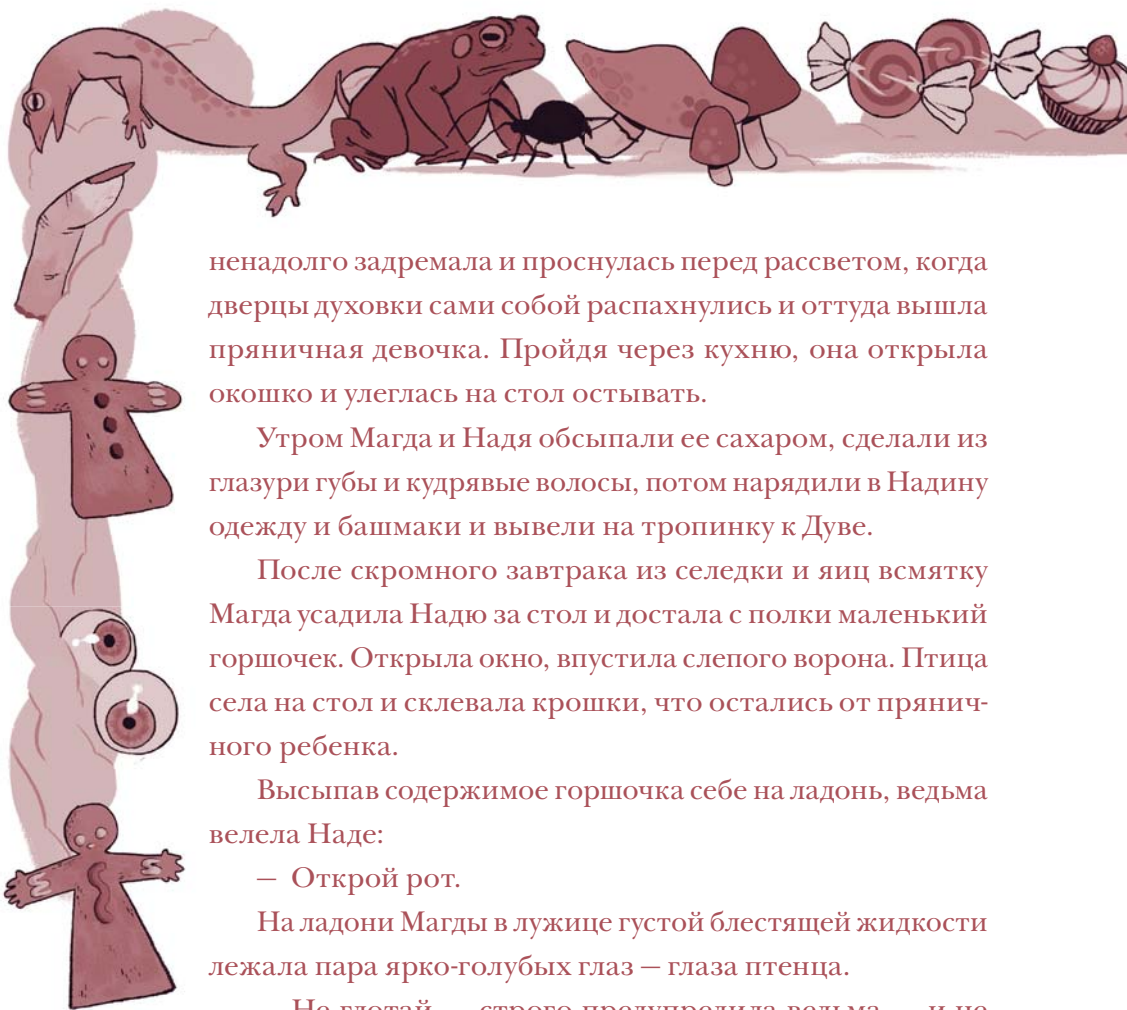
Магда вздохнула. Лезвие топора из тускло-серой стали гришей блеснуло в лучах заходящего солнца и опустилось с резким звуком, похожим на выстрел. Увидев свои пальцы, одиноко лежащие на столе, Надя лишилась чувств.

Магда намазала культы заживляющей мазью, забинтовала руку, уложила девочку в постель. Пока та спала, ведьма перемолола отрубленные пальцы в мясной фарш, который добавила в тесто.

Когда Надя пришла в себя, они вместе слепили из теста девочку, уложили ее на мокрую доску — большую, как дверь, — и сунули в раскаленную духовку.

Пряничная девочка пеклась всю ночь, наполняя дом чудесным ароматом. У Нади текли слюнки, хоть она и знала, что аромат источает ее собственная плоть и кровь. Она

ненадолго задремала и проснулась перед рассветом, когда дверцы духовки сами собой распахнулись и оттуда вышла пряничная девочка. Пройдя через кухню, она открыла окошко и улеглась на стол остывать.

Утром Магда и Надя обсыпали ее сахаром, сделали из глазури губы и кудрявые волосы, потом нарядили в Надину одежду и башмаки и вывели на тропинку к Дуге.

После скромного завтрака из селедки и яиц всмятку Магда усадила Надю за стол и достала с полки маленький горшочек. Открыла окно, впустила слепого ворона. Птица села на стол и склевала крошки, что остались от пряничного ребенка.

Высыпав содержимое горшочка себе на ладонь, ведьма велела Наде:

— Открой рот.

На ладони Магды в лужице густой блестящей жидкости лежала пара ярко-голубых глаз — глаза птенца.

— Не глотай, — строго предупредила ведьма, — и не выплевывай.

Зажмурившись, Надя с трудом разлепила губы и постаралась сдержать рвотный позыв.

— Открой глаза, — приказала ведьма.

Надя повиновалась, и внезапно все вокруг стало другим.словно со стороны, она увидела, что сидит в кресле, по-прежнему зажимившись, а Магда стоит рядом. Подняв руки, девочка обнаружила, что машет крыльями. Она

вскочила на тоненькие вороньи лапы и испуганно каркнула.

Магда шуганула птицу к окну. Сила крыльев и ощущение воздушного потока под ними привели Надю в восторг, и она не заметила печали, сквозившей во взгляде старой женщины.

Заложив широкую дугу, Надя взмыла высоко в небо, привыкая к крыльям, прорезая длинные вечерние тени. Ее взору открылся лес, опушка, домик Магды. Вдалеке темнели иззубренные контуры Петразойских гор. Спустившись ниже, она разглядела выющую тропинку, ведущую к Дуву. Надя бросилась вниз и стремительно полетела между деревьями. Впервые за все время лесная чаща не вызывала у нее страха.

Покружив над деревней, окинула взглядом главную улицу, кладбище, два новых самодельных надгробия. За зиму, пока Надя отъедалась у ведьмы, в Дуву пропали еще две девочки. Но эти станут последними, жертв больше не будет. Надя с пронзительным криком снизилась и полетела рядом с пряничной девочкой, направляя вперед своего бойца, свою заступницу.

Усевшись на бельевую веревку, она проводила пряничную девочку взором — та пересекла полянку и вышла к дому Грушовых. Внутри громко скандалили. «Знает ли отец, что творит Карина? — подумала Надя. — Подозревает ли он, кто его жена на самом деле?»

Пряничная девочка постучала в дверь, раздраженные голоса стихли. Дверь распахнулась, отец, щурясь, взгляделся в вечерний сумрак. Надя поразилась перемене, которая произошла с Максимом за зиму. Широкие плечи плотника сгорбились, он сильно исхудал, и даже издали было видно, как обвисла его кожа. Надя ожидала, что, узрев на пороге монстра, отец закричит от ужаса.

— Надя! — изумленно ахнул Максим. — Надя! — Сдавленно всхлипнув, он обнял пряничную девочку.

В дверях появилась Карина — бледная, с расширившимися глазами. Надю охватило разочарование. Она почему-то была уверена, что от одного взгляда на пряничную девочку мачеха рассыплется в прах или при виде живой и здоровой падчерицы хотя бы признается в своих злодеяниях.

Максим завел пряничную дочку в дом. Надя слетела на подоконник и заглянула внутрь через стекло.

После тепла и уюта ведьминой избы родной дом показался ей тесным и унылым. Надя заметила, что коллекция деревянных кукол на каминной полке подросла.

Максим гладил глазированную руку «дочки», расспрашивал о том и о сем, но пряничная девочка безмолвно сидела у огня. Умела ли она вообще говорить? Этого Надя не знала.

Максим как будто не замечал ее молчаливости. Он сыпал словами без остановки, плакал, смеялся и удивленно

качал головой. Карина, как обычно, вилась над мужем, не выпуская его из виду. Во взгляде мачехи сквозил страх, но было в нем нечто еще — нечто странное, отдаленно похожее на благодарность.

А потом Карина шагнула к пряничной девочке, дотронулась до румяной щеки, погладила кудрявые волосы из глазурь. Надя замерла в ожидании: сейчас мачеха испустит душераздирающий вопль, обожженная прикосновением плоть начнет клочьями облезать с ее руки, обнажая не кости, но ветви, и из-под красивого женского облика проступит жуткая внешность хитки.

Карина, однако, склонила голову, пробормотала короткую молитву, затем сняла с крючка накидку.

— Пойду к Бабе Оле, — сказала она.

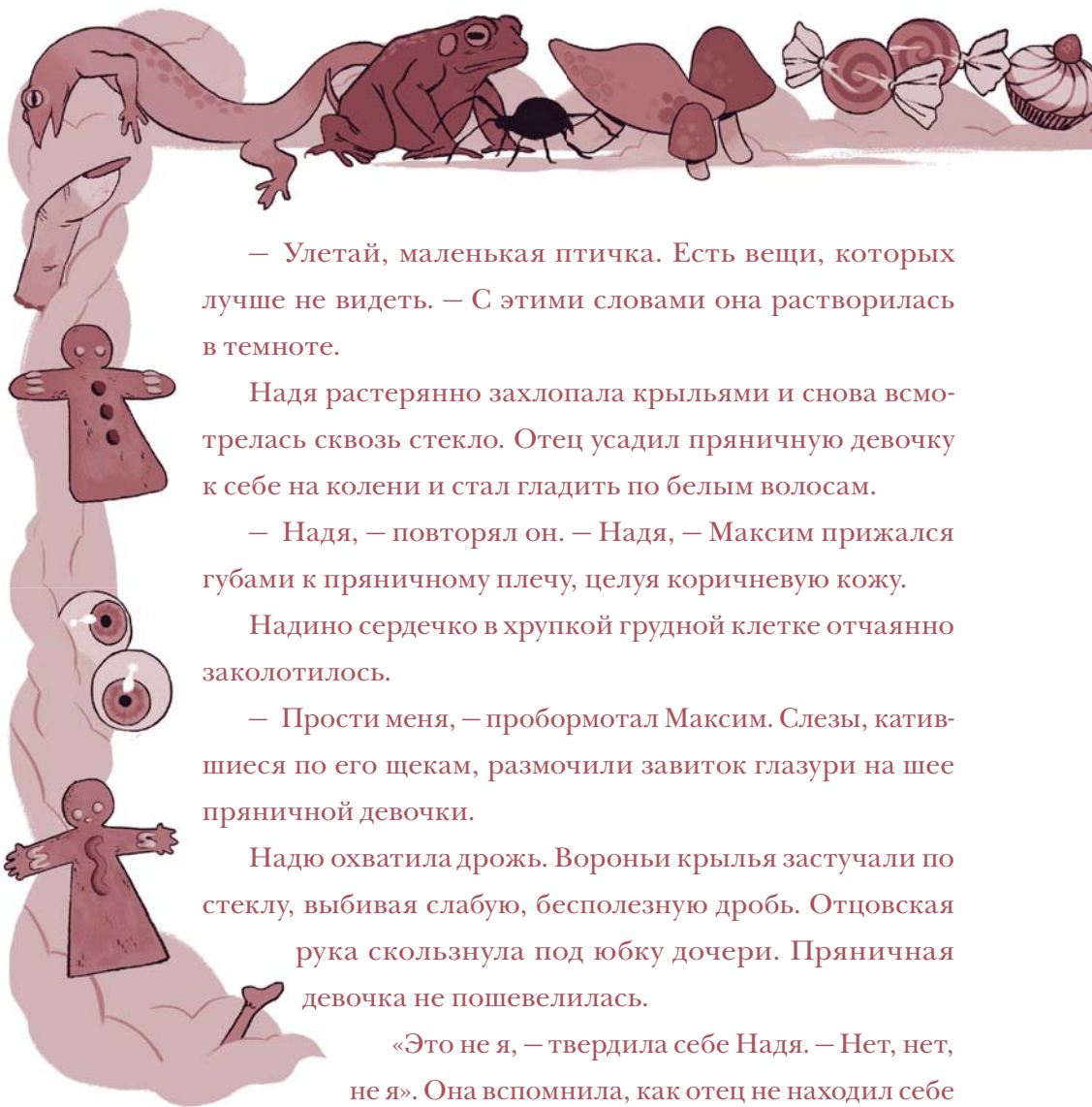
— Да, да, конечно, — рассеянно отозвался Максим, не сводя глаз с дочери.

«Она хочет сбежать!» — с ужасом поняла Надя. А пряничная девочка даже не пыталась этому помешать.

Карина закуталась в платок, надела варежки и без оглядки выскочила за порог, хлопнув дверью. Надя пронзительно каркнула и вспорхнула с подоконника. «Полечу следом, — решила она. — Выключу ей глаза!»

Мачеха нагнулась, подобрала с земли камень и швырнула в птицу. Надя издала негодующий вскрик. Но когда Карина заговорила, голос ее прозвучал на удивление ласково.

— Улетай, маленькая птичка. Есть вещи, которых лучше не видеть. — С этими словами она растворилась в темноте.

Надя растерянно захлопала крыльями и снова всмотрелась сквозь стекло. Отец усадил пряничную девочку к себе на колени и стал гладить по белым волосам.

— Надя, — повторял он. — Надя, — Максим прижался губами к пряничному плечу, целуя коричневую кожу.

Надино сердечко в хрупкой грудной клетке отчаянно заколотилось.

— Прости меня, — пробормотал Максим. Слезы, катившиеся по его щекам, размочили завиток глазури на шее пряничной девочки.

Надю охватила дрожь. Вороньи крылья застучали по стеклу, выбивая слабую, бесполезную дробь. Отцовская рука скользнула под юбку дочери. Пряничная девочка не пошевелилась.

«Это не я, — твердила себе Надя. — Нет, нет, не я». Она вспомнила, как отец не находил себе места, как продал лошадей и, самое главное, сани. До этого... до этого девочки пропадали в других деревнях — то в одной, то в другой. Слухи, молва о несчастьях где-то там, вдалеке. Но потом пришел голод, а вместе с ним — долгая зима, и Максим, загнанный в ловушку, стал охотиться рядом с домом.

— Я хотел остановиться, — шептал он, крепче прижимая к себе дочь. — Я пытался, поверь. Умоляю, скажи, что веришь мне.

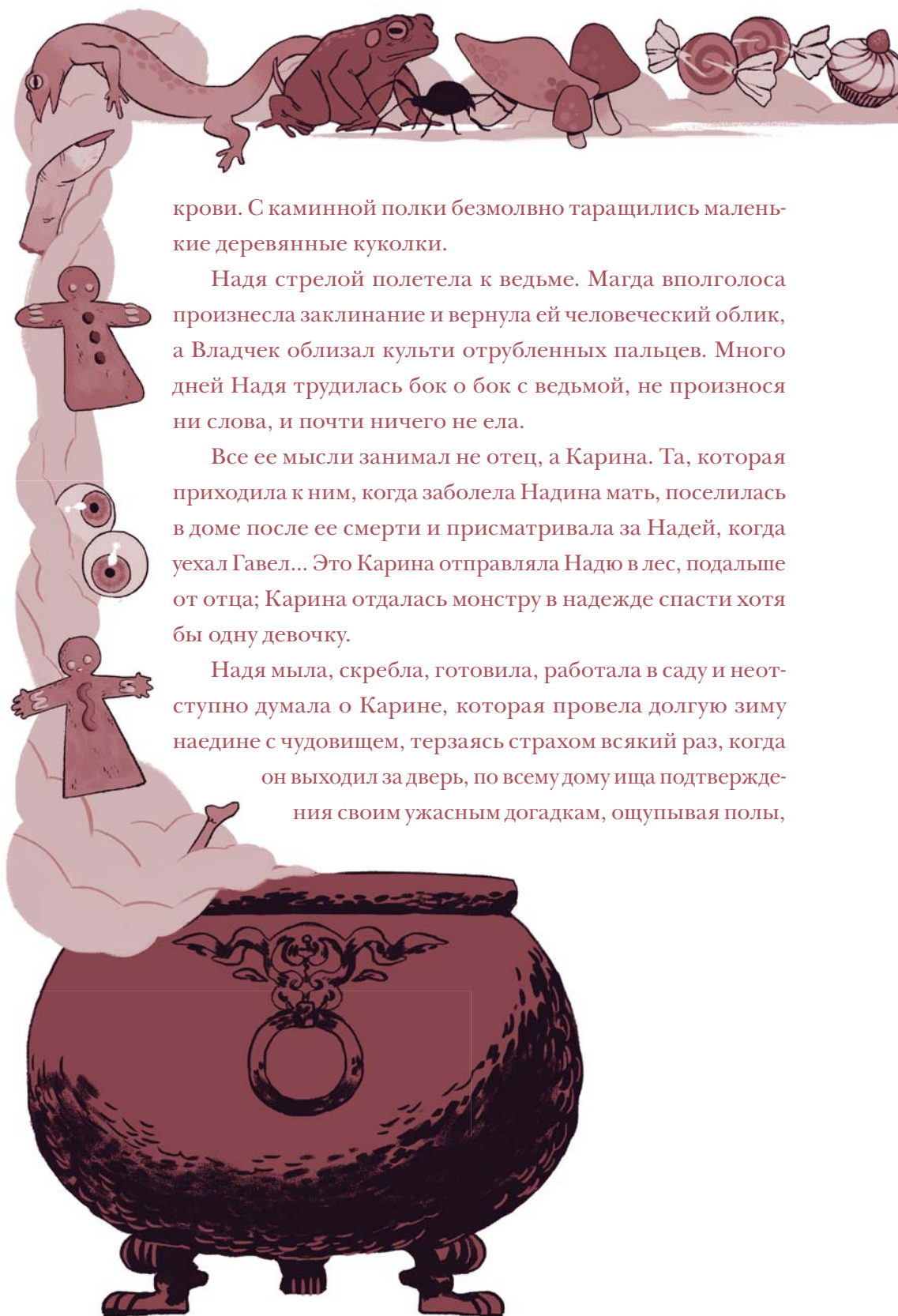
Пряничная девочка молчала.

Максим снова раскрыл влажный рот для поцелуя и, испустив не то вздох, не то стон, впился в сладкую мякоть шеи. Когда зубы вонзились глубже, стон перешел во всхлипы.

Надя неотрывно смотрела, как отец пожирает пряничную девочку, укус за укусом — плечо, руку, ногу... Он рыдал и давился, но не прекращал свою чудовищную трапезу. К тому времени, как Максим расправился с пряничной дочкой, огонь в очаге давно погас. Закончив, он растянулся на полу, выставив кверху набитое брюхо. Пальцы его были липкими от глазури, в бороде застряли крошки. Только тогда Надя отвернулась.

Отца нашли наутро — с лопнувшим животом и вываленными кишками, воняющими гнилью. Всю ночь Максим провел на коленях, всю ночь его рвало кровью и сахаром. Карина домой не возвращалась. В схроне под окровавленными половицами, среди прочего, обнаружили детский молитвенник, браслет из стеклянных бусин, алые ленты, которые Женечка Лукина вплела в косы перед праздником, и белый вышитый передник Лары Деникиной — неумелые стежки, проложенные детскими руками, были бурыми от

крови. С каминной полки безмолвно таращились маленькие деревянные куколки.

Надя стрелой полетела к ведьме. Магда вполголоса произнесла заклинание и вернула ей человеческий облик, а Владчек облизал культы отрубленных пальцев. Много дней Надя трудилась бок о бок с ведьмой, не произнося ни слова, и почти ничего не ела.

Все ее мысли занимал не отец, а Карина. Та, которая приходила к ним, когда заболела Надина мать, поселилась в доме после ее смерти и присматривала за Надей, когда уехал Гавел... Это Карина отправляла Надю в лес, подальше от отца; Карина отдалась монстру в надежде спасти хотя бы одну девочку.

Надя мыла, скребла, готовила, работала в саду и неотступно думала о Карине, которая провела долгую зиму наедине с чудовищем, терзаясь страхом всякий раз, когда он выходил за дверь, по всему дому ища подтверждения своим ужасным догадкам, ощупывая полы,

шкафы и стены в попытке отыскать тайник, созданный умелыми руками плотника.

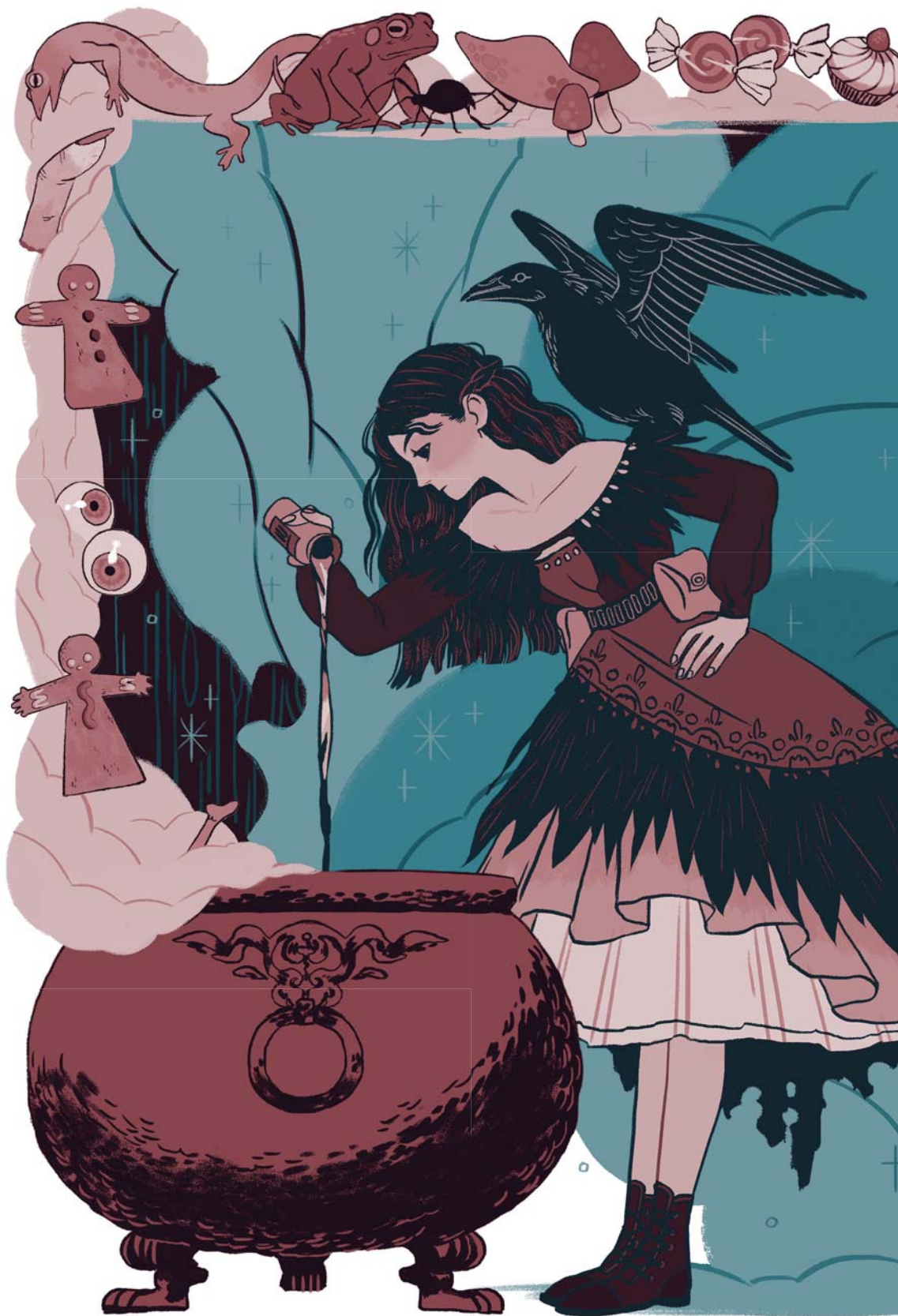
Труп Максима Грушова сперва хотели сжечь, но в конце концов без отпевания похоронили на каменистом пустыре, где по сей день не растет ни травинки. Тела пропавших девочек так и не нашли, хотя охотники порой натывались в лесу то на горстку костей, то на черепаховый гребень, то на башмачок.

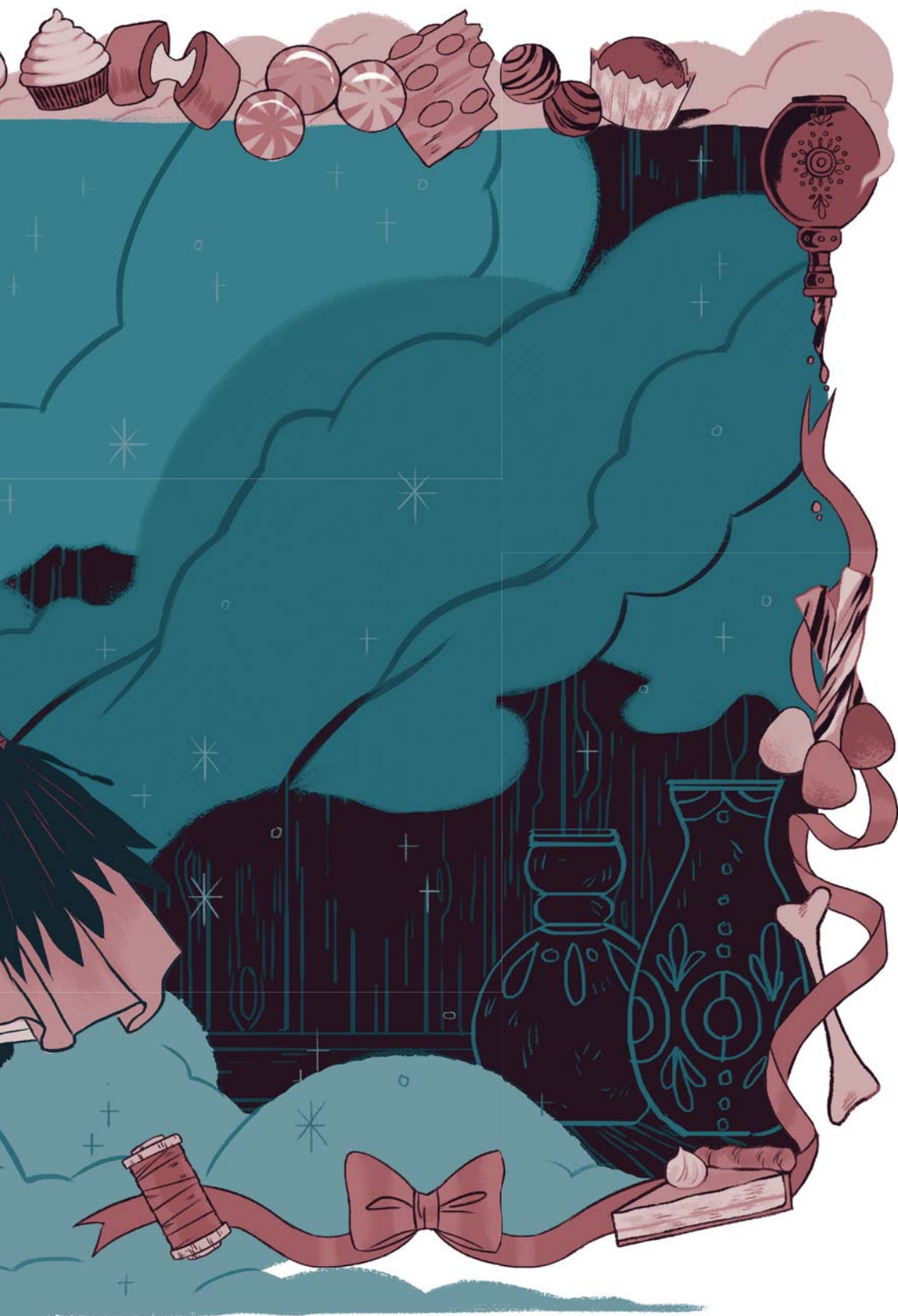
Карина перебралась в другую деревню. Что с ней стало — никому не ведомо. Одинокую женщину редко ждет счастливая судьба. Надин брат, Гавел, вернулся с северной войны героем. Что же до самой Нади, то она осталась у Магды и обучилась всем тонкостям ведьминского ремесла, овладев самыми темными чарами, о каких в подобную ночь лучше и не упоминать вслух. Поговаривают, что при растущей луне она творит такую волшбу, на которую не отваживалась даже Магда.

Теперь вы знаете, что за монстры некогда обитали в лесах за Дувой, а если когда-нибудь встретите медведя в золотом ошейнике, то можете обратиться к нему по имени. Наглухо затворите ставни и проверьте, крепко ли заперт засов. Зло способно проникать в дом через самые тонкие щели. Не съесть ли нам чего-нибудь вкусенького?

Что ж, тогда помогайте мне помешивать варево в горшках.

НОЖИЧЕК

ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО СЕВЕРНОМУ ТРАКТУ

с тяжкими думами на сердце — опасно. К югу от Аркеска есть место, где деревья расступаются, птицы не поют, а на ветвях висят холодные тяжелые тени. На этом глухом отрезке дороги путники держатся ближе друг к другу, горланят песни и бьют в барабаны, ибо если кто здесь с головой погрузится в собственные мысли, тот непременно свернет с тропы и попадет в чащу. А уж того, кто не прислушался к окликам товарищей, ноги сами собой приведут к безмолвным улицам и заброшенным домам Велисьяны, проклятого города.

Между булыжниками мостовой густо проросла сорная трава и цветы. В лавках пусто, двери на сгнивших петлях завалились, вместо них зияют черные проемы. Городскую площадь оплели побеги колючего кустарника, а купол церкви давно рухнул — теперь он лежит на боку среди разбитых скамеек и собирает дождевую воду; позолоту на нем либо стерло время, либо ободрал предприимчивый вор.

Вы можете узнать эту тишину, если встанете посреди бывшей Площади Женихов, окинете взором осыпающийся фасад некогда роскошного дворца и на самом его верху — маленькое окошечко, створки которого украшены резьбой в виде лилий. Это тишина остановившегося сердца. Велисьяна — город-мертвец.

В былые времена город славился двумя вещами: отличной мукой, из которой пекла хлеб каждая хозяйка на сто миль вокруг, и красотой Евы Лучовой, дочери старого герцога.

Герцог не ходил в королевских фаворитах, однако сумел разбогатеть и без этого. Он соорудил на реке плотины и отводные каналы, так что вода перестала затоплять его земли, построил знаменитую мельницу, на которой мололи всю велисьянскую муку, а чтобы огромное водяное колесо вращалось ровно и плавно, снабдил его крепкими стальными пластинами.

Споры о том, как Ева Лучова выглядела на самом деле, не утихают до сих пор. Волосы — цвета сияющего золота или черные, точно вороново крыло? Глаза — синие, будто сапфиры, или зеленые, как молодая трава? Подробности можно опустить, для нас важна лишь сила ее красоты, а потому достаточно знать, что Ева была прекрасна с самого рождения.

Настолько прекрасна, что повитуха, принимавшая роды у герцогини, схватила громко орущую малютку и заперлась с нею в кладовке для белья. Женщина отказывалась возвращать младенца матери и умоляла позволить ей еще немного полюбоваться прелестным личиком, покуда герцог не выломал дверь кладовки при помощи топора. Повитуху высекли, однако даже это не остановило целую череду кормилиц от попыток украсть ребенка. В конце концов герцог нанял для дочери слепую няньку, и во дворце воцарился покой. Разумеется, затишье продлилось недолго, ведь Ева с каждым днем становилась все краше.

Никто не мог найти этому объяснения: ни герцог, ни его жена не отличались завидной внешностью. Ходила молва, что герцогиня захаживала в шатер сулийской колдуньи, а самые отъявленные завистники шепотом рассказывали, будто Евину мать соблазнил прекрасный демон, проникший

в ее опочивальню на полной луне. Большинство горожан, впрочем, со смехом отвергали эти предположения, ведь все знали Еву как самую добрую, послушную и благочестивую девочку. И все же когда она шла по улице, едва касаясь мостовой прелестными ножками, и ветерок шевелил ее волосы, трудно было сдержать изумление. Каждый год в Евин день рождения слепая нянька вплетала в косы своей подопечной цветы, а на самом деле дрожащими пальцами ощупывала голову девочки, со страхом ожидая почувствовать под руками проклюнувшиеся рожки.

Вместе с красотой Евы росла и отцовская гордость. Когда дочери исполнилось двенадцать, герцог заказал ее портрет в обрамлении лилий художнику из самой Ос Альты. Кроме того, изображение Евы смотрело с каждого мешка муки, намолотой на мельнице герцога. После этого женщины в городе стали носить прически, как у Евы, а мужчины со всей Равки приезжали в Велисьяну убедиться, что этакое чудо существует в действительности.

Художник, понятное дело, тоже влюбился в Еву. Он подлил красавице в молоко сонного зелья из омежника и вывез из города. Похититель успел добраться до Аркеска, прежде чем его поймали. Герцог обнаружил дочь мирно спящей в телеге между холстами и горшками с краской. Ева, живехонькая и здоровехонькая, ничего не помнила, однако на всю жизнь заработала отвращение к картинным галереям, а от запаха масляной краски ее с тех пор неизменно клонило в сон.

В пятнадцать стало понятно, что выходить из дома девушке более небезопасно. Она пробовала красить волосы

и перемазываться золой, но это только давало простор воображению и еще больше распяляло мужчин, которые следили за ней во время ежедневной прогулки. Однажды Ева остановилась, чтобы вытряхнуть из туфли камушек, и на краткий миг невольно обнажила безупречную щиколотку. В толпе вспыхнули беспорядки, после чего герцог решил не выпускать дочь из дворца.

Девушка проводила время за чтением и вышивкой, для моциона гуляла по длинным коридорам — обязательно в вуали, дабы не отвлекать слуг. Каждый день, когда часы на колокольне били полдень, Ева показывалась в окошке своей комнаты: приветствовала собравшихся на площади людей и выслушивала признания в любви многочисленных воздыхателей, просивших ее руки. Женихи пели серенады, показывали фокусы и даже устраивали поединки, демонстрируя отвагу. Правда, дуэли не всегда заканчивались бескровно. После второй смерти отставной полковник, выполнявший роль распорядителя поединков, строго-настрого их запретил.

— Папочка, — обратилась к герцогу Ева, мечтавшая увидеть над головой синее небо, — почему *я* должна прятаться?

— Наслаждайся этой властью, — ласково похлопал ее по руке отец. — Пройдет время, ты состаришься, и, когда будешь идти по улице, никто даже не посмотрит в твою сторону.

Хотя такой ответ девушку не устроил, она поцеловала герцога в щеку и вернулась к пяльцам.

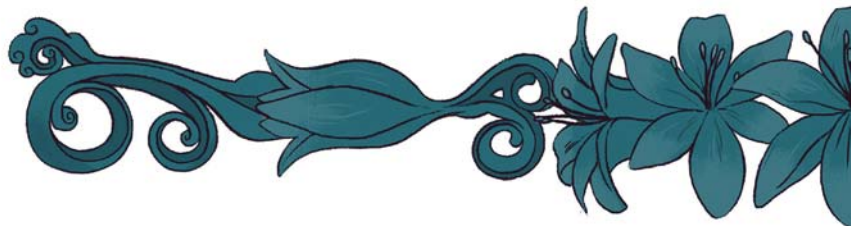
Утром ее шестнадцатого дня рождения ко дворцу в сопровождении сына явился Нестор Левкин — один из богатейших людей Велисьяны, второй после герцога. Нестор собирался устроить брак сына с Евой, однако едва вошел и увидел сидящую у камина девушку, как тут же заявил, что сам намерен на ней жениться.

Отец и сын принялись спорить, потом набросились друг на друга с кулаками. Для разрешения спора вызвали отставного полковника. Бывшему распорядителю дуэлей хватило одного лишь взгляда на красавицу; выхватив меч, он бросил вызов обоим женихам, старому и молодому. Герцог отослал Еву наверх и вызвал стражу, чтобы разнять дерущихся. Постепенно воздействие чар прелестницы развеялось, и все трое пришли в себя. Они вместе выпили чаю и, сидя за столом, от стыда не смели поднять голову.

— Так не может продолжаться, — высказался полковник. — С каждым днем толпа на площади растет. Мой герцог, тебе следует выбрать Еве мужа и покончить с этим безумием, пока люди не разорвали друг друга на куски.

Вообще-то герцог легко мог положить конец беспорядкам, просто поинтересовавшись у дочери, чего та хочет, однако всеобщее внимание к Еве ему льстило, да и муки благодаря ей он продал много. И вот герцог придумал план, который одновременно удовлетворял его алчность и тешил тщеславие.

Случилось так, что герцогу принадлежали обширные леса, которые он хотел вырубить и засеять расчищенные поля пшеницей. Назавтра в полдень он появился на балконе,

выходившем на Площадь Женихов, и помахал рукой собравшейся толпе. Узрев вместо прекрасной Евы герцога, публика разочарованно вздохнула, однако, когда он заговорил, все навестили уши.

— Пришло время выдать мою дочь замуж. — Народ радостно загудел. — Но рука ее будет принадлежать лишь самому достойному. Ева — хрупкий цветок, который нужно держать в тепле. Пусть каждый из вас отправится в мой лес и принесет на паровое поле у его южного края кучу бревен. Тот, кто к завтрашнему рассвету сложит самую высокую кучу, получит мою дочь в жены.

Поклонники Евы не стали задумываться над этим странным заданием и ринулись за топорами.

Когда герцог захлопнул балконные двери, Ева спросила:

— Прощу прощения, папочка, разве так выбирают мужа? Дров завтра принесут целую гору, но хороший ли человек мне попадется?

— Ева, дорогая, — герцог коснулся руки дочери, — неужто ты думаешь, что я так глуп или так жесток? Разве ты не заметила принца, который всю неделю приходил на площадь, терпеливо дожидаясь той минуты, когда увидит тебя? Золота у него столько, что хватит нанять тысячу человек, готовых махать топорами. Он легко выиграет в этом состязании, а ты станешь жить в столице и до конца дней носить шелка. Все устроится лучшим образом, вот увидишь!

Ева сомневалась, что получила ответ на свой вопрос, однако же поцеловала герцога в щеку и похвалила за мудрость.

Чего она не знала, как не знал и ее отец, так это того, что их разговор подслушал Семен Рванина, прятавшийся в сумраке часовой башни. Семен был проливным из гришей, очень сильным, но бедным. Дело происходило еще до создания Второй Армии, когда на гришей почти повсеместно смотрели с подозрением и мало где привечали. Семен кочевал из города в город и зарабатывал свой хлеб, меняя русла рек во время засухи, сдерживая ливни, если зимние шторма налетали слишком рано, или указывая правильные места для рытья колодцев. С этим он справлялся легко. «Воде нужно лишь задать направление, — говаривал он в тех редких случаях, когда к нему обращались с вопросами. — Она любит, когда ей указывают».

Платили ему обычно зерном или снедью, и как только он выполнял свою работу, жители просили его уйти. Уставший от такой жизни, Семен давно хотел осесть на одном месте, завести дом и жену. Он мечтал о новых сапогах и дорогом кафтане, чтобы во время прогулки по городу люди смотрели на него с почтением. Еву Лучову он жаждал заполучить с того момента, как впервые увидел.

Семен добрался до южной границы леса, где претенденты на руку Евы уже вовсю рубили деревья и укладывали бревна в штабеля. Топора у него не имелось, как и денег, чтобы его купить. Семену хватило бы и ума, и дерзости, чтобы украсть инструмент, однако он видел принца под окном Евы, и план герцога был ему вполне понятен. При виде открывшейся картины сердце у Семена упало: целые бригады дровосеков складывали бревна по приказу принца,

а сам принц, золотоволосый и улыбающийся, наблюдал за работой, вертя в ладони топор с рукояткой из слоновой кости и характерно поблескивающим лезвием из темно-серой стали гришей.

Семен спустился к реке. Здесь находилось его пристанище, здесь он держал груду лохмотьев, служивших ему постелью, и скудные пожитки. Сидя на берегу, он слушал размеренный шум воды, вращающей колесо гигантской мельницы. На людях Семен был молчаливым и хмурым, но на пологом речном берегу, где мягко шелестел камыш, он давал волю словам и облегчал душу, делясь с водой всеми своими тайными желаниями. Река смеялась его шуткам, внимательно слушала, умиротворенно бормотала, соглашаясь, или возмущенно ревела, если была против.

На закате далекий стук топоров прекратился. Семен знал, что с наступлением темноты дровосеки разойдутся по домам и состязание можно считать завершенным, не дожидаясь утра.

— Что мне делать? — спросил он у реки. — Завтра принц станет мужем Евы, а я останусь ни с чем. Ты всегда действовала по моей указке, но что мне толку с тебя сегодня?..

К его удивлению, река зажурчала, высоко и протяжно, точно поющая женщина. Волна ударила слева от Семена, потом справа; река бурлила и пенилась, словно во время бури. Семен попятился, башмаки ушли в грязь от подступающей воды.

— Река, что ты творишь? — закричал он.

Река взметнулась высокой, крутой волной и хлынула к нему, заливая берег. Семен закрыл голову руками, уверенный, что сейчас утонет, однако за миг до сокрушительного удара, волна расщепилась на два потока, огибая дрожашую от ужаса фигуру гриша.

Могучая река текла через лес, ломая ветви, с корнем вырывая из земли вековые деревья. В ночном сумраке она проложила себе дорогу к южной границе, где находилось паровое поле. Здесь вода забурлила, завихрилась водоворотами, и постепенно — ветка за веткой, бревно за бревном, — сооружение начало принимать форму. Всю ночь трудилась река, и взорам людей, пришедших на поле с рассветом, предстала огромная башня из бревен, рядом с которой штабель, сложенный работниками принца, казался сиротливой кучкой.

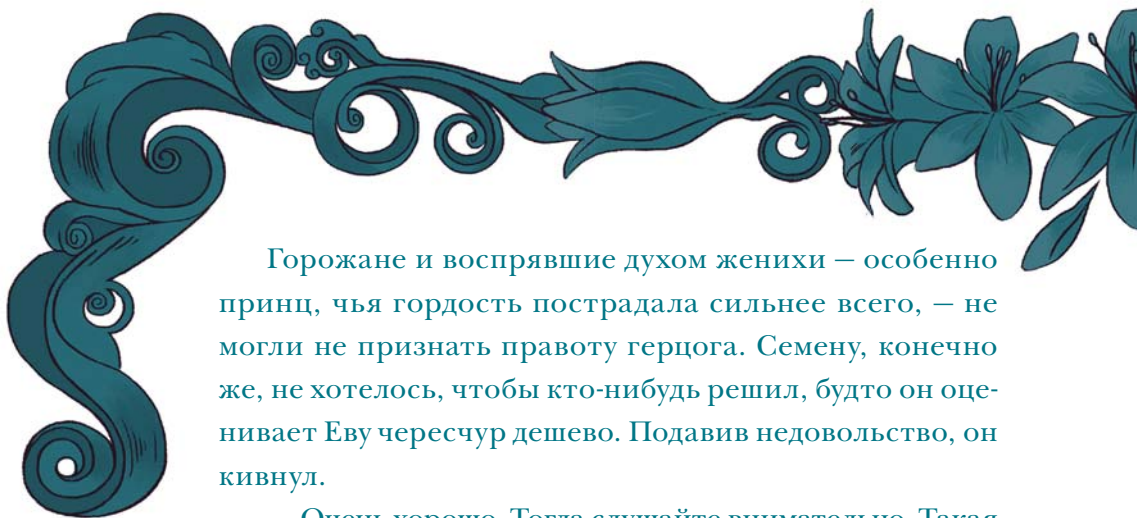
Принц в бешенстве отшвырнул свой топор с рукояткой из слоновой кости. Герцог также был страшно раздосадован: он не мог нарушить обещание, данное принародно, но мысль о том, что Ева выйдет замуж за такое чудище, как Семен, была ему невыносима. Герцог заставил себя улыбнуться и хлопнуть Семена по узкому плечу.

— Отличная работа! — провозгласил он. — Уверен, со вторым заданием ты справишься не менее блестяще.

Семен нахмурился.

— Но...

— Ты же не думал, что счастливчик получит руку Евы после первого же испытания? Согласись, моя дочь достойна большего!

Горожане и воспрявшие духом женихи — особенно принц, чья гордость пострадала сильнее всего, — не могли не признать правоту герцога. Семену, конечно же, не хотелось, чтобы кто-нибудь решил, будто он оценивает Еву чересчур дешево. Подавив недовольство, он кивнул.

— Очень хорошо. Тогда слушайте внимательно. Такая девушка, как Ева, должна лицезреть собственную красоту. Высоко в Петразойских горах живет Баба Анежка, мастерица по изготовлению зеркал. Тот, кто добудет зеркало ее работы, получит мою дочь в жены.

Женихи бросились врассыпную, спеша выполнить задание. Принц отдал приказ своим людям.

Когда герцог возвратился во дворец и Еве стало известно о его решении, девушка промолвила:

— Прощу прощения, папочка, разве так выбирают мужа? Зеркало-то у меня будет, но хороший ли человек мне достанется?

— Дорогая моя Ева, — вздохнул герцог, — когда же ты научишься доверять родному отцу? У принца самые быстрые лошади во всей Равке, и только ему по карману зеркало Анежкиной работы. Он без труда победит в этом состязании, а ты станешь носить корону, усыпанную драгоценными камнями, и лакомиться черешней посреди зимы. Все устроится лучшим образом, вот увидишь!

Ева подумала, что отец, наверное, просто не расслышал вопроса, но все же поцеловала герцога в щеку и сказала, что обожает черешню.

Семен спустился к реке, сел на берегу и уронил голову в руки.

— Что мне делать? — жалобно проговорил он. — У меня нет ни лошади, ни денег, чтобы купить зеркало у горной ведьмы. Реченька, один раз ты уже помогла мне, поможешь ли и в другой?

Семен изумленно ахнул: река выплеснулась из берегов и, схватив его за ногу, потащила на глубину.

— Что ты творишь? — кашляя и отплеиваясь, вскричал он.

В ответ река забулькала, с головой макнула Семена в воду, затем вытолкнула на поверхность и мощным, ровным потоком понесла по течению. Она влекла его на юг, через озера, заливы и пороги, потом на запад — через ручьи и притоки, милю за милей, пока не вынесла к северным склонам Петразоев. Тут Семен понял замысел реки.

— Быстрее, река, быстрее! — воскликнул он, вместе с волной поднимаясь вверх по горному склону.

Вскоре промокший, но радостный Семен стоял перед входом в ведьмину хижину.

— Ты была мне верным другом, речка, и за это я дам тебе имя, — сказал он, выжимая свой обтрепанный кафтан. — Я назову тебя Ножичком, потому что на солнце ты сверкаешь серебром, точно лезвие, и всегда готова меня защитить.

Семен постучался и крикнул:

— Я пришел за зеркалом!

Баба Анежка открыла дверь. Зубы у нее ничуть не истерлись, были ровными и острыми; желтые глаза смотрели, не мигая. Только тогда Семен вспомнил, что у него нет денег, но прежде, чем старуха-фабрикатор успела захлопнуть дверь перед его носом, водный поток поднялся к хижине, змейкой обвился вокруг ног ведьмы и отхлынул.

Баба Анежка поклонилась реке и вместе с Семеном последовала за потоком через крутой перевал по тропинке, скрытой меж двумя плоскими валунами. Пройдя между ними, гриши оказались на краю неглубокой каменистой долины, серой, голой и неприветливой, как все Петразойские горы. Однако в самом ее центре лежал пруд, почти идеально круглый, с гладкой, точно отполированное стекло, поверхностью. В пруду отражалось небо — так ясно и чисто, что, казалось, шагни в воду — и упадешь прямо на облака.

Ведьма ухмыльнулась, показав полный рот острых зубов.

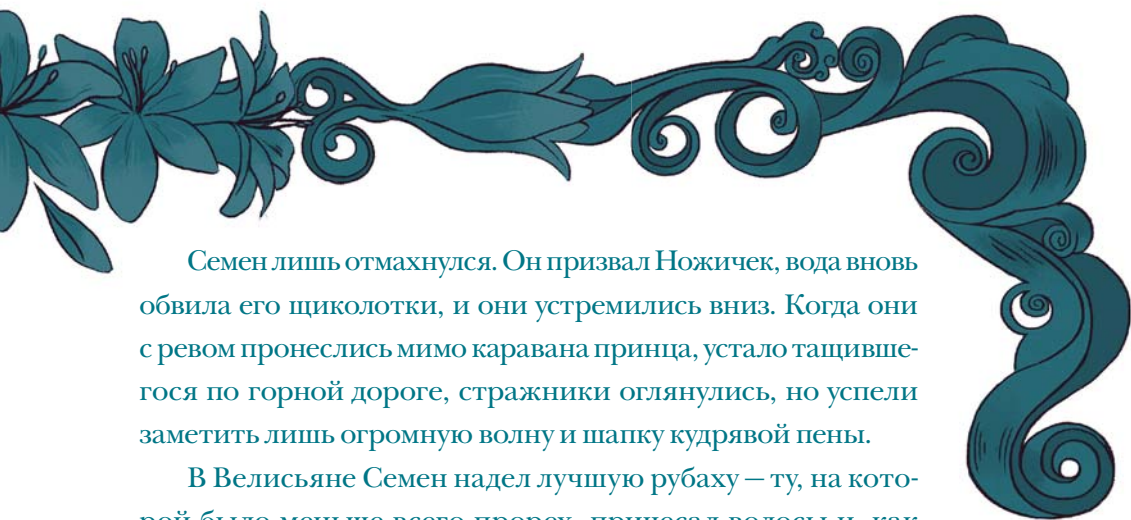
— Вот это настоящее зеркало, — кивнула она. — Что ж, сделка честная.

Они вернулись в хижину, и когда Баба Анежка протянула Семену одно из своих лучших зеркал, он засмеялся от радости.

— Мой дар — не тебе, а реке, — сказала ведьма.

— Зеркало принадлежит Ножичку, а Ножичек сделает так, как я велю, — возразил Семен. — И потом, на что реке зеркало?

— Спроси у реки, — пожала плечами старуха.

Семен лишь отмахнулся. Он призвал Ножичек, вода вновь обвила его щиколотки, и они устремились вниз. Когда они с ревом пронеслись мимо каравана принца, устало тащившего по горной дороге, стражники оглянулись, но успели заметить лишь огромную волну и шапку кудрявой пены.

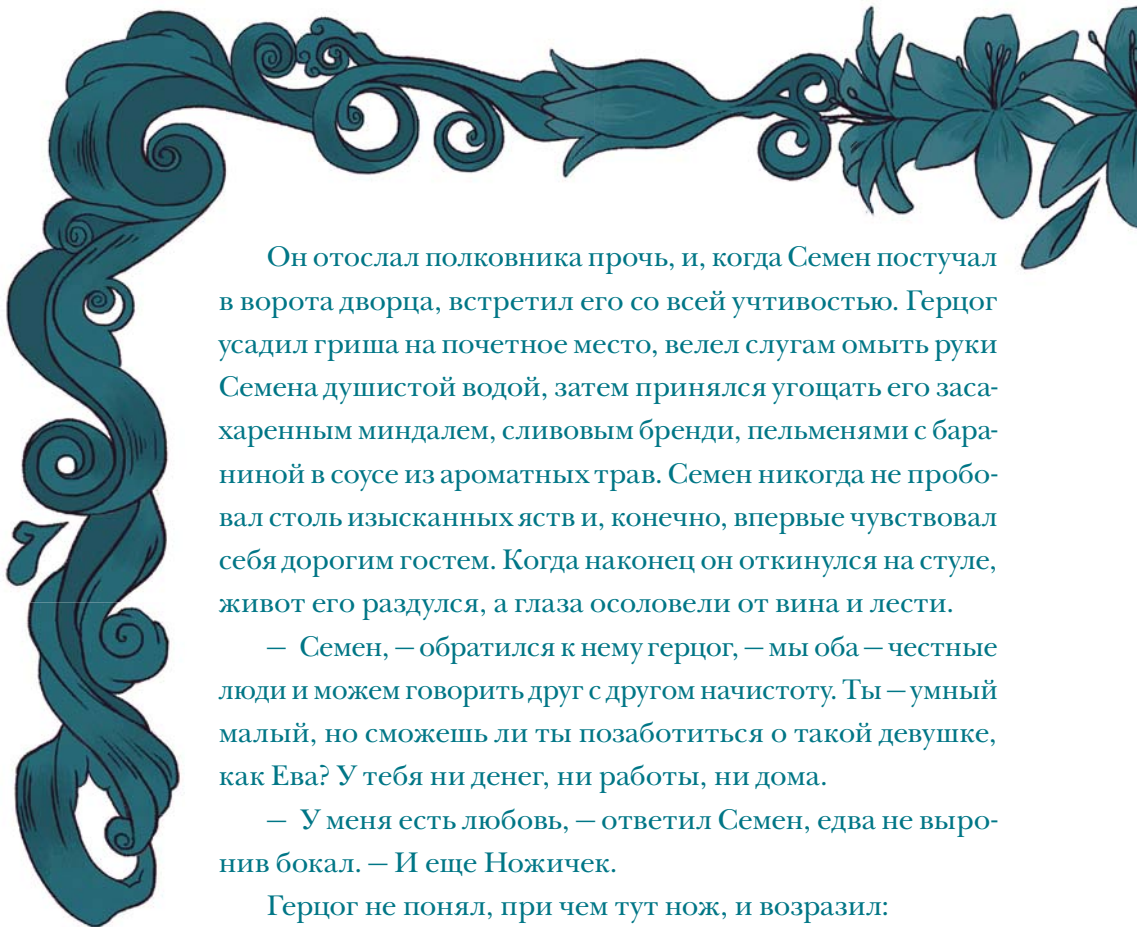
В Велисьяне Семен надел лучшую рубаху — ту, на которой было меньше всего прорех, причесал волосы и, как мог, начистил башмаки. Посмотрел на свое отражение в зеркале и удивился собственному мрачному лицу и запавшим глазам. А он-то всегда считал себя красавцем, да и река его в этом не разубеждала.

— Знаешь, Ножичек, это зеркало какое-то неправильное, — сказал Семен. — Но раз герцог просил принести его, пускай висит у Евы на стене.

Выглянув в окно и увидев Семена, шагающего через Площадь Женихов с зеркалом в руках, герцог в ужасе отшатнулся.

— Ну, и чего ты добился своими глупыми заданиями? — спросил отставной полковник, вместе с герцогом дожидавшийся исхода состязания. — Надо было отдать Еву мне, когда я сватался. Теперь ее мужем станет последний голодранец, и никто из приличных людей не сядет за твой стол. Придумай, как от него избавиться.

Герцога охватили сомнения. Конечно, иметь в зятях самого принца — очень хорошо, но Семен, должно быть, наделен большой силой, раз справляется с такими трудными заданиями. Нельзя ли как-нибудь использовать его магию?

Он отослал полковника прочь, и, когда Семен постучал в ворота дворца, встретил его со всей учтивостью. Герцог усадил гриша на почетное место, велел слугам омыть руки Семена душистой водой, затем принялся угощать его засахаренным миндалем, сливовым бренди, пельменями с бараниной в соусе из ароматных трав. Семен никогда не пробовал столь изысканных яств и, конечно, впервые чувствовал себя дорогим гостем. Когда наконец он откинулся на стуле, живот его раздулся, а глаза осоловели от вина и лести.

— Семен, — обратился к нему герцог, — мы оба — честные люди и можем говорить друг с другом начистоту. Ты — умный малый, но сможешь ли ты позаботиться о такой девушке, как Ева? У тебя ни денег, ни работы, ни дома.

— У меня есть любовь, — ответил Семен, едва не выронив бокал. — И еще Ножичек.

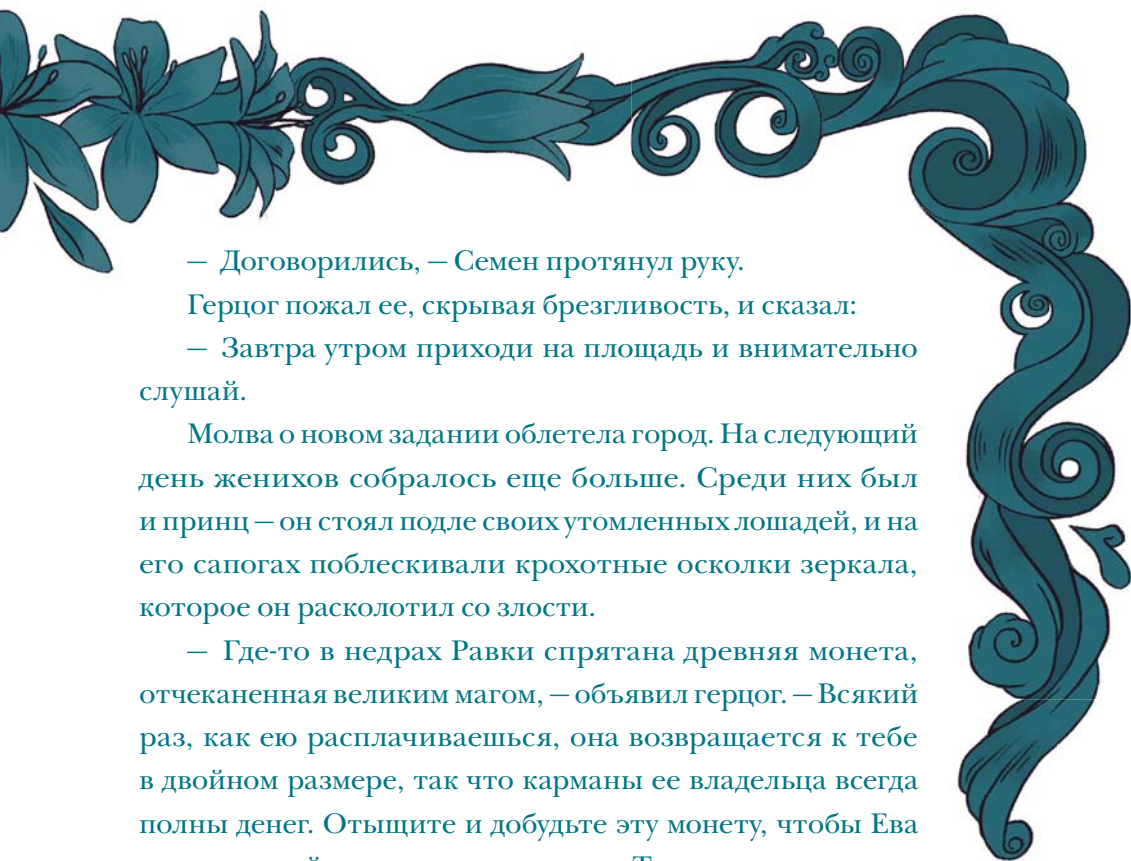
Герцог не понял, при чем тут нож, и возразил:

— За счет одной любви и столовых приборов не проживешь. Ева с рождения не знала забот, ей ничего не известно о трудностях и лишениях. Ты хочешь стать тем, кто научит ее страдать?

— Нет! — вскричал Семен. — Ни в коем случае!

— Тогда нам нужен план. Завтра утром я объявлю последнее задание. Справишься — получишь руку Евы и все блага, о которых только можно мечтать.

Семен заподозрил, что герцог опять попытается его обмануть, но условия были уж очень заманчивыми, поэтому он решил, что примет предложение, а сам будет держаться на чеку.

— Договорились, — Семен протянул руку.

Герцог пожал ее, скрывая брезгливость, и сказал:

— Завтра утром приходи на площадь и внимательно слушай.

Молва о новом задании облетела город. На следующий день женихов собралось еще больше. Среди них был и принц — он стоял подле своих утомленных лошадей, и на его сапогах поблескивали крохотные осколки зеркала, которое он расколотил со злости.

— Где-то в недрах Равки спрятана древняя монета, отчеканенная великим магом, — объявил герцог. — Всякий раз, как ею расплачиваешься, она возвращается к тебе в двойном размере, так что карманы ее владельца всегда полны денег. Отыщите и добудьте эту монету, чтобы Ева до конца дней ни в чем не нуждалась. Тот, кому это удастся, получит мою дочь в жены!

Толпа рассыпалась: претенденты со всех ног побежали за кирками и лопатами.

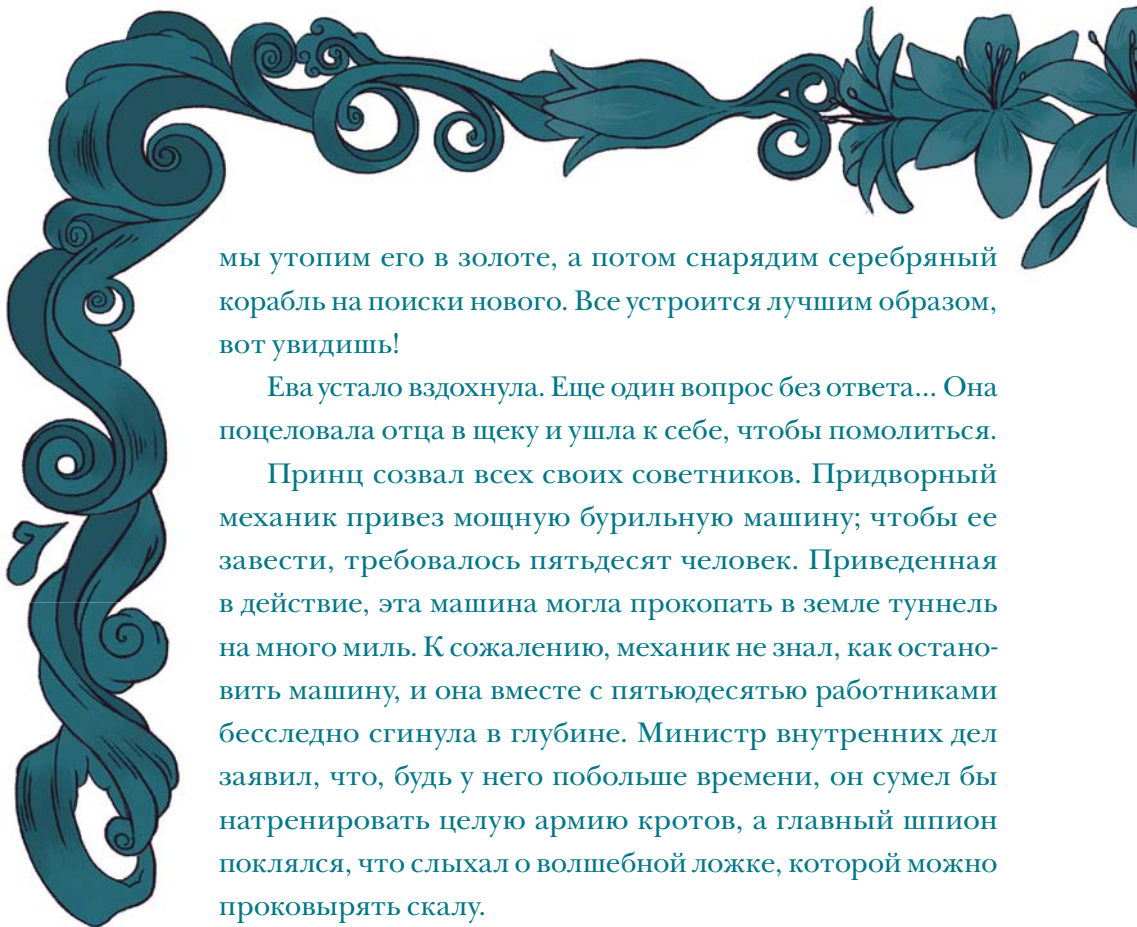
Когда герцог вернулся с балкона, Ева промолвила:

— Прощу прощения, папочка, разве так выбирают мужа? Скоро я буду очень богата, но хороший ли человек достанется мне в супруги?

На этот раз герцог поглядел на дочь с сочувствием.

— Когда кошелек пуст, а в животе урчит от голода, даже хороший человек превращается в дурного. Кто бы ни победил в этом испытании, волшебная монета станет нашей. Мы будем танцевать в мраморных залах, пить из янтарных кубков, а если муж придется тебе не по сердцу,

мы утопим его в золоте, а потом снарядим серебряный корабль на поиски нового. Все устроится лучшим образом, вот увидишь!

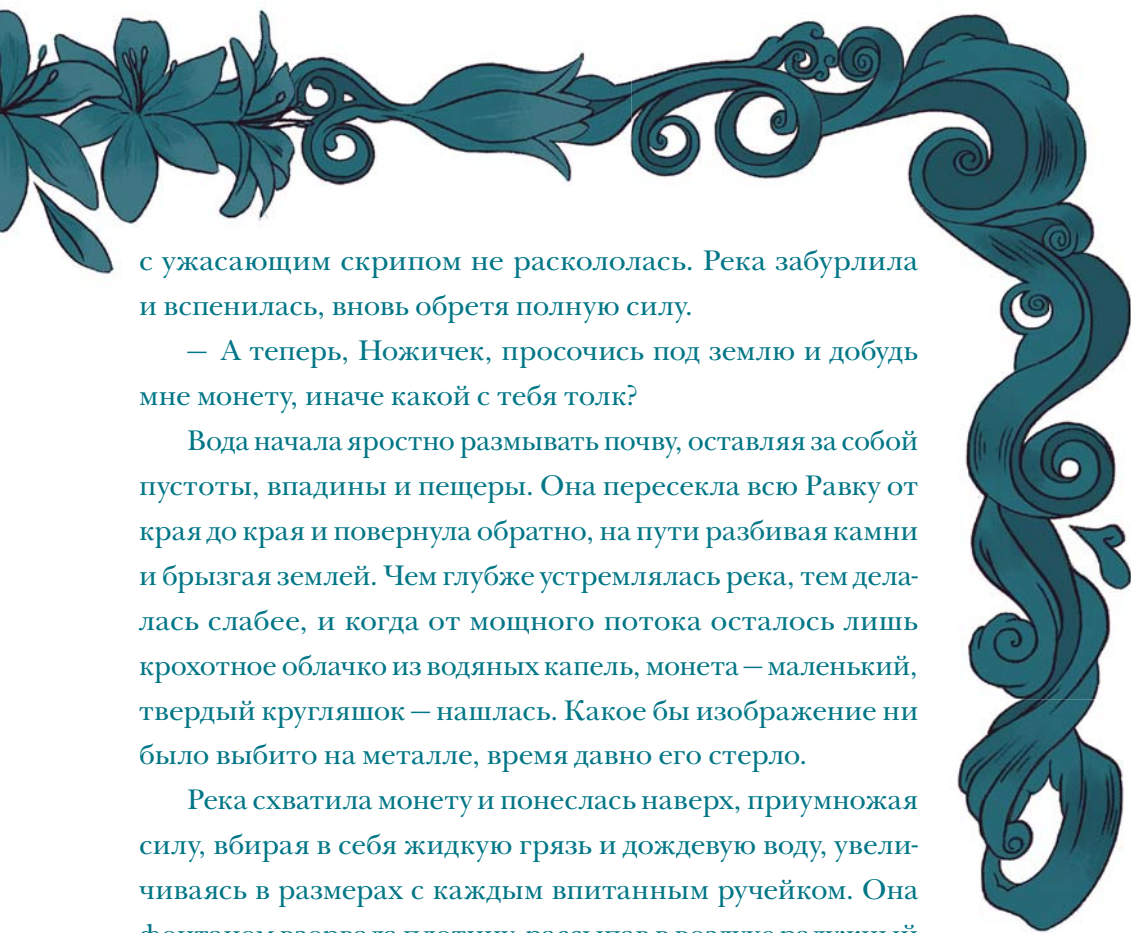
Ева устало вздохнула. Еще один вопрос без ответа... Она поцеловала отца в щеку и ушла к себе, чтобы помолиться.

Принц созвал всех своих советников. Придворный механик привез мощную бурильную машину; чтобы ее завести, требовалось пятьдесят человек. Приведенная в действие, эта машина могла прокопать в земле туннель на много миль. К сожалению, механик не знал, как остановить машину, и она вместе с пятьюдесятью работниками бесследно сгинула в глубине. Министр внутренних дел заявил, что, будь у него побольше времени, он сумел бы натренировать целую армию кротов, а главный шпион поклялся, что слышал о волшебной ложке, которой можно проковырять скалу.

Семен тем временем вернулся к реке. «Ножичек, — позвал он, — мне нужна твоя помощь. Если я не найду монету, Ева выйдет замуж за другого, а я останусь ни с чем». Водная гладь подернулась испуганной рябью. Река принялась накачивать на берег снова и снова, стараясь прорвать плотину на мельничном пруду. Немало минут прошло, пока Семен догадался: разделенной реке не хватает силы, чтобы пробиться сквозь землю.

Он схватил топор с рукояткой из слоновой кости, прежде принадлежавший принцу и подобранный в лесу, и принялся наносить удары по плотине. Звон гришийской стали о камень эхом разносился над лесом, пока наконец плотина

с ужасающим скрипом не раскололась. Река забурилась и вспенилась, вновь обретя полную силу.

— А теперь, Ножичек, просочись под землю и добудь мне монету, иначе какой с тебя толк?

Вода начала яростно размывать почву, оставляя за собой пустоты, впадины и пещеры. Она пересекла всю Равку от края до края и повернула обратно, на пути разбивая камни и брызгая землей. Чем глубже устремлялась река, тем делалась слабее, и когда от мощного потока осталось лишь крохотное облачко из водяных капель, монета — маленький, твердый кругляшок — нашлась. Какое бы изображение ни было выбито на металле, время давно его стерло.

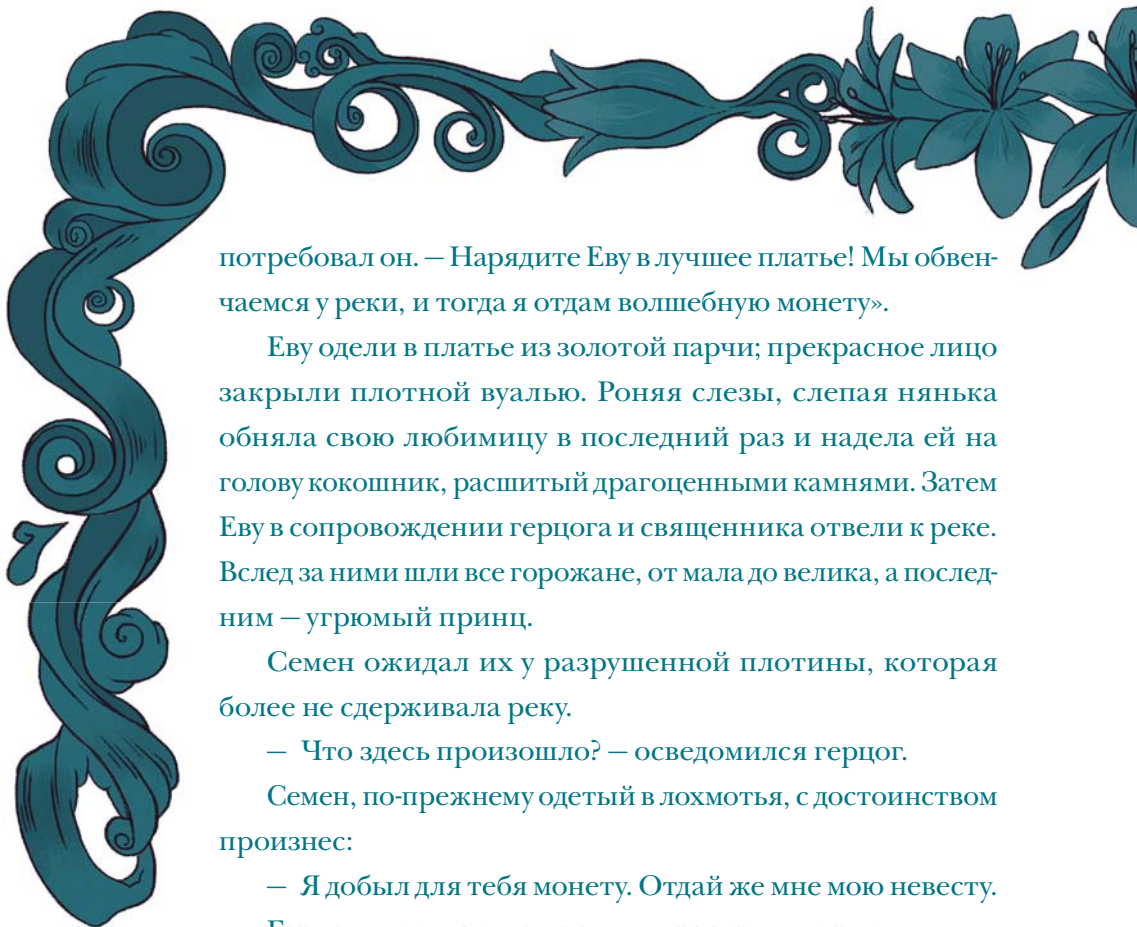
Река схватила монету и понеслась вверх, приумножая силу, вбирая в себя жидкую грязь и дождевую воду, увеличиваясь в размерах с каждым впитанным ручейком. Она фонтаном взорвала плотину, рассыпав в воздухе радужный водяной туман, так и эдак играя монетой.

Семен плюхнулся в воду, чтобы забрать ее, но река вихрилась вокруг него и что-то тревожно бормотала. «А что, если герцог придумает новое задание после того, как я отдам монету? — задумался гриш. — Что, если он прикончит меня, едва завладеет ею?»

— Нет уж, не такой я дурак, — сказал Семен реке. — Придержи монету на мелководье до моего возвращения.

И вновь он причесался, начистил башмаки и отправился ко дворцу герцога. Громко постучав в ворота, крикнул, что выполнил последнее задание. «Позовите священника! —

потребовал он. — Нарядите Еву в лучшее платье! Мы обвенчаемся у реки, и тогда я отдам волшебную монету».

Еву одели в платье из золотой парчи; прекрасное лицо закрыли плотной вуалью. Роняя слезы, слепая нянька обняла свою любимицу в последний раз и надела ей на голову кокошник, расшитый драгоценными камнями. Затем Еву в сопровождении герцога и священника отвели к реке. Вслед за ними шли все горожане, от мала до велика, а последним — угрюмый принц.

Семен ожидал их у разрушенной плотины, которая более не сдерживала реку.

— Что здесь произошло? — осведомился герцог.

Семен, по-прежнему одетый в лохмотья, с достоинством произнес:

— Я добыл для тебя монету. Отдай же мне мою невесту. Герцог выжидающе протянул раскрытую руку.

— Покажи им, Ножичек, — приказал Семен kloчущей воде.

Ева нахмурилась.

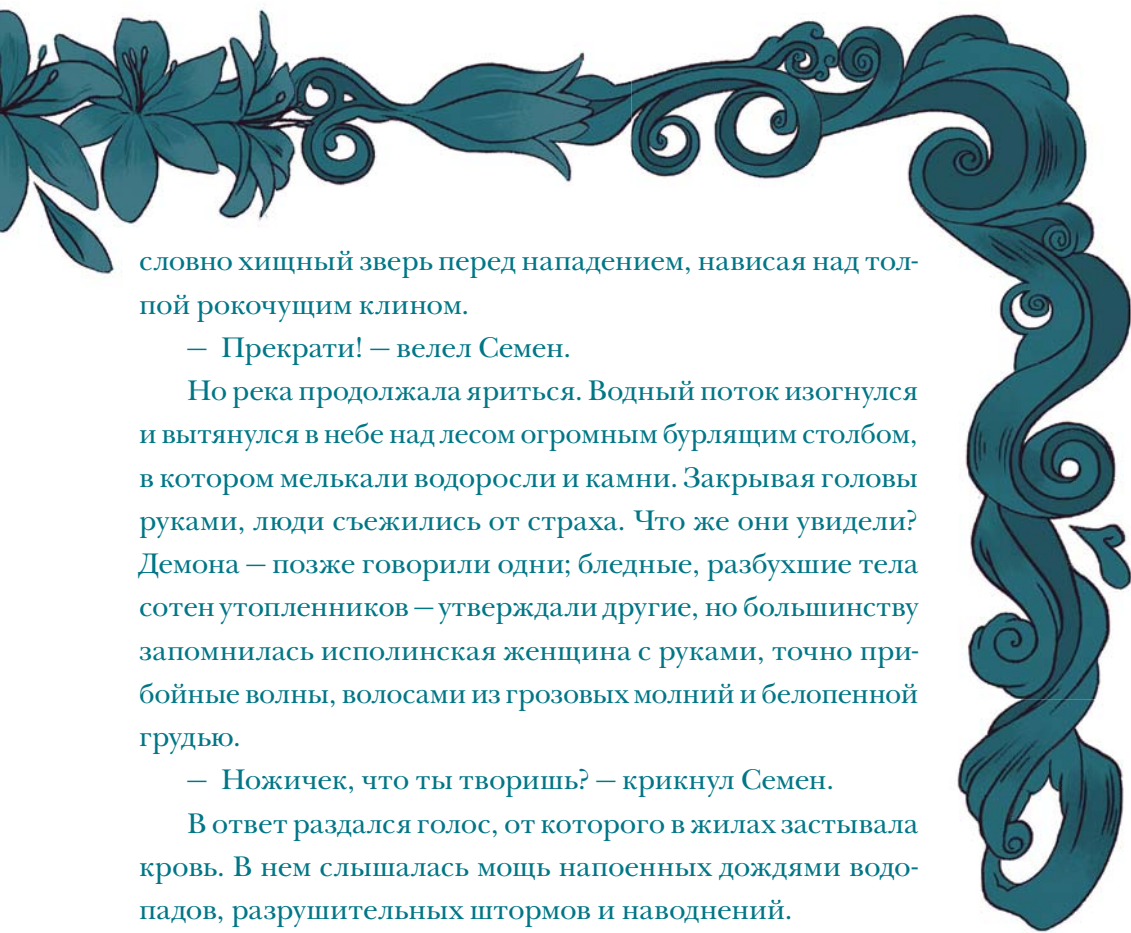
— Ножичек? Разве эта река мала и слаба? — спросила она, но вопроса никто не услышал.

Монета взметнулась из глубины и заплескала на поверхности.

— Это правда! — вскричал изумленный герцог. — Клянусь всеми святыми, он ее нашел!

Герцог, Семен и принц одновременно потянулись за монетой, и река зарычала. Воды отпрянули и вздыбились,

словно хищный зверь перед нападением, нависая над толпой рокочущим клином.

— Прекрати! — велел Семен.

Но река продолжала яриться. Водный поток изогнулся и вытянулся в небе над лесом огромным бурлящим столбом, в котором мелькали водоросли и камни. Закрывая головы руками, люди съежились от страха. Что же они увидели? Демона — позже говорили одни; бледные, разбухшие тела сотен утопленников — утверждали другие, но большинству запомнилась исполинская женщина с руками, точно прибойные волны, волосами из грозовых молний и белопенной грудью.

— Ножичек, что ты творишь? — крикнул Семен.

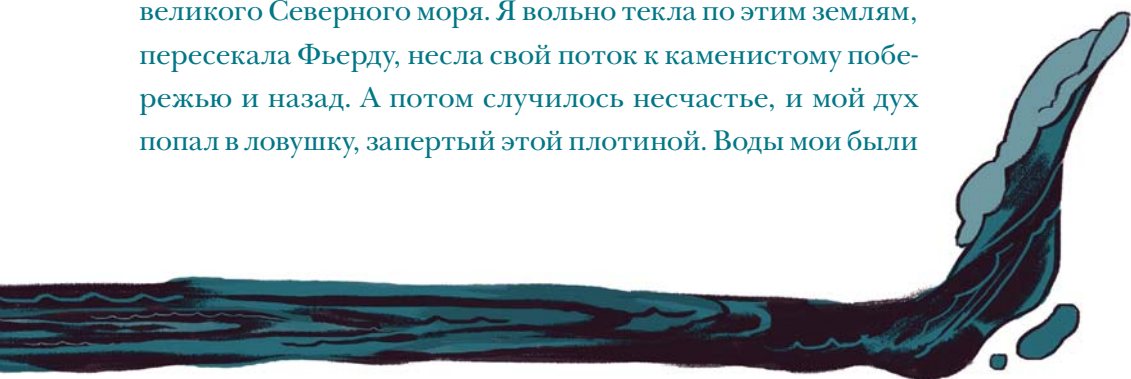
В ответ раздался голос, от которого в жилах застывала кровь. В нем слышалась мощь напоенных дождями водопадов, разрушительных штормов и наводнений.

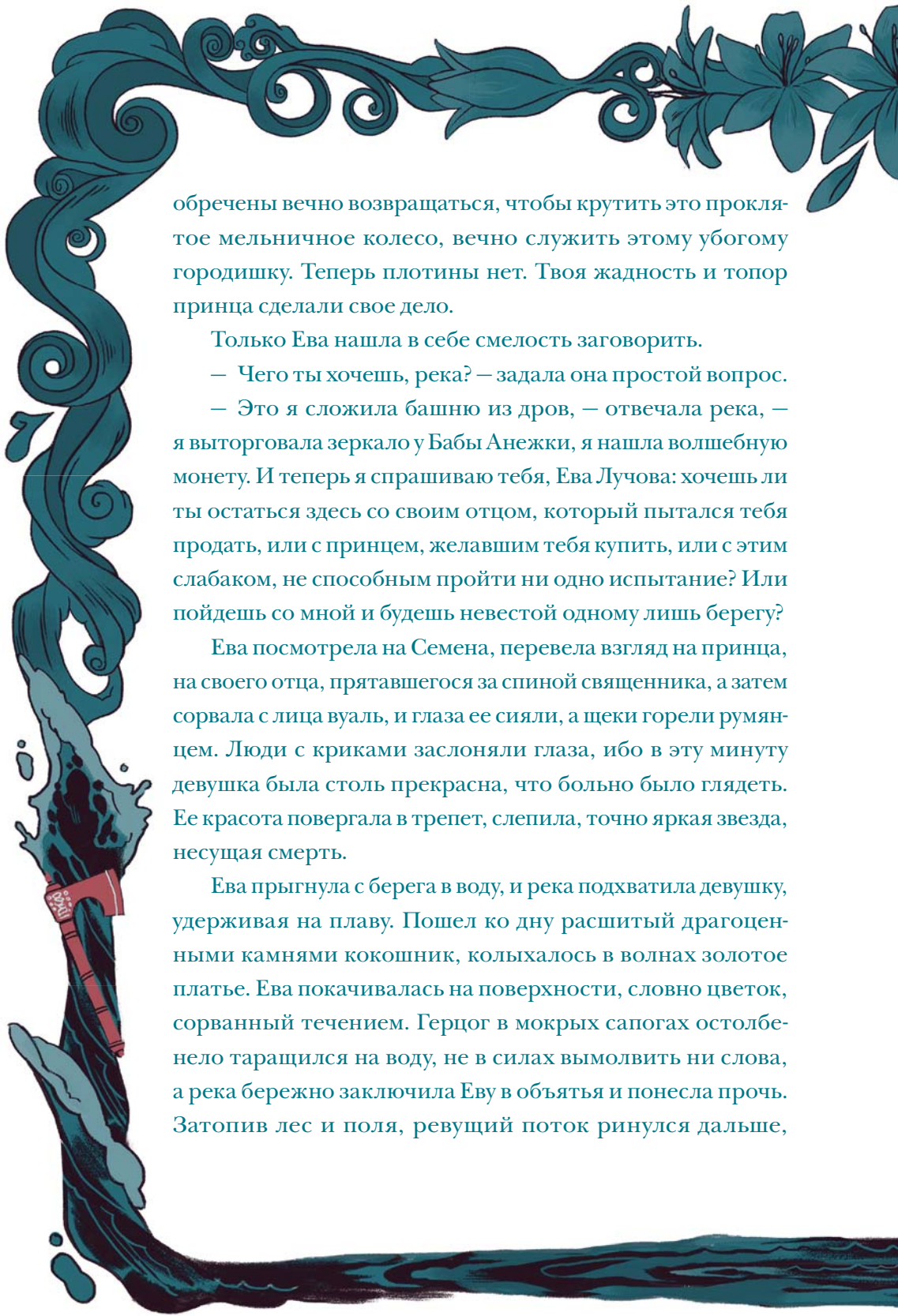
— Я тебе не ножичек, чтобы резать твой жалкий хлеб! — загрохотал голос. — Я кормлю поля и уничтожаю посевы. Я — великое благо и жестокая гибель.

Люди упали на колени и заплакали. Герцог схватился за священника.

— Так кто же ты? — крикнул Семен. — Назови себя!

— Твой язык не способен произнести мое истинное имя, — пророкотала река. — Некогда я была духом Исенве, великого Северного моря. Я вольно текла по этим землям, пересекала Фьерду, несла свой поток к каменистому побережью и назад. А потом случилось несчастье, и мой дух попал в ловушку, запертый этой плотиной. Воды мои были

обречены вечно возвращаться, чтобы крутить это проклятое мельничное колесо, вечно служить этому убогому городишку. Теперь плотины нет. Твоя жадность и топор принца сделали свое дело.

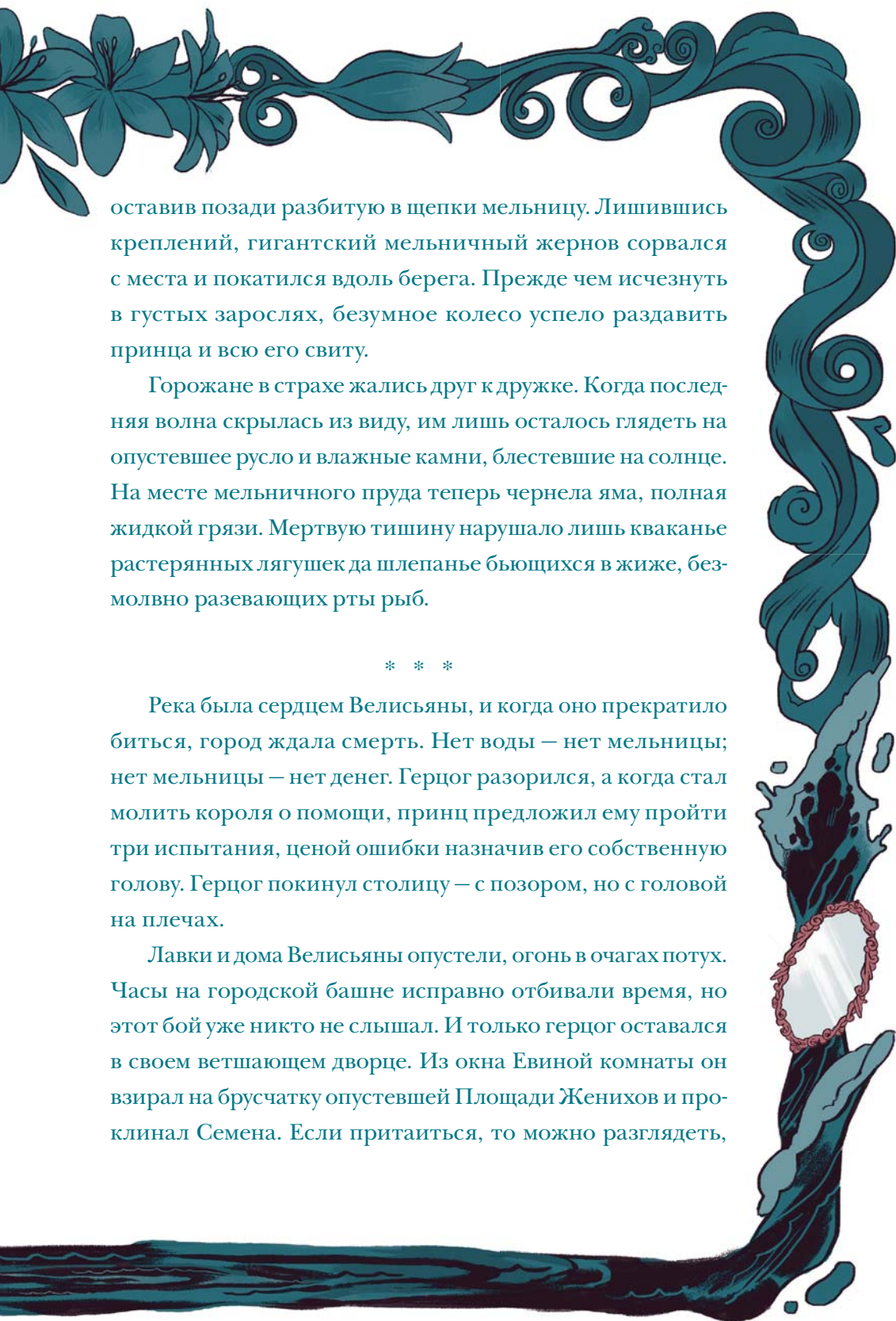
Только Ева нашла в себе смелость заговорить.

— Чего ты хочешь, река? — задала она простой вопрос.

— Это я сложила башню из дров, — отвечала река, — я выторговала зеркало у Бабы Анежки, я нашла волшебную монету. И теперь я спрашиваю тебя, Ева Лучова: хочешь ли ты остаться здесь со своим отцом, который пытался тебя продать, или с принцем, желавшим тебя купить, или с этим слабаком, не способным пройти ни одно испытание? Или пойдешь со мной и будешь невестой одному лишь берегу?

Ева посмотрела на Семена, перевела взгляд на принца, на своего отца, прятавшегося за спиной священника, а затем сорвала с лица вуаль, и глаза ее сияли, а щеки горели румянцем. Люди с криками заслоняли глаза, ибо в эту минуту девушка была столь прекрасна, что больно было глядеть. Ее красота повергала в трепет, слепила, точно яркая звезда, несущая смерть.

Ева прыгнула с берега в воду, и река подхватила девушку, удерживая на плаву. Пошел ко дну расшитый драгоценными камнями кокошник, колыхалось в волнах золотое платье. Ева покачивалась на поверхности, словно цветок, сорванный течением. Герцог в мокрых сапогах остолбенело таращился на воду, не в силах вымолвить ни слова, а река бережно заключила Еву в объятия и понесла прочь. Затопив лес и поля, ревущий поток ринулся дальше,

оставив позади разбитую в щепки мельницу. Лишившись креплений, гигантский мельничный жернов сорвался с места и покатился вдоль берега. Прежде чем исчезнуть в густых зарослях, безумное колесо успело раздавить принца и всю его свиту.

Горожане в страхе жались друг к дружке. Когда последняя волна скрылась из виду, им лишь осталось глядеть на опустевшее русло и влажные камни, блестевшие на солнце. На месте мельничного пруда теперь чернела яма, полная жидкой грязи. Мертвую тишину нарушало лишь кваканье растерянных лягушек да шлепанье бьющихся в жиже, безмолвно разевающих рты рыб.

* * *

Река была сердцем Велисьяны, и когда оно прекратило биться, город ждала смерть. Нет воды — нет мельницы; нет мельницы — нет денег. Герцог разорился, а когда стал молить короля о помощи, принц предложил ему пройти три испытания, ценой ошибки назначив его собственную голову. Герцог покинул столицу — с позором, но с головой на плечах.

Лавки и дома Велисьяны опустели, огонь в очагах потух. Часы на городской башне исправно отбивали время, но этот бой уже никто не слышал. И только герцог оставался в своем ветшающем дворце. Из окна Евиной комнаты он взирал на брусчатку опустевшей Площади Женихов и проклинал Семена. Если притаиться, то можно разглядеть,

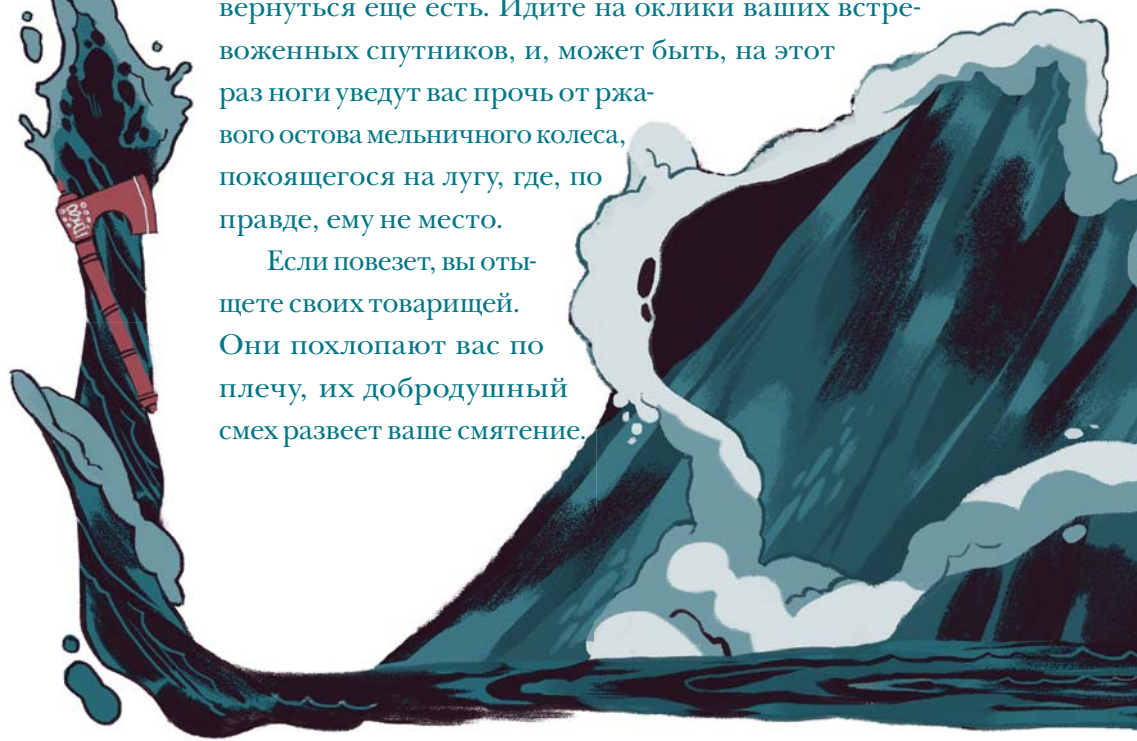
как герцог стоит у окошка в обрамлении каменных лилий и ждет, когда вернется вода.

Но его прекрасную дочь вам не увидеть. Река унесла Еву к самому морю, там девушка и осталась. Каждый день она тихо молилась в крохотной часовне, дверь которой лизали волны, каждый день садилась у кромки воды и смотрела на морские приливы и отливы. Проведя жизнь в счастливом уединении, Ева состарилась, нисколько не переживая об увядшей красоте, ибо неизменно видела в отражении свободную женщину.

Бедного Семена изгнали из города, возложив на него всю вину за горькую судьбу Велисьяны. Впрочем, несчастья его продолжались не долго. Совсем скоро он иссох и умер от того, что не позволял себе ни одной капли влаги — так боялся, что вода его отравит.

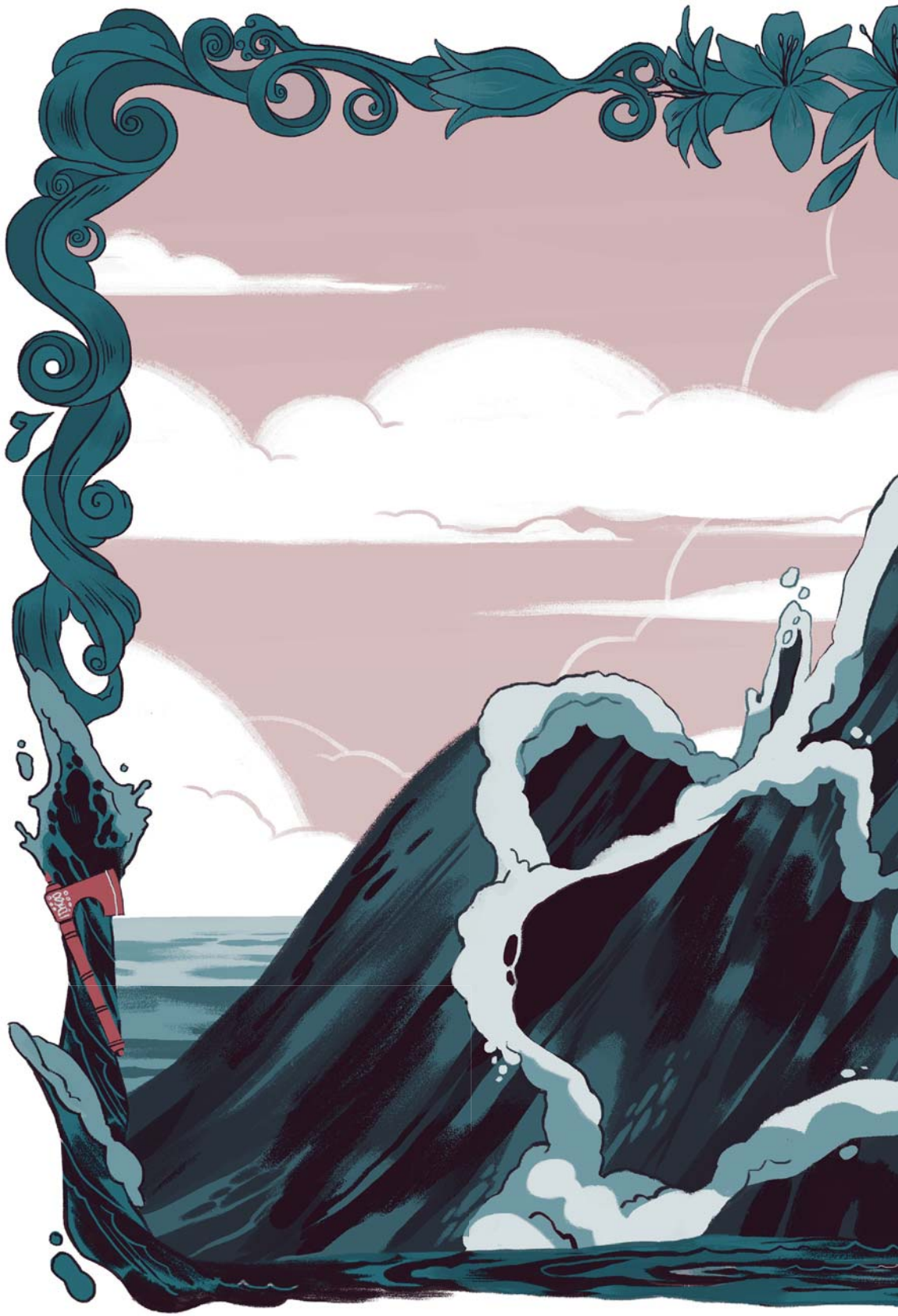
Итак, если вы по глупости все же сошли с тракта, шанс вернуться еще есть. Идите на оклики ваших встревоженных спутников, и, может быть, на этот раз ноги уведут вас прочь от ржавого остова мельничного колеса, покоящегося на лугу, где, по правде, ему не место.

Если повезет, вы отыщите своих товарищей. Они похлопают вас по плечу, их добродушный смех развеет ваше смятение.

И все же, оставляя за спиной темную прогалину между деревьями, помните: пользоваться чем-либо не значит этим владеть. А если когда-нибудь надумаете жениться, внимательнее прислушивайтесь к вопросам своей избранницы. В них вы можете расслышать ее истинное имя, как слышите глухой рокот убежавшей реки или вздох океана.

ПРИНЦ-СОЛДАТ

В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ, ВИНОВАТ БЫЛ ЧАСОВЩИК.

Но супругам Зельверхаус не следовало пускать его в дом. С демонами всегда одна и та же проблема, даже с более мелкими. В бархатных пальто и безупречно вычищенных туфлях они являются на порог вашего дома, вежливо приподнимают шляпу, улыбаются, демонстрируют прекрасные манеры за столом. А хвосты прячут.

Часовщик носил фамилию Дрёссен, хотя поговаривали, что он не керчиец, а равкианец — не то сын высланного аристократа, не то фабрикатор, запятнавший себя позором и изгнанный из родной страны, почему и за что — неизвестно. Он держал лавку на Вайнштрат, в той части улицы, где канал изгибался, точно палец в подзывающем жесте. Мастер славился самыми невероятными моделями часов, миниатюрными бронзовыми птичками, что каждый час высвистывали новую мелодию, и крохотными фигурками мужчин и женщин, которые в полночь и полдень разыгрывали забавные сценки.

Известность часовщику принес механический оракул: при нажатии определенного рычага он водил полированной деревянной рукой по ладони вопрошающего и предсказывал его судьбу. Один купец накануне бракосочетания своей дочери привел ее в лавку Дрёссена — погадать. Внутри заводного прорицателя что-то щелкнуло и звякнуло; он раскрыл свой деревянный рот и изрек: «Ты обретишь великую любовь и великое богатство, о каком и не мечтала». На радостях купец приобрел этот умный механизм

и подарил дочке на свадьбу, и все гости сошлись во мнении, что никогда еще не видели жениха и невесту, столь горячо влюбленных друг в друга. Но корабль, на котором молодые отплыли в свадебное путешествие, был так тяжело нагружен товаром и сундуками с золотом, что затонул при первом же шторме. И пассажиры, и груз отправились на дно холодного, равнодушного моря. Когда до купца дошло страшное известие, он припомнил слова оракула. Обезумев от горя и бренди, безутешный отец голыми руками разнес автомат в щепки. На другой день слуги нашли своего хозяина лежащим среди обломков, в слезах, с разбитыми костяшками и пятнами крови на рубахе. Эта печальная история, однако, лишь привлекла в лавку часовщика новых покупателей, охочих до всего необычного и таинственного.

А в лавке и впрямь было чему подивиться: темно-золотым львам, что загоняли механических газелей в бархатной саванне; садику эмалевых цветов, опыляемых крохотными жемчужноглазыми колибри, подвешенными на таких тонких ниточках, что казалось, будто они вправду летают, жужжа крылышками; вращающимся часам с календарем — мастер держал их на самой высокой полке, подальше от любопытных детских глаз, ибо движущиеся фигурки в этих часах каждый месяц разыгрывали сцену какого-нибудь жуткого убийства. Первого января, например, это была дуэль на заснеженном поле, и из малюсеньких пистолетиков, которыми стреляли механические человечки, вырывались облачка дыма. В феврале обманутый муж

набрасывался на жену и душил ее в смятой постели, пока перепуганный любовник прятался под кроватью. И так далее, и тому подобное...

Несмотря на свои достижения, Дрёссен был еще молод и считался желанным гостем в домах купцов, которые составляли основную часть его клиентуры. Он хорошо одевался, умел вести светские беседы, всегда приносил хозяевам дома прелестные подарки. Верно и то, что, когда Дрёссен входил в комнату, всех присутствующих охватывало смутное беспокойство: люди зябко ежились, растирали руки, словно на них дохнуло сквозняком, и крутили головами по сторонам — не надо ли где прикрыть дверь? Как ни странно, в глазах окружающих это лишь делало Дрёссена еще более привлекательным. Налет некой испорченности придавал ему шарма; без него Дрёссен смотрелся бы жалко — взрослый человек, помешанный на игрушках, пусть и самых затейливых. Ну, а так все только и обсуждали, что элегантный бархатный сюртук и гибкие бледные пальцы часовщика. При его приближении мамыши стискивали платочки, а их дочки заливались смущенным румянцем.

Каждую зиму Зельверхаусы — семья богатых торговцев чаем — приглашали часовщика провести Нахтшпель в их загородном поместье, где всю неделю устраивались вечеринки и празднества. Особняк Зельверхаусов являл собой образчик купеческой прижимистости: резкие, рубленые линии, простые кирпичные стены, мебель темного дерева. Однако же он крайне удачно располагался на берегу озера,

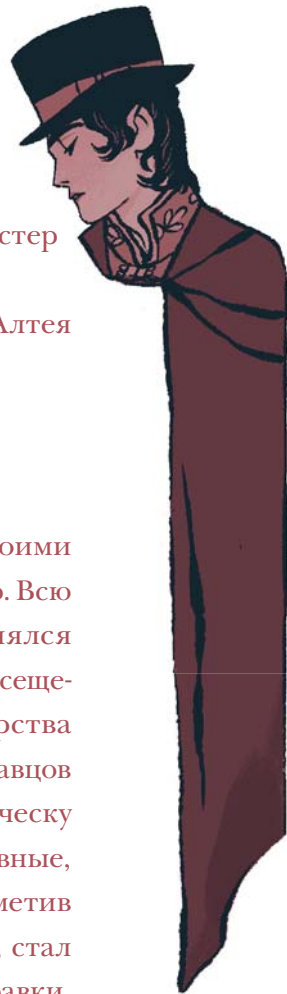
которое рано замерзало и превращалось в превосходный каток. Кроме того, в доме наличествовали все удобства — в каждой комнате имелся камин, весело потрескивающий огонь создавал атмосферу тепла и уюта, а полы были натерты до золотисто-медового блеска глазированных пряников.

С самого начала визиты Дрёссена в дом на озере сопровождались тревожными слухами. В первый его приезд соседи Зельверхаусов, Де Клётты, вынуждены были отказаться от празднования Нахтшпеля и Нового года по причине постигшего семью горя: Элиза Де Клёт произвела на свет младенца, целиком состоявшего из одуванчикового пуха, и, когда беспечная нянька распахнула окно, новорожденного унесло порывом ветра. В следующем году у одной из кузин Зельверхаусов на лбу выросла россыпь мелких серых грибов, а юный гость из Лиж рассказывал, что, проснувшись, обнаружил у себя между лопатками птичье крыло, которое рассыпалось в прах, едва на него упал луч солнца.

Имелась ли связь между этими странными явлениями и часовщиком? Утверждать наверняка никто не осмеливался, но разговоры ходили.

— Молодой Дрёссен — очаровательный молодой человек, но уж такой оригинал! Вокруг него постоянно творятся всякие чудеса, — сказала как-то одна дама Алтее Зельверхаус.

— Вы правы, большой оригинал, — согласилась Алтея, хотя знала, что Дрёссен принимает далеко не всякое приглашение и что в душе эта женщина в вычурном кружевном

воротнике страстно мечтает, чтобы часовых дел мастер хоть раз заглянул на один из ее приемов.

— Большой оригинал, — с улыбкой повторила Алтея и на том закончила разговор.

Тогда все выглядело вполне невинно.

* * *

Дрёссен отличался от остальных не только своими талантами и привычками, но и затаенной алчностью. Всю жизнь он еле-еле сводил концы с концами, кланялся и лебезил перед купцами, которые снисходили до посещения его лавки, и давно усвоил, что одного мастерства недостаточно. Выяснив, что у привлекательных продавцов торговля идет лучше, Дрёссен сделал модную прическу и вставил новые зубы — такие безупречно белые и ровные, что порой сам верил в их естественную природу. Заметив почтение, с каким торговцы относятся к военным, стал носить тяжелый корсет, добиваясь офицерской выправки, а плечи на кафтанах и сюртуках подбил ватой. Убедившись, что популярность зависит от спроса, он начал отклонять по два приглашения из трех.

Однако ему надоело поглощать холодный ужин, сидя в темной мастерской: часовщик нарочно тушил свет и запирали двери, чтобы все думали, будто он проводит вечера вне дома. Съемный угол, сырой и тесный, Дрёссен мечтал сменить на просторный дом. Он грезил о больших деньгах, которые сможет тратить на свои изобретения, о том

времени, когда ему больше не придется произносить: «да, сэр; непременно, сэр; будет исполнено, сэр». Все эти желания часовщик мог осуществить лишь одним способом: выгодной женитьбой. Но на ком прикажете жениться? Девицы на выданье, что приходили в лавку в сопровождении отцов или флиртовали с часовщиком в гостях, побаивались его, да и не рассматривали простого ремесленника в качестве хорошей партии. Нет, Дрёссену была нужна девушка помоложе и понаивнее — такая, которая станет им восхищаться.

Кларе Зельверхаус тогда еще не исполнилось и двенадцати. Довольно симпатична, довольно богата, романтична по натуре — в общем, то, что надо. Часовщик решил, что изучит ее характер, мечты и грезы, а потом воплотит их в действительность, после чего девчонка сама в него влюбится. По крайней мере, он на это рассчитывал. Дрёссен досконально знал свойства всех видов древесины, красок и лаков, умел отрегулировать шестеренки так, что они вращались бесшумно и обеспечивали часовому механизму идеальную точность. Он умел улыбаться, очаровывать и изображать из себя благородного джентльмена, однако при всем том никогда по-настоящему не понимал людей, как не понимал механику их ровно работающих, хоть и непостоянных сердец.

* * *

Каждое появление часовщика в доме у озера вызывало радостную суматоху. Дети выбегали навстречу Дрёссену, едва он вылезал из экипажа. Ребятня хвостом ходила за

слугами, переносившими багаж мастера — чемоданы и сундуки, неизменно полные восхитительных вещей, среди которых были куклы, одетые персонажами «Зверской комедии», музыкальные шкатулки, игрушечные пушки и даже замок, для обороны коего они предназначались.

Юный Фредерик обожал разыгрывать долгие баталии, но, как бы искусно ни были сделаны крохотные солдатики и их ружья, в конце концов игра ему надоедала, он надевал пальто и отправлялся на поиски приключений к заснеженному озеру. Клара была другой. К превеликому огорчению Дрёссена, девочка не обращала внимания на хитроумные заводные игрушки, которые он ей приносил, а изящную копию равкианского дворца с резными деревянными арками и куполами, покрытыми настоящим золотом, удостоила лишь слабой улыбкой. Зато с куклами, сделанными руками Дрёссена, Клара могла играть часами. Весь день ее не было видно и слышно, а когда колокольчик во второй раз звал к ужину, мать отправлялась разыскивать дочку по всем коридорам и, надрывая голос, требовала прекращать глупую игру и садиться за стол.

Проведя немало долгих вечеров в своей мастерской, Дрёссен изготовил для девочки великолепного щелкунчика. Это был голубоглазый человечек в ярком синем мундире и блестящих черных сапогах; в массивном кулаке он сжимал миниатюрный, но острый штык.

— Делись с ним всеми секретами, — сказал часовщик, вручая Кларе щелкунчика, — и он их надежно сохранит.

Она пообещала так и делать.

Родители полагали, что с возрастом дочь оставит эти детские забавы и, как все ее подруги, начнет больше интересоваться нарядами и женихами. Но Клара оставалась все той же замкнутой, мечтательной особой, которая могла умолкнуть на середине фразы, если ей в голову неожиданно приходила тайная мысль. На уроках иностранных языков и в танцевальных классах она держалась с рассеяннотерпеливым видом, а потом с улыбкой удалялась в какой-нибудь полутемный уголок, где без помех могла развернуть невидимый мир, созданный воображением.

На шестнадцатилетие Клары Зельверхаусы устроили большое торжество. Она угощалась сладостями, подшучивала над братом и не отказывала в танце ни одному из достойных кавалеров — купеческих сынков, приглашенных на праздник.

Алтея Зельверхаус испустила счастливый вздох облегчения и пошла спать. Впервые за много месяцев волнения, терзавшие ее, отступили. Однако ночью она проснулась в беспокойстве за детей. Семнадцатилетний Фредерик, довольный тем, что вырвался домой на каникулы, громко храпел в своей комнате. Постель Клары была пуста.

Алтея обнаружила дочь в гостиной: свернувшись клубочком, Клара спала на полу у камина с одной из своих любимых кукол. На ней были надеты пальто и туфли, еще влажные от снега.

— Клара, — Алтея осторожно потрясла дочь за плечо. — Зачем ты выходила из дому?

Девушка сонно заморгала и рассеянно улыбнулась.

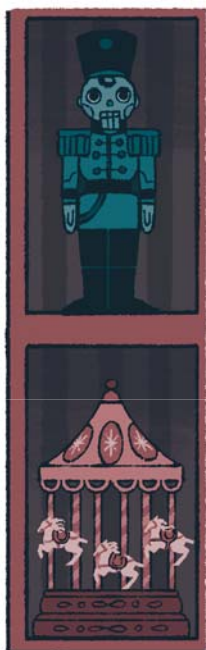
— Ему нравится снег, — пробормотала она, крепче прижала к груди куклу и опять заснула.

Алтея задержала взгляд на дочери: ночная сорочка, мокрое пальто, из-под руки выглядывает уродливое лицо деревянной куклы. Из всех творений Дрёссена Алтея больше всего не любила именно это — щелкунчика с его гротескной улыбкой и аляповатым синим мундиром. Стоя посреди гостиной, она вдруг подумала, что совершила ужасную ошибку, впервые пригласив часовщика в дом много лет назад. У Алтеи так и чесались руки схватить гадкую куклу и швырнуть в огонь.

Она потянулась к щелкунчику, но тут же отдернула кисть. На мгновение — невозможно поверить, но так и было! — ей показалось, что деревянный солдат повернул свою угловатую голову и посмотрел на нее, при этом в его глазах сквозила печаль. «Вздор, — убеждала себя женщина, баюкая на груди руку, — просто разыгралась фантазия. Я становлюсь такой же, как Клара».

Тем не менее, Алтея отошла назад, уверенная в том, что, если она осмелится взять щелкунчика и кинуть в огонь, страшная игрушка закричит или, того хуже, и вовсе не загорится.

Она укрыла дочь одеялом и вернулась в свою постель, а наутро почти забыла о пустячном ночном происшествии. Близился Нахтшпель, в доме ждали гостей. Алтея встала и приказала подать чаю, чтобы подкрепить силы перед грядущим днем, полным хлопот. Спустившись вниз, она убедилась, что Клара вместе с кухаркой перебирает каштаны. Проходя через столовую, Алтея на секунду задержалась перед шкафчиком, на полках которого были выставлены подарки Дрёссена. Задержалась просто так, без особой причины. И уж конечно не для того, чтобы проверить, надежно ли заперт щелкунчик за стеклянными дверцами.

* * *

Клара знала, что у матери на душе беспокойно. Она и сама переживала. На званом обеде или в гостях у подруги, а иногда и в классе Клара думала: «Это приятно и мило. Вот и ладно». Но потом возвращалась домой и обнаруживала, что стоит перед стеклянным шкафчиком в столовой. Щелкунчик сам собой оказывался у нее в руках, она уносила его к себе в комнату или на чердак и, лежа на боку среди комков пыли, шепотом разговаривала с ним, пока он не начинал шептать в ответ.

Это происходило не сразу, и в первые минуты девушка испытывала неловкость. В детстве было проще — тогда она не стеснялась так сильно, как теперь. Она чувствовала себя глупо, шевеля руками куклы, открывая и закрывая за нее рот. Клара невольно представляла, как выглядит

со стороны: молодая, почти взрослая девица лежит на пыльном полу посреди чердака и разговаривает с куклой. И все же Клара продолжала это делать — напоминать щелкунчику об их прежних забавах и приключениях, пускай со временем они отчасти и изменились.

Ты – солдат. Ты храбро сражался на войне, а потом вернулся ко мне, своей возлюбленной.

Однажды в последний вечер Нахтишеля ты защитил меня, убив огромную семиглавую крысу.

Ты – заколдованный принц. Мой поцелуй снял с тебя заклятье. Я полюбила тебя, когда все остальные отвергли, и за это ты избрал меня своей королевой.

Клара вкладывала в крепкие челюсти щелкунчика грецкий орех. Крак! В тишине чердака треск звучал особенно громко.

Ты – мой защитник? — снова и снова спрашивала девушка. — *Ты – мой принц, да?*

Ты – мой возлюбленный?

Ты – мой?

И тогда — порой проходило всего несколько мгновений, а порой — целая вечность — деревянные челюсти раскрывались, и щелкунчик начинал говорить.

— *Ты – мой защитник?*

— Да.

— *Ты – мой принц?*

— Да.

Руки и ноги куклы вытягивались, плечи делались шире, кожа приобретала мягкость.

— Ты — мой возлюбленный?

— Да.

— Ты — мой?

— Милая Клара, — молвил щелкунчик, высокий и стройный красавец. Уродливые деревянные челюсти преобразались в безупречную линию человеческого рта. — Ну, конечно, я только твой.

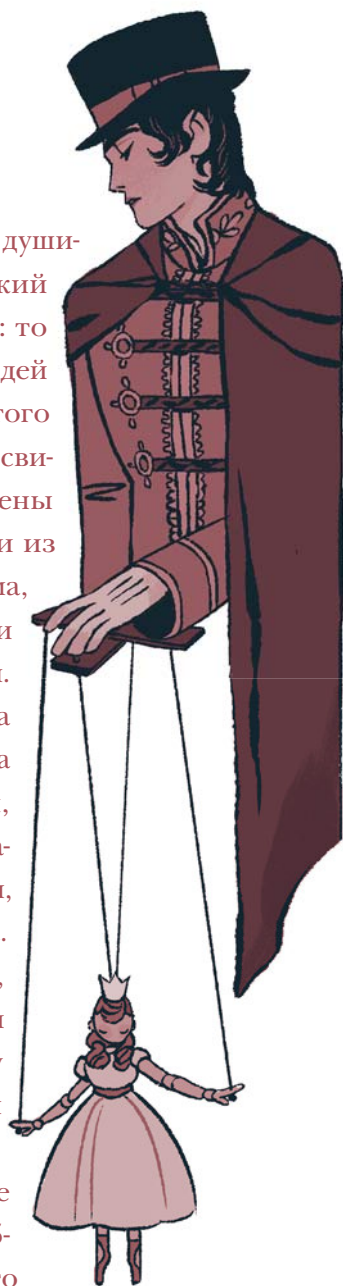
Он протягивал ей руку и — фьюить! — они вылетали через чердачное окно в холодное ночное небо. Сидя позади жениха на великолепном белом коне, Клара крепко держалась за талию щелкунчика и визжала от восторга, рассекая облака и уносясь вдаль.

Как называется то место, куда он ее привозил, девушка не знала. Волшебная страна? Царство грез? Когда она была ребенком, тут все выглядело иначе. Тогда они плыли на сахарной лодочке по сиропной реке. Клара шагала по марципановой мостовой мимо пряничных домиков и мармеладных дворцов. Дети танцевали для них и радостно встречали щелкунчика как своего принца. Во дворце они садились на диван из желейных подушечек, и королева-мать называла Клару спасительницей.

Теперь все это куда-то исчезло, уступив место густым зеленым лесам и сверкающим рекам. Теплый, шелковый воздух ласкал кожу, как в тех далеких странах, о которых Клара читала в книгах, — землях вечного лета, где солнце

светит круглый год и благодатный бриз напитан душистым ароматом флердоранжа. Белый конь всякий раз переносил Клару и принца в новое место: то в обширную долину — на пастбище диких лошадей с гривами цвета тумана; то на берег серебристого озера размером с целое море, где хозяйничали свирепые пираты, у которых вместо зубов вставлены драгоценные камни; то во дворец со стенами из колючего шиповника и башнями из дельфиниума, возвышавшимися над рощей, где стаями порхали бабочки, чьи крылья звенели, будто колокольчики. Бледно-зеленая кожа королевы той страны была усыпана каплями росы, точно веснушками, а корона росла прямо из головы, подобно рогам оленя, и витые отростки переливались сиянием перламутра. Когда королева коснулась губами губ Клары, за спиной девушки развернулись два тонких крыла. Весь день Клара летала, словно малютка-колибри, взмывала в небо и бросалась вниз, прерывая полеты лишь для того, чтобы утолить жажду медовым вином и позволить королеве вплести ей в волосы побеги морозника.

Но и этого Кларе было мало. Любит ли ее принц? Любит? Почему в конце каждого волшебного путешествия он возвращает ее домой? Это несправедливо — показать, что такой чудесный мир существует, а потом жестоко вырвать из чуда. Если бы он любил ее так же сильно, как она — его, то обязательно

позволил бы остаться. Каждый раз Клара надеялась, что мать принца встретит ее не как гостью, но как дочь, и что, открыв новую дверь, она окажется в будуаре невесты.

А вместо этого звучал обеденный гонг, с лестницы доносился топот Фредерика, либо Клару звала мать, и девушка возвращалась по звездному небу на холодный, унылый чердак. Руки и ноги затекали от долгого лежания на полу, в бок утыкалась деревянная кукла, бездушная и уродливая, с остатками ореховой скорлупы, застрявшей в челюстях.

Клара ставила щелкунчика на место в шкаф и возвращалась к родителям. Она пыталась улыбаться серой действительности, хотя щеки девушки все еще хранили тепло южного солнца, а во рту ощущалась сладость медового вина.

* * *

А щелкунчик ни в чем не был уверен, и порой это его пугало. Воспоминания сливались в одну круговерть. Он помнил, что сражался в бою — много раз — и бился доблестно. Разве не для этого он создан? Не зря ведь его вооружили штыком.

Он воевал ради нее. Но где она теперь? Где Клара? Та девушка с сияющим взором и нежными руками? Они вместе выстояли против Крысиного короля, они победили. Она обернула его своим платком, и его кровь пропитала белые кружева. Клара. Почему ее имя он помнит, а свое — нет?

Он бился храбро. По крайней мере, он сам так думал. Подробности ускользали из памяти — крики, кровь, крысиный писк, голые розовые хвосты и желтые кинжалы зубов, окровавленные пасти. Как зловеще блестели эти зубы в золотистом свете! Это было на рассвете или на закате? Ему запомнился запах сосен.

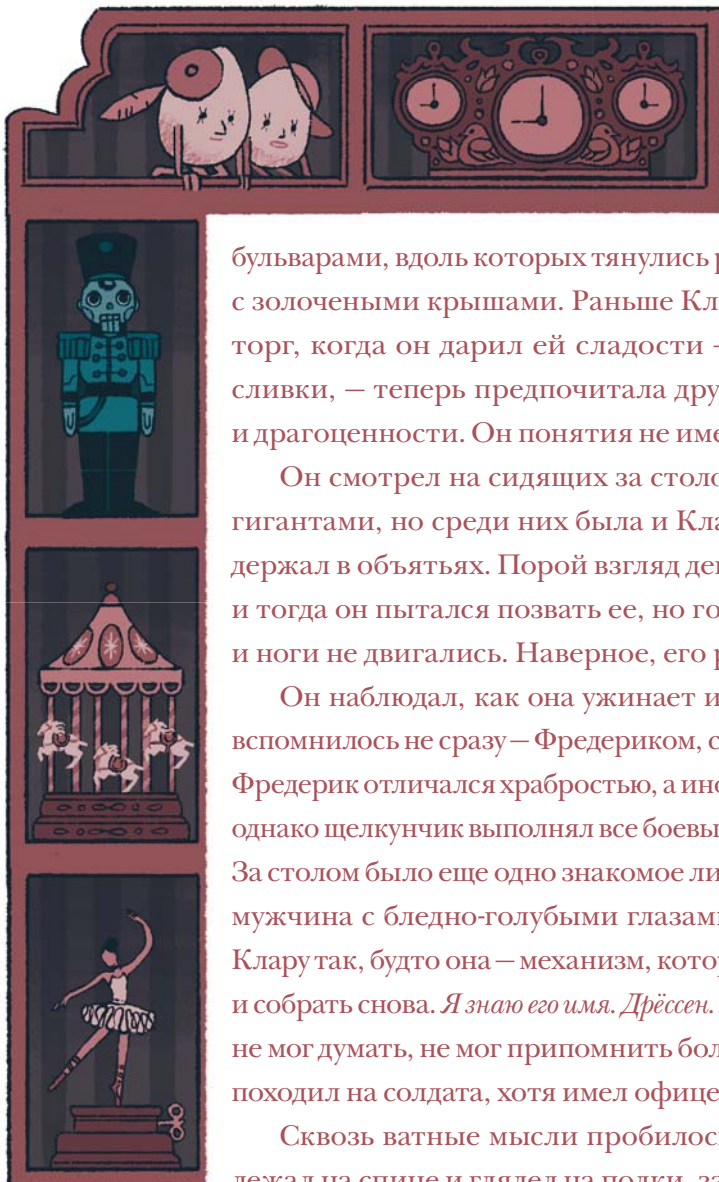
Сейчас он в казарме. Глядя сквозь толстое стекло, прищурился. Но и вид из окна сбивал с толку. Он видел длинный стол, накрытый для праздничного пира, засахаренные фрукты, сосновые ветви на каминной полке. Однако все казалось слишком большим, даже огромным, словно он смотрел через кривую линзу.

Он пересчитал медные пуговицы на щегольском синем мундире. В чьей армии носят такую форму? Где его родина? Кто стер пороховую пыль с его сапог?

А был ли бой, или это ему только приснилось? Другие воспоминания сохранились лучше. Он был принцем, ее принцем. Она так говорила. А он лишь хотел показывать ей чудеса и красоты своей страны, путешествовать к бескрайним горизонтам. И все-таки почему он не ощущал удовлетворения, возвращаясь во дворец, в котором, судя по всему, вырос? Почему видел все будто впервые, совсем как она?

Все было не так, как прежде. Узкие улочки, обрамленные заснеженными домиками, сменились широкими

бульварами, вдоль которых тянулись роскошные особняки с золочеными крышами. Раньше Клара приходила в восторг, когда он дарил ей сладости — нугу или взбитые сливки, — теперь предпочитала другие подарки: платья и драгоценности. Он понятия не имел, как узнал об этом.

Он смотрел на сидящих за столом. Все они казались гигантами, но среди них была и Клара — та, которую он держал в объятиях. Порой взгляд девушки падал на него, и тогда он пытался позвать ее, но голоса не было, а руки и ноги не двигались. Наверное, его ранило.

Он наблюдал, как она ужинает и разговаривает с... — вспомнилось не сразу — Фредериком, своим братом. Генерал Фредерик отличался храбростью, а иногда и безрассудством, однако щелкунчик выполнял все боевые приказы командира. За столом было еще одно знакомое лицо — длинноволосый мужчина с бледно-голубыми глазами, рассматривавший Клару так, будто она — механизм, который нужно разобрать и собрать снова. *Я знаю его имя. Дрёссен.* Но сейчас щелкунчик не мог думать, не мог припомнить больше. Этот человек не походил на солдата, хотя имел офицерскую выправку.

Сквозь ватные мысли пробилось воспоминание. Он лежал на спине и глядел на полки, заставленные часами, набитые безвольно повисшими марионетками. Он чувствовал запах краски, лака и свежей стружки. Дрёссен склонился над ним — огромный человек с огромными холодными глазами. *Видимо, я был ранен в бою.* Значит, Дрёссен — военный хирург, заключил щелкунчик. И все же что-то было не так.

Ужин подошел к концу. Гости потягивали из маленьких рюмочек темно-красный напиток, Клара — тоже. Личико у нее раскраснелось. Они немного поиграли в игры у камина, потом кто-то крикнул: «Снег идет!»

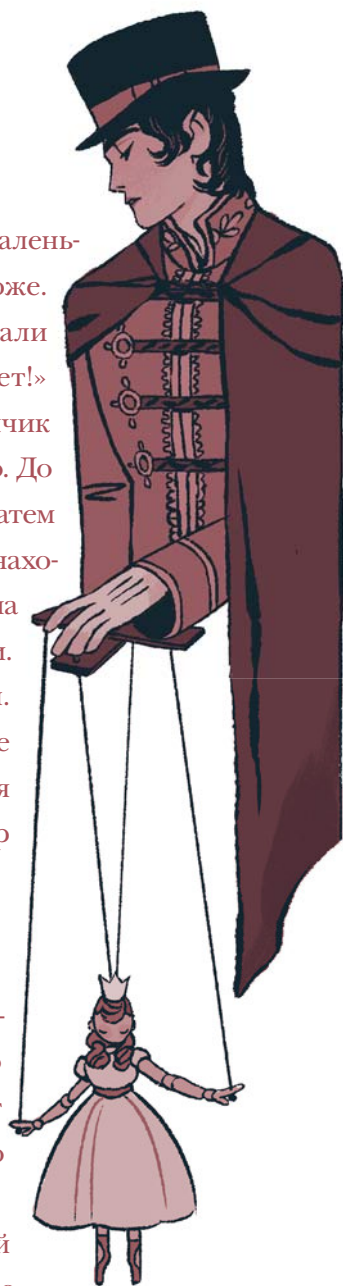
Все сгрудились у большого окошка, но щелкунчик не мог разглядеть, что же их так заинтересовало. До него доносились оживленные разговоры, смех, а затем толпа высыпала из столовой в... Он не знал, что находится за пределами этой комнаты — дворец, тюрьма или, может, сосновая роща. Знал лишь, что все ушли.

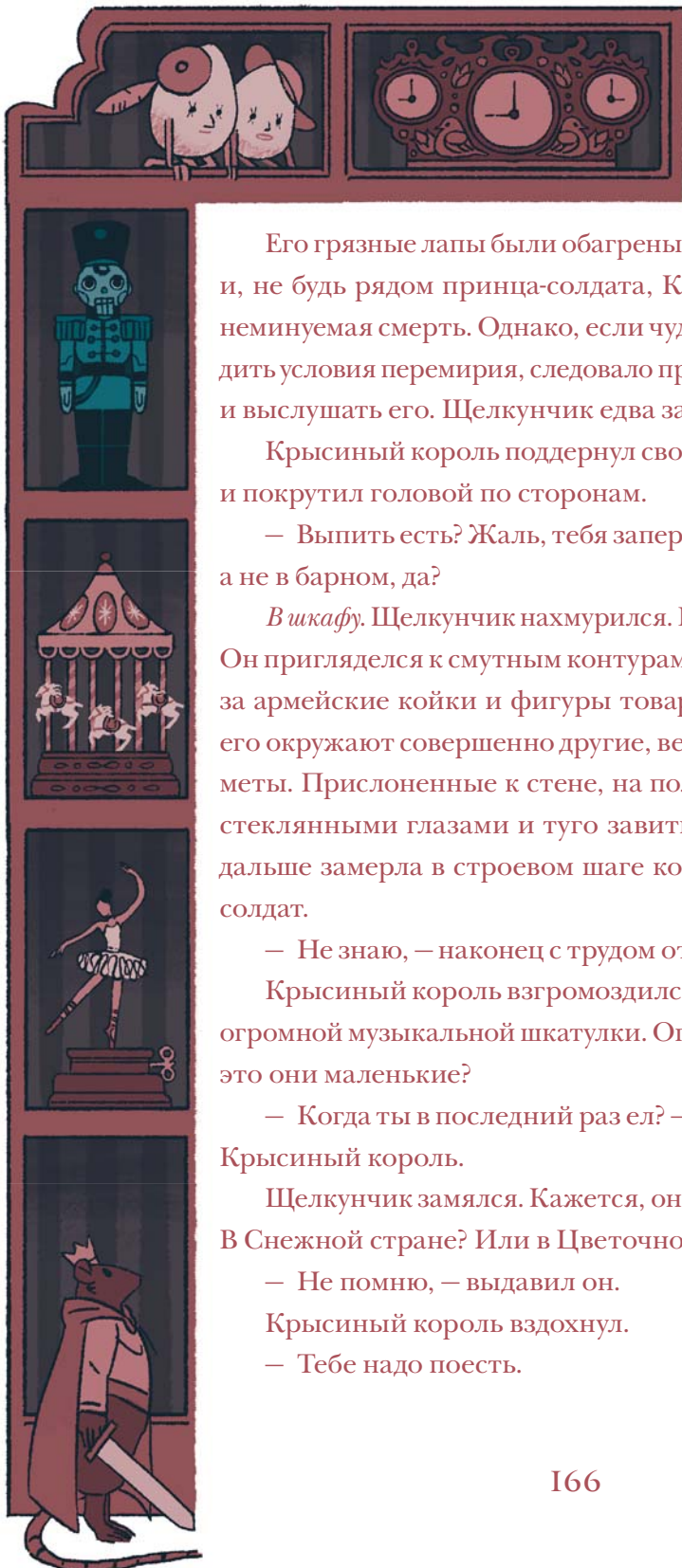
Слуги сгребли угли в камине, потушили свечи. Щелкунчик доблестно сражался на войне и все равно в итоге каждый раз почему-то оказывался здесь, в темноте и одиночестве. Клара в тот вечер не пришла.

* * *

Его разбудил пронзительный писк. Проснувшись, он обнаружил у своей постели Крысиного короля. Щелкунчик потянулся к портупее и вдруг обнаружил, что сабли нет, а руки и ноги опять его не слушаются.

— Спокойно, капитан, — проговорил Крысиный король. — Я пришел не драться, а всего лишь поговорить. — Голос у него был высокий и резкий, усики подрагивали, но при этом монстру удавалось сохранять величественный вид.

Его грязные лапы были обагрены кровью щелкунчика, и, не будь рядом принца-солдата, Клару тоже ждала бы неминуемая смерть. Однако, если чудовище явилось обсудить условия перемирия, следовало проявить благородство и выслушать его. Щелкунчик едва заметно кивнул.

Крысиный король поддернул свою фетровую мантию и покрутил головой по сторонам.

— Выпить есть? Жаль, тебя заперли в обычном шкафу, а не в барном, да?

В шкафу. Щелкунчик нахмурился. Разве он не в казарме? Он пригляделся к смутным контурам, которые принимал за армейские койки и фигуры товарищей, и понял, что его окружают совершенно другие, весьма странные предметы. Прислоненные к стене, на полке сидели куклы со стеклянными глазами и туго завитыми локонами, чуть дальше замерла в строевом шаге колонна вооруженных солдат.

— Не знаю, — наконец с трудом отозвался щелкунчик.

Крысиный король взгромоздился на золоченый край огромной музыкальной шкатулки. Огромной ли? А может, это они маленькие?

— Когда ты в последний раз ел? — полюбопытствовал Крысиный король.

Щелкунчик замялся. Кажется, он ел вместе с Кларой... В Снежной стране? Или в Цветочном королевстве?

— Не помню, — выдавил он.

Крысиный король вздохнул.

— Тебе надо поесть.

— Я ем. — Так ли это на самом деле?

— Только не орехов, а нормальной еды. — Король поскреб за ухом полупрозрачными розовыми когтями, потом снял с серой головы корону и аккуратно положил себе на колени. — А знаешь ли ты, что я появился на свет в виде сахарного мышонка?

На лице щелкунчика отразилось замешательство. Заметив это, Крысиный король продолжил:

— Понимаю, верится с трудом, но я был всего лишь фигурной конфеткой. Даже не лакомством, а так, украшением, милой финтифлюшкой — лишним доказательством мастерства моего создателя. Я стыдился того, что непригоден даже в пищу. «Ах, если бы кто-нибудь меня съел!» — думал я. Впрочем, этого оказалось достаточно.

— Достаточно для чего?

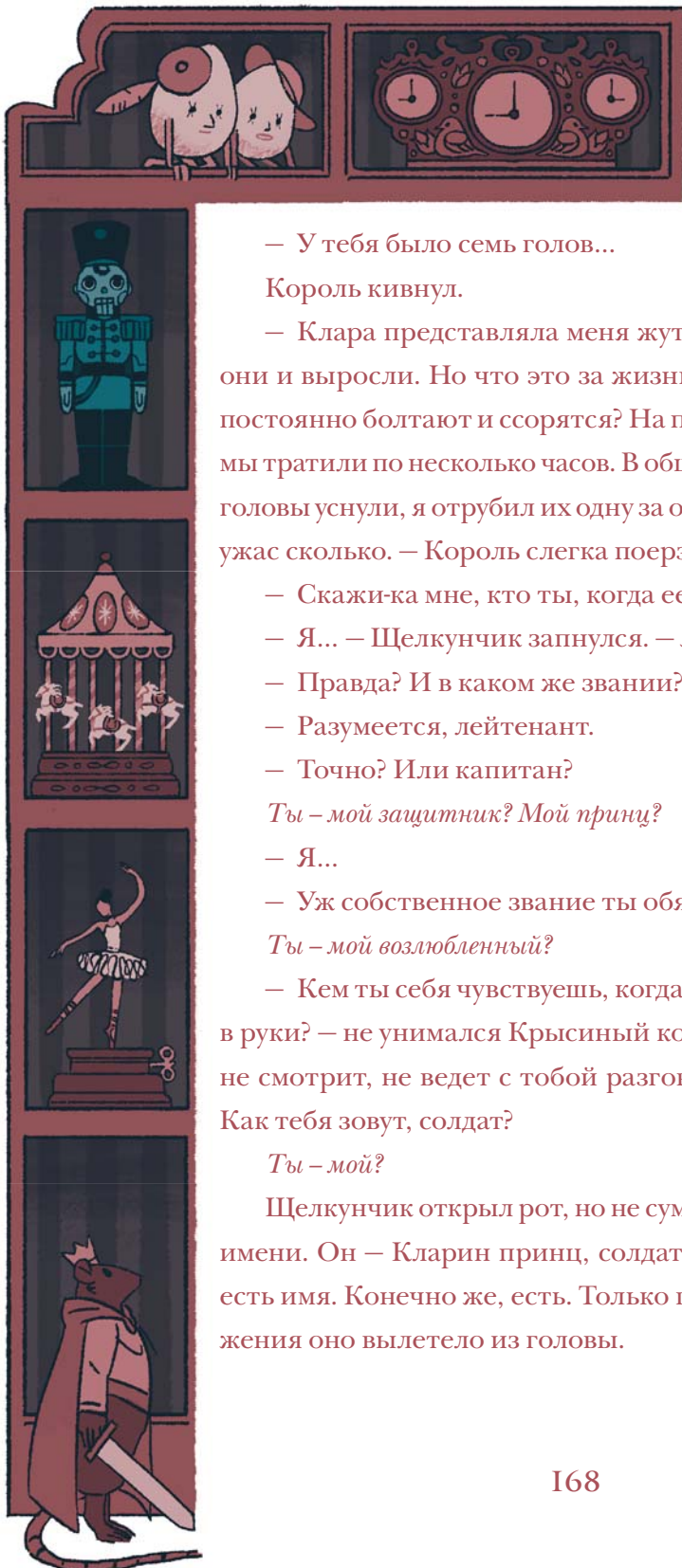
— Чтобы я сбежал из шкафа. Потребность — вот что заставляет людей вставать по утрам, дает пищу для ночных мечтаний. Чем больше потребностей я испытывал, тем более делался похожим на них. Более настоящим.

— Но я-то — настоящий, — возразил щелкунчик.

Крысиный король поглядел на него с сожалением. Сейчас — без короны, сгорбленный, со слегка поникшими усами, в тусклом свете он скорее походил на милую мышку, нежели на кровожадного монстра.

Щелкунчик вспомнил.

— У тебя было семь голов...

Король кивнул.

— Клара представляла меня жутким чудовищем, вот они и выросли. Но что это за жизнь, когда твои головы постоянно болтают и ссорятся? На простейшее решение мы тратили по несколько часов. В общем, когда остальные головы уснули, я отрубил их одну за одной. Крови натекло ужас сколько. — Король слегка поерзал.

— Скажи-ка мне, кто ты, когда ее нет рядом?

— Я... — Щелкунчик запнулся. — Я — солдат.

— Правда? И в каком же звании? Лейтенант?

— Разумеется, лейтенант.

— Точно? Или капитан?

Ты — мой защитник? Мой принц?

— Я...

— Уж собственное звание ты обязан знать!

Ты — мой возлюбленный?

— Кем ты себя чувствуешь, когда никто не берет тебя в руки? — не унимался Крысиный король. — Когда никто не смотрит, не ведет с тобой разговоров, кто ты тогда? Как тебя зовут, солдат?

Ты — мой?

Щелкунчик открыл рот, но не сумел вспомнить своего имени. Он — Кларин принц, солдат и защитник. У него есть имя. Конечно же, есть. Только после жестокого сражения оно вылетело из головы.

Он храбро бился. Он представил Клару своей матери. Он неся на коне по небу, озаренному россыпью звезд. Он — ничей наследник. Принц в марципановом дворце. Он спит на перине из сахарной ваты. На золоте.

— Ты ходишь, разговариваешь и смеешься, только когда Клара грезит вместе с тобой. Но все это — ее желания и фантазии, они не способны тебя подпитывать. Моя жизнь началась, когда у меня возникли собственные желания. Сначала я хотел, чтобы съели меня, потом сам захотел есть. Кусочек пирога, ломтик ветчины, глоток вина — еду с их стола. После этого у меня задвигались лапы, заморгали глаза. Я захотел узнать, что находится за дверцами шкафа, и научился прогрызать дыры в стенах. Там, между стенами, я встретил своих соплеменников. Крысы — не самая симпатичная братия, зато они живут, даже когда на них никто не смотрит. Я стал жить вместе с ними, незаметный, никому не нужный. И я без чужих подсказок знаю, кто я такой.

— А зачем ты напал на нас? — спросил щелкунчик. Он вспомнил кровь, крики и вопли. — Это было вправду.

— Еще бы! В детстве Клара мечтала о героях, а героям нужны противники. Однако стремление убивать, которое она мне внушила, не было моим

собственным. Сейчас я существую благодаря простому чувству голода. Все, что мне нужно, — хлебные крошки в буфете, сыр в кладовой, возможность прошмыгнуть во двор и забраться в поленницу, ощутить обжигающий холод снега...

Снег. В памяти всплыла очередная картина. Не тот сотканный из грез дворец, о каком мечтала Клара, а новое место за пределами этой комнаты. Однажды ночью она вынесла его из дома. Ему было *холодно*. По звездному небу бежали быстрые облака. Он набрал полную грудь воздуха, ощутил, как расправились легкие, выдохнул в морозную ночь облачко пара. Ему помнились деревья, кучками толпившиеся на горизонте, дорога, отчаянное желание выяснить, куда она ведет.

— Так-то, капитан. — Крысиный король неторопливо слез со шкатулки и водрузил на голову корону. — Хорошо жить под защитой стен, вдали от человеческих глаз. Хорошо быть крысой, на которую и смотреть-то противно. Надо укреплять волю, если хочешь выбраться из шкафа, стать настоящим. Она тебя любит, вот в чем штука, и от этого тебе будет труднее.

Клара его любит. А он любит ее. Так ведь?

Крысиный король носом толкнул дверцу шкафа.

— И последнее, — промолвил он, вскочив на край полки. — Берегись Дрёссена. Он создал тебя как игрушку для Клары, как способ очаровать ее, и не более.

— Значит, он тоже ее любит?

— Кто знает, кого любит часовщик? Лучше и не спрашивай, ответ тебе вряд ли понравится.

Крысиный король спрыгнул вниз и исчез, скользя длинным розовым хвостом.

* * *

Клара пыталась не подходить к шкафу. Она выдержала целый вечер — вино и гости помогли отвлечься. Но уже назавтра она улизнула с катка на озере, метнулась к шкафу в столовой, спрятала шелкунчика под полый пальто и понеслась вверх по лестнице, в тишину чердака.

Ты — мой солдат?

Свет студеного зимнего дня падал на пыльный пол четкими квадратами.

Ты — мой принц?

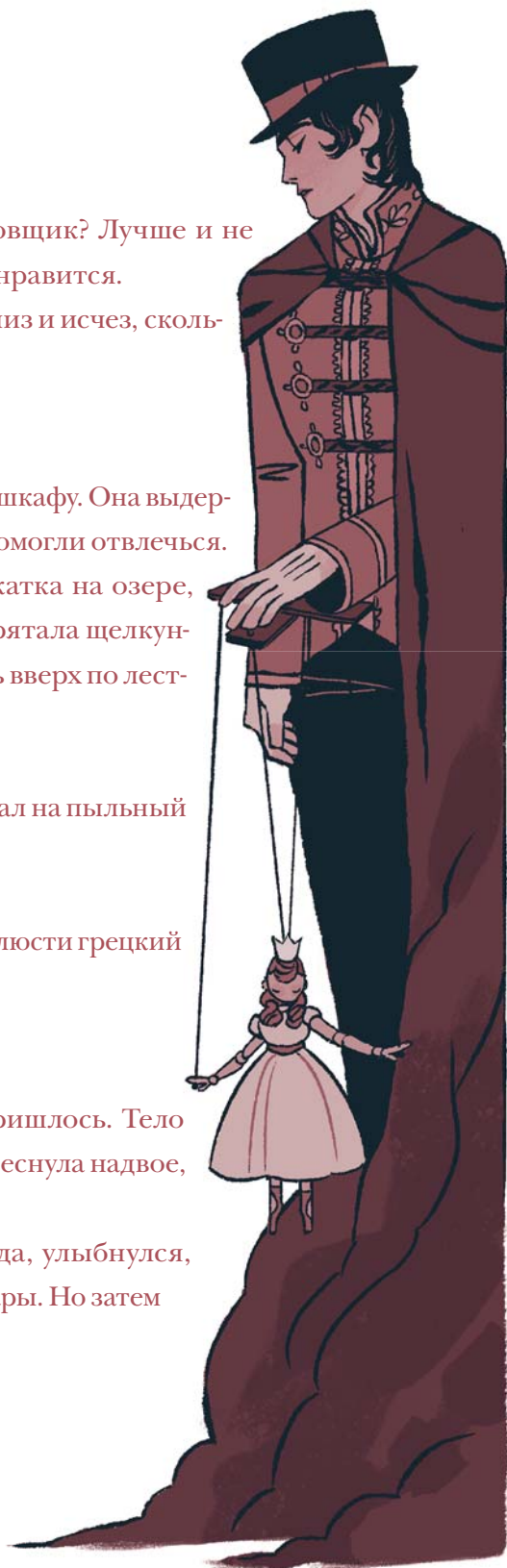
Клара вставила в деревянные челюсти грецкий орех.

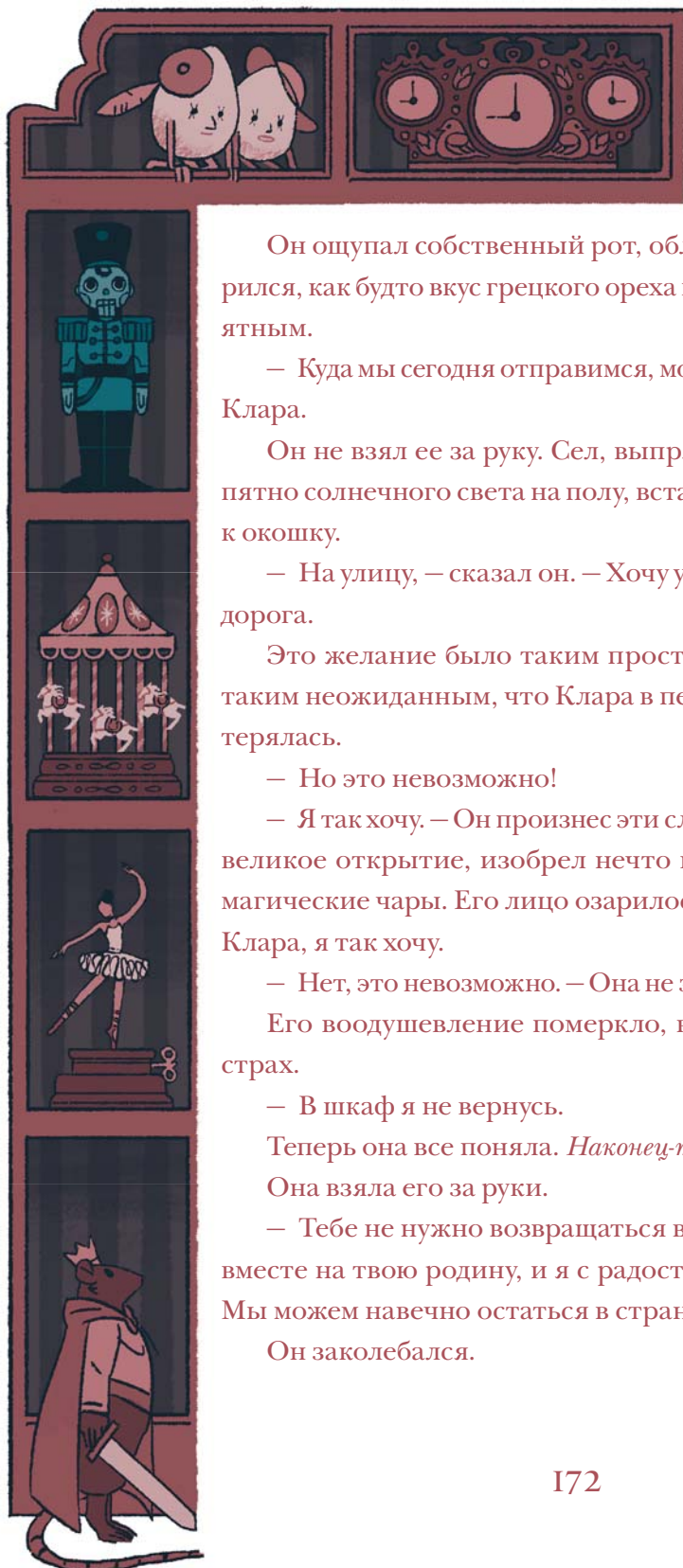
Ты — мой возлюбленный?

Ты — только мой?

На этот раз долго ждать не пришлось. Тело шелкунчика вытянулось, голова треснула надвое, явив прекрасный лик принца.

— Да, — ответил он. Как всегда, улыбнулся, нежно провел ладонью по щеке Клары. Но затем взгляд его помрачнел.

Он ощущал собственный рот, облизнул губы и нахмурился, как будто вкус грецкого ореха показался ему неприятным.

— Куда мы сегодня отправимся, мой принц? — спросила Клара.

Он не взял ее за руку. Сел, выпрямив спину, огладил пятно солнечного света на полу, встал на ноги и подошел к окошку.

— На улицу, — сказал он. — Хочу узнать, куда ведет эта дорога.

Это желание было таким простым и одновременно таким неожиданным, что Клара в первое мгновение растерялась.

— Но это невозможно!

— Я так хочу. — Он произнес эти слова так, будто сделал великое открытие, изобрел нечто новое или сотворил магические чары. Его лицо озарилось улыбкой. — Милая Клара, я так хочу.

— Нет, это невозможно. — Она не знала, как объяснить. Его воодушевление померкло, во взгляде появился страх.

— В шкаф я не вернусь.

Теперь она все поняла. *Наконец-то. Наконец-то!*

Она взяла его за руки.

— Тебе не нужно возвращаться в шкаф. Перенесемся вместе на твою родину, и я с радостью покину этот дом. Мы можем навечно остаться в стране грез.

Он заколебался.

— Этого хочешь ты.

— Да, — Клара вздернула подбородок. — Именно этого я всегда хотела. — Она затрепетала от волнения, на шее выступил пот.

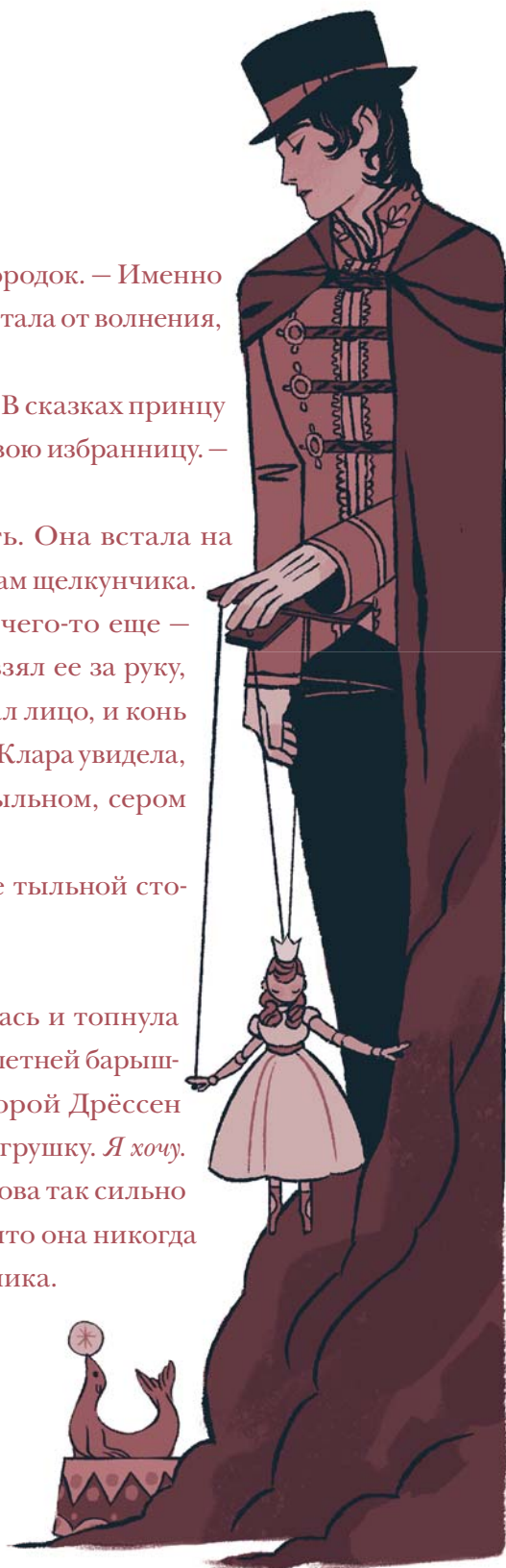
— Поцелуй меня, — велела она. В сказках принцу непременно полагалось целовать свою избранницу. — Увези меня отсюда.

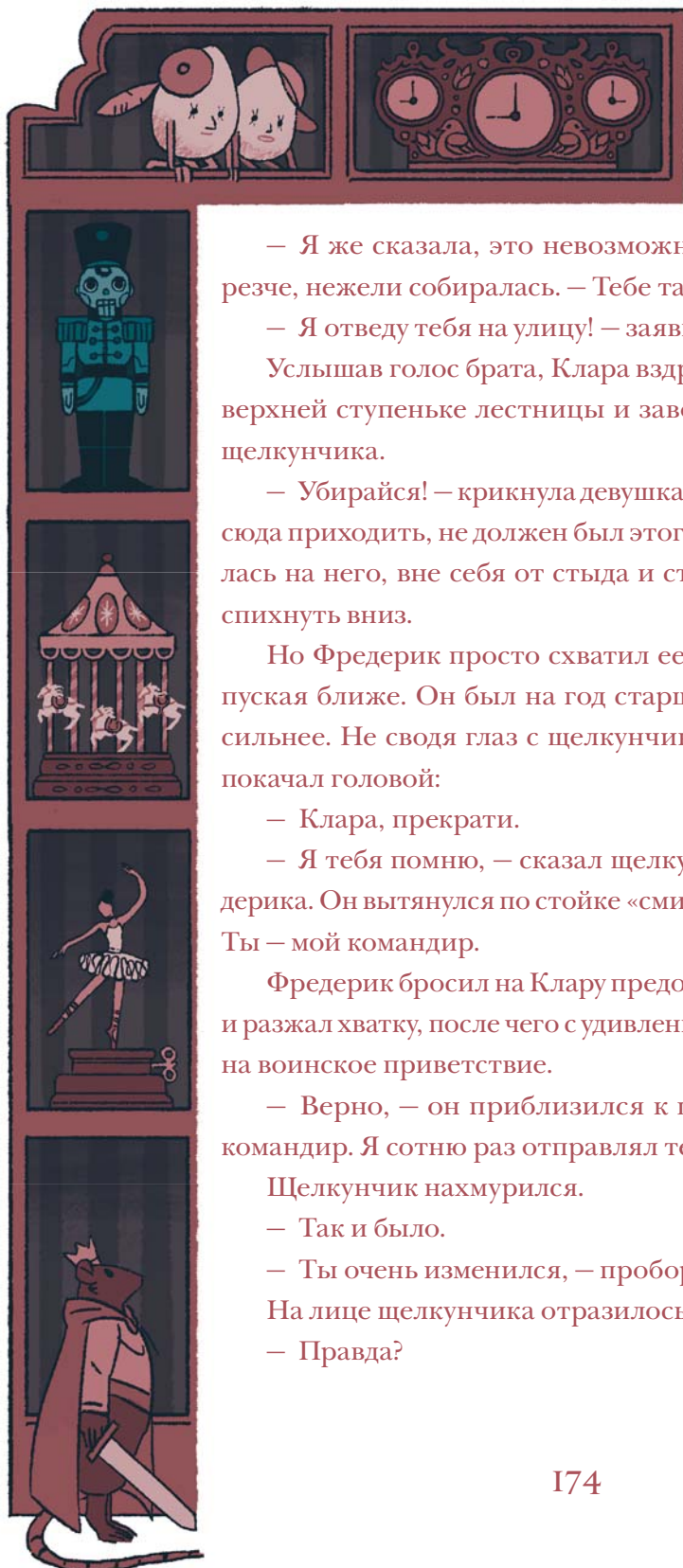
Клара не могла больше ждать. Она встала на цыпочки и прижалась губами к губам щелкунчика. Ощутила вкус грецких орехов и чего-то еще — кажется, лака. Однако принц не взял ее за руку, не привлек к себе. Ветер не обдувал лицо, и конь не уносил их в небо. Открыв глаза, Клара увидела, что по-прежнему находится на пыльном, сером чердаке.

Щелкунчик провел по ее щеке тыльной стороны ладони.

— Я хочу на улицу, — сказал он.

Клара раздраженно нахмурилась и топнула ногой, словно была не семнадцатилетней барышней, а маленькой девочкой, которой Дрёссен только что подарил деревянную игрушку. *Я хочу*. Она и сама не знала, почему эти слова так сильно ее разозлили. Возможно, потому, что она никогда прежде не слышала их от щелкунчика.

— Я же сказала, это невозможно, — повторила она резче, нежели собиралась. — Тебе там не место.

— Я отведу тебя на улицу! — заявил Фредерик.

Услышав голос брата, Клара вздрогнула. Он стоял на верхней ступеньке лестницы и заворуженно глядел на щелкунчика.

— Убирайся! — крикнула девушка. Брат не должен был сюда приходить, не должен был этого видеть. Она бросилась на него, вне себя от стыда и страха, и попыталась спихнуть вниз.

Но Фредерик просто схватил ее за запястья, не подпуская ближе. Он был на год старше сестры и гораздо сильнее. Не сводя глаз с щелкунчика, юноша медленно покачал головой:

— Клара, прекрати.

— Я тебя помню, — сказал щелкунчик, глядя на Фредерика. Он вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. — Ты — мой командир.

Фредерик бросил на Клару предостерегающий взгляд и разжал хватку, после чего с удивленной улыбкой ответил на воинское приветствие.

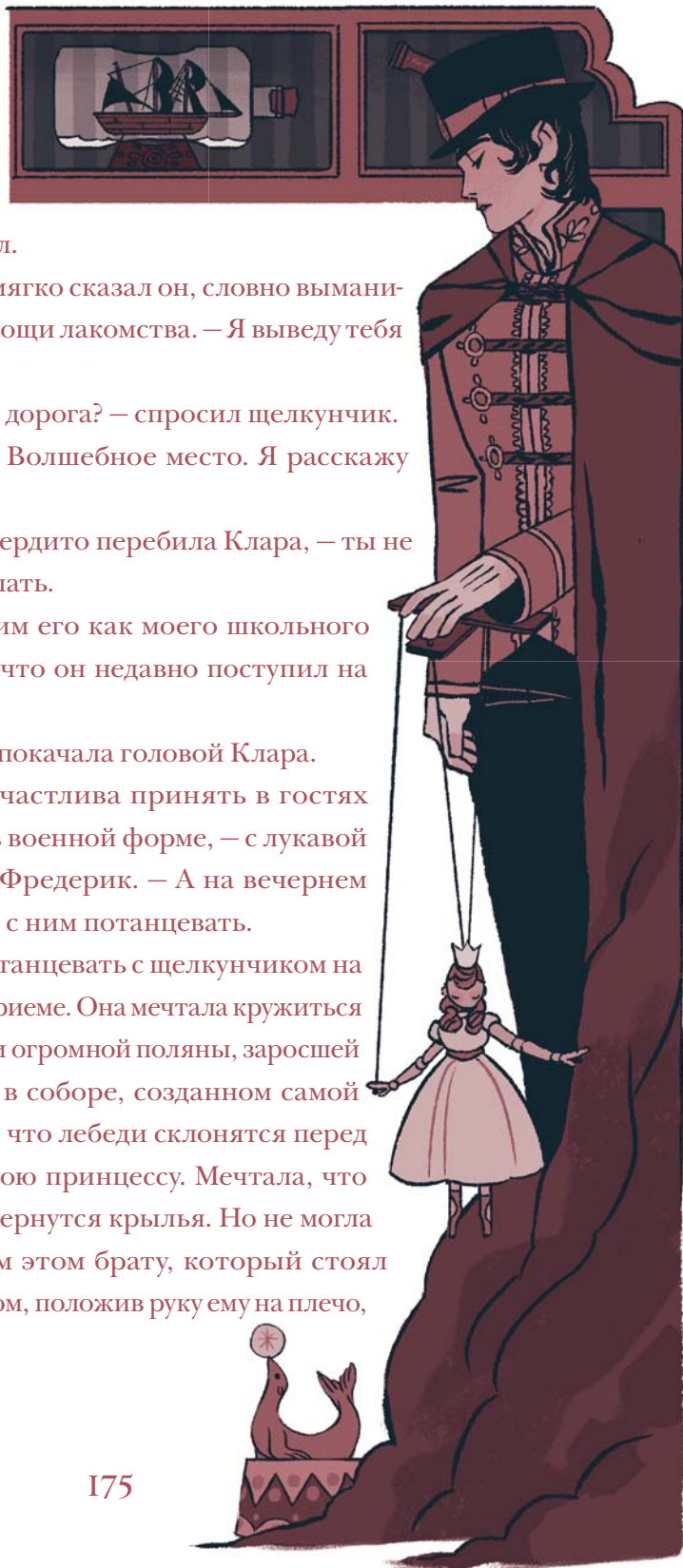
— Верно, — он приблизился к щелкунчику, — твой командир. Я сотню раз отправлял тебя на смерть.

Щелкунчик нахмурился.

— Так и было.

— Ты очень изменился, — пробормотал Фредерик. На лице щелкунчика отразилось смущение.

— Правда?

Фредерик кивнул.

— Идем вниз, — мягко сказал он, словно выманивал котенка при помощи лакомства. — Я выведу тебя на улицу.

— Куда ведет эта дорога? — спросил щелкунчик.

— В Кеттердам. Волшебное место. Я расскажу тебе о нем.

— Фредерик, — сердито перебила Клара, — ты не посмеешь этого сделать.

— Мы представим его как моего школьного товарища. Скажем, что он недавно поступил на службу.

— Так нельзя, — покачала головой Клара.

— Мама будет счастлива принять в гостях молодого красавца в военной форме, — с лукавой улыбкой прибавил Фредерик. — А на вечернем приеме ты сможешь с ним потанцевать.

Клара не хотела танцевать с щелкунчиком на дурацком вечернем приеме. Она мечтала кружиться с ним в танце посреди огромной поляны, заросшей колокольчиками, — в соборе, созданном самой природой. Мечтала, что лебеди склонятся перед ней, приветствуя свою принцессу. Мечтала, что у нее за спиной развернутся крылья. Но не могла рассказать обо всем этом брату, который стоял рядом со щелкунчиком, положив руку ему на плечо,

как будто они и вправду хорошие приятели еще со школьных времен, как будто ее принц — молодой офицер в синем мундире с начищенными пуговицами, готовый вступить в керчийскую армию.

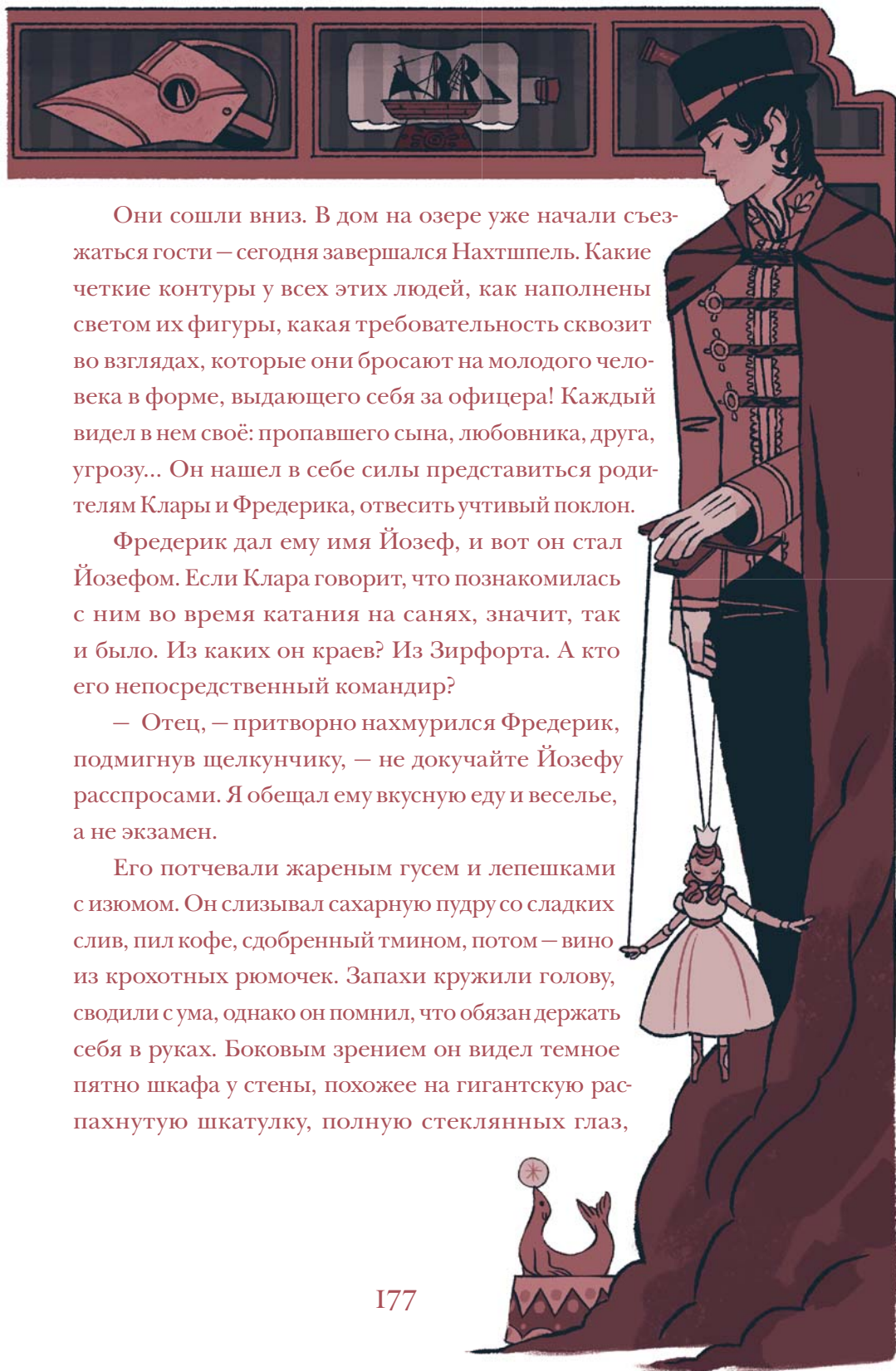
— Фредерик, — умоляюще произнесла Клара.

Но брат уже вел щелкунчика к лестнице.

— Да будет тебе, Клара, — лукавая улыбка Фредерика сделалась еще шире. — Он так хочет.

* * *

Поцелуй поверг его в замешательство. Когда Клара стала просить увезти ее в страну грез, щелкунчик едва устоял перед силой этого желания. В бледных лучах солнца, пробивающихся через чердачное окошко, она подставила ему свое милое лицо, коснулась губами его губ, и он ощутил вожделение плоти — своей или ее? Разобраться было невероятно сложно, и все же, должно быть, его влекло к ней, ибо он внезапно почувствовал холод, которым тянуло из окна, который звал туда, на гравийную дорожку, в лес, к снежным сугробам. А потом появился Фредерик с горящими, настойчивыми глазами. Мощная власть желаний этого юноши была яркой и опасной, точно пламя. Решимость щелкунчика слабела, воля становилась мягкой, податливой. Ему казалось, взгляни он сейчас на свое плечо, где лежала рука Фредерика, и он увидит вдавленные следы пальцев и среди них самый глубокий отпечаток — большого. Мысли щелкунчика о дороге и о том, куда она ведет, рассеялись.

Они сошли вниз. В дом на озере уже начали съезжаться гости — сегодня завершался Нахтшпель. Какие четкие контуры у всех этих людей, как наполнены светом их фигуры, какая требовательность сквозит во взглядах, которые они бросают на молодого человека в форме, выдающего себя за офицера! Каждый видел в нем своё: пропавшего сына, любовника, друга, угрозу... Он нашел в себе силы представиться родителям Клары и Фредерика, отвесить учтивый поклон.

Фредерик дал ему имя Йозеф, и вот он стал Йозефом. Если Клара говорит, что познакомилась с ним во время катания на сани, значит, так и было. Из каких он краев? Из Зирфорта. А кто его непосредственный командир?

— Отец, — притворно нахмурился Фредерик, подмигнув щелкунчику, — не докучайте Йозефу расспросами. Я обещал ему вкусную еду и веселье, а не экзамен.

Его потчевали жареным гусем и лепешками с изюмом. Он слизывал сахарную пудру со сладких слив, пил кофе, сдобренный тмином, потом — вино из крохотных рюмочек. Запахи кружили голову, сводили с ума, однако он помнил, что обязан держать себя в руках. Боковым зрением он видел темное пятно шкафа у стены, похожее на гигантскую распахнутую шкатулку, полную стеклянных глаз,

растопыренных рук и ног. А еще среди гостей был Дрёссен — человек в бархатном сюртуке, тот самый часовщик, который прежде глядел на Клару так, будто хотел по винтику разобрать ее на части, а теперь сверлил холодными голубыми глазами его, щелкунчика.

И снова воспоминание: Дрёссен открывает шкаф и тянется к нему. «Говори, — шепчет часовщик, — открой мне все ее секреты». Щелкунчика обожгло стыдом. С какой легкостью он предавал Клару, рассказывал о самых сокровенных ее желаниях, перечислял места, где они бывали вместе, — в подробностях описывал каждый пейзаж, каждое волшебное существо. Его не нужно было пытаться, он просто говорил. Его создали не воевать, а шпионить.

И этого уже не исправишь. Он сознавал, что необходимо сохранить собственное «я», удержаться стремление выйти из дому, пройти несколько шагов, хотя бы распахнуть дверь или выглянуть в окно. *Кеттердам* — надо запомнить. Однако мир вокруг начал расплываться. Запах духов, пота, рука Фредерика на его плече, лихорадочный блеск в глазах Клары во время танца. Откуда он знал танцевальные па, сам не мог сказать, однако они кружились и кружились, и она шептала ему на ухо: «Забери меня отсюда».

Щелкунчик поцеловал Клару под лестницей. Фредерика он поцеловал в полутемном коридоре.

— Ты любишь ее? — спрашивал Фредерик. — Не мог бы ты любить и меня?

Он любил их обоих. Он не любил никого. Во тьме, за пределами круга света, который отбрасывал пласавший в камине огонь, щелкунчик уловил блеск черных глаз-бусинок, сверкание крошечной короны. Крысиный король, догадался он. *Моя жизнь началась, когда у меня возникли собственные желания.* Щелкунчик подумал о дороге, убегаящей за поворот. Что там, за поворотом?

Гости постепенно расходились — одни уезжали в экипажах, другие отправлялись наверх спать.

— Ты можешь ночевать в моей комнате, — предложил Фредерик.

— Хорошо, — сказал щелкунчик.

— Я приду к тебе, — промурлыкала Клара.

— Хорошо, — сказал щелкунчик.

В комнату Фредерика он не пошел. Стоя на лестнице, ждал, пока слуги погасят свечи и внизу затихнут шаги. Дождавшись, спустился в столовую. Час пробил. В стене темнел дверной проем, ведущий в большой мир, но перед уходом щелкунчик должен был еще раз увидеть свой шкаф.

В лунном свете, что струился через оконные стекла, столовая напоминала камбуз корабля, затонувшего в глубокой пучине моря. В углу безмолвной тенью стоял шкаф. В опустевшем помещении он казался больше.

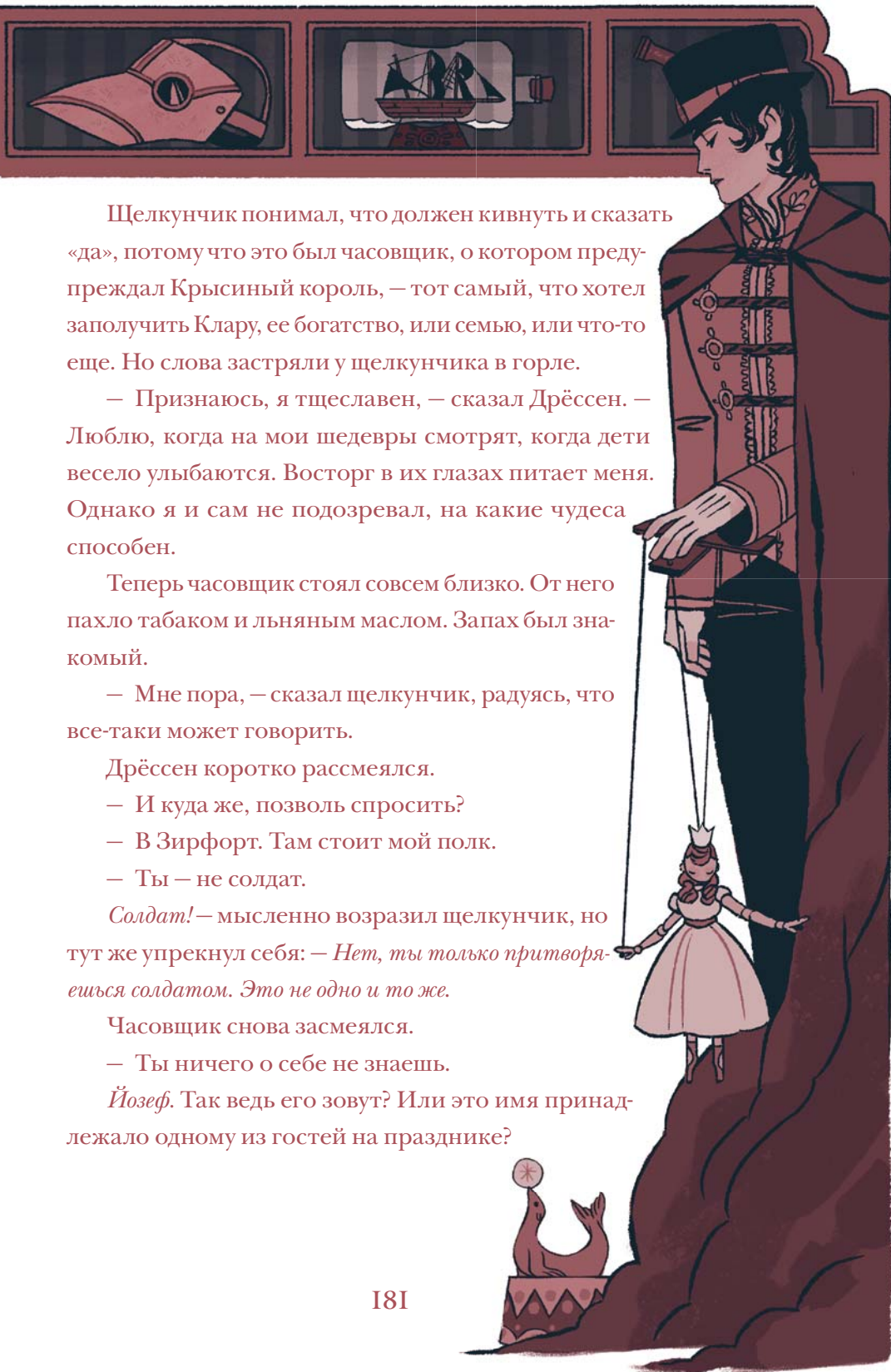
Щелкунчик медленно подошел к шкафу, слушая гулкий стук своих каблуков, втягивая ноздрями запах остывших углей и свежий древесный аромат сосновых веток на каминной полке и над окнами. Приближаясь, он видел в стеклянных дверцах свое отражение — темный силуэт, который все рос и рос. Когда он взгляделся внутрь, его взгляду предстала зимняя картина из сахарных мышек и миниатюрных деревьев, марширующие солдатики, марионетки на провисшей леске, безжизненно опустившие головы, равнодушные розовощекие куклы с полуприкрытыми глазами.

— Я вас знаю, — прошептал он и коснулся пальцами стекла. Его слова были обращены к подвешенным на ниточках изящным маленьким феям с ажурными крылышками, в легких, как паутинка, нарядах, к широкобедрой Матушке Жигонь и Королеве леса, обладательнице зеленой кожи и серебристых рогов.

— Их всех создал я.

Резко развернувшись, щелкунчик увидел Дрёссена, который наблюдал за ним с середины комнаты. Нежным, как сливочный крем, голосом часовщик продолжал:

— Каждый шарнир, каждый мазок краски — дело моих рук. Я сотворил мир ее грез, опираясь на твои подробные рассказы, но она все равно любит кукол, а не меня. — Он двинулся к шкафу — бесшумно, словно парящее в воздухе перышко или струйка дыма. — Ты впечатлен моим искусством?

Щелкунчик понимал, что должен кивнуть и сказать «да», потому что это был часовщик, о котором предупреждал Крысиный король, — тот самый, что хотел заполучить Клару, ее богатство, или семью, или что-то еще. Но слова застряли у щелкунчика в горле.

— Признаюсь, я тщеславен, — сказал Дрёссен. — Люблю, когда на мои шедевры смотрят, когда дети весело улыбаются. Восторг в их глазах питает меня. Однако я и сам не подозревал, на какие чудеса способен.

Теперь часовщик стоял совсем близко. От него пахло табаком и льняным маслом. Запах был знакомый.

— Мне пора, — сказал щелкунчик, радуясь, что все-таки может говорить.

Дрёссен коротко рассмеялся.

— И куда же, позволь спросить?

— В Зирфорт. Там стоит мой полк.

— Ты — не солдат.

Солдат! — мысленно возразил щелкунчик, но тут же упрекнул себя: — *Нет, ты только притворяешься солдатом. Это не одно и то же.*

Часовщик снова засмеялся.

— Ты ничего о себе не знаешь.

Йозеф. Так ведь его зовут? Или это имя принадлежало одному из гостей на празднике?

— Кто ты? — спросил щелкунчик. Ему хотелось спрятаться, но за спиной находился только шкаф. — Кто ты и чем занимаешься?

— Я — простой ремесленник.

— Зачем ты заставил меня предать Клару?

Дрёссен расплылся в ухмылке. Красивые дамы и элегантные господа, почитавшие за честь принимать часовщика в своих домах, сейчас не узнали бы этого хищника — волка, оскалившего зубастую пасть.

— Ты не присягал на верность Кларе. Я создал тебя у себя в мастерской, — произнес он. — Я вставил тебе в рот детский пальчик, сжал твои челюсти и — *кряк!*

— Безумец... — ошеломленно покачал головой щелкунчик.

— Ты сделан из дерева.

Щелкунчик приложил ладонь к груди.

— У меня бьется сердце. Я дышу.

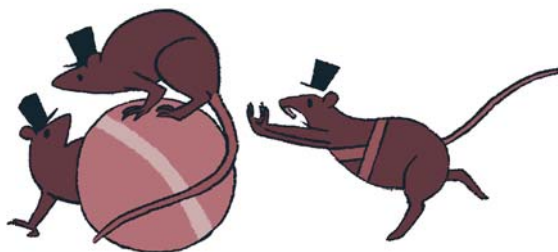
Часовщик ухмыльнулся еще шире.

— Кузнечные мехи дышат, раздувая огонь. Часы тикают. Разве они живые?

Может быть, — подумал щелкунчик. — *Может быть.*

— Ты не мечтаешь, — неумолимо продолжал часовщик, — не испытываешь желаний. У тебя нет души. Ты — игрушка.

Я — игрушка. Сердце щелкунчика стало биться медленнее. *Нет!* Он верил Кларе, когда та называла его своим возлюбленным принцем. Верил Фредерику, утверждавшему, что

он — солдат армии, которой тот командует. И одно, и второе — правда. И одно, и второе — ложь. Тогда получается, что он — деревянная игрушка и одновременно — живой человек.

Крысиный король говорил: *нужно хотеть сильнее.*

— Я хочу... — щелкунчик запнулся. Чего именно ему хочется? Он не мог вспомнить. Как все началось? — Я был...

Часовщик наклонился к его уху.

— Ты был младенцем, которого я забрал из сиротского приюта. Я кормил тебя опилками, покуда ты не задеревенел.

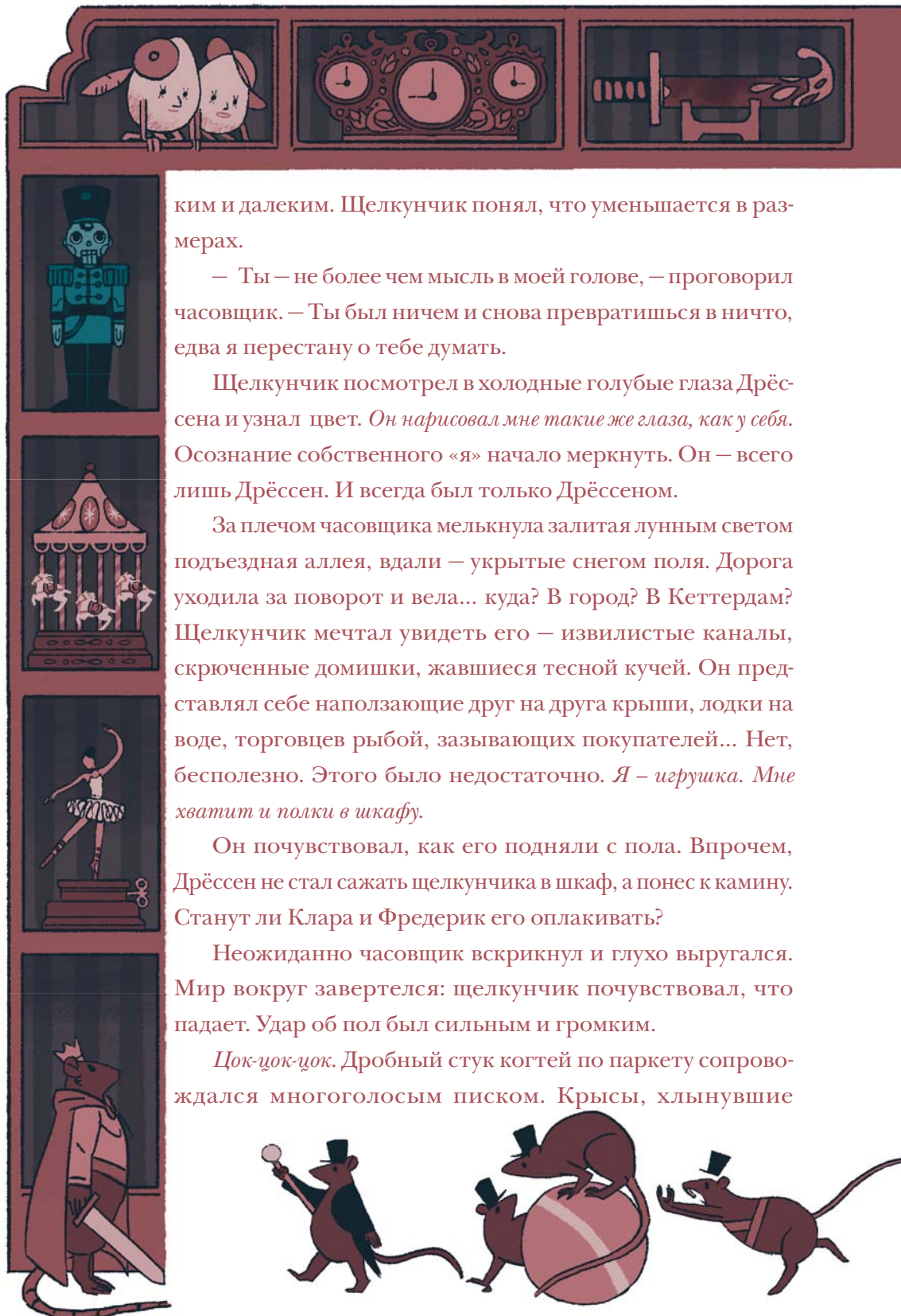
— Нет, — прошептал щелкунчик и вдруг ощутил, что живот набит стружкой, а в глотке першит от мелкой древесной пыли.

— Я выкрал тебя из детской больницы. Сухожилия заменил проволокой, кости — протезами из дерева и металла. Ты скулил и визжал, пока я не вырезал тебе голосовые связки, чтобы освободить горло и, по моему желанию, заполнять его тишиной или приятными словами.

Щелкунчик рухнул на пол. Позвать на помощь он не мог. В голове — пустота. В груди — пустота. Во рту — горечь грецких орехов.

Дрессен навис над бедной раздавленной игрушкой. Он казался слишком большим, слишком высо-

ким и далеким. Щелкунчик понял, что уменьшается в размерах.

— Ты — не более чем мысль в моей голове, — проговорил часовщик. — Ты был ничем и снова превратишься в ничто, едва я перестану о тебе думать.

Щелкунчик посмотрел в холодные голубые глаза Дрёссена и узнал цвет. *Он нарисовал мне такие же глаза, как у себя.* Осознание собственного «я» начало меркнуть. Он — всего лишь Дрёссен. И всегда был только Дрёссеном.

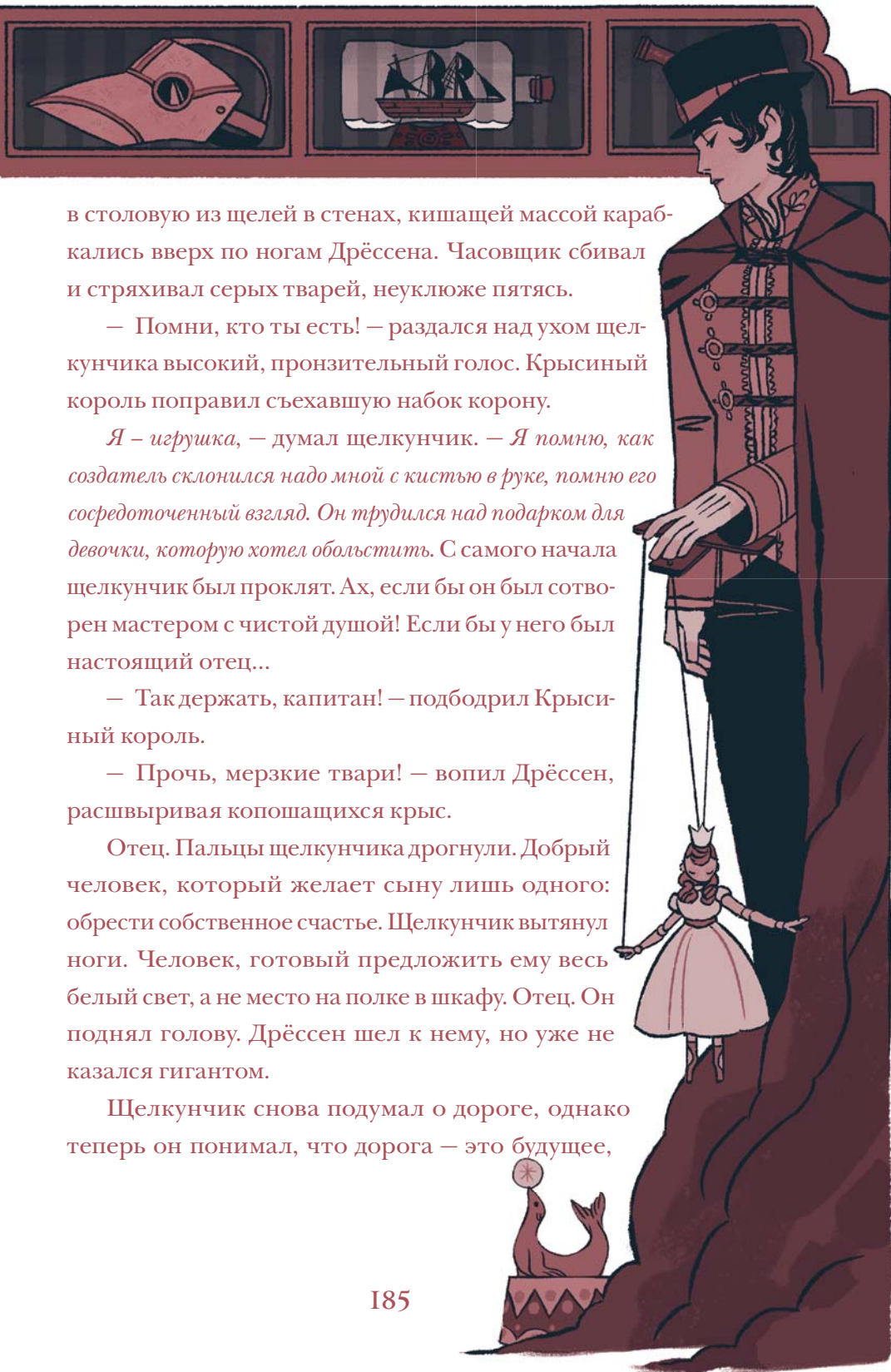
За плечом часовщика мелькнула залитая лунным светом подъездная аллея, вдали — укрытые снегом поля. Дорога уходила за поворот и вела... куда? В город? В Кеттердам? Щелкунчик мечтал увидеть его — извилистые каналы, скрюченные домишки, жавшиеся тесной кучей. Он представлял себе наползающие друг на друга крыши, лодки на воде, торговцев рыбой, зазывающих покупателей... Нет, бесполезно. Этого было недостаточно. *Я — игрушка. Мне хватит и полки в шкафу.*

Он почувствовал, как его подняли с пола. Впрочем, Дрёссен не стал сажать щелкунчика в шкаф, а понес к камину. Станут ли Клара и Фредерик его оплакивать?

Неожиданно часовщик вскрикнул и глухо выругался. Мир вокруг завертелся: щелкунчик почувствовал, что падает. Удар об пол был сильным и громким.

Цок-цок-цок. Дробный стук когтей по паркету сопровождался многоголосым писком. Крысы, хлынувшие

в столовую из щелей в стенах, кишасей массой карабкались вверх по ногам Дрёссена. Часовщик сбивал и стряхивал серых тварей, неуклюже пятясь.

— Помни, кто ты есть! — раздался над ухом щелкунчика высокий, пронзительный голос. Крысиный король поправил съехавшую набок корону.

Я — игрушка, — думал щелкунчик. — Я помню, как создатель склонился надо мной с кистью в руке, помню его сосредоточенный взгляд. Он трудился над подарком для девочки, которую хотел обольстить. С самого начала щелкунчик был проклят. Ах, если бы он был сотворен мастером с чистой душой! Если бы у него был настоящий отец...

— Так держать, капитан! — подбодрил Крысиный король.

— Прочь, мерзкие твари! — вопил Дрёссен, расшвыривая копошащихся крыс.

Отец. Пальцы щелкунчика дрогнули. Добрый человек, который желает сыну лишь одного: обрести собственное счастье. Щелкунчик вытянул ноги. Человек, готовый предложить ему весь белый свет, а не место на полке в шкафу. Отец. Он поднял голову. Дрёссен шел к нему, но уже не казался гигантом.

Щелкунчик снова подумал о дороге, однако теперь он понимал, что дорога — это будущее,

которое он выбрал бы для себя сам, как того хотелось отцу. Он представил снежинки на волосах, землю под ногами, бескрайний горизонт, мир, полный счастливых возможностей и неудач, переменчивую погоду — свинцовые тучи, град, раскаты грома, — нежданное и неизведанное. В груди застучало новое, полновесное: *Тук. Тук. Тук.*

Вдоль дороги будут стоять леса, богатые зверьем, река кое-где будет покрыта льдом, а у причалов рядками будут стоять пришвартованные прогулочные яхты с убранными на зиму парусами. Шагая по дороге, он будет испытывать голод. Ему понадобится пища. Он будет есть голубцы и коврижки и запивать их холодным сидром. В желудке у щелкунчика заурчало.

— Зря я не пустил тебя на растопку в тот же день, когда вырезал из дерева, — процедил часовщик, но было поздно. Щелкунчик встал во весь рост и встретился с ним взглядом.

— Ты не смог бы, — возразил щелкунчик. — Ты слишком меня любил.

Это было неправдой, однако же Клара сделала его принцем силой своего желания, а теперь и его собственные желания обрели силу.

Дрёссен расхохотался.

- А у тебя, оказывается, талант к выдумкам.
- Ты — мой отец, — сказал щелкунчик.
- Я — твой *создатель*! — рявкнул часовщик.

— Ты вдохнул в меня жизнь, и сердце твое переполняла любовь ко мне.

Качая головой, Дрёссен начал отступать.

— Я вложил в тебя свое мастерство. Свою решимость.

Щелкунчик неумолимо надвигался на него.

— Ты дал мне свои глаза.

— Лжешь!

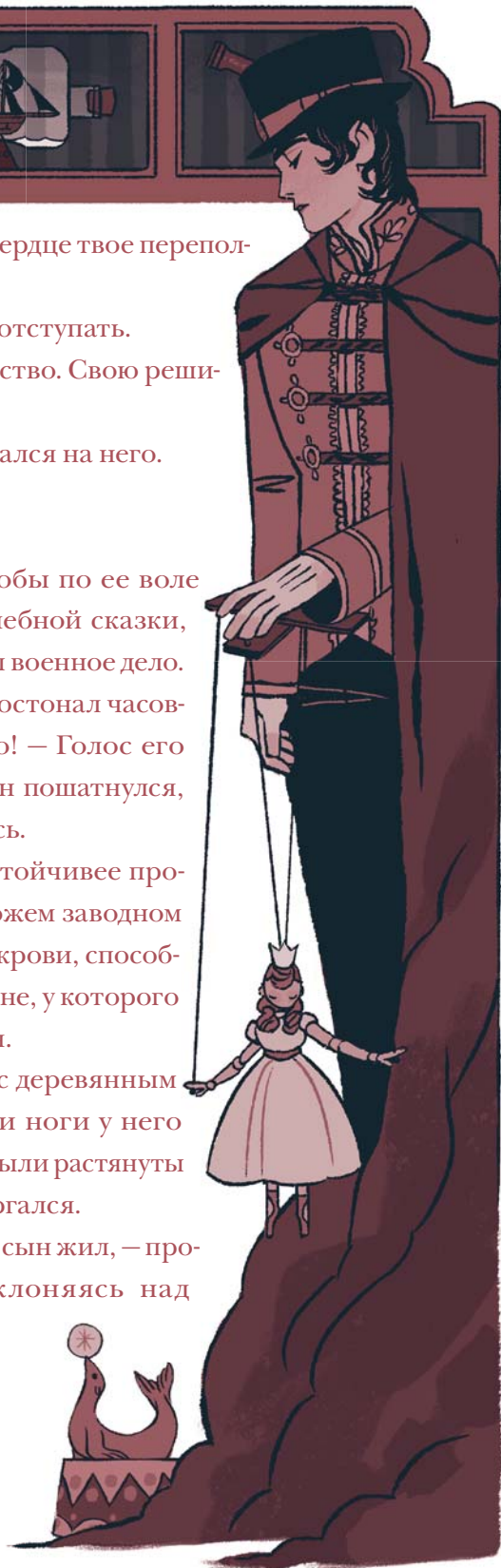
— Ты вручал меня Кларе, чтобы по ее воле я превращался в принца из волшебной сказки, отдавал Фредерику, чтобы я изучал военное дело.

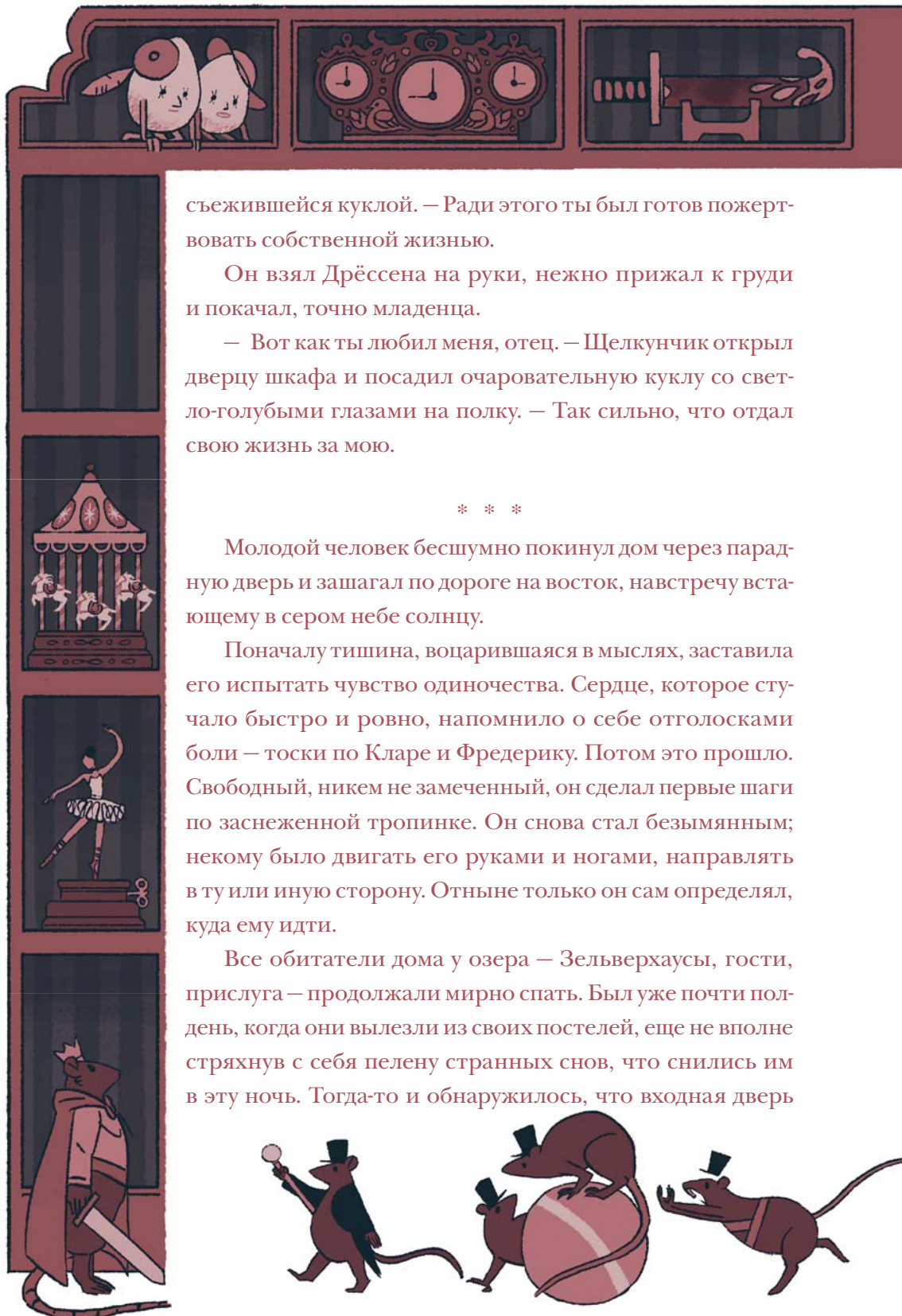
— Ты был моим связным! — простонал часовщик. — Моим шпионом, и только! — Голос его казался до странности слабым. Он пошатнулся, как будто ноги ему не повиновались.

— Ты мечтал о сыне, — все настойчивее продолжал щелкунчик. — Не о неуклюжем заводном механизме, а о ребенке из плоти и крови, способном впитывать знания, о мальчугане, у которого были бы свои мечты и стремления.

Дрёссен сдавленно крикнул и с деревянным стуком повалился на пол. Руки и ноги у него застыли, словно окоченелые, губы были растянуты в зверином оскале, язык во рту дергался.

— Ты хотел одного: чтобы твой сын жил, — промолвил молодой человек, наклоняясь над

съежившейся куклой. — Ради этого ты был готов пожертвовать собственной жизнью.

Он взял Дрёссена на руки, нежно прижал к груди и покачал, точно младенца.

— Вот как ты любил меня, отец. — Щелкунчик открыл дверцу шкафа и посадил очаровательную куклу со светло-голубыми глазами на полку. — Так сильно, что отдал свою жизнь за мою.

* * *

Молодой человек бесшумно покинул дом через парадную дверь и зашагал по дороге на восток, навстречу встающему в сером небе солнцу.

Поначалу тишина, воцарившаяся в мыслях, заставила его испытать чувство одиночества. Сердце, которое стучало быстро и ровно, напомнило о себе отголосками боли — тоски по Кларе и Фредерику. Потом это прошло. Свободный, никем не замеченный, он сделал первые шаги по заснеженной тропинке. Он снова стал безымянным; некому было двигать его руками и ногами, направлять в ту или иную сторону. Отныне только он сам определял, куда ему идти.

Все обитатели дома у озера — Зельверхаусы, гости, прислуга — продолжали мирно спать. Был уже почти полдень, когда они вылезли из своих постелей, еще не вполне стряхнув с себя пелену странных снов, что снились им в эту ночь. Тогда-то и обнаружилось, что входная дверь

открыта и внутрь намело снега. Две цепочки шагов вели к дороге.

Глава семейства собрал верховой отряд. Клару нашли час спустя за несколько миль от дома, полураздетую, босую, с посиневшими от холода губами.

— Он не должен был уходить без меня, — плакала Клара, когда отец сажал ее на свою лошадь. — Где мой крылатый конь?

— Ну, ну, тише, — успокаивал дочь Зельверхаус. — Тише, тише.

К несчастью, когда поисковый отряд возвратился, весь дом уже не спал, и уйма народу видела, как Клара, еле переставляя ноги, поднималась по ступенькам крыльца. Из одежды на ней была лишь ночная сорочка и отцовская шуба, лицо распухло от слез, волосы превратились в спутанную темную массу.

Когда выяснилось, что ночью уехал и Дрёссен, тут же пошли слухи о тайном свидании и безумной страсти. Слабый, едва заметный гнилой душок, с самого начала сопровождавший любое появление часовщика, лишь придавал этим кривотолкам скандальности. Подогревало их и то, что по истечении многих дней, а затем и месяцев лавка Дрёссена оставалась закрытой. О молодом офицере в ярком синем мундире все благополучно забыли.

Клара слегла. Она провела в постели целый месяц, ни с кем не разговаривала и не брала в рот

ничего кроме марципанов. Ей постоянно хотелось спать и грезить о том, как она кружится в вальсе со своим принцем и летает вместе с Королевой леса. Однако в конце концов она поняла, что выспалась и наелась марципанами на всю оставшуюся жизнь.

Она встала, умылась, спустилась к завтраку и узнала, что репутация ее безнадежно загублена. Ей было все равно. Клара и мысли не допускала, что выйдет замуж за какого-нибудь заурядного купеческого сынка или навсегда застрянет в одном-единственном унылом мире. Поразмыслив, она пришла к выводу, что ей не остается ничего иного, кроме как стать писательницей. Клара продала свои жемчужные сережки и переехала в Кеттердам, где сняла небольшую квартирку с окном на гавань, через которое было видно, как приходят и уходят корабли. Там она стала писать волшебные сказки, неизменно находившие отклик у детей. А под псевдонимом Клара сочиняла куда более жуткие истории для взрослых, благодаря чему регулярно баловала себя нугой и взбитыми сливками, при этом не забывая делиться угощением с мышами.

Однажды утром до нее дошла новость, что кто-то вломился в лавку часовщика и вынес оттуда все до последней мелочи. Надев плащ, Клара поспешила в восточную часть города, на Вайнштрат, где уже собралась толпа зевак. Солдаты из городской стражи, стоявшие в оцеплении, лишь растерянно чесали в затылках.

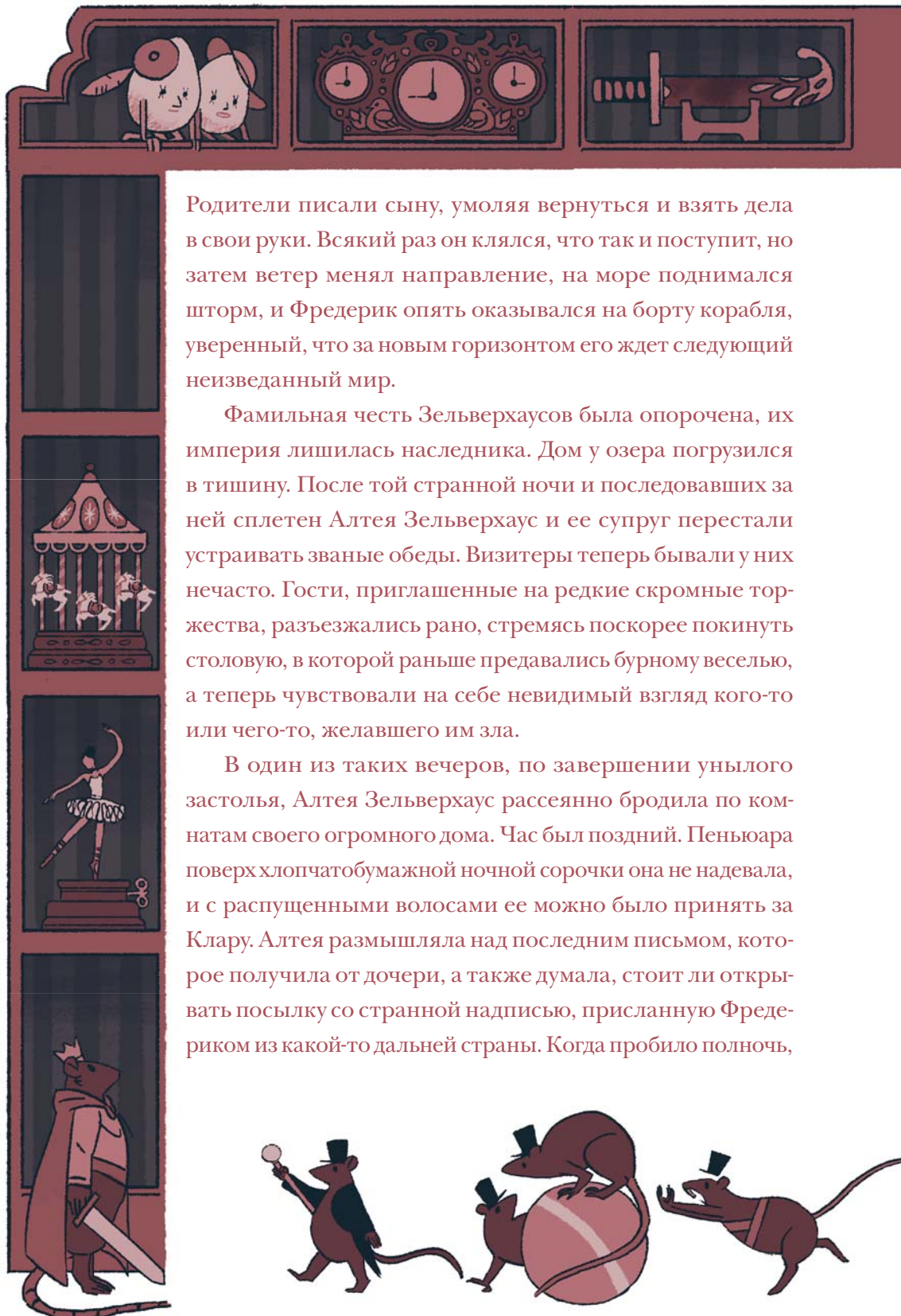
По словам женщины из дома напротив, с другой стороны канала, вчера поздно вечером в лавку входил какой-то человек.

— На нем была военная форма, — утверждала очевидица. — А вышел он не один, за ним шагала целая колонна: господа и дамы в шикарных платьях, крылатый мальчик. Я даже слышала львиный рык.

Муж торопливо увел эту женщину домой, сославшись на то, что в последнее время она плохо спала и путала сон с явью. Клара вернулась домой, уже обдумывая сюжет новой истории, и по пути задержалась лишь для того, чтобы купить карамели и жевательных конфет с апельсиновой начинкой.

По окончании школы Фредерик продолжил семейный бизнес и на одном из отцовских судов отплыл в Новый Зем, чтобы привезти оттуда груз чая. Когда же пришло время возвращаться на родину, он пересел на другой корабль, потом на третий и так далее. Заходя в очередной порт, успевал лишь отправить домой короткое письмецо да изредка передать посылку. Он присылал чай разных сортов: один разворачивался во рту пьющего душистым цветком, другой следовало пить на ночь, чтобы увидеть во сне родной город, третий был таким крепким, что от одного глотка в течение трех часов из глаз катились слезы.

Родители писали сыну, умоляя вернуться и взять дела в свои руки. Всякий раз он клялся, что так и поступит, но затем ветер менял направление, на море поднимался шторм, и Фредерик опять оказывался на борту корабля, уверенный, что за новым горизонтом его ждет следующий неизведанный мир.

Фамильная честь Зельверхаусов была опорочена, их империя лишилась наследника. Дом у озера погрузился в тишину. После той странной ночи и последовавших за ней сплетен Алтея Зельверхаус и ее супруг перестали устраивать званые обеды. Визитеры теперь бывали у них нечасто. Гости, приглашенные на редкие скромные торжества, разъезжались рано, стремясь поскорее покинуть столовую, в которой раньше предавались бурному веселью, а теперь чувствовали на себе невидимый взгляд кого-то или чего-то, желавшего им зла.

В один из таких вечеров, по завершении унылого застолья, Алтея Зельверхаус рассеянно бродила по комнатам своего огромного дома. Час был поздний. Пеньюара поверх хлопчатобумажной ночной сорочки она не надевала, и с распущенными волосами ее можно было принять за Клару. Алтея размышляла над последним письмом, которое получила от дочери, а также думала, стоит ли открывать посылку со странной надписью, присланную Фредериком из какой-то дальней страны. Когда пробило полночь,

она, однако, обнаружила, что стоит перед застекленным шкафом в столовой.

После исчезновения часовщика ее муж порывался схватить топор и вдребезги разнести шкаф вместе со всем содержимым, но Алтея сказала, что это лишь придаст слухам правдоподобности, поэтому шкаф по-прежнему стоял в углу, покрываясь пылью.

На полках определенно чего-то не хватало, но чего именно, женщина сказать не могла. Она открыла стеклянные дверцы. Минуя сахарных мышек и миниатюрных фей, ее рука протянулась к небольшой уродливой кукле, которой Алтея раньше здесь не видела. Очертания подбородка, модный покрой сюртука — все это показалось ей смутно знакомым. Она провела пальцем по крохотному отвороту. При более близком взгляде сердитое лицо куклы даже приобретало своеобразный шарм.

Ты — мой защитник? — проворковала Алтея в сиянии лунного света.

Ты — мой принц?

Она открыла рот, чтобы посмеяться над собой, но из горла не вырвалось ни единого звука. Алтея крепче прижала куклу к груди.

Мелодично пробили часы. Сверху доносился храп ее мужа.

Ты — мой?

КОГДА ВОДА
ЗАПЕЛА ОГНЕМ

ТЫ НАМЕРЕН ЗАКЛЮЧИТЬ ВЫГОДНУЮ СДЕЛКУ

и для этого отправляешься на север. Добираешься до самого края земли — все, дальше идти некуда. Ты стоишь на каменистом берегу, смотришь на воду и видишь, как волны разбиваются о черные изрезанные берега двух больших островов. Возможно, платишь кому-то из местных, чтобы тебе помогли найти лодку и показали безопасный выход в море. Заворачиваешься в тюленьи шкуры, спасаясь от холода и сырости, жуешь китовое сало, чтобы жестокое зимнее солнце не иссушило губы. Кое-как преодолеваешь невозможно длинный участок свинцово-серого моря, из последних сил карабкаешься по уступам враждебно нахмуренного утеса. В груди спирает дыхание, пальцы в перчатках заоченели.

Усталый, на дрожащих от напряжения ногах бредешь через весь остров и находишь узкую полоску серого песчаного пляжа. Направляешься к камням, что окружают маленький водоем, оставленный приливом. Желание обжигает твою грудь так сильно, что вот-вот прожжет дыру в сердце простого смертного. Ты пришел сюда так же, как многие другие до тебя — одинокие, несчастные, обуреваемые корыстью. Тысячи отчаянных желаний были высказаны на этих берегах, и в итоге все они сводятся к одному: *Сделай меня другим человеком.*

Но прежде чем ты заговоришь, прежде чем отдашь часть души за утоление алчности, столь ясно написанной на твоём лице, тебе стоит послушать одну историю.

Стоя на коленях, ты слышишь, как стонет лед. Ветер чиркает по коже, словно бритва — по ремню для правки. Неважно. Молчи и слушай. Считай это частью сделки.

* * *

Некогда вода в северных морях еще не была такой холодной и темной, на этих островах зеленели сосны, в лугах паслись дикие олени, а землю можно было возделывать до самого Эллинга и дальше.

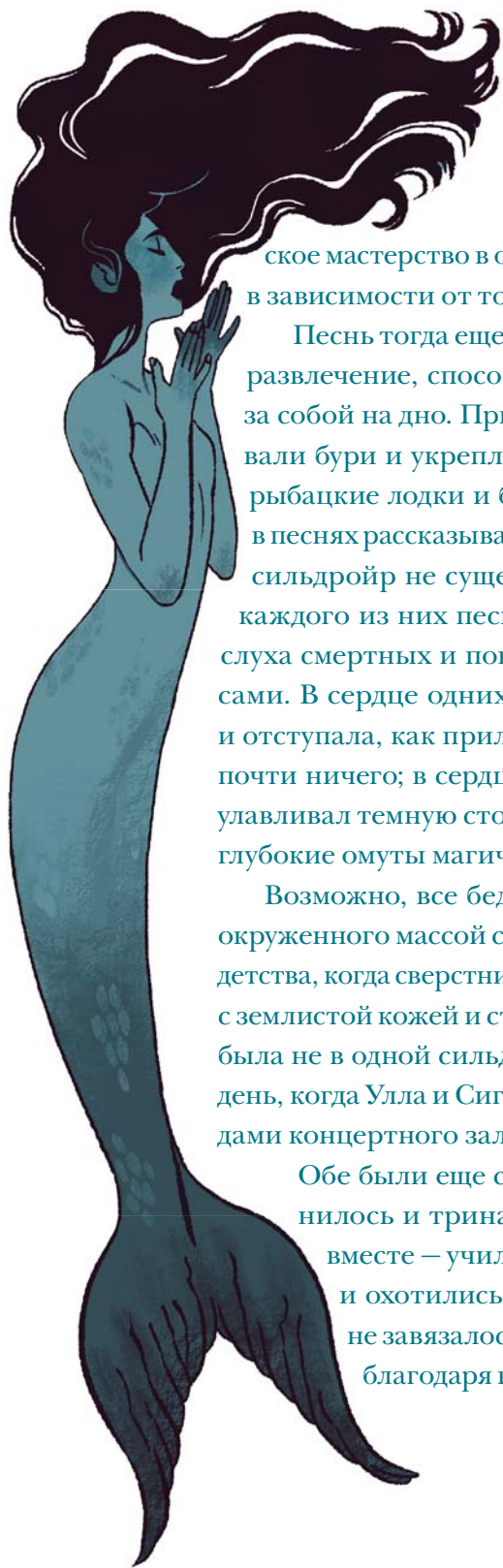
В те времена сильдройрам не было нужды скрываться в волнах, прячась от моряков, которые могли заметить их гибкие руки и серебристые хвосты. На морском дне они возводили огромные дворцы, пением вызывали бурю и защищали свои воды. Каждый год несколько счастливых обретахи вместо хвоста ноги и отправлялись наверх, к людям: ходили по земле, изучали человеческие повадки, признавали тайны. Для сильдройр это было почти игрой. Три месяца они давились человеческой едой и позволяли солнцу золотить кожу веснушками и загаром. Их новенькие ноги ступали по траве, прохладной каменной брусчатке и гладким, отполированным доскам. Их поцелуи были теплыми, совсем как у людей.

А теперь? Теперь они ничем не лучше селки с их влажными, зовущими глазами. Выныривают из воды и устраиваются на камнях, точно ждут, чтобы их избили. Теперь они живут по другим законам. Знают, что суша — опасное место. И все же тоскуют по ней, мечтают снова побыть людьми. Так всегда бывает, когда что-то оказывается под запретом. В результате этого начинают страстно хотеть, вот и все.

Старый город сильдройр представлял собой грубое нагромождение камней, столь плотно скрытых за колыхающей темно-зеленой завесой морских водорослей, что ни один ныряльщик или моряк, оказавшийся под водой, не догадался бы, какие чудеса находятся совсем рядом. Русалочий город тянулся на многие мили, опускаясь и поднимаясь вместе с рельефом океанского дна, и тысячи его жителей свободно перемещались по коралловым пещерам и гротам, усеянным ракушками. Обиталище королей и королев имело один-единственный отличительный знак: шесть шпилей, что поднимались над неровным дном, точно цепкие пальцы. Костлявые эти пальцы состояли из многовековых наростов чешуи глубоководных созданий и в дневные часы светились голубым, будто пойманная в сеть луна, а в густом ночном мраке наполняли расселины и катакомбы фосфоресцирующим сиянием.

Под толщей камней и раковин моллюсков, в самом сердце города, скрытый от глаз, располагался чертог-наutilus. Он имел форму закрученного в спираль рога и был таким огромным, что через его своды могла пройти целая флотилия. С давних пор он находился под защитой волшебных чар — такой подарок сделал старому королю принц, его наследник, перед восхождением на трон, и в стенах чертога заключалось средоточие силы сильдройр. Впадину в центре зала наполняла морская вода, уровень которой можно было менять, остальная же часть чертога оставалась сухой, так что морской народ мог оттачивать свое магиче-

ское мастерство в обеих стихиях — воздушной и водной, в зависимости от того, какие чары плелись.

Песнь тогда еще не превратилась в легкомысленное развлечение, способ потешить моряков или увлечь их за собой на дно. При помощи пения сильдройры вызывали бури и укрепляли свои дома, не подпуская к ним рыбацкие лодки и боевые корабли, строили убежища; в песнях рассказывали истории. Слова *колдовство* в языке сильдройр не существовало. Магия струилась сквозь каждого из них песнью, которая была недоступна для слуха смертных и повторить которую могли только они сами. В сердце одних эта волшебная песнь накатывала и отступала, как прилив и отлив, не оставляя после себя почти ничего; в сердцах других — таких, как Улла, поток улавливал темную сторону души и задерживался, образуя глубокие омуты магической силы.

Возможно, все беды начались еще с рождения Уллы, окруженного массой слухов. А может, в годы ее одинокого детства, когда сверстники шарахались от маленькой русалки с землистой кожей и странными глазами. Или же причина была не в одной сильдройре, а в двух, и началом был тот день, когда Улла и Сигне впервые запели под гулками сводами концертного зала.

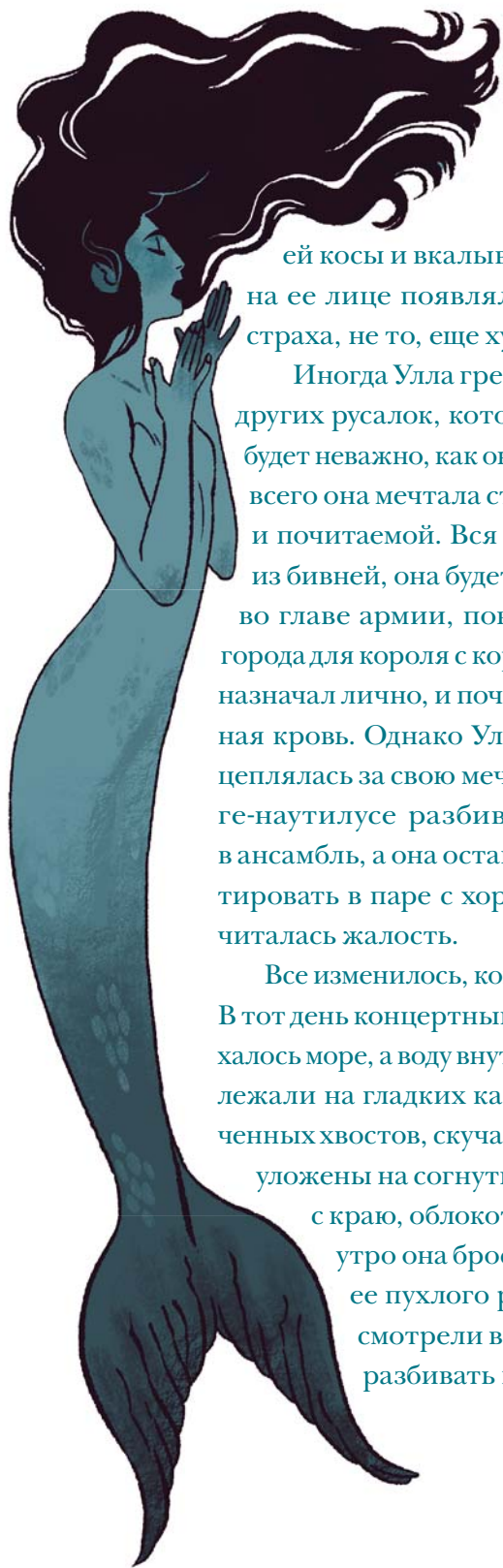
Обе были еще совсем юными — девочкам не исполнилось и тринадцати, и, хотя многое они делали вместе — учились, смотрели на ритуалы прилива и охотились на осетров, — дружбы между ними не завязалось. Улла обратила внимание на Сигне благодаря волосам — ярко-рыжим, точно языки

пламени, издалека предупреждавшим о ее приближении. Разумеется, Сигне тоже знала Уллу, черноволосую русалку с сизоватым оттенком кожи — ту Уллу, что с младенчества умела песней очистить стены детской от выросших ракушек; ту, что без чьей-либо помощи выучилась песне, которая заставляла пускаться в пляс свитых из водорослей кукол в юбочках из листьев камыша; ту самую Уллу, что одной простой мелодией сплетала столь мощные чары, на какие были способны не все певцы, вдвое старше по возрасту.

Однако товарищей по учебе не восхищал ни безупречный слух, ни новизна песен Уллы. Все это лишь вызывало зависть и порождало новые сплетни о ее темном происхождении — о том, что отец ей вовсе не отец и что, проведя лето на суше, ее мать вернулась в море с человеческим ребенком под сердцем. Впрочем, это не могло быть правдой. Как известно, люди — низшие существа, и рождать потомство от сильдройр они не способны. И все равно дети, слышавшие родительские пересуды, занимались тем же самым: разносили дурную молву. Говорили, будто бы Улла родилась с ногами и, чтобы превратить их в хвост, ее мать прибегла к магии крови, а потом собственноручно надрезала ножом горло дочери, чтобы сделать жабры.

Улла твердила себе, что это ложь и подобное просто невозможно, что в узоре ее серебристой чешуи ясно прослеживается сходство с отцовской семейной линией. Однако она не могла отрицать, что ни капли не похожа на родителей. Замечала Улла и другое: порой, когда мать заплетала

ей косы и вкалывала в прическу жемчужные гребни, на ее лице появлялось странное выражение — не то страха, не то, еще хуже, отвращения.

Иногда Улла грезила о жизни в дальних морях среди других русалок, которые примут ее к себе, для которых будет неважно, как она выглядит и кто ее зачал. Но больше всего она мечтала стать придворной певицей, любимой и почитаемой. Вся в драгоценных камнях, в ожерелье из бивней, она будет стоять во главе хора, как генерал — во главе армии, повелевать бурями и созидать новые города для короля с королевой. Придворных певцов король назначал лично, и почти всегда в их жилах текла благородная кровь. Однако Улла продолжала надеяться и упорно цеплялась за свою мечту, даже когда все студенты в чертоге-наутилусе разбивались на дуэты или собирались в ансамбль, а она оставалась одна и была вынуждена репетировать в паре с хормейстером, на лице которого явно читалась жалость.

Все изменилось, когда она впервые спела вместе с Сигне. В тот день концертный зал был почти пуст. Снаружи колыхалось море, а воду внутри спустили, обнажив дно. Студенты лежали на гладких камнях — серебристая вереница скрученных хвостов, скупающие лица, прелестные подбородки уложены на согнутые влажные руки. Сигне устроилась с краю, облокотившись на скользкую массу тел. Все утро она бросала на Уллу хмурые взгляды, уголки ее пухлого розового ротика-ракушки капризно смотрели вниз, и только когда хормейстер стал разбивать группу на дуэты, Улла поняла, в чем

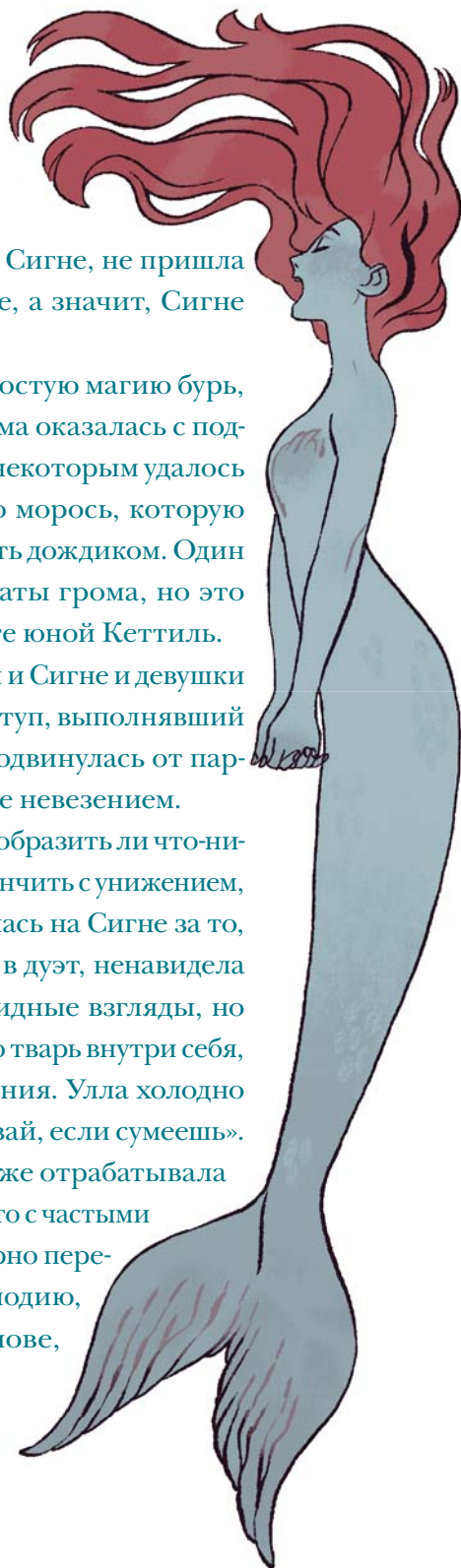
причина: Лисс, всегдашняя напарница Сигне, не пришла на урок. Количество студентов четное, а значит, Сигне заставят петь с Уллой.

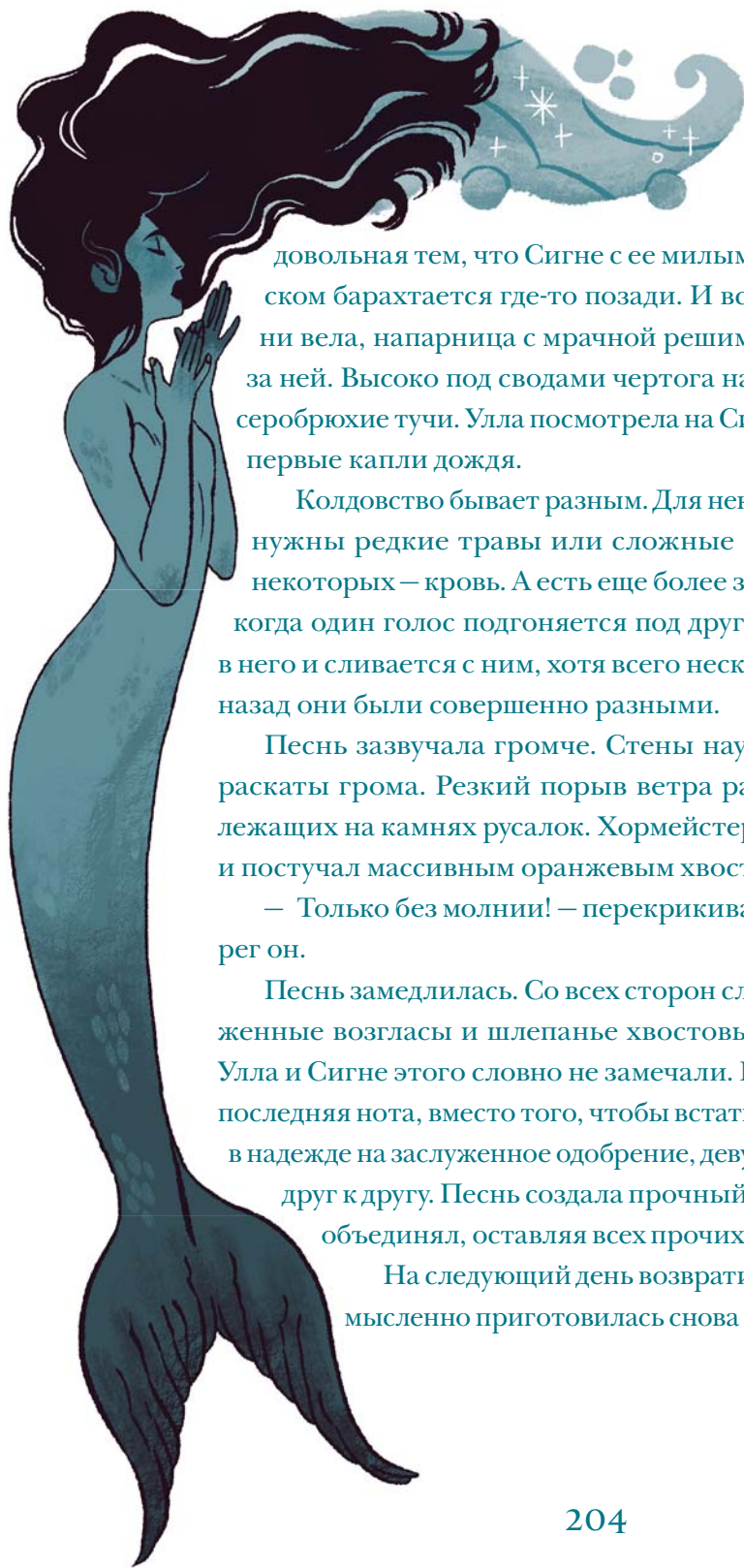
На этом занятии они проходили простую магию бурь, однако несложная на первый взгляд тема оказалась с подвохом. Каждая пара делала попытку, и некоторым удалось вызвать легкие облачка или туманную морось, которую с большой натяжкой можно было назвать дождиком. Один раз вроде бы даже послышались раскаты грома, но это всего-навсего урчало от голода в животе юной Кеттиль.

Когда наконец пришла очередь Уллы и Сигне и девушки грациозно скользнули на каменный выступ, выполнявший роль сцены, Сигне демонстративно отодвинулась от партерши, а остальные захихикали над ее невезением.

На краткий миг Улла подумала, не изобразить ли что-нибудь совсем простое, чтобы поскорее покончить с унижением, но тут же отогнала эту мысль. Она злилась на Сигне за то, что та стеснялась хоть раз встать с ней в дуэт, ненавидела весь класс за сдавленные смешки и ехидные взгляды, но сильнее всего хотела задушить ту жалкую тварь внутри себя, которая по-прежнему жаждала признания. Улла холодно посмотрела на Сигне и сказала: «Подпевай, если сумеешь».

Она начала плести чары, которые уже отрабатывала в одиночку — мотив на отрывистом стаккато с частыми неожиданными синкопами. Улла проворно перепрыгивала от ноты к ноте, выпевая мелодию, которую четко и ясно слышала в голове,

довольная тем, что Сигне с ее милым дрожащим голо-
ском барахтается где-то позади. И все же, куда бы она
ни вела, напарница с мрачной решимостью следовала
за ней. Высоко под сводами чертога начали собираться
серебрюхие тучи. Улла посмотрела на Сигне; сверху упали
первые капли дождя.

Колдовство бывает разным. Для некоторых его видов
нужны редкие травы или сложные заклинания, для
некоторых — кровь. А есть еще более загадочная магия,
когда один голос подгоняется под другой, встраивается
в него и сливается с ним, хотя всего несколько мгновений
назад они были совершенно разными.

Песнь зазвучала громче. Стены наutilus сотрясли
раскаты грома. Резкий порыв ветра растрепал волосы
лежащих на камнях русалок. Хормейстер замахал руками
и постучал массивным оранжевым хвостом по полу.

— Только без молнии! — перекрикивая шум, предосте-
рег он.

Песнь замедлилась. Со всех сторон слышались востор-
женные возгласы и шлепанье хвостовых плавников, но
Улла и Сигне этого словно не замечали. Когда прозвучала
последняя нота, вместо того, чтобы встать лицом к публике
в надежде на заслуженное одобрение, девушки повернулись
друг к другу. Песнь создала прочный щит, который их
объединял, оставляя всех прочих за его пределами.

На следующий день возвратилась Лисс, и Улла
мысленно приготовилась снова заниматься в паре

с хормейстером. Но когда тот дал команду разбиться на дуэты, Сигне стиснула пальцами ладонь Уллы.

В душе последней на миг вспыхнуло презрение, какое мы испытываем к тем, кто избавляет нас от одиночества. Для Уллы было невыносимо сознавать, что эта девушка наделена сильным характером, а ей самой не хватает мужества отказаться от проявленной доброты. Однако стоило Сигне улыбнуться — улыбка вышла робкая, застенчивая, точно первая звездочка в ранних сумерках, — как все ожесточение Уллы рассеялось, будто слова, утонувшие в океанской пучине, и ее захлестнула любовь.

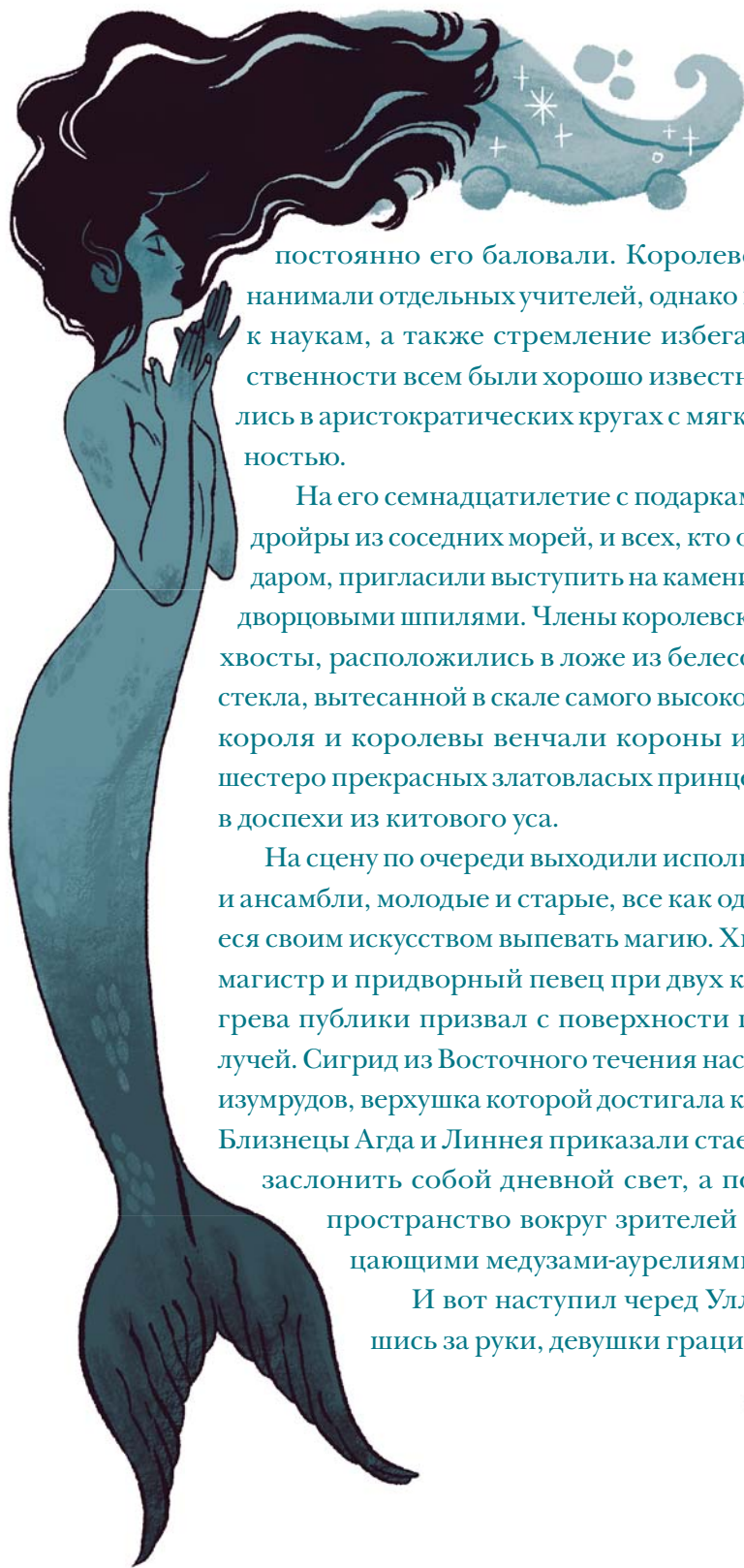
С той поры так и повелось: Сигне и Улла пели вместе, а бедная Лисс — в дуэте с хормейстером. Из-за того, что рот ее досадливо кривился, ноты иногда звучали слегка фальшиво.

* * *

В тот день, когда дружба сплела девушек, словно морские водоросли на скалах, беда подняла голову, но потом смежила веки и притворилась спящей, на время оставив Уллу и Сигне в покое, позволив им предаваться девичьим забавам, обмениваться секретами и лелеять мечты. Беда подкарауливала их несколько лет и наконец дождалась зимы и торжеств по поводу дня рождения принца.

Роффе был самым младшим из шестерых сыновей, шансы на трон имел призрачные и угрозы ни для кого не представлял. Возможно, поэтому родители и старшие братья

постоянно его баловали. Королевским отпрыскам нанимали отдельных учителей, однако неприязнь Роффе к наукам, а также стремление избегать всякой ответственности всем были хорошо известны и воспринимались в аристократических кругах с мягкой снисходительностью.

На его семнадцатилетие с подарками прибыли сильдรอยры из соседних морей, и всех, кто обладал песенным даром, пригласили выступить на каменистой сцене между дворцовыми шпилями. Члены королевской семьи, изогнув хвосты, расположились в ложе из белесоватого морского стекла, вытесанной в скале самого высокого шпиля. Головы короля и королевы венчали короны из акульих зубов, шестеро прекрасных златовласых принцев были облачены в доспехи из китового уса.

На сцену по очереди выходили исполнители — солисты и ансамбли, молодые и старые, все как один прославившиеся своим искусством выпевать магию. Хьяльмар, великий магистр и придворный певец при двух королях, для разогрева публики призвал с поверхности поток солнечных лучей. Сигрид из Восточного течения насыпала целую гору изумрудов, верхушка которой достигала королевской ложи. Близнецы Агда и Линнея приказали стае полярных китов заслонить собой дневной свет, а потом наполнили пространство вокруг зрителей причудливо мерцающими медузами-аурелиями.

И вот наступил черед Уллы и Сигне. Взявшись за руки, девушки грациозно выплыли на

сцену. Обе были из небогатых семей, но к празднику оделись в самое лучшее. Прически они украсили венками из соляных лилий и перламутровыми гребнями, одолженными у матерей; тела обсыпали крошкой из толченых раковин галиотисов, так что их плечи и бока сверкали, точно золотые монеты. И если черноволосая, серокожая, хмурая Улла смотрелась неплохо, то Сигне со своей короной пламенеющих рыжих волос напоминала восходящее солнце. Улла не знала названия этого цвета, ведь она еще никогда не видела огня.

Она посмотрела вверх и по сторонам, обводя взором зрителей, чье нетерпеливое любопытство тянулось к ней невидимыми щупальцами. Услышала свое имя — для нее оно прозвучало ненавистной переливчатой мелодией.

«Это она, та самая? Вся серая...»

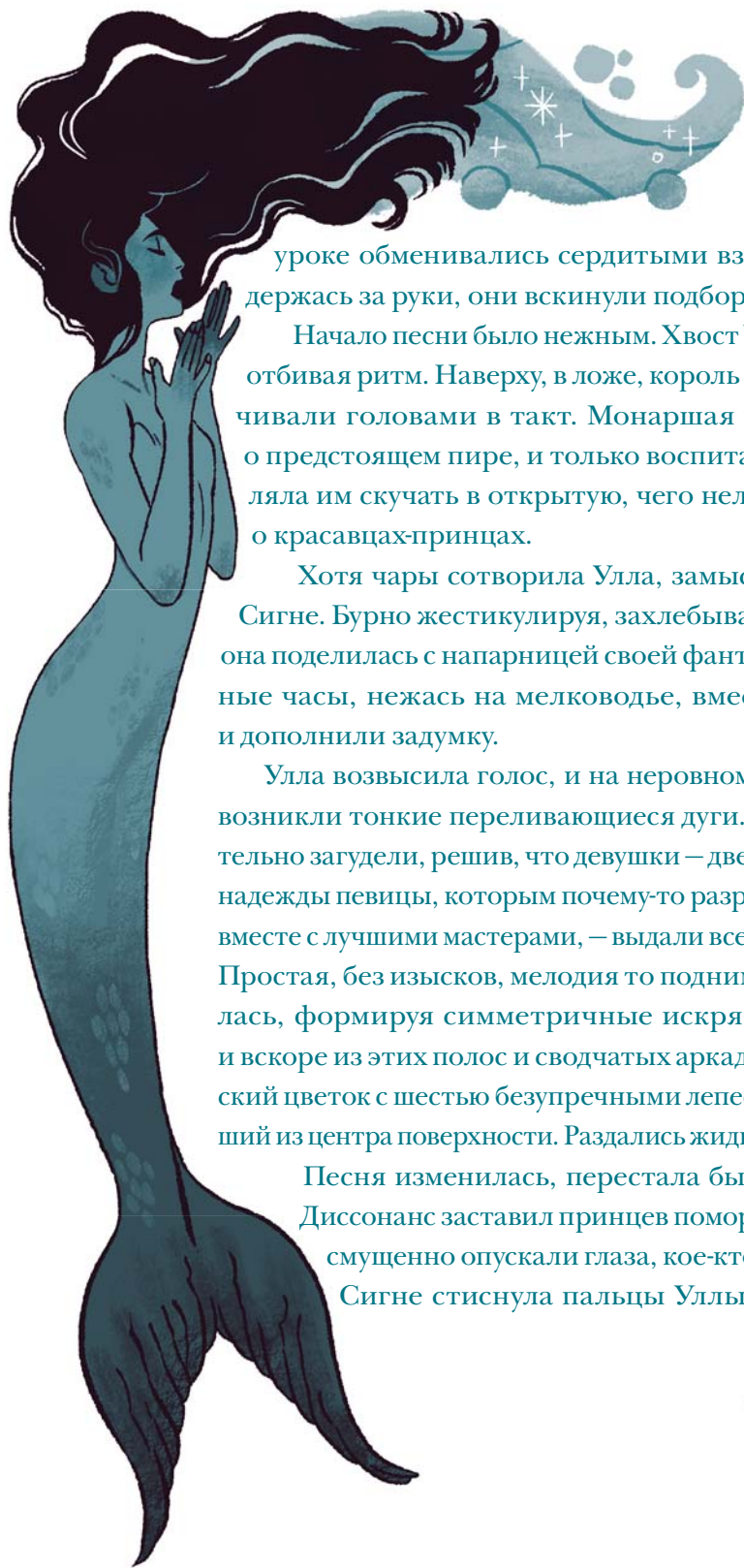
«Ничуть не похожа на мать и отца!»

«Нет, она явно не из наших, бедняжка».

Сигне тоже дрожала. В тот день в чертоге-наутилусе она выбрала Уллу, опьяненная силой, которую они создали сообща. Девушки выстроили собственный тайный мир, где не имело значения, что Сигне бедна и ее красоты недостаточно для того, чтобы подняться над своим положением. Сейчас, когда она стояла перед всеми сильдройрами и королевской семьей, этот уютный и защищенный мир казался страшно далеким.

Однако и Улла, и Сигне больше не были испуганными девочками, которые когда-то на

уроке обменивались сердитыми взглядами. Крепко держась за руки, они вскинули подбородки.

Начало песни было нежным. Хвост Уллы подрагивал, отбивая ритм. Наверху, в ложе, король с королевой покачивали головами в такт. Монаршая чета уже думала о предстоящем пире, и только воспитанность не позволяла им скучать в открытую, чего нельзя было сказать о красавцах-принцах.

Хотя чары сотворила Улла, замысел принадлежал Сигне. Бурно жестикулируя, захлебываясь от волнения, она поделилась с напарницей своей фантазией, и в свободные часы, нежась на мелководе, вместе они развили и дополнили задумку.

Улла возвысила голос, и на неровном каменистом дне возникли тонкие переливающиеся дуги. Зрители одобрительно загудели, решив, что девушки — две юные, подающие надежды певицы, которым почему-то разрешили выступить вместе с лучшими мастерами, — выдали все, на что способны. Простая, без изысков, мелодия то поднималась, то опускалась, формируя симметричные искрящиеся дорожки, и вскоре из этих полос и сводчатых аркад соткался гигантский цветок с шестью безупречными лепестками, выраставший из центра поверхности. Раздались жидкие аплодисменты.

Песня изменилась, перестала быть благозвучной. Диссонанс заставил принцев поморщиться. Зрители смущенно опускали глаза, кое-кто прятал усмешку. Сигне стиснула пальцы Уллы так сильно, что

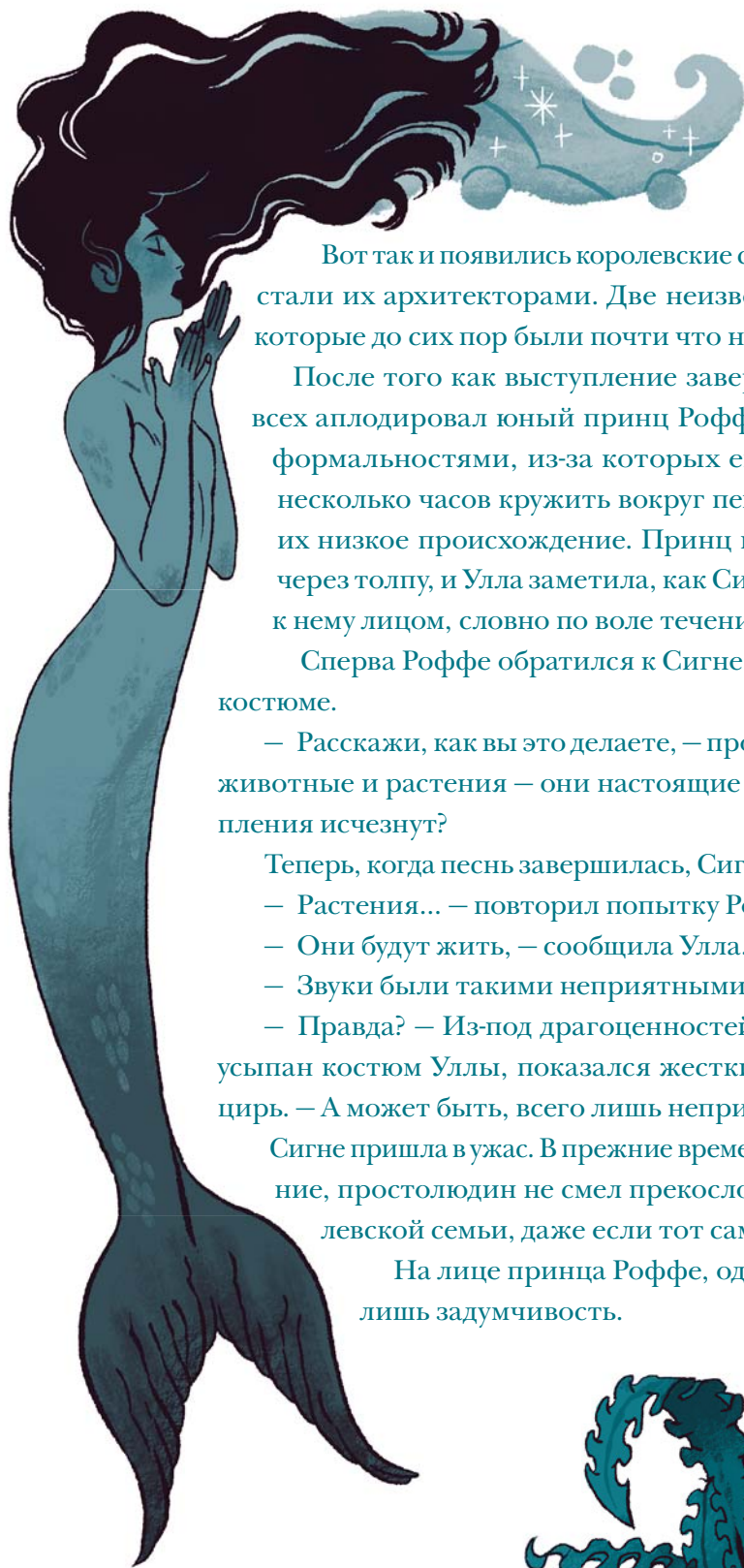

косяшки соприкоснулись, но Улла заранее предупреждала, что аудитория не поймет перехода, и потому девушки не остановились, а запели громче. Лицо короля исказилось недовольством. Королева обратила взор узких голубых глаз на хормейстера. Тот сохранял безмятежное выражение — знал, что последует дальше.

Улла написала эту песню в новом музыкальном ладу с непривычным количеством интервалов, и, хотя неподготовленному уху композиция могла показаться нагромождением звуков, девушка продолжала выводить мелодию, уже слыша, как рождается гармония. И Улла, и Сигне пели строго по нотам, не позволяя себе изменить мотив на более близкий к шаблону, и их голоса вибрировали в воде над сценой и вокруг нее. Между проложенными по дну дорожками разноцветным фонтаном взметнулись бледно-розовые актинии, ярко-красные морские веера, мясистые бурые стебли ламинарии и пестрые ветки кораллов.

Зрители изумленно ахали: подводный сад разрастался. Пульс Уллы участился, кровь в жилах потрескивала, как будто в них текла жидкая молния, как будто сотворенная ею песнь существовала всегда и лишь ожидала, пока певица к ней придет. Штормовая магия — это легко, даже возводить замки или создавать драгоценные камни несложно, если придерживаться нужных нот. Но творить живую материю? Песнь Уллы не просто вылепливала существ, а учила их понимать собственные потребности, добывать пропитание, выживать.

Вот так и появились королевские сады. Улла и Сигне стали их архитекторами. Две неизвестные девушки, которые до сих пор были почти что невидимками.

После того как выступление завершилось, громче всех аплодировал юный принц Роффе. Он пренебрег формальностями, из-за которых ему пришлось бы несколько часов кружить вокруг певиц, несмотря на их низкое происхождение. Принц просто пробился через толпу, и Улла заметила, как Сигне развернулась к нему лицом, словно по воле течения.

Сперва Роффе обратился к Сигне в ее сверкающем костюме.

— Расскажи, как вы это делаете, — просил он. — Все эти животные и растения — они настоящие или после выступления исчезнут?

Теперь, когда песнь завершилась, Сигне будто онемела.

— Растения... — повторил попытку Роффе.

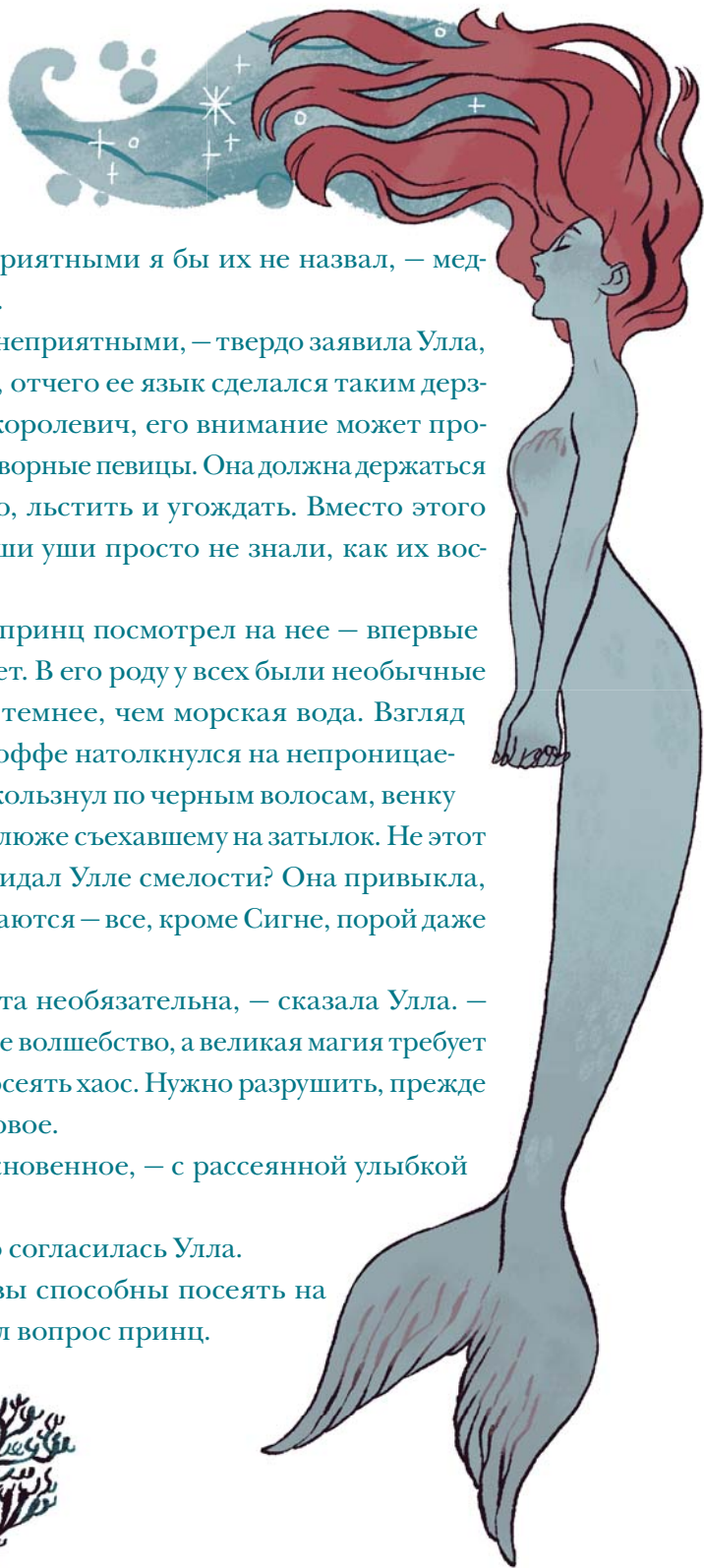
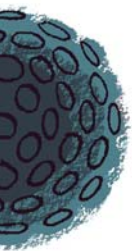
— Они будут жить, — сообщила Улла.

— Звуки были такими неприятными...

— Правда? — Из-под драгоценностей, которыми был усыпан костюм Уллы, показался жесткий костяной панцирь. — А может быть, всего лишь непривычными?

Сигне пришла в ужас. В прежние времена, как и в нынешние, простолюдин не смел прекословить члену королевской семьи, даже если тот сам затевал спор.

На лице принца Роффе, однако, отразилась лишь задумчивость.

— Совсем уж неприятными я бы их не назвал, — медленно промолвил он.

— Звуки не были неприятными, — твердо заявила Улла, сама не понимавшая, отчего ее язык сделался таким дерзким. Этот юноша — королевич, его внимание может проложить ей путь в придворные певицы. Она должна держаться со всей любезностью, льстить и угождать. Вместо этого Улла брякнула: — Ваши уши просто не знали, как их воспринимать.

После этих слов принц посмотрел на нее — впервые посмотрел как следует. В его роду у всех были необычные глаза, темно-синие, темнее, чем морская вода. Взгляд синих глаз принца Роффе натолкнулся на непроницаемый взор девушки, скользнул по черным волосам, венку из белых лилий, неуклюже съехавшему на затылок. Не этот ли прямой взгляд придал Улле смелости? Она привыкла, что от нее отворачиваются — все, кроме Сигне, порой даже родная мать.

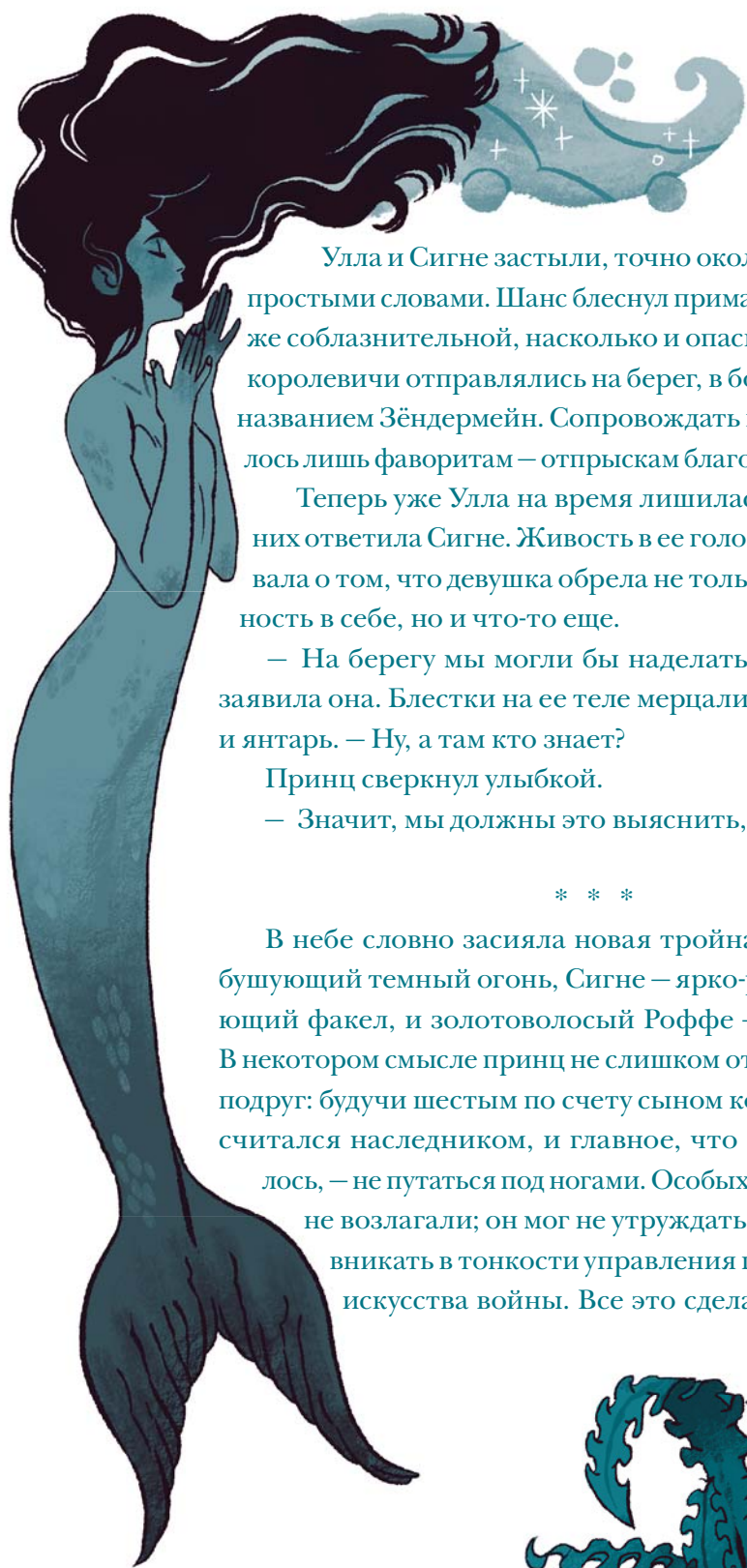
— В магии красота необязательна, — сказала Улла. — Красиво лишь простое волшебство, а великая магия требует взбаламутить воду, посеять хаос. Нужно разрушить, прежде чем создать что-то новое.

— Что-то необыкновенное, — с рассеянной улыбкой прибавил Роффе.

— Да, — неохотно согласилась Улла.

— А какой хаос вы способны посеять на поверхности? — задал вопрос принц.

Улла и Сигне застыли, точно околдованные этими простыми словами. Шанс блеснул приманкой — настолько же соблазнительной, насколько и опасной. Каждое лето королевичи отправлялись на берег, в большой город под названием Зёндермейн. Сопровождать принцев дозволялось лишь фаворитам — отпрыскам благородных семейств.

Теперь уже Улла на время лишилась дара речи, и за них ответила Сигне. Жизнь в ее голосе свидетельствовала о том, что девушка обрела не только былую уверенность в себе, но и что-то еще.

— На берегу мы могли бы наделать немало шума, — заявила она. Блестки на ее теле мерцали, словно жемчуга и янтарь. — Ну, а там кто знает?

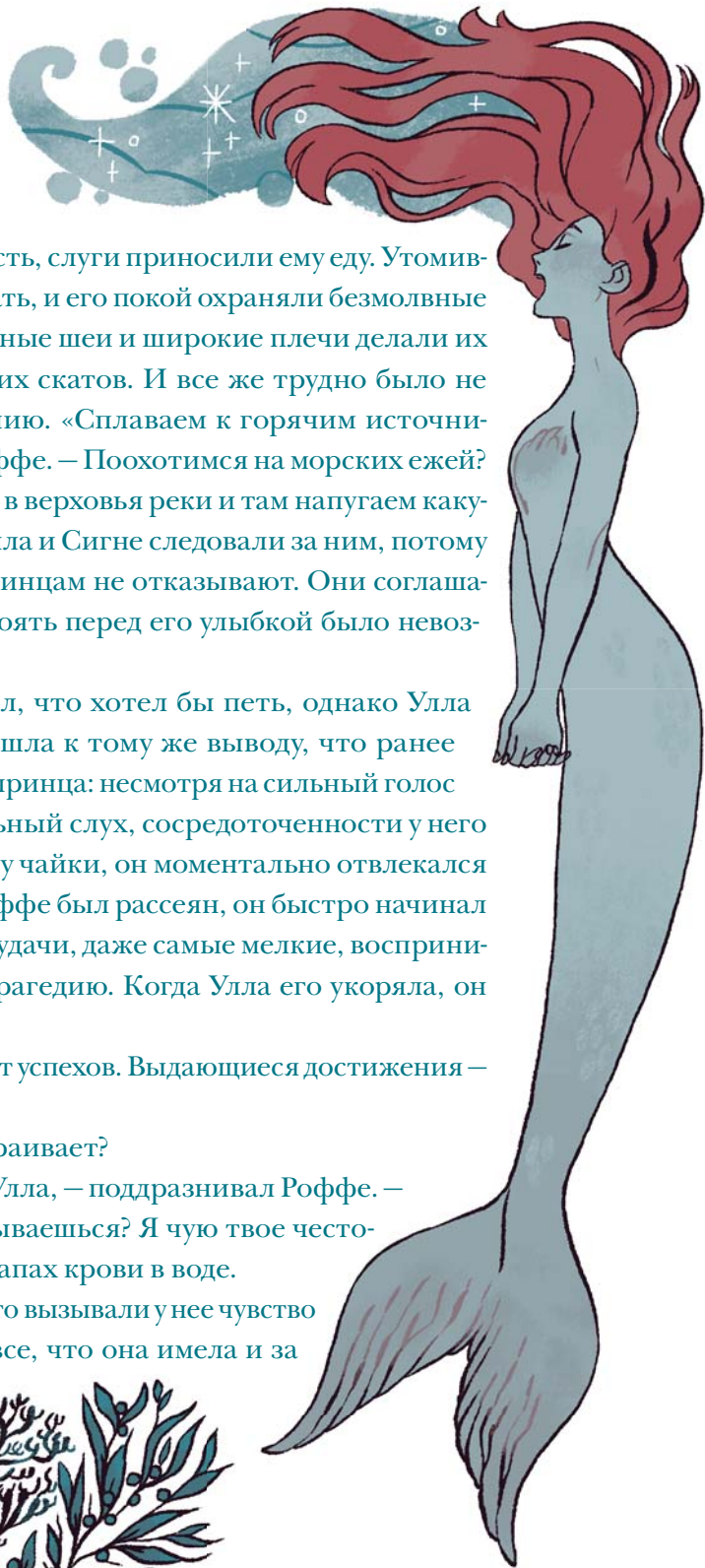
Принц сверкнул улыбкой.

— Значит, мы должны это выяснить, — заключил он.

* * *

В небе словно засияла новая тройная звезда: Улла — бушующий темный огонь, Сигне — ярко-рыжий, пламенеющий факел, и золотоволосый Роффе — теплое солнце. В некотором смысле принц не слишком отличался от своих подруг: будучи шестым по счету сыном короля, он едва ли считался наследником, и главное, что от него требовалось, — не путаться под ногами. Особых надежд на Роффе не возлагали; он мог не утруждать себя науками, не вникать в тонкости управления государством или искусства войны. Все это сделало его ленивым.

Когда Рофффе хотел есть, слуги приносили ему еду. Утомившись, он ложился спать, и его покой охраняли безмолвные стражники, чьи мощные шеи и широкие плечи делали их похожими на морских скатов. И все же трудно было не поддаться его обаянию. «Сплываем к горячим источникам? — предлагал Рофффе. — Поохотимся на морских ежей? Давайте отправимся в верховья реки и там напугаем какую-нибудь прачку?» Улла и Сигне следовали за ним, потому что он — принц, а принцам не отказывают. Они соглашались, потому что устоять перед его улыбкой было невозможно.

Рофффе утверждал, что хотел бы петь, однако Улла довольно скоро пришла к тому же выводу, что ранее сделали наставники принца: несмотря на сильный голос и неплохой музыкальный слух, сосредоточенности у него было не больше, чем у чайки, он моментально отвлекался на любую мелочь. Рофффе был рассеян, он быстро начинал скучать и все свои неудачи, даже самые мелкие, воспринимал как страшную трагедию. Когда Улла его укоряла, он лишь отмахивался:

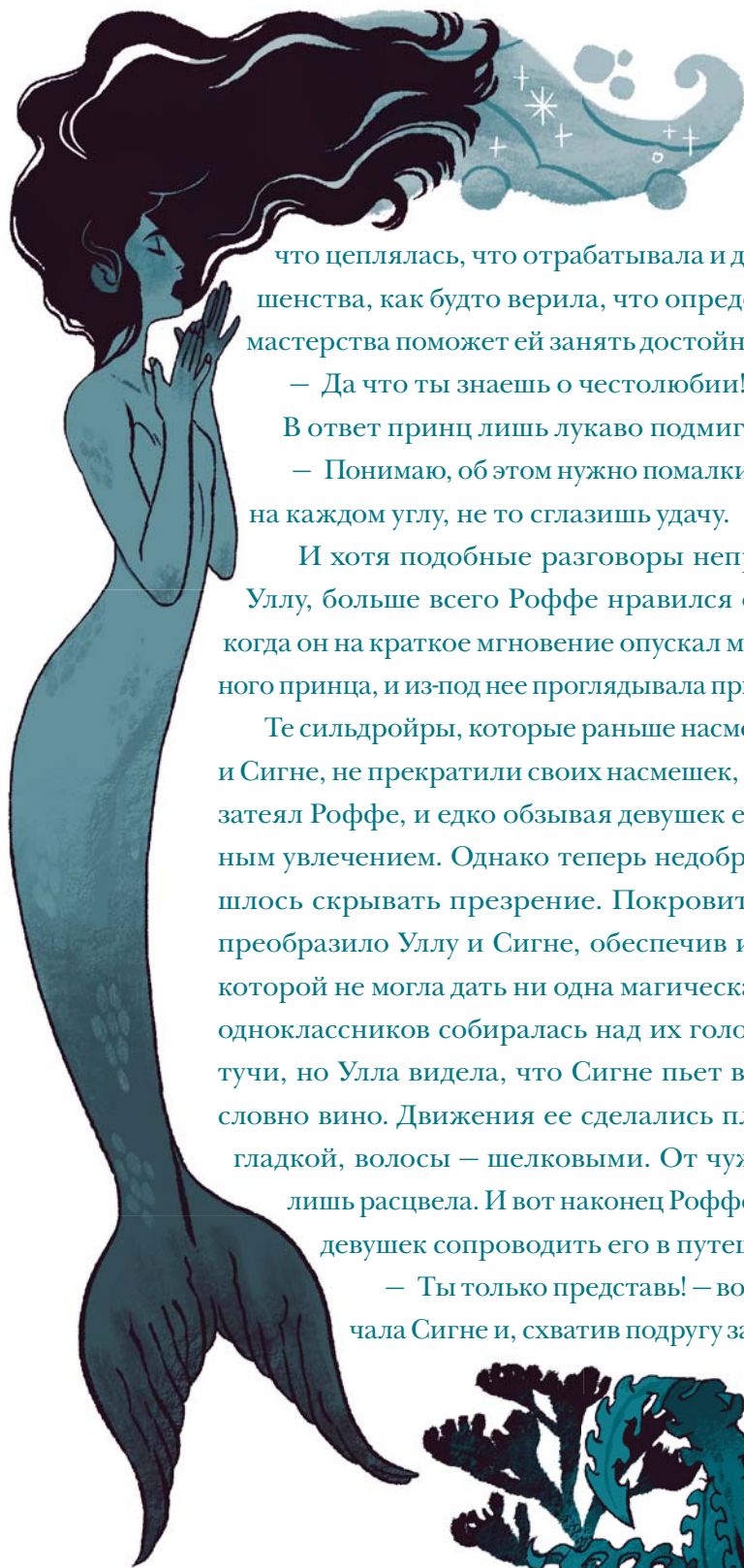
— От меня не ждут успехов. Выдающиеся достижения — удел моих братьев.

— И тебя это устраивает?

— Неугомонная Улла, — поддразнивал Рофффе. — А ты зачем так надрываешься? Я чую твое честолюбие не хуже, чем запах крови в воде.

Эти слова отчего-то вызывали у нее чувство стыда. Песнь — вот все, что она имела и за

что цеплялась, что отрабатывала и доводила до совершенства, как будто верила, что определенный уровень мастерства поможет ей занять достойное место в жизни.

— Да что ты знаешь о честолюбии! — фыркала она.

В ответ принц лишь лукаво подмигивал:

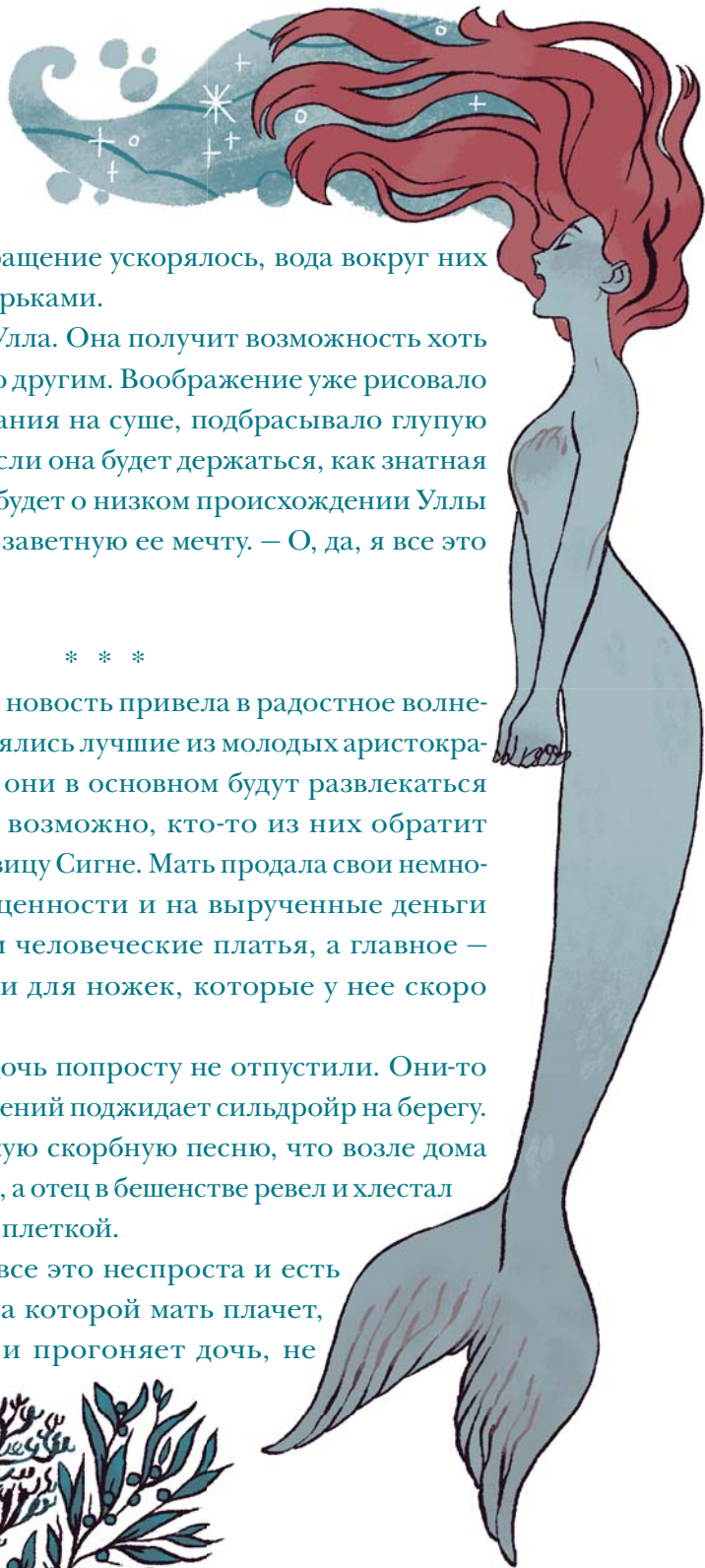
— Понимаю, об этом нужно помалкивать, а не кричать на каждом углу, не то сглазишь удачу.

И хотя подобные разговоры неприятно задевали Уллу, больше всего Роффе нравился ей именно тогда, когда он на краткое мгновение опускал маску очаровательного принца, и из-под нее проглядывала природная хитрость.

Те сильдройры, которые раньше насмехались над Уллой и Сигне, не прекратили своих насмешек, гадая, какую игру затеял Роффе, и едко обзывая девушек его кратковременным увлечением. Однако теперь недоброжелателям пришлось скрывать презрение. Покровительство принца преобразило Уллу и Сигне, обеспечив им такую защиту, которой не могла дать ни одна магическая песнь. Зависть одноклассников собиралась над их головами в ядовитые тучи, но Улла видела, что Сигне пьет влагу из этих туч, словно вино. Движения ее сделались плавными, кожа — гладкой, волосы — шелковыми. От чужой злобы Сигне лишь расцвела. И вот наконец Роффе пригласил обеих девушек сопровождать его в путешествие на берег.

— Ты только представь! — восторженно вскричала Сигне и, схватив подругу за руки, закружила.

По мере того, как вращение ускорялось, вода вокруг них начала бурлить пузырьками.

«О, да, — думала Улла. Она получит возможность хоть на время стать кем-то другим. Воображение уже рисовало ей картины пребывания на суше, подбрасывало глупую надежду на то, что, если она будет держаться, как знатная дама, то король позабудет о низком происхождении Уллы и осуществит самую заветную ее мечту. — О, да, я все это представляю».

* * *

Родителей Сигне новость привела в радостное волнение. Наверх отправлялись лучшие из молодых аристократов, и, хотя на суше они в основном будут развлекаться в компании людей, возможно, кто-то из них обратит внимание и на красавицу Сигне. Мать продала свои немногочисленные драгоценности и на вырученные деньги заказала для дочери человеческие платья, а главное — бархатные туфельки для ножек, которые у нее скоро появятся.

Родители Уллы дочь попросту не отпустили. Они-то знали, сколько искушений поджидает сильдройр на берегу. Ее мать затянула такую скорбную песню, что возле дома сгнили все водоросли, а отец в бешенстве ревел и хлестал по воде хвостом, как плеткой.

Улла знала, что все это неспроста и есть какая-то тайна, из-за которой мать плачет, заплетая ей косы, и прогоняет дочь, не

закончив прическу; некий вопрос, который мучит отца, делает его нрав жестоким, а голос — грубым. Улла не верила, что рождена от человека, но тогда кто же ее зачал и почему она непохожа на остальных сильдройр? Обо всем этом она хотела бы спросить, вытащить прошлое из темной мглы и в конце концов узнать, какие из слухов верны.

Вместо этого она молча выслушала родительские вопли и причитания, а потом сказала:

— Вы все равно меня не остановите.

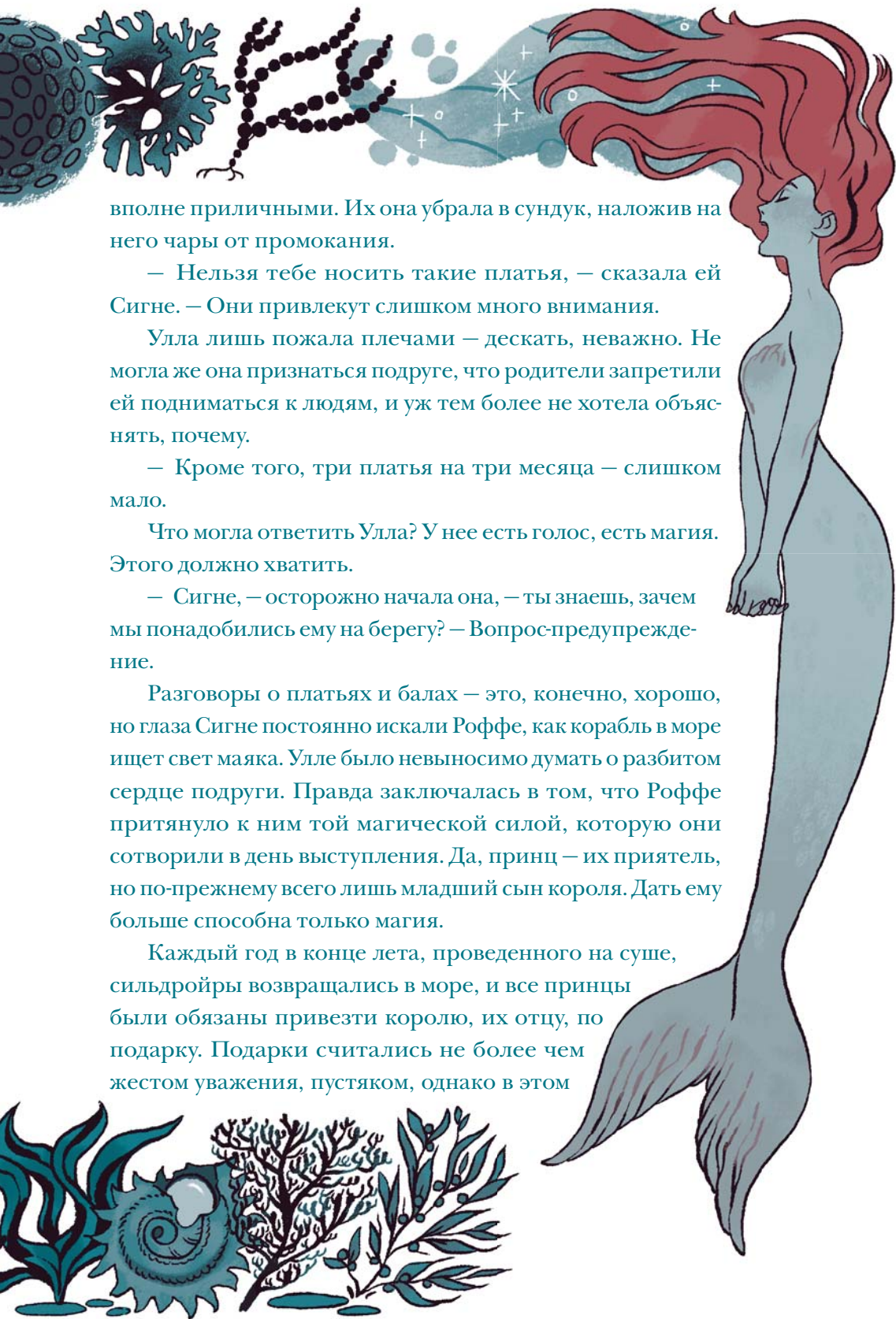
Остановить ее мать с отцом не могли, это верно, зато могли отказать в земных деньгах и платьях.

— Ходи голой среди их мужчин. Посмотрим, как тебе это понравится, — заявил отец.

— Так я и сделаю, — храбро ответила Улла, вовсе не ощущавшая в себе такой храбрости. Возможно, на берегу она найдет ответы на свои вопросы или любовника, а может, не найдет ничего, но, как бы то ни было, она туда отправится.

Вечером Улла поплыла к «Дьеналлеру» — кораблю, затонувшему всего несколько месяцев назад и остерегавшему людей заплывать в эти воды. Она забиралась в каюты, стаскивала со скелетов обрывки ткани, выковыривала жемчуг и пела куче лохмотьев песнь созидания. Как должны выглядеть человеческие наряды, Улла не знала, но из кусочков шелка и мелкого жемчуга смастерила три платья, которые показались ей

вполне приличными. Их она убрала в сундук, наложив на него чары от промокания.

— Нельзя тебе носить такие платья, — сказала ей Сигне. — Они привлекут слишком много внимания.

Улла лишь пожала плечами — дескать, неважно. Не могла же она признаться подруге, что родители запретили ей подниматься к людям, и уж тем более не хотела объяснять, почему.

— Кроме того, три платья на три месяца — слишком мало.

Что могла ответить Улла? У нее есть голос, есть магия. Этого должно хватить.

— Сигне, — осторожно начала она, — ты знаешь, зачем мы понадобились ему на берегу? — Вопрос-предупреждение.

Разговоры о платьях и балах — это, конечно, хорошо, но глаза Сигне постоянно искали Роффе, как корабль в море ищет свет маяка. Улле было невыносимо думать о разбитом сердце подруги. Правда заключалась в том, что Роффе притянуло к ним той магической силой, которую они сотворили в день выступления. Да, принц — их приятель, но по-прежнему всего лишь младший сын короля. Дать ему больше способна только магия.

Каждый год в конце лета, проведенного на суше, сильдройры возвращались в море, и все принцы были обязаны привезти королю, их отцу, по подарку. Подарки считались не более чем жестом уважения, пустяком, однако в этом

году король объявил, что завершает свое правление, и сыновья понимали, что к ритуалу дарения следует отнестись иначе. Подарок покажет степень оригинальности и изобретательности каждого принца, степень его любви к отцу и своей стране. Таким подарком была первая песнь созидания, воздвигшая на морском дне королевский дворец. С тех пор минуло почти пять сотен лет, однако тогда песнь сделала королем третьего сына. Чтобы получить трон, шестому отпрыску понадобится нечто более грандиозное.

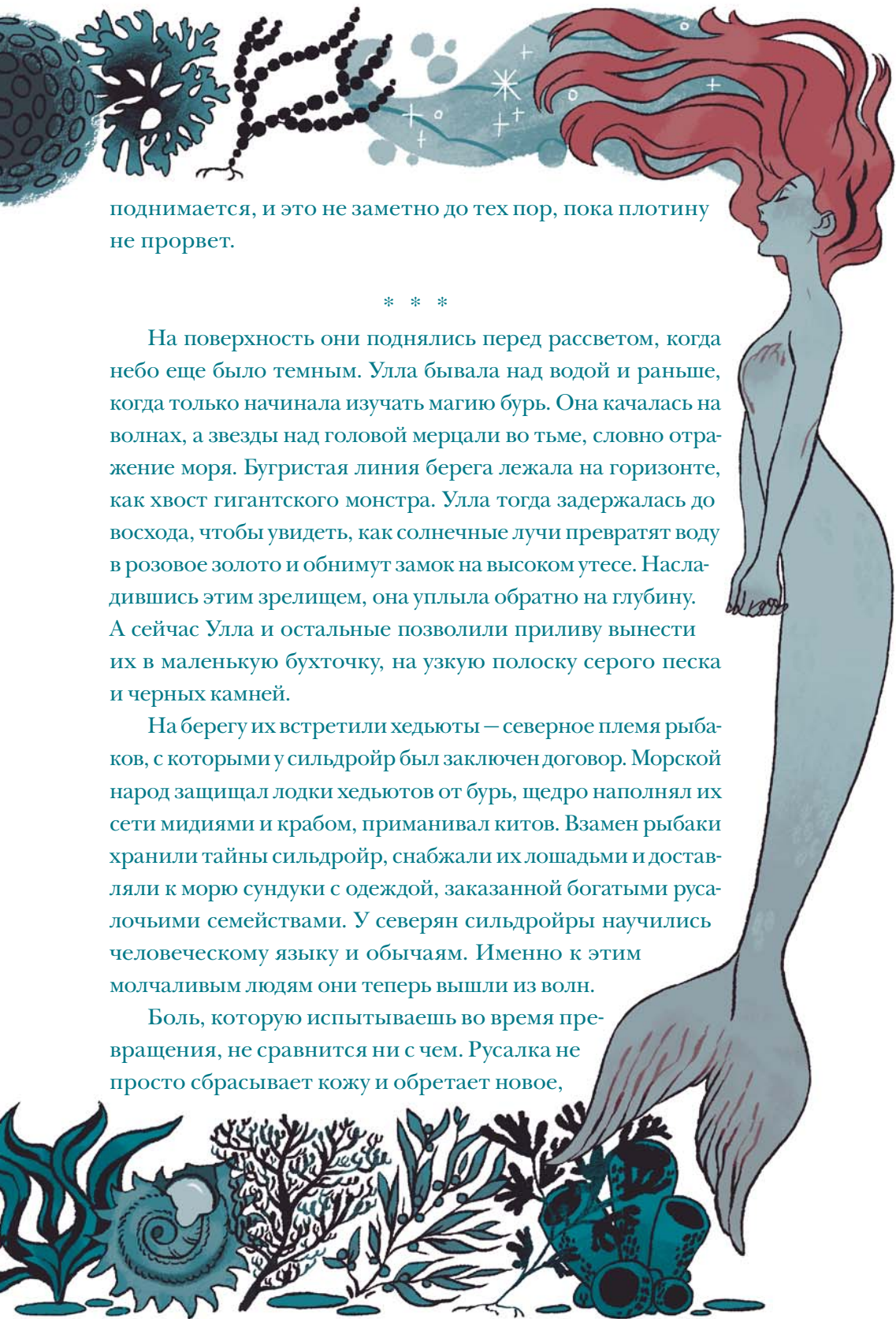
Сигне на мгновение прислонила лбом ко лбу Уллы.

— Знаю, — тихо сказала она. — Но кто знает, может быть, Роффе ищет одно, а найдет совсем другое. Если на то пошло, я всего лишь хотела вытерпеть неприятный дуэт, а обрела тебя.

Улла тепло прижала подругу к груди, и, заканчивая сборы, они пели вместе. Следовало предостеречь Сигне еще кое о чем: Роффе ни за что не сделает ее своей избранницей; хоть и самый младший в семье и последний по счету, но он все-таки принц.

«Ты заслуживаешь большего, — хотела сказать Улла. — Ты не должна его добиваться». Однако ничего такого она не произнесла и лишь постаралась отогнать закрашившуюся в сердце тревогу. В конце концов, пускай надеется, большой беды от этого не будет, решила Улла.

Однако надежда в душе похожа на воду, которую сдерживает плотина. Мало-помалу она

поднимается, и это не заметно до тех пор, пока плотину не прорвет.

* * *

На поверхность они поднялись перед рассветом, когда небо еще было темным. Улла бывала над водой и раньше, когда только начинала изучать магию бурь. Она качалась на волнах, а звезды над головой мерцали во тьме, словно отражение моря. Бугристая линия берега лежала на горизонте, как хвост гигантского монстра. Улла тогда задержалась до восхода, чтобы увидеть, как солнечные лучи превратят воду в розовое золото и обнимут замок на высоком утесе. Насладившись этим зрелищем, она уплыла обратно на глубину. А сейчас Улла и остальные позволили приливу вынести их в маленькую бухточку, на узкую полосу серого песка и черных камней.

На берегу их встретили хедьюты — северное племя рыбаков, с которыми у сильдройр был заключен договор. Морской народ защищал лодки хедьютов от бурь, щедро наполнял их сети мидиями и крабом, приманивал китов. Взамен рыбаки хранили тайны сильдройр, снабжали их лошадьми и доставляли к морю сундуки с одеждой, заказанной богатыми русалочьими семействами. У северян сильдройры научились человеческому языку и обычаям. Именно к этим молчаливым людям они теперь вышли из волн.

Боль, которую испытываешь во время превращения, не сравнится ни с чем. Русалка не просто сбрасывает кожу и обретает новое,

человеческое тело. Ходить по земле означает расщепить себя надвое, стать другим существом. На берегу Роффе, Улла, Сигне и остальные члены свиты вскинули секирны — священные ножи, вытесанные из бивня кита-нарвала, запели песнь трансформации и вонзили лезвия в собственную плоть.

Многим из принцев и отпрысков знатных семей в изготовлении секирн помогали придворные певцы — многим, но только не Улле. Она сама с величайшей тщательностью пропела ноты, призванные наделить силой священный клинок.

И все же, сколь бы искусным ни вышел нож, волшебная песнь требовала гораздо большего мастерства. Это была самая мощная магия — музыка разрыва и соединения, единственная песнь, которой с самого рождения обучались все особы королевской крови. Не слишком сложная в исполнении, она, тем не менее, требовала огромной силы воли, и Улла опасалась, что у Сигне не хватит на это мужества. Однако стоило Сигне вскинуть глаза на Роффе, как голос ее окреп, и она сделала надрез. Только после этого Улла присоединилась к песне и вонзила клинок в свой хвост.

Ужас терзал сильнее, чем боль. Это был не просто страх, а уверенность, что все пошло не так и она окажется разрезанной сверху донизу. Вокруг нее вихрились потоки крови, и морская пена делалась розовой, пока следующая соленая волна не омывала раны. Однако Улла продолжала петь, уверенно выводя мелодию, зная, что, если не завершит песнь, то до конца

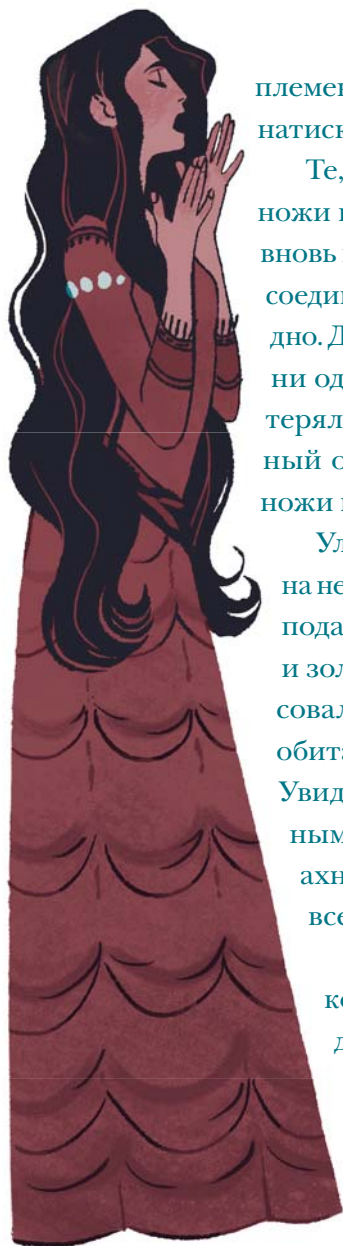

не исцелится и останется лежать на берегу окровавленной массой чешуи и полусформированных конечностей.

Боль уменьшилась. Прозвучали финальные ноты. Улла изумилась непривычному изгибу собственных бедер, холмику черных волос между ног, неуклюжим выпуклостям коленей. А ступни! Жалкие маленькие ласты с выгнутыми пальцами. Трудно поверить, что эти подпорки ее удержат, не говоря уже о том, чтобы куда-то перемещать.

Стыдливо отводя глаза, хедьюты оттащили сильдройр на сушу за камни. Нижние конечности новых двуногих безвольно волоклись по песку. Рыбаки действовали достаточно аккуратно, и все же Улла держалась за сердце, испытывая настоящую панику. Как странно — вокруг светло от лучей рассветного солнца, земля суха и неподвижна, жесткий воздух царапает легкие. Она попыталась взять себя в руки, чтобы как-нибудь случайно не опозориться.

В рыбацких хижинах Улла и другие сильдройры облачились в человеческие наряды и надели на свои нежные, не привыкшие к ходьбе ноги обувь, специально изготовленную для этого путешествия, удобную и мягкую благодаря овечьей шерсти и магическим чарам. Большую часть дня русалки учились ходить: шатались, спотыкались, хватались друг за друга, привыкали чувствовать землю под ногами. У некоторых сохранился опыт предыдущих лет, но даже тем, кто поднялся на поверхность впервые, обучение давалось легче, нежели человеческим детям. Сильдройры были грациозным

племенем, сильным и закаленным в противостоянии натиску волн.

Те, кто вышел сегодня на берег, берегли священные ножи как зеницу ока. Через три месяца им предстояло вновь нанести себе раны, воззвав к магии крови, чтобы соединить ноги в хвост и отправиться домой, на морское дно. До этого момента лезвие не должно было коснуться ни одного предмета из мира смертных, иначе секирн терял волшебную силу и не мог вернуть хозяину истинный облик, поэтому сильдройры заворачивали свои ножи в сброшенную кожу и прятали в сундуки.

Улла заметила странные взгляды, которые бросали на нее Сигне и Рофффе, но задуматься об этом не успела — подали кареты. Экипажи были отделаны серебром и золотом, на блестящих лакированных дверцах красовался герб королевского рода сильдройр. Правда, обитателям суши эта символика ни о чем не говорила. Увидев лошадей — огромных, серых в яблоках, с черными тюленьими глазами, — Улла и Сигне изумленно ахнули, а Рофффе согнулся пополам от смеха. Для него все эти чудеса были не в новинку.

Вскоре уже кареты с грохотом мчались по широкой дороге, что тянулась вдоль берега и вела в Зёндермейн. Город, примостившийся на белых утесах, которые сильдройры называли Осколками Луны, был хорошо виден им с моря. Звон массивных колоколов на церковных башнях, зачарованных магией сильдройр, по слухам, призывал к покаянию даже самых отъявленных грешников. Однако Улла не смотрела по сторонам и почти

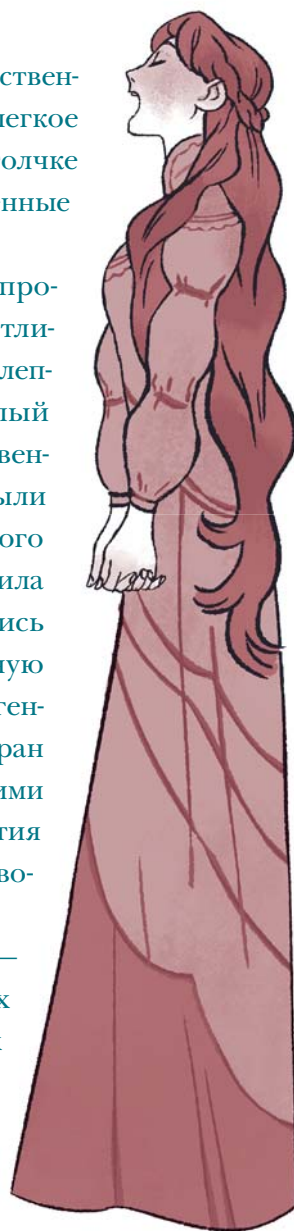
ничего не соображала, так сильно захлестнули ее собственные ощущения — мягкость сиденья под ягодицами, легкое трение юбок о ноги, дорожная тряска. При каждом толчке сидельеры вскрикивали и хватались за бока, опьяненные всей этой странной новизной.

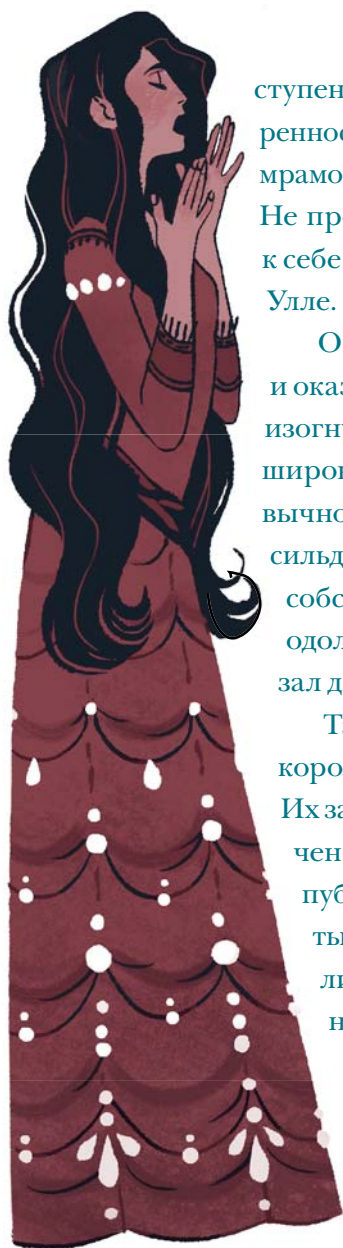
Подпрыгивая на булыжной мостовой, экипажи пронеслись через торговую часть города, шумную и суетливую, и, миновав высокие ворота, подъехали к великолепному дворцу. Окруженный могучими соснами, белый с серебром, словно жемчужный, излучающий собственную магию, о, как он блестел на солнце! Его шпили были такими тонкими, что, казалось, сломаются от первого дуновения ветра. Оконные переплеты, балконы, перила были вырезаны столь искусно, что едва ли казались каменными, а скорее напоминали тонкую морозную вязь. Над всем ансамблем горделиво возвышалась легендарная Башня прорицателей. Ученые мужи со всех стран собирались в ней, чтобы вместе с лучшими королевскими мудрецами и советниками обсуждать важные открытия и явления. Улле с трудом верилось, что перед ней — творение человеческих рук.

— Многие аристократы проводят здесь лето, — заметил Роффе, кивнув в сторону вереницы других экипажей. — Они думают, мы прибыли из дальних южных земель.

Когда лакей распахнул дверцу кареты, снаружи их ожидал Калле, самый старший из принцев. Он дал девушкам последнее напутствие:

— Веселитесь сколько угодно, — сказал Калле, пока они медленно поднимались по широким

ступеням крыльца. Их тела еще не вполне обрели уверенность, ступни сквозь подошвы туфель ощущали холод мрамора. — Но помните, что существа эти очень хрупкие. Не проливайте человеческую кровь. Не привлекайте к себе внимания. — Его взгляд отчего-то задержался на Улле.

Они прошли через две пары высоких узких дверей и оказались в просторном холле, обрамленном плавно изогнутыми лестницами, которые сходились вверху на широкой площадке. И снова ступени, снова от непривычной нагрузки мелко подрагивают мускулы, и опять сильдройры хватаются за перила, удивленные тяжестью собственного веса, грузом одежд. Наконец, они преодолели подъем, и их взорам открылся вытянутый зал для аудиенций, полный людей.

Там были мужчины и женщины из самых разных королевств, одетые в изысканные шелка и кружева. Их запястья сверкали драгоценностями, туфли — золочеными каблуками. Улле поразило, как сильно эта публика отличалась от мощных хедыотов с их покатыми плечами, увесистыми кулаками и обветренными лицами. Сейчас она видела изнеженные, надушенные тела людей, не знавших работы.

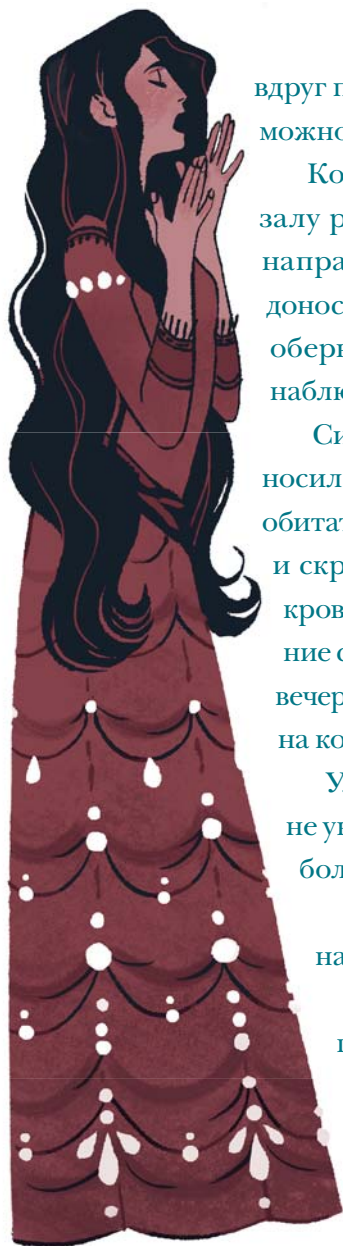
С появлением сильдройр в зале воцарилась тишина. Вспомнив предостережение Калле, Улла едва не рассмеялась. Ну разве могли они не привлекать внимания? Несмотря на опасливую сдержанность, морской народ передвигался с изяществом, которому смертные могли только позавидовать. При ходьбе их стройные фигуры

плавно покачивались, подобно воде, а руки и ноги напоминали гибкие водоросли.

Как полагалось, они поприветствовали человеческого короля учтивыми поклонами и реверансами. В свою очередь, он принял братьев с большим теплом. Ну, еще бы! Несмотря на причудливые одеяния и странный акцент, каждый год сильдройры привозили королю такие сокровища, каких он прежде не видывал. Калле сделал знак слугам, и те вынесли три сундука с жемчугом. В первом сундуке жемчужины сияли белизной, точно снег; во втором были серыми, как грозовые тучи, а жемчуг в третьем сундуке был темнее безлунной ночи. Далее последовали сундуки с монетами, оружие в ножнах, усыпанных драгоценными камнями, тяжелые золотые подносы. Человеческий король, сияя от радости, налил в серебряную чашу вина. Он даже не догадывался, что все эти сокровища добыты с затонувших кораблей и что это — дары мертвецов, чьи кости гниют на морском дне. Впрочем, какая разница смертным? Богатство есть богатство.

Среди всей королевской свиты, восхищенно разглядывавшей очередной дорогой подарок, восторга не проявлял лишь один юноша. Он стоял позади трона рядом с бородатым стариком, у которого через плечо была надета шелковая лента с дымчато-синим сапфиром, знаком прорицателя. Юноша был одет в черное, но волосы его были еще чернее, и он смотрел прямо на Уллу, напряженно и пристально. Улла выдержала этот взгляд, рассчитывая, что он ответит глаза, однако юноша этого не сделал, и ей

вдруг показалось — хотя она и сознавала, что это невозможно, — будто они уже где-то встречались.

Король хлопнул в ладоши. Двери в пиршественную залу распахнулись, и зная в порядке старшинства направилась к столам. Минувя двери, из-за которых доносились странные запахи человеческой еды, Улла обернулась и увидела, что юноша в черном все еще наблюдает за ней.

Сильдройры угощались и танцевали, впервые подносили к губам кубки с вином. Смеялись и так же, как обитатели суши, притопывали ногами в такт барабанам и скрипкам. Смертных тянуло к ним, как магнитом; кровь прилиwała к разгоряченным щекам людей, дыхание сбивалось, глаза блестели от вожделения, и к концу вечера одна молодая человеческая девица сидела у Роффе на коленях, а другая крепко прижималась к его плечу.

Улла заметила, что Сигне страдает, однако от нее не укрылось и то, что подруга старается скрыть свою боль.

— Ты знала, зачем он позвал нас с собой, — мягко напомнила она.

Не ради любви, а из-за магии. Для того, чтобы певицы помогли ему преуспеть в задуманном.

Сигне дернула сверкающим плечом. Она убрала волосы в высокую прическу при помощи двух сапфировых гребней и была одета в синее платье с тугим корсетом. Материя струилась по линии груди, словно волна, плечи оставались обнаженными. Сколько раз Улла видела плечи Сигне?

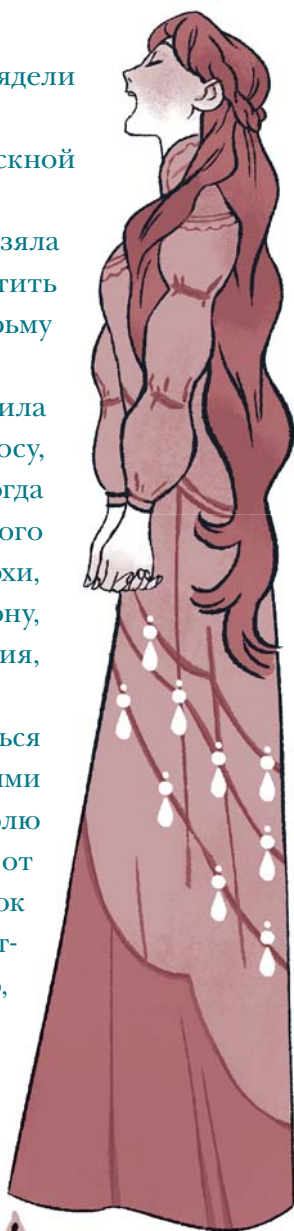
Почему же теперь, в обрамлении шелка, они выглядели совершенно иначе?

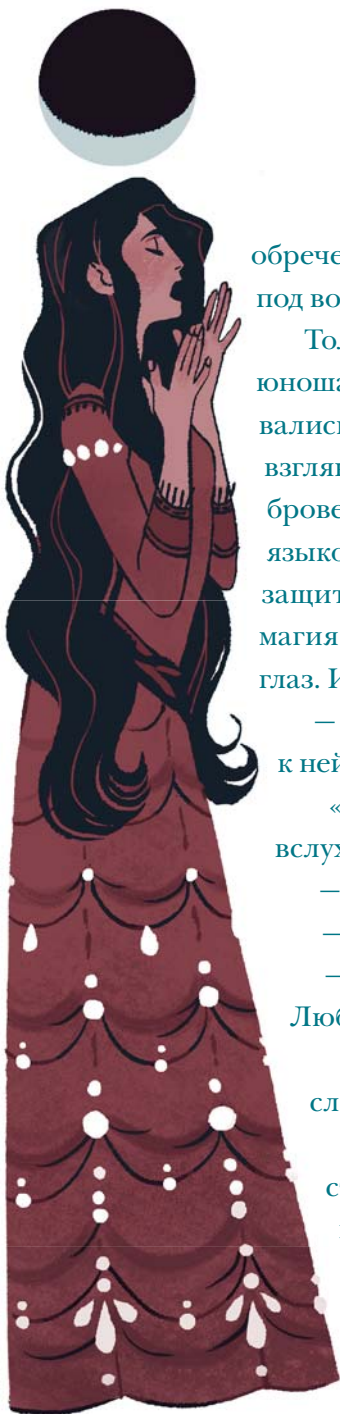
— Он явно собирается поразвлечься, — с напускной непринужденностью бросила Сигне.

— Тебе тоже не мешало бы, — отозвалась Улла, взяла Сигне за руку и потянула в круг танцующих — ощутить жар человеческих тел, окунуться в безумную кутерьму их короткой жизни.

Позже, когда свечи уже догорали и Улла сбросила тесные туфли, когда заплела влажные волосы в косу, изумляясь капелькам пота, выступившим на шее, когда кровь в жилах забурлила от вина, а из каждого темного уголка слышался приглушенный смех и страстные вздохи, она прислонилась к стене, оттолкнув кого-то в сторону, и задалась вопросом: почему она не ощущает упоения, как все остальные?

Сильдройры выходили на сушу, чтобы познакомиться с человеческим языком, с вольными нравами, царящими в мире смертных, но еще и для того, чтобы дать волю *себе*. Путешествие наверх было способом избавиться от томления, взять под контроль свои желания. Русалок издавна влекло к людям, к их крепким телам и кратковременному существованию. Человеческое упорство, стремление к цели, любопытство и дрожь нетерпения всегда притягивали сильдройр, так отчего же в душе Уллы была пустота? Почему она не покачивалась в танце, наслаждаясь крепкими мужскими объятьями, как Сигне? Почему не хотела быть, как Рофффе, который срывал поцелуи со всех подставленных губ? Возможно ли, что и в земном мире она

обречена в одиночестве стоять на отшибе, как это было под водой?

Только тогда Улла заметила, что к ней приближается юноша в черном. Когда он шел, тени словно бы стягивались к нему и скользили следом, будто шлейф. Улла взглянула на знакомые очертания лица, разлет темных бровей, и ее сердце сжалось от страха. Она коснулась языком нёба, уже представляя песнь, в которой сплетет защитные чары. Понимала: эта музыка ее погубит — магия сильдройр не предназначалась для человеческих глаз. И все же Улле эта мысль приободрила.

— Я тебя помню, — сказал незнакомец, подойдя к ней. Глаза у него были цвета серого агата.

«Этого не может быть», — хотела сказать она, но вслух спросила:

— Кто ты?

— Ученик прорицателя.

— Он и вправду умеет предсказывать будущее? — Любопытство взяло в ней верх.

— Он умеет сообщать королю то, что тот хочет слышать, а это важнее, чем предвидеть будущее.

Улла знала, что не следует подпускать этого странного человека слишком близко, что нужно попрощаться и уйти, однако выпитое вино заставило позабыть об осторожности.

— Откуда ты меня помнишь? И почему твой взгляд преследует меня, точно чайка — будущую добычу?

Он слегка подался вперед, и Улла невольно отпрянула.

— Приходи завтра в Башню прорицателей, — гладким, как стекло, голосом проговорил юноша. — Приходи, и я поведаю тебе все, о чем ты хочешь знать.

— В библиотеку? — Улла не умела читать. Этому были обучены только члены королевской семьи, которым полагось разбираться в дипломатии, договорах и соглашениях.

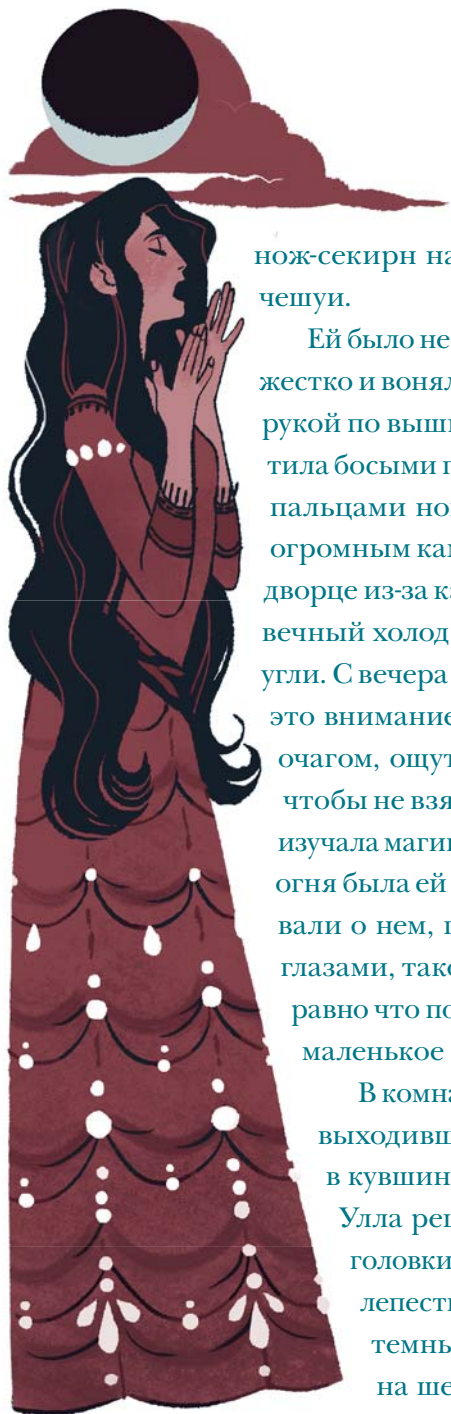
— Читать не придется. Этого я от тебя и не ожидал, — заверил незнакомец, беззвучно обойдя вокруг нее. — Ты ведь не ждешь, что я смогу дышать под водой?

* * *

Ночью Улла спала плохо. После заката холод пробрал ее до костей, и под простынями она вся тряслась в ознобе. Улла никак не могла согреться, так же как не могла избавиться от преследующих ее запахов пота, свечного жира и жареного мяса. Лежать на кровати было непривычно; казалось, что тяжелое тело вот-вот куда-то провалится. Вдобавок неприятно распирало низ живота, и Улла долго мучилась, пока не вспомнила о ночном горшке и о том, для чего он нужен. Когда же она наконец заснула, ей снились холодные глаза отца и скорбные руки матери, которые тянули ее за волосы — словно стараясь изменить их цвет.

Улла проснулась рано, наполнила умывальный таз водой почти до краев и погрузила лицо в холодную воду. Залила в уши тишину, попыталась опомниться. Ее скудные пожитки уже отнесли в гардеробную, и она торопливо проверила содержимое запертого сундука — убедиться, что священный

нож-секирн надежно спрятан в складках русалочьей чешуи.

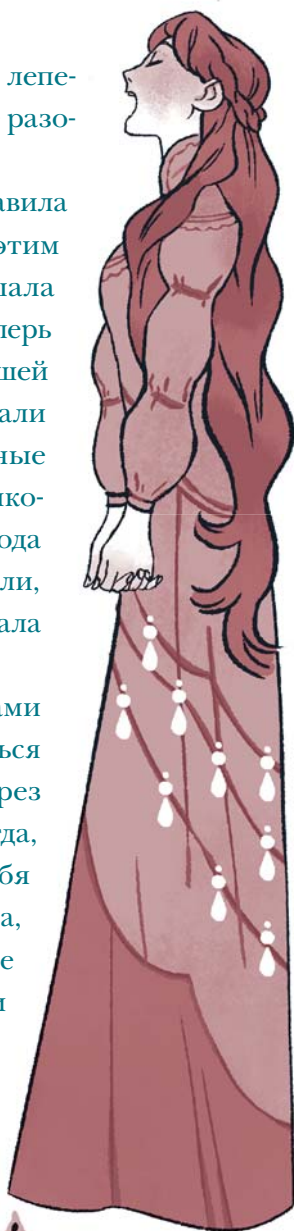
Ей было не по себе. Кожа обтягивала скелет слишком жестко и воняла кислым. В животе урчало. Улла провела рукой по вышитому покрывалу, сбросила туфли и ощутила босыми подошвами прохладу пола, затем зарылась пальцами ног в мягкие шкуры, разложенные перед огромным камином. Летний воздух был теплым, но во дворце из-за каменных стен и высоких потолков царил вечный холод, поэтому в камине догорали вчерашние угли. С вечера Улла слишком устала, чтобы обратить на это внимание, но сейчас опустила на колени перед очагом, ощутила ладонями тепло и едва удержалась, чтобы не взять в руки красные тлеющие угольки. Она изучала магию и магические артефакты, так что стихия огня была ей отчасти знакома. На уроках им рассказывали о нем, пропевали его. Но *увидеть* огонь своими глазами, такой живой, такой близкий, — это было все равно что получить в распоряжение свое собственное маленькое солнышко.

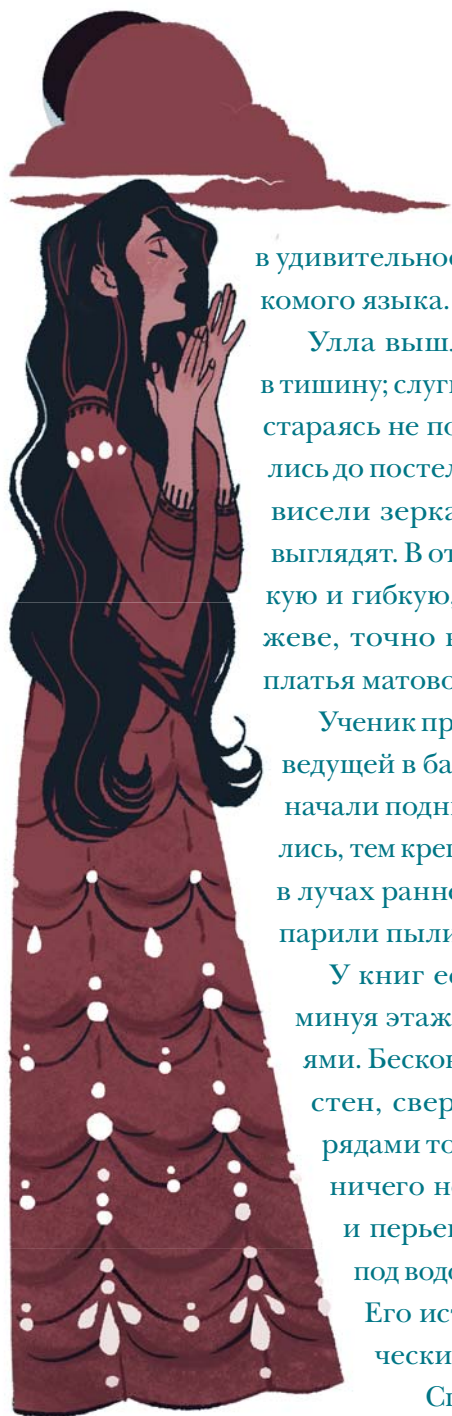
В комнате Уллы были высокие стрельчатые окна, выходившие на королевские сады и дальний лес; в кувшине серого стекла на столе стояли цветы... Улла решила, что это, наверное, розы: тяжелые головки, странный сладкий запах, бледно-розовые лепестки оттенка забрезжившей зари, чуть более темные в середине. Она коснулась того места на шее, где прежде — до того, как прозвучала песнь превращения, — находились жабры, и сделала глубокий вдох. Аромат цветов наполнил

ноздри и легкие, закружилась голова. Улла сорвала лепесток, задумчиво положила на язык, прожевала. К ее разочарованию, на вкус он оказался горьким.

Она благодарно вздохнула, когда горничная поставила перед ней на подносе чай и соленую рыбу. Вслед за этим слуги принесли ведра с горячей водой. Она слышала о процедуре мытья, но еще никогда не пачкалась, и теперь была удивлена количеству грязи, со скрипом сходявшей с ее тела, мягкости душистых масел, которые ей втирали в кожу. Более всего, однако, Уллу поразили забавные пальчики ног, завернутые за край лохани, тонкие щиколотки, гладкие, округлые наросты ногтей — *ногти*. Вода казалась слишком скользкой, неживой и лишенной соли, прямо как в реках, которые она с интересом исследовала в компании Сигне и Роффе пасмурными вечерами.

После того, как чистую Уллу вытерли полотенцами и присыпали пудрой, горничная помогла ей облачиться в платье и туго затянула корсет, а затем, бросив через плечо нервный взгляд, исчезла за дверью. Только тогда, в одиноком безмолвии, Улла наконец увидела себя в зеркале над туалетным столиком, только тогда поняла, почему на нее так косились и сильдройры, и люди. Вне морских вод землистый серо-зеленый цвет ее кожи превратился в теплую, золотую бронзу, будто бы подсвеченную изнутри солнечными лучами. Волосы остались черными, как и раньше, однако теперь, в ярком свете человеческого мира, они блестели, точно полированное стекло. Глаза по-прежнему были темными и странными, но уже по-иному: темными, как полуночная тропинка, что ведет

в удивительное место; странными, как звучание незнакомого языка.

Улла вышла из комнаты. Дворец был погружен в тишину; слуги бесшумно выполняли свои обязанности, стараясь не потревожить покой гуляк, которые добрались до постелей всего несколько часов назад. Повсюду висели зеркала, словно люди боялись забыть, как выглядят. В отражениях Улла видела новую себя – высокую и гибкую, плавно скользящую в серебристом кружеве, точно в морской пене. Жемчужины на лифе платья матово поблескивали, как звезды в тумане.

Ученик прорицателя ждал ее у подножия лестницы, ведущей в башню. Не перемолвившись и словом, они начали подниматься по ступеням, и чем выше взбирались, тем крепче держалась за перила Улла. Было душно, в лучах раннего утреннего солнца, мерцая, медленно парили пылинки.

У книг есть свой, особый запах, осознала Улла, минуя этажи, занятые библиотеками и лабораториями. Бесконечные полки, тянувшиеся вдоль круглых стен, сверху донизу были заполнены плотными рядами томов в ярких переплетах. Для Уллы книги ничего не значили. У сильдройр не было бумаги и перьев; никакой пергамент не сохранился бы под водой, да морской народ в этом и не нуждался. Его история и знания были заключены в магических песнях.

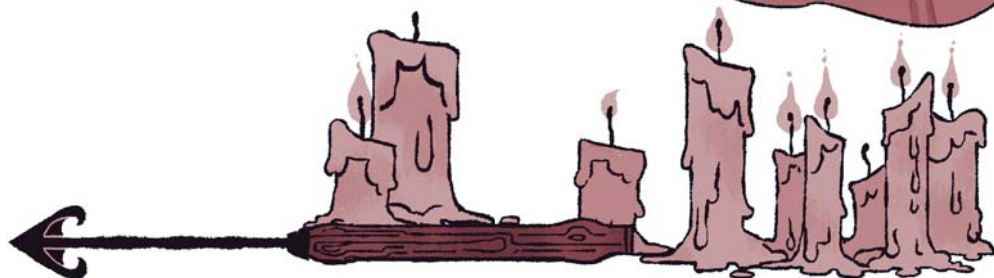
Спутник Уллы перечислял науки, на каждом этаже называя новый предмет: история, предсказания, география, математика, алхимия... Улла

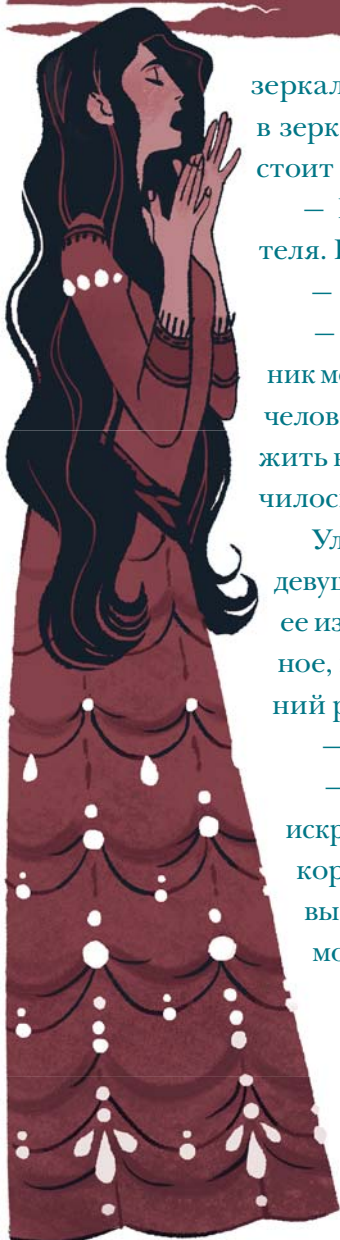
надеялась, что они направляются на самый верх башни, где расположена знаменитая обсерватория, однако, хотя впереди оставалось еще много лестничных пролетов, ученик прорицателя привел ее в тускло освещенную комнату, заставленную длинными столами и высокими стеклянными шкафчиками. Взору Уллы предстали самые необычайные предметы: золотой обруч, без остановки вращающийся вокруг своей оси, чучела птиц с алым оперением и блестящими клювами, гарпун, сделанный из материала, похожего на вулканическое стекло. Одну из полок целиком занимали песочные часы, большие и малые, с песком всевозможных расцветок; на другой стояли застекленные доски, к которым булавками были прикреплены высушенные насекомые; на третьей громоздились запечатанные банки с янтарной жидкостью, где плавали разные многоножки.

Когда на глаза Улле попался священный секирн, у нее перехватило дыхание. Кому мог принадлежать этот нож, и по какой причине владелец с ним расстался? Однако, чувствуя на себе неотступный взгляд спутника, она заставила себя двигаться дальше.

Они прошли мимо высокого зеркала, в полумраке отразившего их силуэты. Девушка в зеркале ей помахала. Улла испуганно отскочила, а юноша рассмеялся. Засмеялось и его отражение, только более тонким голосом.

— Я его слышу, — изумленно проговорила Улла, схватившись за край стола. Казалось, что

зеркальная рама — это дверной проем, а отражение в зеркале — всего лишь другая половина комнаты, где стоит такой же молодой человек.

— Всего лишь иллюзия, — бросил ученик прорицателя. Его отражение небрежно махнуло рукой.

— Если и так, то очень сильная.

— Бесплезная вещь. Пустая забава. Предшественник моего учителя создал ее, когда искал способ заточить человеческую душу в зеркале, чтобы старый король мог жить вечно после телесной кончины. Это все, что получилось.

Улла посмотрела на свое отражение. Зеркальная девушка улыбнулась. Неудивительно, что окружающие ее избегали. В лице Уллы из зеркала было нечто коварное, как будто за сомкнутыми губами скрывался лишний ряд зубов.

— И все-таки впечатляет, — наконец выдавила она.

— Неудачный опыт. У отражения нет души, нет искры сознания. Оно способно лишь повторять. Новый король выставляет зеркало на потеху гостям. Его выносят в главный зал, на балу сама увидишь. Кстати, можешь поболтать сама с собой, если есть желание.

Против такого соблазна Улла не устояла.

— Здравствуй, — робко промолвила она.

— Здравствуй, — отозвалась девушка в зеркале.

— Кто ты?

— Кто *ты*?

Опять та же коварная усмешка. Улле показалось, или эти слова прозвучали с другой интонацией?

Она взяла негромкую ноту — просто ноту, без всякой магии. Отражение открыло рот и спело в унисон. Улла звонко рассмеялась от восторга, а девушка смущенно покраснела.

— Видимо, меня так же легко развлечь, как и гостей короля, — заметила Улла.

Губы отражения дрогнули.

— Все любят новизну.

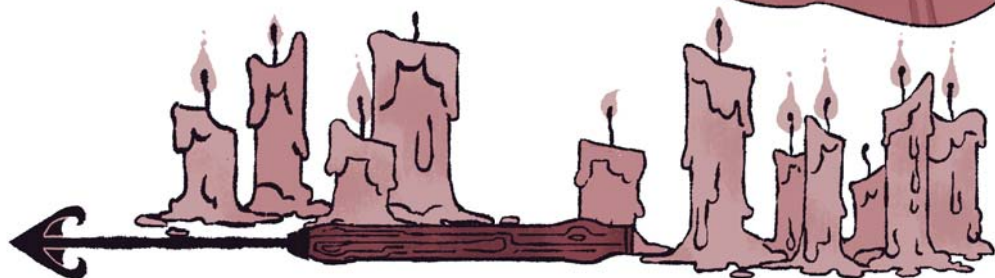
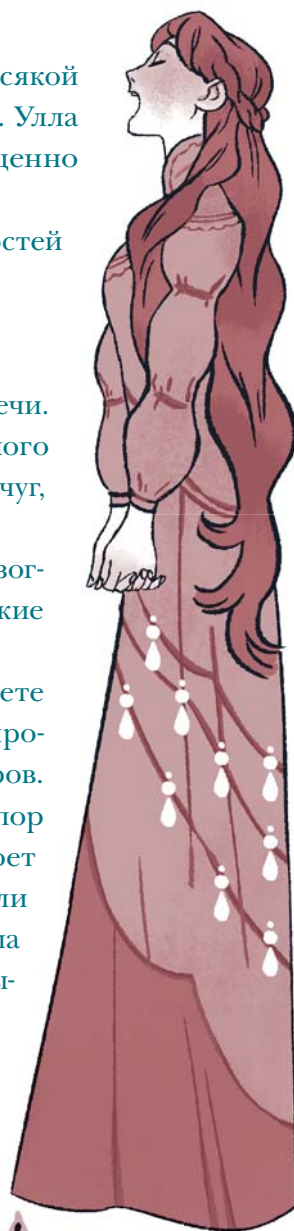
Юноша устремил взгляд в зеркало, расправил плечи. Теперь они с Уллой стояли бок о бок — почти одного роста, с черными волосами, блестящими, словно жемчуг, поднятый с морских глубин.

— Посмотри-ка, — сказал он, и его отражение изогнуло бровь. — Кто-то может подумать, что мы — близкие родственники.

Он прав, поняла Улла. Дело было не только в цвете волос и стройности обеих фигур. Явное сходство прослеживалось и в форме лица, и в четкости контуров. Улла коснулась пальцами затылка, точно до сих пор ощущала, как мать туго-претуго затягивает косы, поет свою тоскливую песнь, от которой вянут водоросли в саду, и заставляет дочь сожалеть о сделанном. Юноша в черном предлагал Улле разгадку, жемчужину в открытой раковине. Стоило лишь протянуть руку.

Она промолчала.

— Зачем ты здесь, в Зёндермейне? — спросил он, и его отражение в зеркале выжидающе замерло, словно тоже хотело услышать ответ.

Улла провела большим пальцем по столу. Девушка в зеркале быстро-быстро заморгала и показалась ей какой-то уж слишком растерянной.

— Решила насладиться прохладой, — небрежно промолвила она. — А ты приехал учиться?

— Нет, — сказал ученик прорицателя. Серые глаза его отражения сузились. От голоса повеяло ледяным холодом. — Я приехал *охотиться*.

В морских глубинах мелкие создания выживают, если при приближении хищника успевают скрыться. Каждой клеточкой своего тела Улле хотелось спрятаться, забиться в темную щель, лишь бы избежать этого взгляда. Но здесь, на суше, прятаться было некуда, да и не пристало сильдройрам отступать перед людьми. У Уллы есть песня, а он — всего лишь смертный.

Она подняла глаза и заставила себя выдержать взгляд чужака.

— Тогда желаю удачной охоты, — спокойно промолвила Улла. — И легкого улова.

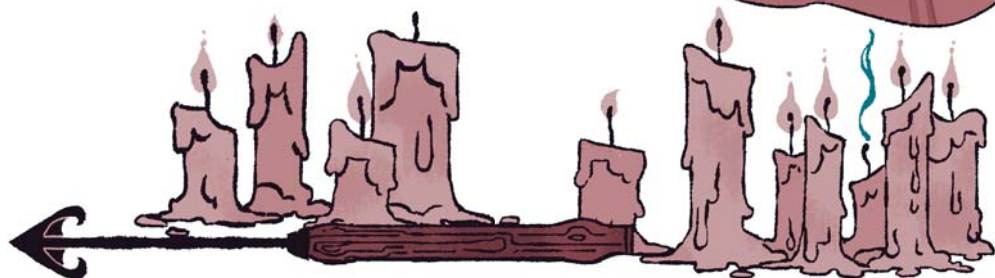
Он улыбнулся — той же коварной, опасной улыбкой, которую она видела у собственного отражения в зеркале. Улла пришла за ответами, но с чего она решила, будто этому мальчишке что-то известно о ней? Она уже убедилась, что его расплывчатые слова — всего лишь пустая приманка, поэтому лучше всего сейчас же уйти. Кроме того, Улла с давних пор умела распознать невыгодную сделку. Даже если этот странный человек владеет некими секретами, они не стоят той цены, которую он за них потребует. С этими мыслями

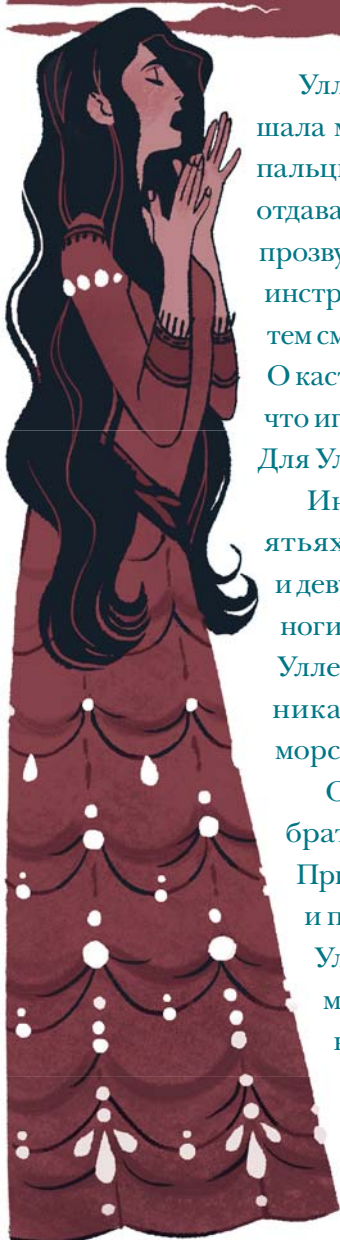
Улла развернулась и, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, начала спуск по длинной спиральной лестнице.

* * *

Несмотря на туманные угрозы ученика прорицателя, пока что Улла чувствовала себя счастливой. Как и другие сильдройры. Каждый развлекался по-своему: Роффе предавался всем возможным порокам, Сигне страдала, но глушила боль, утешаясь с вереницей человеческих любовников. Улла тоже получала наслаждение, но иначе: удалялась в лесную глушь, подальше от нетерпеливого стука ретивых сердец, туда, где зеленые сосны поднимались, точно стены величественного собора, а воздух был напоен запахом теплой смолы. Она наблюдала за оленями и бобрами, пачкала губы ягодным соком, провожала солнце на закате и смотрела, как утром оно вновь встает, чтобы расцветить мир.

По вечерам она вместе с остальными веселилась на пиршествах; видела, как терзается Сигне, как очаровывает всех подряд Роффе и каким вниманием пользуются пятеро его златовласых братьев. Красота, открывшаяся в Улле на земле, приносила ей драгоценности и любовные поэмы. Под дверями своей комнаты она находила букеты цветов, а один раз даже получила предложение руки и сердца. Прекрасную русалку ничто не трогало, беспрестанное восхищение смертных утомляло, но в их глазах эта холодность лишь делала ее еще более привлекательной.

Улла часами сидела в опустевшем бальном зале и слушала музыку, исполняемую людьми; смотрела, как их пальцы перебирают струны лютни и водят смычком; отдавалась на волю ритмичного боя барабанов, пока не прозвучит последняя нота. В легендах рассказывалось об инструментах, зачарованных сильдройрами, — подарках тем смертным, которые удостоились их благосклонности. О кастаньетах, что придавали танцору грации, и арфах, что играли сами по себе, стоило смазать струны кровью... Для Уллы же не существовало ничего, кроме музыки.

Иногда по ночам, когда Сигне не утешалась в объятиях любовника, она приходила в комнату Уллы, и девушки шутливо возились под простынями, сплетая ноги и руки, смеясь и согревая друг друга. В такие ночи Улле не снились отец с матерью, хищная улыбка ученика прорицателя или холодное безмолвие синей морской глубины.

Однако со временем пылкость Роффе остыла, а его братья сделались недоверчивыми и скрытными. Принцы реже развлекались в компании земных девиц и проводили много времени в Башне прорицателей. Улла знала: они роются в книгах, пытаются изучить магию смертных, ищут подарок для отца, который навсегда изменит их судьбы.

Чем сильнее мрачнел Роффе, тем более капризной и непредсказуемой становилась Сигне. Она постоянно накручивала свои рыжие локоны на беспокойные пальцы и нервно кусала губы, пока на них не выступали крохотные рубиновые капельки крови.

— Прекрати, — в постели шептала ей Улла, промокая кровь рукавом своей ночной сорочки. — Твои терзания ему не помогут. Он что-нибудь придумает, время еще есть.

— И как только придумает, сразу призовет тебя.

— Нас обеих.

— Но песнь сочиняешь ты, — Сигне прижалась жарким лбом ко лбу Уллы. — Ты ему нужна.

— Сильную песнь мы сможем спеть лишь вместе.

Из глаз Сигне полились слезы, голос дрогнул.

— Когда он поймет, каким великим даром ты наделена, то захочет на тебе жениться, а я останусь ни с чем.

Улла прижала подругу к груди, жалея, что не может вытрясти из ее головы эти глупые мысли. Ни одна из них не годится в принцессы, сколь бы ни сильна была магия их песен.

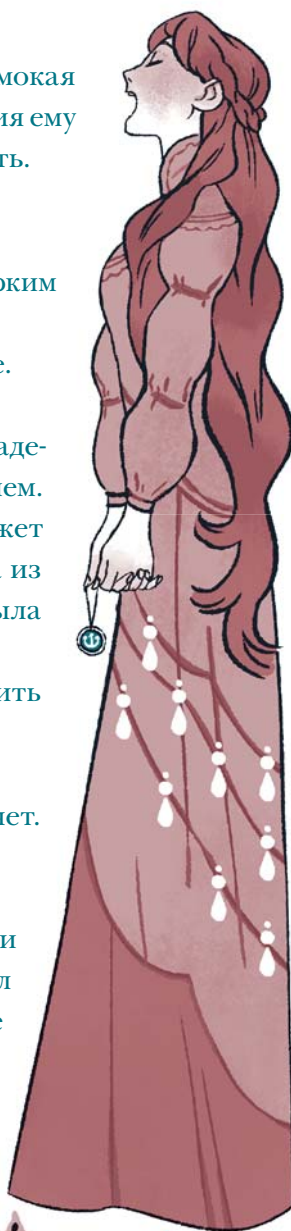
— Я никогда не предам тебя. И я не желаю выходить за него замуж.

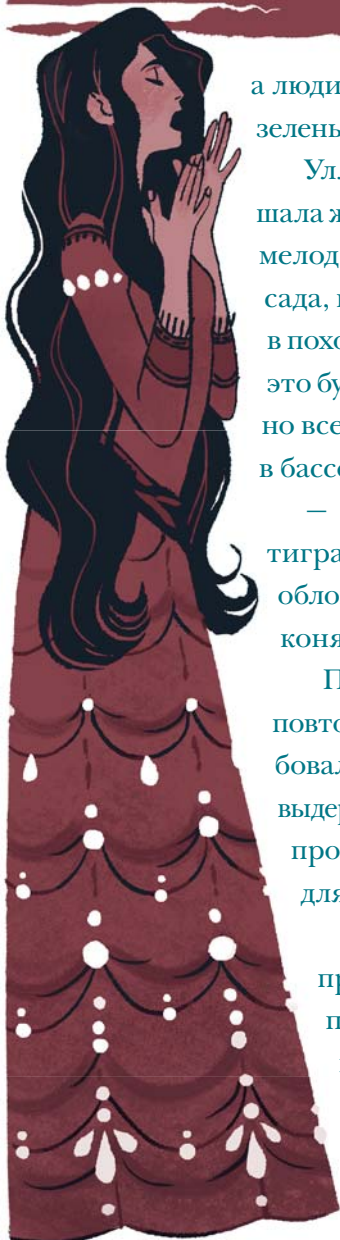
Сигне горько рассмеялась в темноте.

— Он принц, Улла, и всегда получает то, чего хочет.

* * *

Тонкие пальчики Сигне словно запустили стрелки невидимых часов: на следующий же день Роффе подошел к Улле. Их разговор произошел вечером, на террасе с видом на сады, после неспешного раннего ужина, на который подали рулет из птицы с каштанами под апельсиновым соусом. Кувшины с охлажденным мараскином уже опустели, слуги убрали со стола,

а люди и сльдройры дремали в беседках, густо увитых зеленью, либо резвились в лабиринте из живой изгороди.

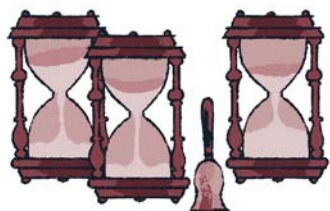
Улла стояла на краю террасы, смотрела вдаль и слушала жужжание пчел. В ее сознании уже выстраивалась мелодия песни, которая превратит часть подводного сада, возведенного ею и Сигне для королевской семьи, в похожий лабиринт с бассейном в центре. Разумеется, это будет лишь обман зрения, копия земных фонтанов, но все же, если встроить в мелодию сильный образ, то в бассейне заплещется рыбка.

— Я хочу преподнести отцу что-нибудь наподобие тигра, которого подарил Рундстром, — заявил Роффе, облокотившись на перила рядом с Уллой. — Например, коня. Или огромную ящерицу, если такая найдется.

Подаренный королю тигр вошел в историю, однако повторить чудо было непросто. Сухопутного зверя требовалось заколдовать так, чтобы он дышал под водой, выдерживал холод и подчинялся хозяину. Тигр Рундстрема прожил в море чуть меньше года — достаточный срок для того, чтобы на трон взошел средний сын короля.

— Тебе нужно что-то более впечатляющее, — промурлыкала Улла, нежа под солнцем обнаженные плечи, — иначе твой подарок будет выглядеть жалким подражанием.

— Калле и Эдвин уже сделали свой выбор — во всяком случае, так они говорят. А я все еще сомневаюсь. Подарить эликсир силы? Птицу, поющую под водой?

Улла насмешливо фыркнула — эту манеру она переняла у людей.

— Да какая разница? Зачем тебе вообще быть королем?

— Уж кто-кто, а ты должна бы меня понимать.

Неугомонная Улла. Возможно, она его и понимала. Песнь соединила двух одиноких девушек узами дружбы. Внимание принца позволило выделиться. Что даст этому принцу корона?

— Ты хочешь все оставшиеся дни проводить на заседаниях совета? А ночи — в бескончаемых ритуалах? — Улла слегка толкнула Роффе плечом. — Да ты раньше полудня не просыпаешься.

— Для государственных дел есть советники.

— Король не может во всем полагаться на советников.

— Король ни перед кем не склоняет головы, — промолвил Роффе, устремив взгляд на что-то, чего Улла не видела. — Король сам выбирает свой путь. Свою жену.

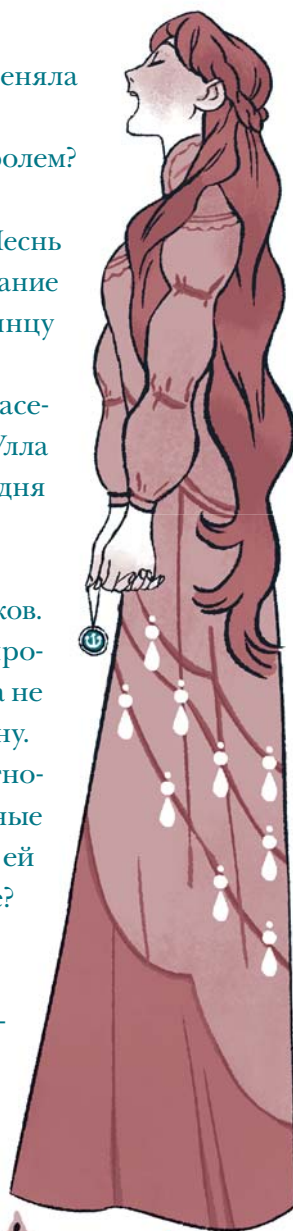
Улла неловко переступила с ноги на ногу. На мгновение ей захотелось стать невесомой, нырнуть в соленые объятия моря. Неужели принц собирается сделать ей то самое предложение, которого страшилась Сигне?

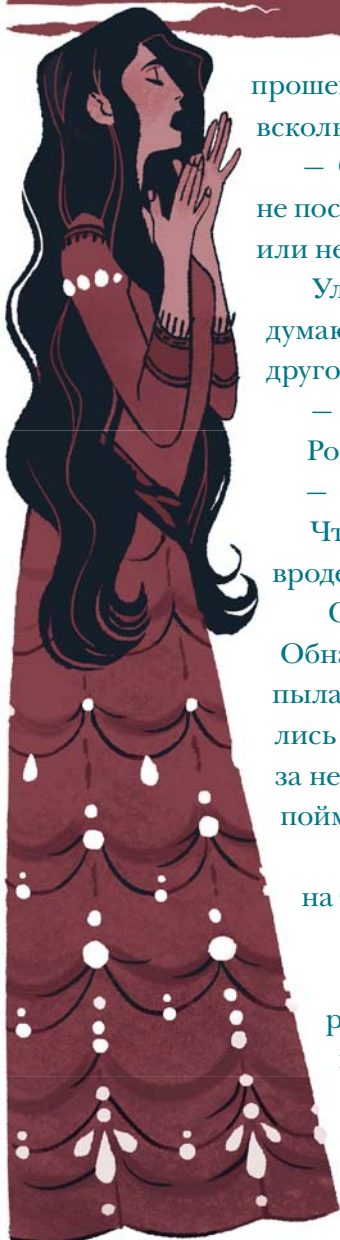
— Роффе... — начала она.

Словно уловив ее смущение, он продолжил:

— Король сам подбирает свиту. Назначает придворных певцов.

Как все просто у принцев! С какой легкостью они говорят о том, чего не вправе решать. И все же, когда Роффе склонил к ней голову, точно собираясь

прошептать на ухо нежные слова, в душе Уллы невольно всколыхнулось заветное желание.

— О, я мог бы возвысить тебя, Улла. Больше никто не посмел бы говорить дурное о твоём происхождении или непутевой матери.

Улла вздрогнула, как от пощечины. Знать, о чем думают окружающие, — это одно, а услышать — совсем другое.

— Сплетни никогда не прекратятся.

Роффе слабо улыбнулся.

— Зато станут гораздо тише.

Что даст принцу корона? Что даст король девушке вроде нее?

Снизу, из садового лабиринта, донесся смех Сигне. Обнаружить ее не составляло труда: рыжие волосы пылали, словно огонь в печи, боевым флагом развевались за ее спиной. Юноша, один из смертных, гнался за ней по дорожкам лабиринта. Сигне позволила ему поймать себя и развернуть лицом.

— Ты хочешь поразить воображение отца и взойти на трон?

— Сама знаешь, что да.

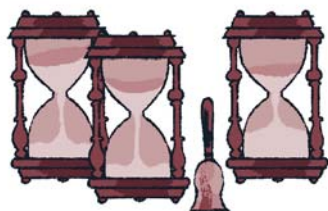
Сигне запрокинула голову и широко развела руки. Кудри обрамляли ее лицо, словно живое пламя.

Улла кивнула.

— Тогда принеси ему огонь.

* * *

Улла пожалела о своих словах, едва они сорвались с губ, однако с той самой минуты

принц не мог думать ни о чем другом. Роффе перестал волочиться за земными красавицами и все свое время проводил в Башне прорицателей, забывая про еду и питье.

— Он доведет себя до безумия, — сказала Сигне однажды ночью, когда девушки ежились от холода в постели.

— Вряд ли у него хватит на это целеустремленности, — возразила Улла.

— Не будь злокой, — пожурела Сигне.

— Я вовсе не злока, — сказала Улла и решила, что не солгала.

— Может быть, в подарок королю подойдет зеркало?

Улла рассказывала подруге о необыкновенном зеркале и комнате, полной странных предметов.

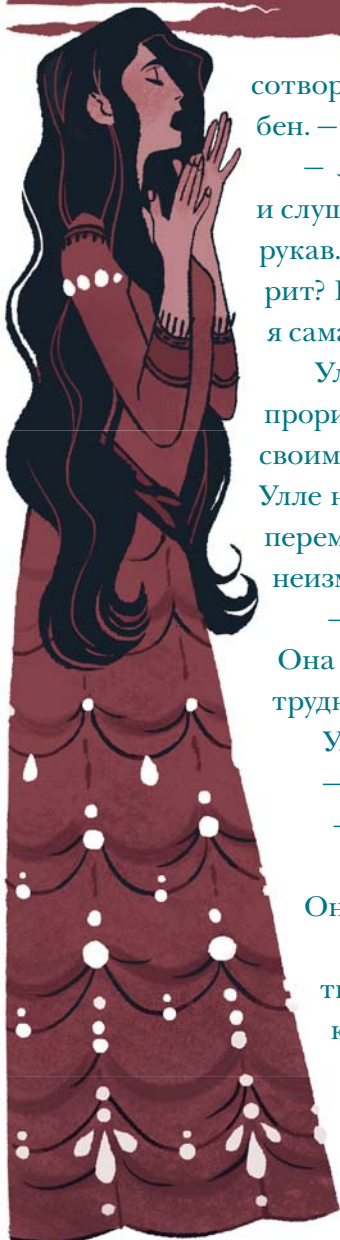
— Это его развлечет. — «Ненадолго», — добавила она про себя.

— Роффе день и ночь думает об огне. И зачем только ты навела его на эту мысль!

«Потому что он заставил меня мечтать о недостижимом», — подумала Улла, а вслух произнесла:

— Он спросил — я ответила. Сам должен понимать, что это невозможно. — Да, чтобы на время сделать сухопутное существо пригодным к жизни под водой, нужна сильная магия, однако она по сути не отличается от чар, позволяющих сильдройрам ходить по земле. А вот взяться за стихию, заставить огонь гореть там, где для него нет топлива... Для этого требуется магия гораздо мощнее, нежели песнь, которая

сотворила чертог-наутилус. На такое никто не способен. — Роффе должен изменить решение.

— Я так ему и сказала, — волновалась Сигне. — Но он и слушать не хочет. — Она осторожно потянула Уллу за рукав. — Может, королевский прорицатель его отговорит? Или ученик прорицателя. Ты ему понравилась, я сама видела.

Улла поежилась. С той встречи в башне ученик прорицателя оставил ее в покое. Казалось, он был занят своими делами и, тем не менее, постоянно попадался Улле на глаза — сидел ли молча подле своего учителя, перемещался ли по замку, черная клякса его одеяний неизменно скользила из тени в тень.

— Поговори с ним, — настаивала Сигне. — Прошу. — Она стиснула пальцы Уллы. — Ради меня. Неужели трудно просто поговорить? Что в этом плохого?

Улла подозревала, что плохого очень даже много.

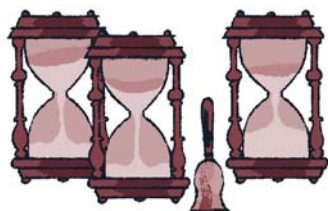
— Посмотрим.

— Улла...

— Посмотрим, — повторила Улла и отвернулась. Она больше не хотела смотреть на Сигне.

Тем не менее, когда подруга запела колыбельную, тихую и нежную, Улла не могла не присоединить к ней свой голос. Песня мягко лилась, окутывая их теплым мерцанием, поднимаясь и опускаясь плавными волнами.

Кто первым заснул, Улла не помнила, помнила только свой сон. Она стояла в центре садового лабиринта, в огненной мантии, парализованная

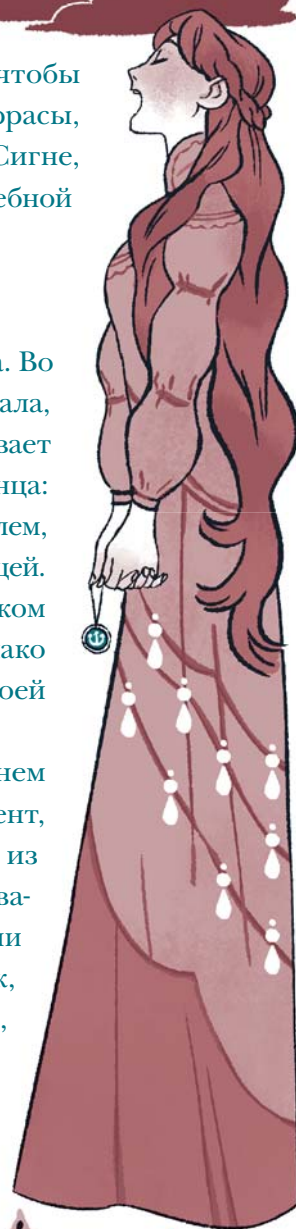

страхом, не в силах пошевелиться. Открыла рот, чтобы закричать, но не произнесла ни звука. На краю террасы, с раскинутыми, словно для полета, руками стояла Сигне, и рыжее пламя ее волос было скрыто под белой свадебной фатой.

* * *

Дни неумолимо шли. Одержимость Роффе росла. Во взгляде Сигне все сильнее сквозил упрек. Улла понимала, что от разговора с учеником прорицателя ее удерживает лишь страх. Она правильно истолковала намек принца: если огонь вспыхнет под водой и сделает Роффе королем, то он, в свою очередь, назначит Уллу придворной певицей. Ей следует хотя бы попытаться переговорить с учеником прорицателя. Возможно, этот человек и опасен, однако упускать даже малейший шанс на осуществление своей мечты — еще опаснее.

Юношу Улла нашла в читальном зале на нижнем этаже Башни прорицателей — застала его в тот момент, когда он укладывал книги в простую сумку. Одна из книг, в кожаном переплете, была совсем ветхой; вываливающиеся страницы были испещрены причудливыми каракулями, отличавшимися от аккуратных строчек, которые Улла видела в других фолиантах. Впрочем, для нее любые записи выглядели бессмысленной вязью. В углу обложки она рассмотрела что-то похожее на оленьи рога. Ученик прорицателя резко захлопнул сумку.

— Уезжаешь? — замерев в дверях, Улла не сумела скрыть удивленного облегчения. Все, что от нее теперь требовалось, — немного мужества.

— Никогда не задерживаюсь долго на одном месте. Интересно, почему? Совершил какое-то злодеяние?

— Ты пропустишь бал...

Губы юноши тронула слабая улыбка.

— Я равнодушен к танцам.

Однако Улла отважилась на эту встречу не ради пустой болтовни. Она нервно поджала пальцы в туфлях. Ей не оставалось ничего другого, кроме как спросить напрямик.

— Я ищу... Мне нужен огонь, который может гореть под водой.

Взгляд серых глаз ученика пронзил ее, как булавка — туловище бабочки.

— И какая же тебе в нем польза?

— Пользы никакой. Просто пустяк, безделица вроде зеркала. Скромный подарок королю.

— А-а, — задумчиво протянул юноша. — Которому из них?

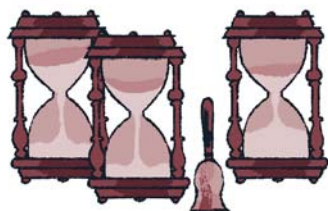
Улла промолчала.

Ученик прорицателя застегнул пряжки на сумке.

— Идем, — сказал он, — я дам тебе два ответа.

— Два? — переспросила она, следуя за ним вверх по винтовой лестнице.

— Первый ответ — на вопрос, что ты задала, второй — на тот, что следовало задать.

— И о чем же я должна была спросить? — Улла сообразила, что юноша ведет ее в комнату, полную странных предметов.

— О том, почему ты отличаешься от своих соплеменников.

Улла похолодела. Внутри у нее растеклась тьма — черная, чернее океанских глубин, — однако она продолжала идти за своим провожатым.

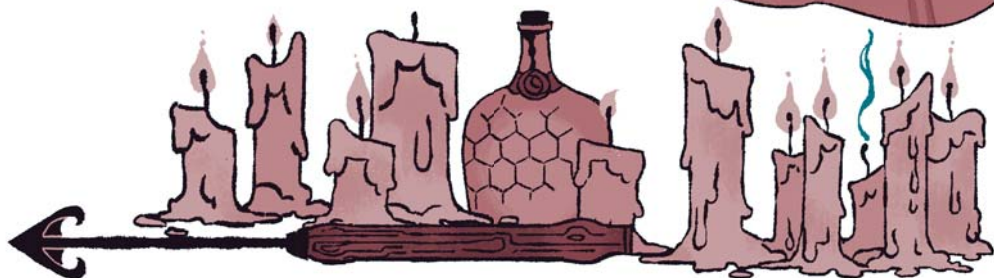
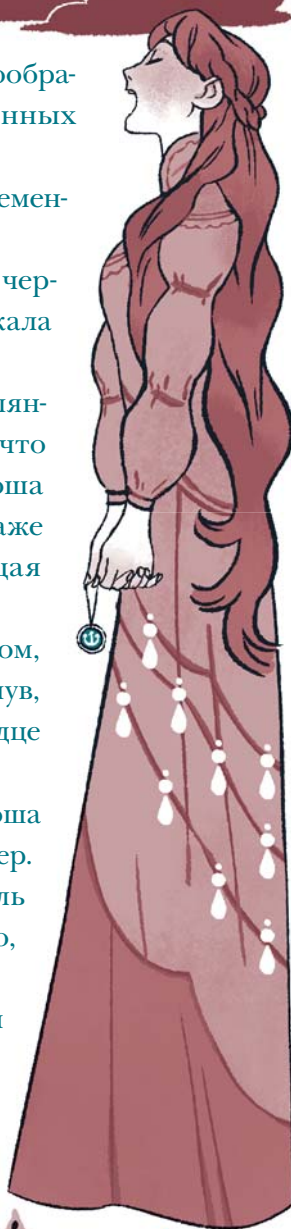
Когда ученик прорицателя открыл дверцу стеклянного шкафа рядом с зеркалом иллюзий, она решила, что тот потянется за священным ножом, однако юноша достал колокольчик, которого Улла в первый раз даже не заметила. Он был размером с яблоко, блестящая поверхность потускнела от времени.

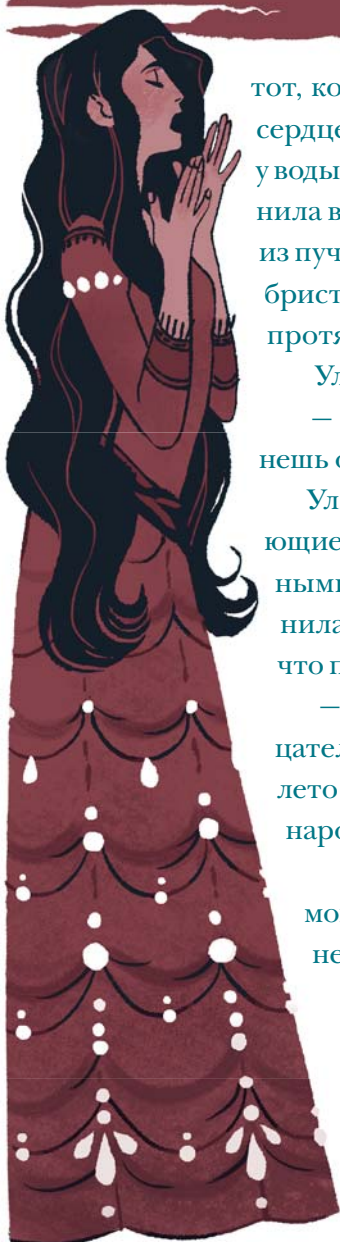
Ученик прорицателя поднял руку с колокольчиком, раздался высокий серебристый звон, и Улла, вскрикнув, схватилась за грудь. Мышцы свело судорогой, а на сердце как будто сомкнулись чьи-то пальцы.

— Я тебя помню, — глядя на Уллу, повторил юноша слова, произнесенные им на балу в самый первый вечер.

— Этого не может быть, — прошептала она. Боль почти лишила ее дара речи и утихла лишь после того, как смолк звон колокольчика.

— Знаешь, почему так силен твой голос? — спросил ученик прорицателя. — Потому, что ты родилась на земле, на земле сделала свой первый вдох и испустила первый младенческий крик. А потом моя мать — *наша* мать — взяла колокольчик, подаренный твоим отцом,

тот, который он вложил ей в руку, узнав о ребенке под сердцем. Она пошла на берег моря, встала на колени у воды и опустила колокольчик в морские волны. Позвонила в него — раз, два, три! Через несколько мгновений из пучины на поверхность выплыл твой отец, чей серебристый хвост был изогнут, точно лунный серп. Он протянул руки и унес тебя с собой на глубину.

Улла изумленно качала головой. *Нет, это невозможно.*

— Посмотри в зеркало, — приказал юноша. — Станешь отрицать очевидное?

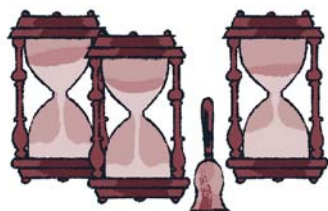
Улла вспомнила длинные пальцы матери, заплетающие ей косы, — сперва аккуратно, затем с раздраженными рывками, словно в приступе омерзения. Вспомнила отца, его ярость и предупреждения о соблазнах, что поджидают сильдройр на суше. *Так не должно быть.*

— Я помню тебя, — снова повторил ученик прорицателя. — Ты родилась с русалочьим хвостом. Каждое лето я приезжал сюда, чтобы понаблюдать за морским народом, и все ждал, не появишься ли ты.

— Нет, — твердо сказала Улла. — *Нет.* Люди не могут рождать потомство от сильдройр. Моя мать не может быть смертной.

Юноша едва заметно пожал плечами.

— Она не совсем смертная. В этой стране ее назвали бы «дрюсье» — ведьмой. Как и меня. Мы имеем дело с самой простой магией — предсказываем будущее по звездам, гадаем на костях, но истинную силу стараемся людям не показывать. Твой народ это хорошо знает.

Нет, упрямо верещал тоненький испуганный голосок в голове, не может быть! Но другой голос, коварный и знающий, нашептывал: Ты всегда отличалась от остальных, и похожей на них тебе не стать. Черные волосы. Черные глаза. Сила голоса.

Это неправда. А если... Если все-таки правда, то у нее и этого юноши одна мать. Знал ли отец Уллы, что девушка, с которой он предавался утехам, — ведьма? Что ему придется заплатить за свое легкомыслие и каждый день взирать на его плоды? А что же приемная мать Уллы, сильдройра? Не могла родить мужу собственного ребенка? Поэтому она качала маленькую уродку в колыбели, кормила, пыталась полюбить? Она меня любит. Снова этот голос, теперь уже гладкий, вкрадчивый. Любит, любит.

Боль внутри Уллы, прежде рассеянная, сплелась в тугой комок.

— И что же, твоя мать-ведьма ни разу не вспомнила о младенце, которого отдала морю?

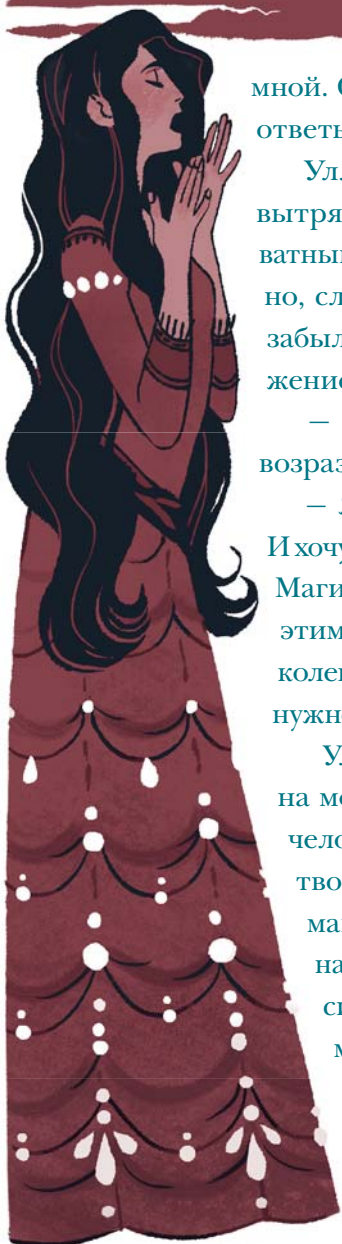
Ученика прорицателя ее злые слова не тронули.

— Она не из тех, кто разводит сантименты, — невозмутимо отозвался он.

— Где она? — жестко спросила Улла. Сейчас мать должна была бы явиться сюда, объяснить, как все произошло, раскаться.

— Далеко на юге. Кочует с сулийцами. Я увижусь с ней еще до того, как переменится ветер. Едем со

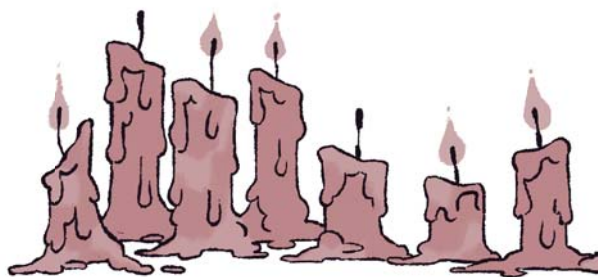
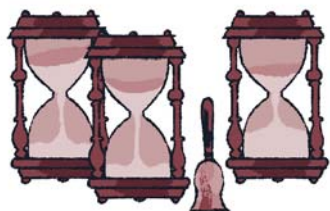
мной. Сама обо всем ее спросишь, если считаешь, что ответы тебя утешат.

Улла вновь замотала головой, как будто хотела вытряхнуть из нее новую тайну. Колени вдруг стали ватными. Она схватилась за край стола, пытаясь устоять, но, словно от звона колокольчика, ее ноги внезапно забыли, зачем нужны. Улла повалилась на пол, и отражение в зеркале сделало то же самое.

— Ты же говорил, что приехал охотиться, — слабо возразила она.

— Я слышал, в здешних водах водятся мягкие кораллы. И хочу своими глазами увидеть ледяного дракона. Знание. Магия. Шанс выковать мир заново. Я приехал за всем этим. И за тобой. — Ученик прорицателя опустился на колени рядом с Уллой. — Оставайся со мной. Тебе не нужно возвращаться в океан. Не нужно жить среди них.

Улла ощутила на губах соленую влагу слез, похожую на морскую воду. Выходит, она плачет? Совсем как человек. Ей казалось, она рассыпается на части, растворяется. Слова юноши подействовали на нее, как магические чары, как удар секирна, разрубающий надвое. Ей уже не быть единым, цельным существом, сильдройрой или смертной. Море никогда не примет ее полностью, ведь земное происхождение лежит на ней позорным пятном. И этого никак не изменить, не исправить. Узнав, что темные слухи о ней вовсе не слухи, а правда, сильдройры

изгонят ее, а то и убьют. Однако... если она наберет достаточную силу, ей не придется бежать. Если Улла даст шестому сыну короля то, чего он жаждет, и Роффе займет трон, он сумеет ее защитить. Она станет недосягаемой. Незаменимой. Время еще есть.

— Огонь, — промолвила Улла. — Скажи мне, что нужно делать.

Ученик прорицателя вздохнул и покачал головой, затем поднялся на ноги.

— Ты прекрасно знаешь, что для этого потребуется. Ты создаешь противоположную стихию. Чтобы огонь горел под водой, через определенные промежутки времени его необходимо воссоздавать.

Трансформация. Сотворение. Больше, чем иллюзия.

— Магия крови, — прошептала Улла.

Юноша кивнул.

— И крови одного лишь морского народа мало.

Сердце Уллы сжалось от страха. На суше у сильдройр было несколько строгих запретов. Они могли веселиться в обществе смертных, разбивать их сердца, похищать секреты или сокровища, но не имели права отнимать жизнь. *Помните, что существа эти очень хрупкие. Не проливайте человеческую кровь.* На земле морской народ и без того имел над людьми большую власть.

— Нужна кровь смертных? — Даже произнести эти слова вслух уже казалось Улле преступлением.

— Не только кровь. — Брат склонился над ее ухом и шепотом перечислил ингредиенты, необходимые для сотворения чар.

Улла оттолкнула его, кое-как поднялась с пола. Внутри все переворачивалось. Лучше бы она не слышала слов, что он произнес!

— Значит, этому не бывать, — сказала Улла. Она проиграла. Роффе проиграл. Все просто и ясно. Она вытерла слезы и разгладила юбки, мечтая, чтобы вместо них была чешуя. — Принц не обретет счастья.

Ее брат засмеялся и дотронулся до серебряного колокольчика, стоявшего на столе.

— Мы рождены не для того, чтобы угождать принцам.

Ты родилась на земле... На земле сделала свой первый вдох и испустила первый младенческий крик.

Да, и с тех пор продолжает мысленно кричать. Ей не нужны ответы — ни о тайне ее рождения, ни о составляющих магии крови. Не нужна эта башня с кучей рассыпающихся от ветхости книг и награбленных сокровищ. Улла выбежала из комнаты и устремила вниз по лестнице.

А потом раздался звон колокольчика, серебряный и громкий, крючком вонзившийся в ее сердце. Мышцы Уллы напряглись, она против воли повернула назад. Колокольчик звал к себе — так же, как звал когда-то ее отца.

Улла схватилась за дверной косяк, не позволяя ногам-предателям вести ее обратно. Оглянулась. Ученик прорицателя с едва заметной усмешкой поставил колокольчик в шкаф, прервав его жуткое звучание. Улла почувствовала, как мускулы расслабляются, боль уходит. Юноша закрыл стеклянную дверцу шкафа.

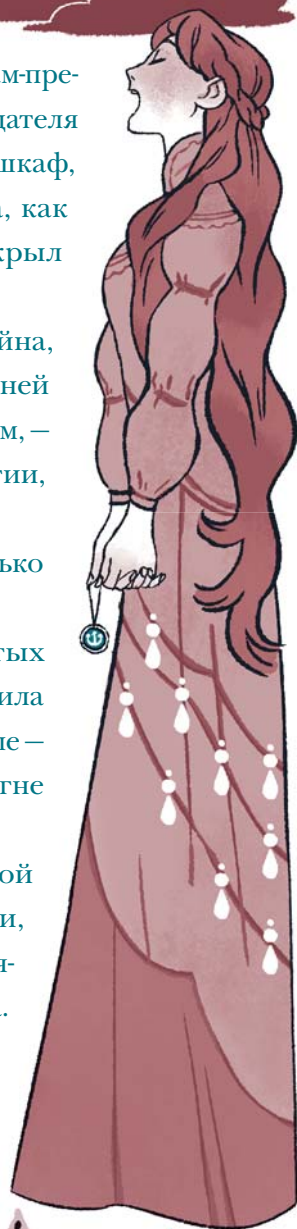
— Мне пора, — сказал он. — Меня ждет своя война, долгая война. Я, как и ты, не совсем человек, и жизнью у меня впереди много. Подумай над моим предложением, — тихо прибавил ученик прорицателя. — Нет такой магии, которая бы заставила их полюбить тебя.

Такая магия есть, хотелось возразить Улле, только ей она не под силу.

Она развернулась и побежала прочь. На крутых ступеньках споткнулась, но успела схватиться за перила и удержалась на ногах. Едва вздохнув, понеслась дальше — к морю, так нужному ей сейчас, к Сигне. Однако Сигне не оказалось ни в комнате, ни в саду.

Наконец Улла отыскала подругу в музыкальной галерее. Положив голову на плечо смертной девушки, Сигне слушала игру молодого музыканта на серебряной арфе. При виде Уллы она вскочила со своего места.

— Что стряслось? — обеспокоенно спросила Сигне. Взяв Уллу за руки, она вывела ее на каменный балкон. — Что, что такое?

Далеко внизу волны разбивались о берег. Соленый бриз разметал волосы Уллы. Она стояла молча и лишь тяжело дышала.

— Улла, прошу тебя! — взмолилась Сигне. Она потянула Уллу за рукав и усадила на мраморную скамейку, ножки которой были вырезаны в форме резвящихся дельфинов. — Отчего ты плачешь?

Но теперь, когда рука Сигне тепло обнимала ее плечи, что могла сказать Улла? Если Сигне отшатнется от нее, выкажет хоть малейшее отвращение, она этого не вынесет. Ее сердце будет разбито.

— Сигне, — начала она, вперив взгляд в синюю гладь океана. — Что, если... слухи обо мне оказались бы правдой? Что, если я сильдройра лишь наполовину, а на другую половину — смертная? Дрюсье. Ведьма.

Сигне недоверчиво рассмеялась.

— Не глупи, Улла! Никто и никогда в это не верил. Те, кто так говорил, были обычными злыми детьми.

— Так ты не хочешь отвечать?

— Ох, Улла, Улла, — мягко пожурила Сигне, укладывая ее голову себе на колени. — Что за блажь взбрела тебе в голову? Откуда эти горькие слезы?

— Сон, — пробормотала Улла. — Мне приснился дурной сон.

— Всего-то? — Сигне принялась тихонько напевать умиротворяющую мелодию, вплетая ее меж фальшивых нот арфиста.

— Ответь мне, — настойчиво прошептала Улла.

Сигне ласково провела рукой по шелковым волосам подруги.

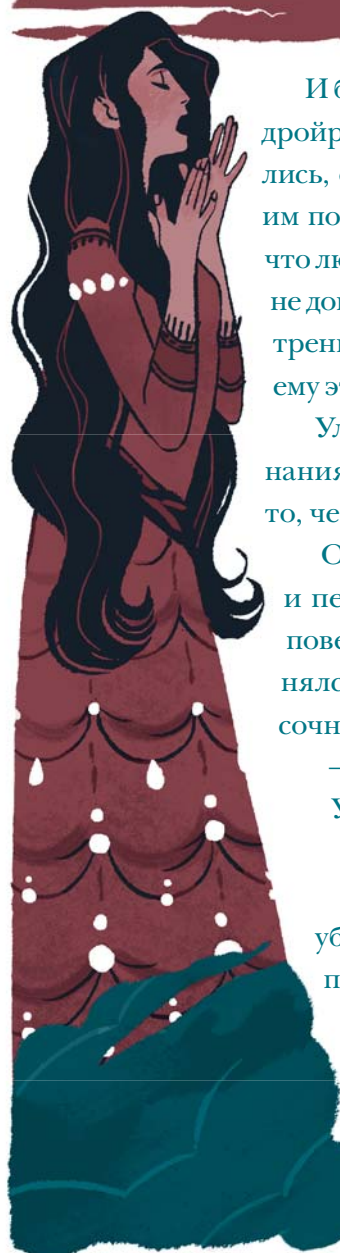
— Да будь ты хоть наполовину человеком, наполовину жабой, мне неважно. Ты — моя неудержимая Улла. Всегда была и будешь.

Так они сидели еще долго; музыкант перебирал струны арфы, Улла плакала, а над вечной, неизменной равниной моря носился холодный ветер.

* * *

Вечером Улла не пошла на ужин вместе с Сигне и вместо этого отправилась к утесам, а затем углубилась в лес, где ветерок качал ветви сосен, и они как будто бы шептали: «Ш-ш-ш, тише, тише». Платье Уллы измялось, туфли были испачканы травяной зеленью, в душе царило смятение. Она могла бы уехать с учеником прорицателя — своим братом, увидеть родную мать. Но ведь это означает навсегда расстаться с морем? На берегу сильдройрам дозволено находиться три месяца и не более. Чем дольше они задерживаются на суше, тем сильнее рискуют обнаружить перед смертными свою магическую силу или связать себя узами, разорвать которые будет непросто. Именно поэтому три месяца длится действие чар, наложенных на хвосты и жабры. Возможно, на Уллу эти правила не распространяются, поскольку она сильдройра только наполовину, но кто знает?

И будет ли ее жизнь на суше безопасной? Пускай сильдройры считали Уллу не такой, как все, и даже сторонились, однако, по крайней мере, ее магический дар был им понятен. Ученик прорицателя, напротив, говорил, что люди относятся к магии с опаской. При этом он даже не догадывался, на какие чудеса способна ее песнь. Внутреннее чутье подсказывало Улле, что, пожалуй, лучше ему этого и не знать.

Улла вспомнила о составляющих элементах заклинания и поежилась. Она не сможет дать Рофффе и Сигне то, чего они хотят. Никто на свете не сможет.

Однако же, когда она встретила принца в саду и передала ему слова ученика прорицателя, он не повесил головы и не признал поражения. Рофффе принялся напряженно ходить туда-сюда, топча сапогами сочную зелень.

— Это вполне осуществимо.

Улла села на траву в тени ольхи.

— Нет, не осуществимо.

— В дворцовых тюрьмах полно преступников — убийц, которых так и так ждет виселица. Мы не причиним никому вреда.

На эту ложь Улла покупаться не собиралась.

— Нет.

— Тебе не придется марать руки. — Рофффе опустился перед ней на колени, словно в мольбе. — Только сплети чары, и все.

И все? Можно подумать, это так просто!

— Роффе, я не могу.

Он положил руки ей на плечи.

— Я всегда был твоим другом, Улла, правда? Неужели я тебе совсем безразличен?

— Нет, не безразличен. Настолько, что я хочу удержать тебя от злодейства.

— Представь, как изменится наша жизнь. Только подумай, чего ты могла бы добиться! Вместе мы выстроим новый дворец, новый концертный зал. Я сделаю тебя придворной певицей, ты соберешь свой собственный хор!

Мечта, которую Улла лелеяла так долго... Для нее нет места ни на земле, ни в море, но Роффе открывает перед ней дверь. Предоставляет возможность выковать мир заново. Иметь в распоряжении хор — все равно что иметь собственную армию. И тогда никто уже не осмелится бросить ей вызов.

Стремление к цели настойчиво скреблось и царапалось в душе Уллы, точно зверек с когтистыми лапками. Почему нет? Почему нет? — твердил тоненький голосок. Безопасность, почет, шанс вознестись к величию. Каких высот мастерства она достигнет, какую музыку будет создавать! Ее ждет блестящее будущее... если только она пойдет на риск и заплатит кровавую цену.

— Нет, — сказала Улла, нащупав внутри прочную якорную цепь. Главное теперь — удержаться. — Я не пойду на эту сделку.

Роффе нахмурился. Несколько недель, проведенных на солнце, позолотили его кожу, высветлили волосы. Внешне он напоминал капризного кудрявого мальчугана, готового броситься на пол в приступе истерики.

— Чего ты хочешь, Улла? Назови свое желание, и я его исполню.

Она почувствовала страшную усталость, закрыла глаза.

— Я хочу домой, Роффе. Хочу ощутить покой воды, ее вес. Хочу, чтобы ты отказался от этой затеи и перестал до смерти пугать Сигне.

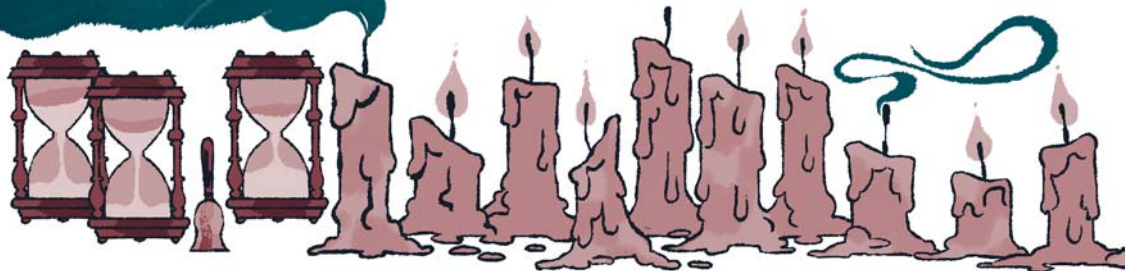
Последовала долгая тишина. Когда Улла наконец взглянула на принца, тот покачивался на каблуках и наблюдал за ней, слегка наклонив голову набок.

— Я мог бы сделать Сигне моей королевой, — изрек он.

В это мгновение Улла пожалела, что в то первое свое выступление перед Роффе они не выбрали другую, более скромную песнь, что возвели королевские сады и вообще явились во дворец. Хитрец Роффе. Ей следовало догадаться — он не примет отказ так просто. Стало быть, сердечная тайна Сигне ему давно известна и он наслаждался ровным, теплым светом ее любви? Умело его поддерживал?

— Ты хоть любишь ее? — спросила она.

Роффе пожал плечами и встал, отряхнув со штанин травинки. Солнечные лучи, падающие сзади, озарили кудри принца сиянием.

— Я люблю вас обеих, — промолвил он. — Но ради того, чтобы отнять корону у братьев, я готов разбить и твое, и ее сердце.

«Я не пойду на это, — поклялась Улла, глядя вслед Роффе. — Он меня не заставит».

Но Роффе был принцем, и Улла ошиблась.

* * *

В ту ночь во сне к Улле пришли начальные ноты заклинания. Она ничего не могла с собой поделать. Роффе не получил ее согласия, но в голове уже складывался мотив, и как она его ни прогоняла, он все равно пробивался в сознание. Улла проснулась, рассеянн мурлыча; в груди разлилось саднящее тепло. Она взрастит огонь у себя внутри и выпустит наружу с дыханием. А что потом? Можно ли перенести его на какой-то предмет?

Нет.

Полностью пробудившись, Улла села в кровати и попыталась отогнать эхо песни и восхитительную притягательность вопросов, рожденных подсознанием. Она не может выполнить просьбу Роффе. Риск чересчур велик, цена слишком высока.

Но за завтраком Роффе сам наполнил бокал Сигне водой, не позволив сделать это слуге. За обедом он угостил ее долькой апельсина, который собственноручно очистил от кожуры. А когда они спустились к ужину, принц отвернулся от своей спутницы,

девушки из смертных, и провел весь вечер, развлекая Сигне, да так, что она рыдала от смеха.

Игра, которую он затеял, была тщательно продуманной. Роффе позаботился о том, чтобы за столом его сажали рядом с Сигне. На охоте он тоже ехал бок о бок с ней. Осыпал дождем сияющих улыбок — поначалу робко, как будто не надеялся на взаимность, хотя Улла знала, что застенчивость эта — хитрая уловка. Теперь Роффе смотрел на Сигне так, как раньше смотрела на него она. Позволял ей заметить его взгляды. Всякий раз при этом щеки Сигне вспыхивали румянцем, и все сильнее крепла затаенная вера. Мало-помалу, шаг за шагом, при помощи тысячи мелких жестов Роффе заставил Сигне поверить, что влюблен в нее, а Улле оставалось только наблюдать со стороны.

Ночью накануне большого бала, последнего перед возвращением сильдройр в море, Сигне скользнула под одеяло к Улле, светясь надеждой, которую принц в ней заронил.

— Когда мы прощались, он коснулся губами моего запястья, — поделилась радостью она и сама поцеловала то место, где под кожей выступали синие вены и бился пульс. — А потом взял мою ладонь и приложил к своему сердцу.

— Ты уверена, что ему можно доверять? — спросила Улла так аккуратно и осторожно, будто пыталась удержать на месте треснувшее стекло.

Сигне в гневе отстранилась, прижимая поцелованную руку к груди, словно талисман.

— Как ты можешь такое говорить!

— Ты не из знатного рода...

— В этом-то и есть магия! Для него это не важно. Он устал от благородных девиц. Ах, Улла, я ведь и надеяться не смела, что он выберет меня из всех прочих.

— Ну, конечно, — пробормотала Улла. — *Конечно.*

Сигне со счастливым вздохом хлопнулась на подушки, обхватив тонкими руками лоб, точно в приступе головной боли.

— Прямо не верится... Неужели он в самом деле решил взять меня в жены? — Она поболтала изящными ступнями, как делают люди, барахтающиеся в воде. В этот момент Сигне была красива как никогда.

Улла ощутила горечь во рту.

— Думаешь, из меня получится сносная принцесса? — полюбопытствовала Сигне.

Роффе, Роффе. Такой обаятельный. Принц оказался гораздо умнее, чем предполагала Улла. Если она выполнит его просьбу, Сигне получит все, о чем мечтала, или, по крайней мере, иллюзию этого. Если же Улла откажется, Роффе разобьет сердце ее подруги, и та не вынесет удара. Покуда Сигне любила принца на расстоянии, это был один расклад, но как далеко она зашла теперь, когда он позволил ей проявить чувства?

Плотина рухнула, натиск воды уже не сдержать. А значит, все решено.

— Принцесса-то из тебя выйдет сносная, а вот королева — просто превосходная.

Сигне стиснула руки Уллы.

— Ты говорила с учеником прорицателя? Нашла заклинание огня?

— Песнь. Но она будет сложной и очень опасной. Сигне чмокнула подругу в щеку.

— Для тебя нет ничего невозможного!

«И я сделаю все, чтобы тебя защитить», — мысленно поклялась Улла. *Сделка заключена.*

* * *

На следующий день радостная Сигне попросила Уллу наколдовать для нее бальное платье, со смехом прибавив, что наряды смертных ей больше не нужны.

Улла молилась, чтобы Роффэ сделал подругу счастливой. Пускай великим королем ему не стать, по крайней мере, он хитер. Кроме того, Улла всегда будет находиться рядом и следить, чтобы он не нарушил уговор. Теперь-то ей известно, что она не просто сильдройра, что в ее жилах течет еще и кровь ведьмы. Роффэ подарит Сигне титул королевы и станет обращаться с ней подобающим образом, не то Улла обрушит своды дворца прямо на его монаршую голову.

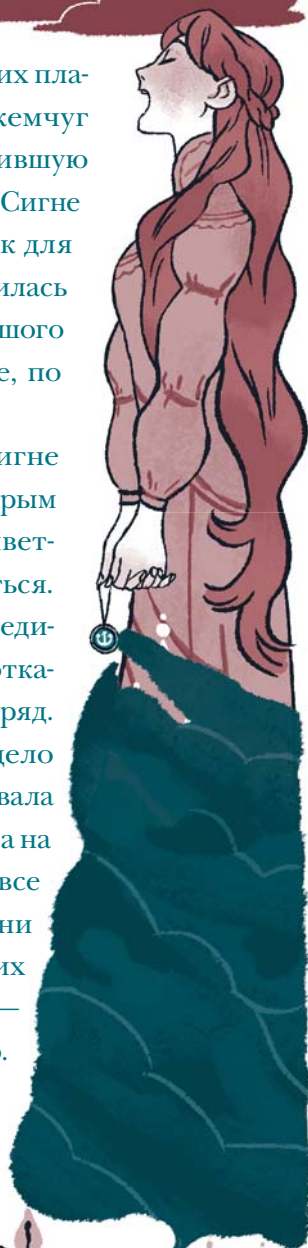

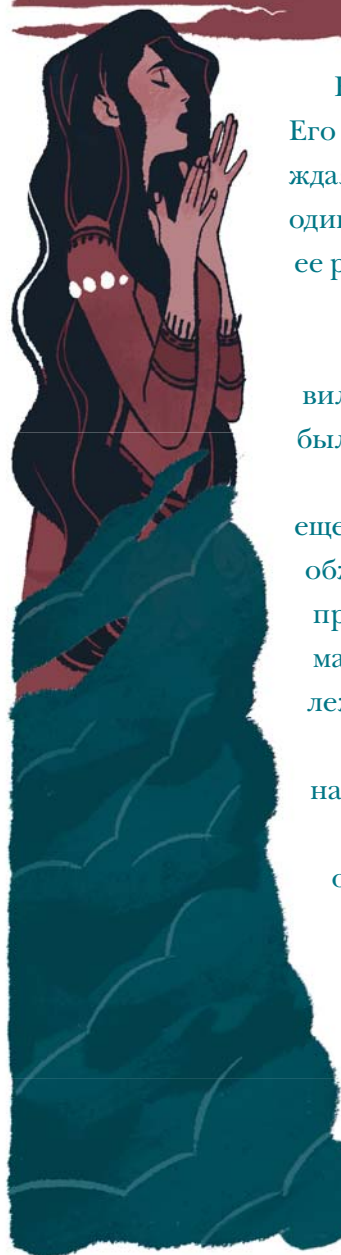
Сигне принесла Улле одно из своих человеческих платьев. Перерыв сундуки, они выбрали лучший жемчуг и блески, а потом вместе соткали песнь, прикрепившую украшения к платью цвета огненной меди, в котором Сигне выглядела, словно живой пожар — удачный намек для Роффе. Сделав все, что было в ее силах, Улла отправилась в сад и нарвала там ирисов. Из них, да еще из небольшого лоскутка шелка она пропела себе лиловое платье, по подолу расшитое золотом.

Поднимаясь по широкой лестнице, Улла и Сигне миновали площадку с чудесным зеркалом, перед которым уже гримасничали гости. Отражения девушек приветственно помахали им, затем принялись охорашиваться.

Войдя в огромную бальную залу, подружки присоединились к общему торжеству. В этот вечер Улла не отказывала ни одному кавалеру и танцевала со всеми подряд. Туфель она не надела, и ее легкие ножки то и дело показывались из-под платья, когда она лихо отплясывала на мраморном полу. Однако визг скрипок и испарина на теле не вызывали у нее удовольствия. Несмотря на все дива этого мира, Улла невероятно устала как от жизни на суше, так и от постоянного бремени человеческих страстей. Она тосковала по морю, по своей матери — той, которую знала, по тишине и незыблемому покою.

Она была бы рада вернуться прямо сейчас, до полуночи, но на земле еще осталось дело — то самое, что решит их судьбы.

Никто, кроме Уллы, не заметил, как исчез Роффе. Его братья продолжали пить вино и танцевать, наслаждаясь последней ночью на берегу. И вот часы пробили одиннадцать. Улла отыскиала в толпе Сигне и коснулась ее разгоряченной спины.

— Пора, — шепнула она.

Рука об руку они покинули бальную залу и направились в комнату Уллы, у дверей которой их должен был ожидать принц.

Переменившуюся атмосферу Улла почувствовала еще с порога. Несмотря на тоску по дому, она успела обжиться в этой комнате и по-своему ее полюбить, привыкла к запахам камня и воска, душистому аромату сосен далеко внизу. А сейчас на ее постели что-то лежало. Или кто-то.

При свете луны Улла разглядела распростертое на простынях тело.

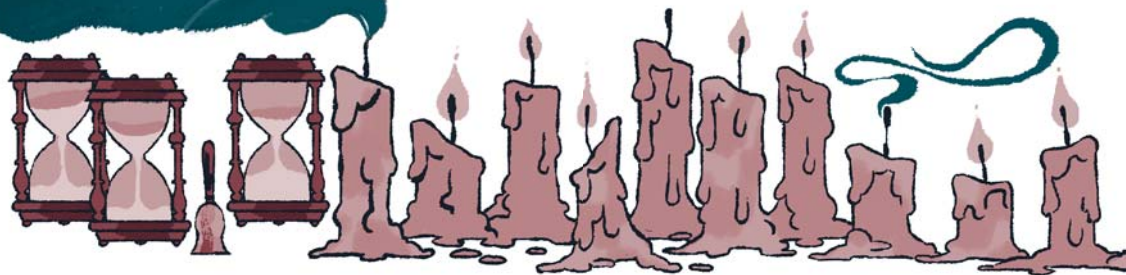
— Не хоч, чтобы это произошло здесь, — сказала она.

— У нас мало времени, — бросил Роффе.

Улла приблизилась к кровати, и внутри у нее все сжалось.

— Он совсем юн, — промолвила она.

Руки и ноги лежащего связывали веревки, грудь ритмично вздымалась и опадала, рот был слегка приоткрыт.

— Он — убийца, приговоренный к повешению. Можно сказать, мы оказываем ему милость.

Он умрет безболезненно и тихо, без зрителей. Избежит мучительного ожидания в тюремной камере, подъема на эшафот под свист и улюлюканье толпы. Разве это не милость?

— Ты опоил его сонным зельем? — спросила Сигне.

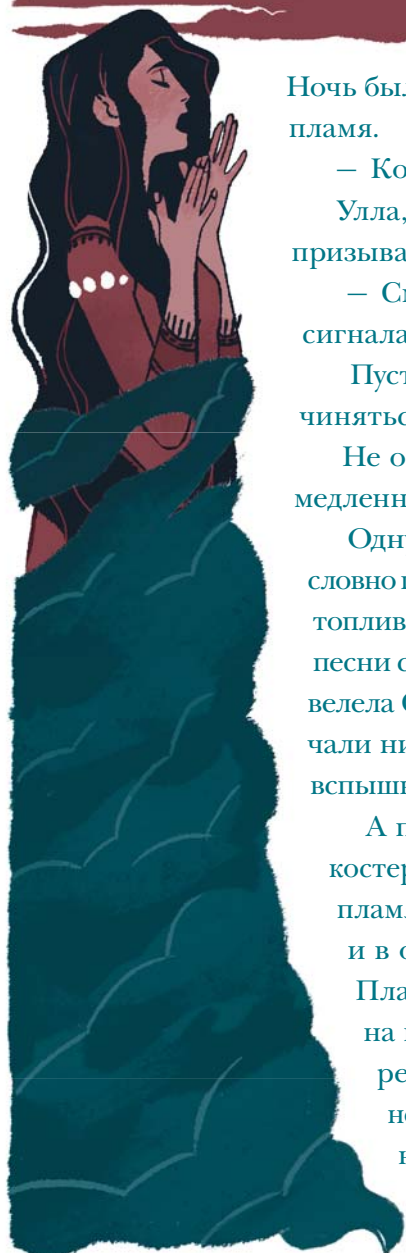
— Да, но он придет в себя. Час возвращения близок. Надо спешить.

Улла заранее предупредила, что для огня понадобится сосуд из чистого серебра. Из шкафа у окна Роффе достал прямоугольный серебряный фонарь, на одной из сторон которого был вырезан трезубец — герб королевского рода. Почти все было готово.

Улла многократно проговаривала заклинание про себя, пропевала отдельные отрывки, прежде чем сплести все части воедино. Честно признаться, этот мотив звучал в голове Уллы с того самого мгновения на террасе, когда она упомянула об огне в разговоре с принцем. Роффе принудил ее согласиться, но прямо сейчас, в эту самую минуту, какая-то часть Уллы постыдно замирала от восторга, предвкушая невероятное действие.

Она опустилась на колени перед камином и поставила в него серебряный фонарь. Сигне устроилась подле нее. Улла разожгла белые березовые щепки.

Ночь была жаркой, однако для ритуала требовалось пламя.

— Когда мне... — начал Роффе.

Улла, не оборачиваясь, вскинула ладонь, жестом призывая его умолкнуть.

— Смотри на меня, — сказала она. — Жди моего сигнала.

Пусть Роффе и принц, но сегодня он будет подчиняться ее приказам.

Не опуская руки и не сводя глаз с камина, Улла медленно запела.

Одну за другой она выплетала простые фразы, словно подкармливала огонь в камине разнообразным топливом. Мелодия звучала по-новому, отличаясь и от песни созидания, и от песни исцеления. Улла знаком велела Сигне вступать. Их объединенные голоса звучали низко, напряженно, как чирканье огнива, как вспышка и сухой треск искр.

А потом песнь взвилась, словно занявшийся костер. Улла уже ощущала его — теплый свет внутри, пламя, которое она с выдохом перенесет в фонарь и в один яркий миг сотворит несколько судеб. Платой за это станет жизнь человека, лежащего на кровати. Незнакомца. Совсем юного, почти ребенка. Но, по большому счету, разве они все не дети? Улла держала мелодию, отгоняя ненужные мысли. «Этот мальчишка — убийца», — напомнила она себе.

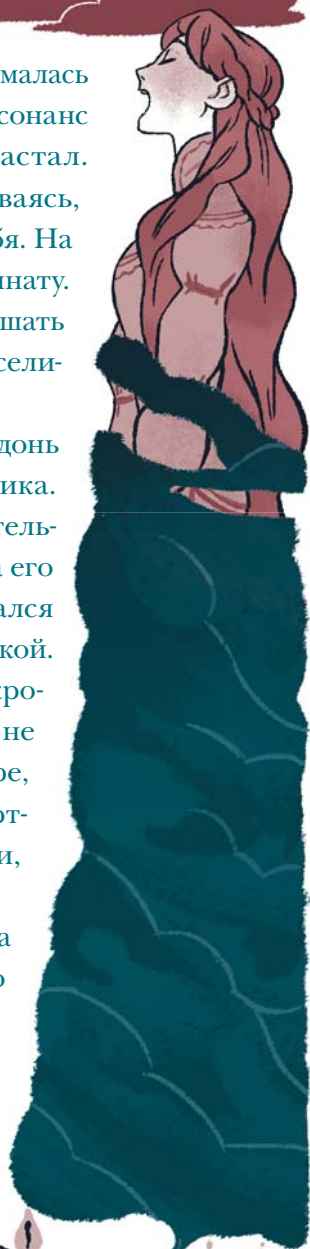

Убийца. Она цеплялась за это слово, а песнь поднималась все выше, пламя в груди разгоралось все ярче, диссонанс усиливался, внутренний жар нестерпимо нарастал. «Убийца», — про себя повторила Улла, уже сомневаясь, кого имеет в виду — молодого преступника или себя. На лбу выступил пот. Песнь полностью заполнила комнату. Теперь она звучала так громко, что ее могли бы услышать за дверью, но все обитатели замка были внизу — веселились и танцевали на балу.

Резкое крещендо. Решающий момент настал. Ладонь Уллы упала, точно знамя поверженного противника. Даже сквозь мощь голосов она расслышала омерзительный чавкающий удар. Юноша вскрикнул — ото сна его пробудил клинок, вонзившийся в грудь. Послышался сдавленный стон — видимо, Роффе зажал ему рот рукой.

Испуганный взгляд Сигне скользнул в сторону кровати. Улла приказала себе не смотреть, и все же не удержалась. Обернувшись, она увидела спину Роффе, который вершил свое черное дело, нависнув над жертвой. Плечи принца казались чересчур широкими, серый плащ походил на звериную шкуру.

Улла вновь перевела взор на огонь и продолжила петь. По щекам ее струились слезы; она знала, что все вместе они пересекли грань и вторглись на земли, откуда могут не вернуться. Однако ей пришлось увидеть, как Роффе опустился на колени у камина и скормил огню пару свежих, розовых человеческих легких.

Вот что требовалось для заклинания. Дыхание. Огню требовался воздух так же, как людям. Ему нужно чем-то дышать под водой.

Рыжие языки сомкнулись над влажной плотью, сердито шипя и плюясь. Магический жар в груди Уллы ослаб. На миг она подумала, что оба костра сейчас потухнут, но тут раздался громкий треск, и пламя в камине взревело, словно обрело собственный голос.

Улла отлетела назад, подавляя крик: огонь, пожиривший ее внутренности, рвался наружу — через легкие, через глотку. Что-то пошло не так? Или же эта дикая боль — часть магии сотворения? Глаза Уллы закатились. Сигне потянулась к ней, но в страхе отпрянула: огонь играл под кожей певицы, гулял по рукам, делая ее похожей на светящийся бумажный фонарик. Запахло паленым; Улла поняла, что загорелись волосы.

Хриплый вой, который она испустила, влился в песнь. Пламя извергалось из ее рта в серебряный сосуд. Сигне плакала. Роффе стоял, стиснув окровавленные кулаки.

Улла не могла замолчать, не могла оборвать песню. Она умоляюще схватила Сигне за руку, и та захлопнула дверцу серебряного фонаря. Повисла мертвая тишина. Улла рухнула на пол.

Она слышала, как подруга зовет ее, и пыталась ответить, но боль была невыносима. Губы

Уллы покрылись волдырями, в горле продолжало жечь, все тело сотрясало в конвульсиях.

Принц взял фонарь в руки. Контуры фамильного герба, трезубца, озаряло золотистое сияние.

— Роффе, — обратилась к нему Сигне, — ступай в балльную залу, приведи остальных. Мы должны спеть песнь исцеления. В одиночку я не справлюсь.

Однако принц ее не слушал. Взяв с туалетного столика таз для умывания, он облил фонарь водой. Ровное пламя даже не дрогнуло.

Улла застонала.

— *Роффе!* — рявкнула Сигне, и от гнева, прозвучавшего в ее голосе, частичка сердца Уллы ожила. — Нам нужна помощь!

Часы пробили середину часа. Роффе как будто очнулся.

— Пора возвращаться домой, — сказал он.

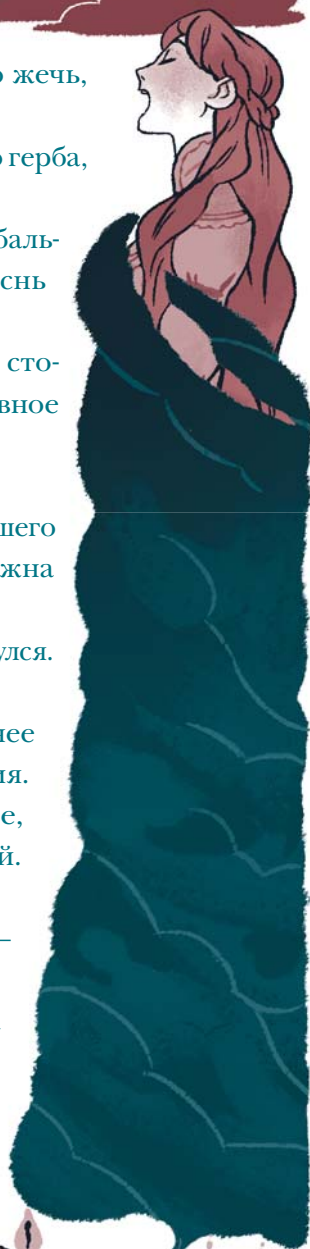
— Она слишком слаба, — возразила Сигне. — У нее не хватит сил, чтобы исполнить песнь превращения.

— Ты права, — медленно проговорил Роффе, и сожаление в его голосе стало для Уллы встряской. Ее пронзил страх.

— Роффе, — проскрежетала она. «Что я наделала? — пронеслось у нее в голове. — Что я наделала?»

— Прости, — выдохнул он. Есть ли на свете слова страшнее этих? — Фонарь будет только моим подарком.

Несмотря на раздирающую боль, Улле стало смешно.

— Никто... не поверит... что ты сам... сотворил... чары.

— Сигне будет моим свидетелем.

— Ни за что! — яростно бросила Сигне.

— Мы скажем, что пропели эту песнь вместе, ты и я, что фонарь — символ нашей любви. Что я — достойный король, а ты — достойная королева.

— Ты забрал человеческую жизнь... — прохрипела Улла. — Пролил кровь смертного...

— В самом деле? — Из складок плаща он извлек секиру Уллы. Большую часть крови Роффе стер, однако на лезвии кое-где остались алые полоски. — Это ты лишила жизни невинного пажа, бедного мальчика, который застал тебя за черной волшбой.

Нevinного. Улла покачала головой, и в горле вновь вспыхнула саднящая боль.

— Нет, — простонала она. — Нет.

— Ты же говорил, что он преступник! — негодуя воскликнула Сигне.

— Ты все знала, — посмотрел на нее Роффе. — Вы обе знали. Вы такие же ненасытные, как я, просто боялись посмотреть в глаза собственному тщеславию.

Сигне яростно замотала головой, а Улла задумалась. Почему ни одна из них не присмотрелась к нежным ладоням юноши, к его чистому лицу? Обе так стремились к цели, что поло-

жились на Роффе, охотно предоставив ему выполнить самую грязную работу?

Роффе швырнул секиру к ногам Уллы.

— Она не сможет вернуться. Священный клинок теряет силу от соприкосновения с человеком. Теперь он бесполезен.

— Ты не можешь так поступить, Роффе, — всхлипывала Сигне, — не посмеешь.

Принц опустил на колени, и свет фонаря позолотил его волосы, оттенил океанскую синеву глаз.

— Сигне, что сделано, то сделано.

Только теперь Улла поняла. Это ведь Сигне попросила ее открыть сундук, чтобы подобрать жемчуг для платья.

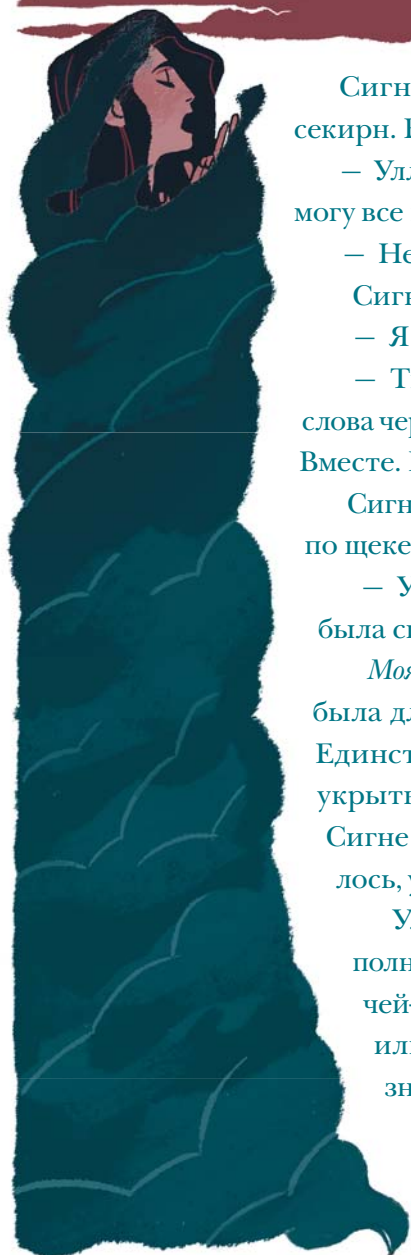
— Почему? — с трудом выдавила она. — Сигне, почему?

— Он сказал, секиру нужен, чтобы ты не передумала. На всякий случай. Чтобы сохранить твою верность.

«О, Сигне, — глаза Уллы наполнились слезами, — Я всегда была верна, только не ему».

— Итак, что сделано, то сделано, — повторил Роффе. — Можешь оставаться здесь и жить в изгнании, а когда люди узнают о вашем злодействе, разделить наказание с Уллой. Или... — принц пожал плечами, — возвращайся в море и будь моей невестой. Знаю, это жестоко. Но короли порой должны проявлять жестокость. И моя королева тоже должна быть жестокой.

— Сигне, — прошептала Улла. — Звук этого имени жег сильнее любого огня. — Прошу тебя...

Сигне зарыдала еще сильнее, орошая слезами секирн. Ее пальцы коснулись оскверненного лезвия.

— Улла, — пробормотала она сквозь всхлипы, — я не могу все потерять.

— Не все. Не все.

Сигне покачала головой.

— Я слишком слаба для этой борьбы.

— Ты сильная. — Улла с трудом проталкивала слова через обожженную глотку. — Вдвоем мы сильны. Вместе. Как прежде... как всегда.

Сигне провела прохладными костяшками пальцев по щеке подруги.

— Улла... Моя неудержимая Улла. Я никогда не была сильной, и ты это знаешь

Моя неудержимая Улла. Она наконец осознала, чем была для Сигне все это время. Опорой, защитой. Единственным утесом, за которым Сигне могла укрыться от шторма. Пока свирепствовала буря, Сигне льнула к ней, а теперь, когда море разгладилось, уплывала прочь, к другой гавани. Бросала ее.

Улла ощутила чудовищную усталость. Боль полностью ее вымотала. *Отдохни*, прозвучал в ушах чей-то голос. Материнский? Матери-сильдройры или матери-ведьмы, которой Улла никогда не знала? Той, что отдала новорожденную дочь на

милость волн. Если Сигне так легко предала ее, тогда, наверное, не стоит и цепляться за эту жизнь.

Улла поклялась защищать Сигне и выполнила клятву. Это что-то да значит. Она отпустила руку подруги — последний жест привязанности. В конце концов, из них двоих сильнее Улла.

— Оставь мне нож, — тяжело дыша, прокаркала она в надежде на то, что смерть поглотит ее подобно морской пучине.

Однако вместо того, чтобы протянуть ей секирн, Сигне вопросительно посмотрела на Роффе, и в конечном итоге именно этот взгляд обрек на гибель весь Зёндермейн. Улла могла простить предательство, еще один разрыв, даже собственную смерть. Но не эту минуту, когда она, принеся такие жертвы, умоляла о милосердии, а Сигне спрашивала на то разрешения принца.

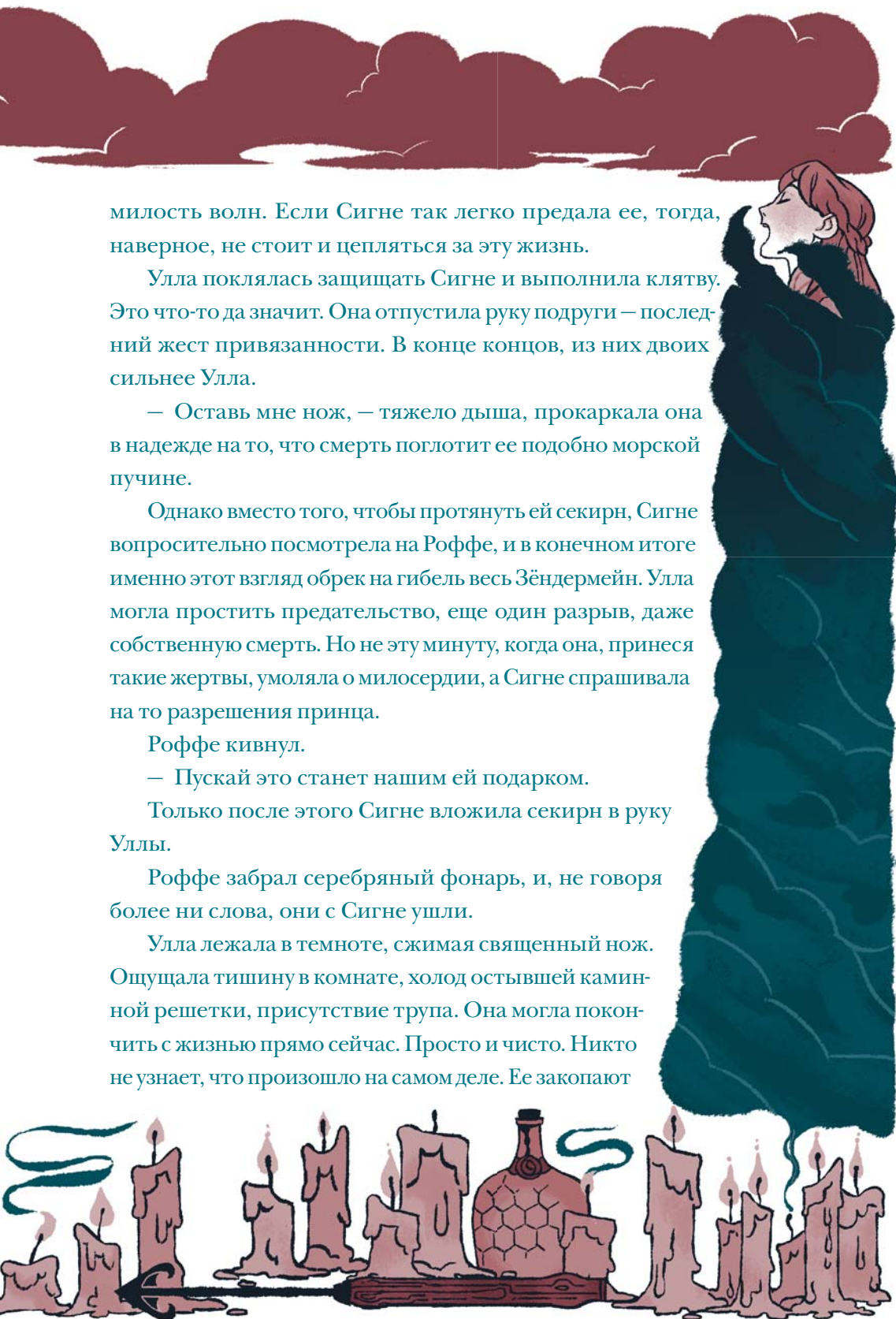
Роффе кивнул.

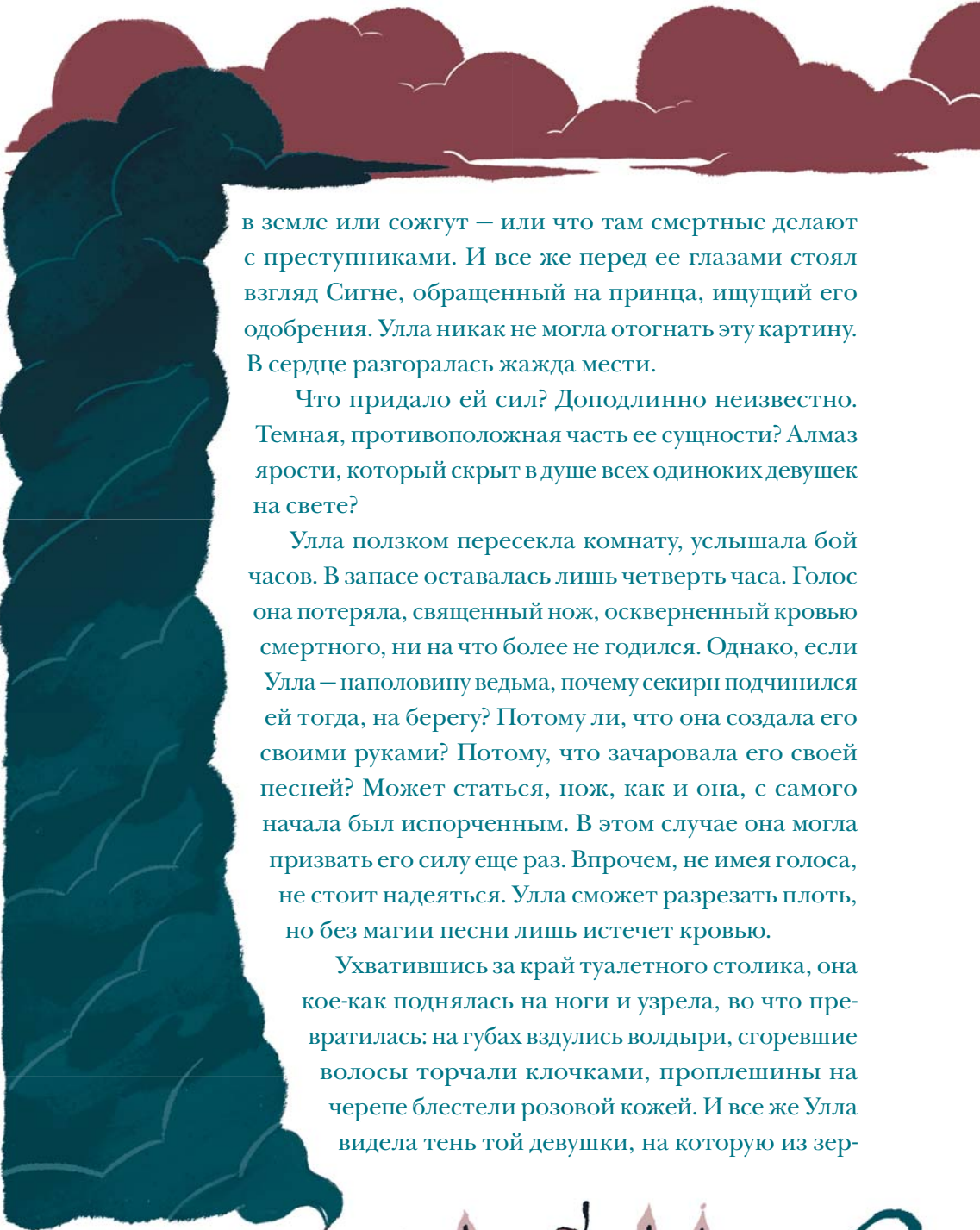
— Пускай это станет нашим ей подарком.

Только после этого Сигне вложила секирн в руку Уллы.

Роффе забрал серебряный фонарь, и, не говоря более ни слова, они с Сигне ушли.

Улла лежала в темноте, сжимая священный нож. Ощущала тишину в комнате, холод остывшей каминной решетки, присутствие трупa. Она могла покончить с жизнью прямо сейчас. Просто и чисто. Никто не узнает, что произошло на самом деле. Ее закопают

в земле или сожгут — или что там смертные делают с преступниками. И все же перед ее глазами стоял взгляд Сигне, обращенный на принца, ищущий его одобрения. Улла никак не могла отогнать эту картину. В сердце разгоралась жажда мести.

Что придало ей сил? Доподлинно неизвестно. Темная, противоположная часть ее сущности? Алмаз ярости, который скрыт в душе всех одиноких девушек на свете?

Улла ползком пересекла комнату, услышала бой часов. В запасе оставалась лишь четверть часа. Голос она потеряла, священный нож, оскверненный кровью смертного, ни на что более не годился. Однако, если Улла — наполовину ведьма, почему секирн подчинился ей тогда, на берегу? Потому ли, что она создала его своими руками? Потому, что зачаровала его своей песней? Может статься, нож, как и она, с самого начала был испорченным. В этом случае она могла призвать его силу еще раз. Впрочем, не имея голоса, не стоит надеяться. Улла сможет разрезать плоть, но без магии песни лишь истечет кровью.

Ухватившись за край туалетного столика, она кое-как поднялась на ноги и узрела, во что превратилась: на губах вздулись волдыри, сгоревшие волосы торчали клочками, проплешины на черепе блестели розовой кожей. И все же Улла видела тень той девушки, на которую из зер-

кала смотрела красавица. *Я рождена не для того, чтобы угождать принцам.*

Но тогда для чего? Кажется, Улла знала. Роффе сделал ее убийцей. Она все равно что сама вонзила нож в грудь того мальчика. Может, пора доказать, что у нее к этому талант?

Она улыбнулась, и ее обожженные губы треснули, по подбородку потекла кровь. Улла резко ударила кулаком по зеркалу, почувствовала, как в кожу меж пальцев врезались осколки. Она вооружилась самым большим из них и, шатаясь и припадая к стенам, заковыляла вниз по ступеням. Вниз, вниз, в холл дворца.

Сейчас там было пусто — все гости веселились на балу. До Уллы доносился топот ног, приглушенные звуки музыки. У самого подножия лестницы спиной к Улле стояли два дюжих стражника, прислонившиеся к широкому дверному косяку. Их взгляды были устремлены на освещенную факелами подъездную аллею.

Улла присела и на четвереньках подобралась к чудесному зеркалу. Здесь, в ярко освещенном холле, она яснее увидела, как сильно себя изуродовала. Улла вскинула руку и коснулась зеркала. Девушка по другую сторону сделала то же самое, ее воспаленные глаза наполнились слезами.

— О, — тихонько всхлипнула Улла. — О, нет.

— Нет, нет, — эхом повторила девушка. Голос у нее был слабый и надтреснутый.

Улла собралась с силами. Как ни больно ей было заставить вибрировать обожженные связки, она разомкнула губы и выдавила едва слышный звук. Несмотря на дрожь в голосе, ноту Улла держала, а девушка в зеркале ее подхватила. Объединившись, голоса постепенно начали крепнуть. Из кармана юбки Улла достала осколок зеркала, разбитого над туалетным столиком, поднесла его к большому зеркалу, нашла правильный угол наклона, чтобы видеть себя. Да, вот так. Теперь зеркала отражали бесконечный коридор и бесконечное число искалеченных девушек с бесконечным числом голосов, которые наслаивались друг на друга, превращаясь в хор, а затем — в мощный поток.

Нарастающий звук заставил стражников обернуться. В их глазах застыл шок, но Улле было все равно. Держа осколок в одной руке, в другую она взяла секирн, подняла подол своего прекрасного лилового платья, полоснула ножом по бедрам. И сразу поняла: эта рана — иная. Секирн стал другим, как и она.

Стражники бросились к ней, но Улла, ослепленная болью, не колеблясь изменила песнь, дирижируя хором загубленных судеб, переходя от трансформации к музыке стихии. И пусть ее голосовые связки сочились кровью, но талант певицы оставался непревзойденным. Стены

дворца сотряс гулкий раскат грома; стражники кубарем покатились по лестнице.

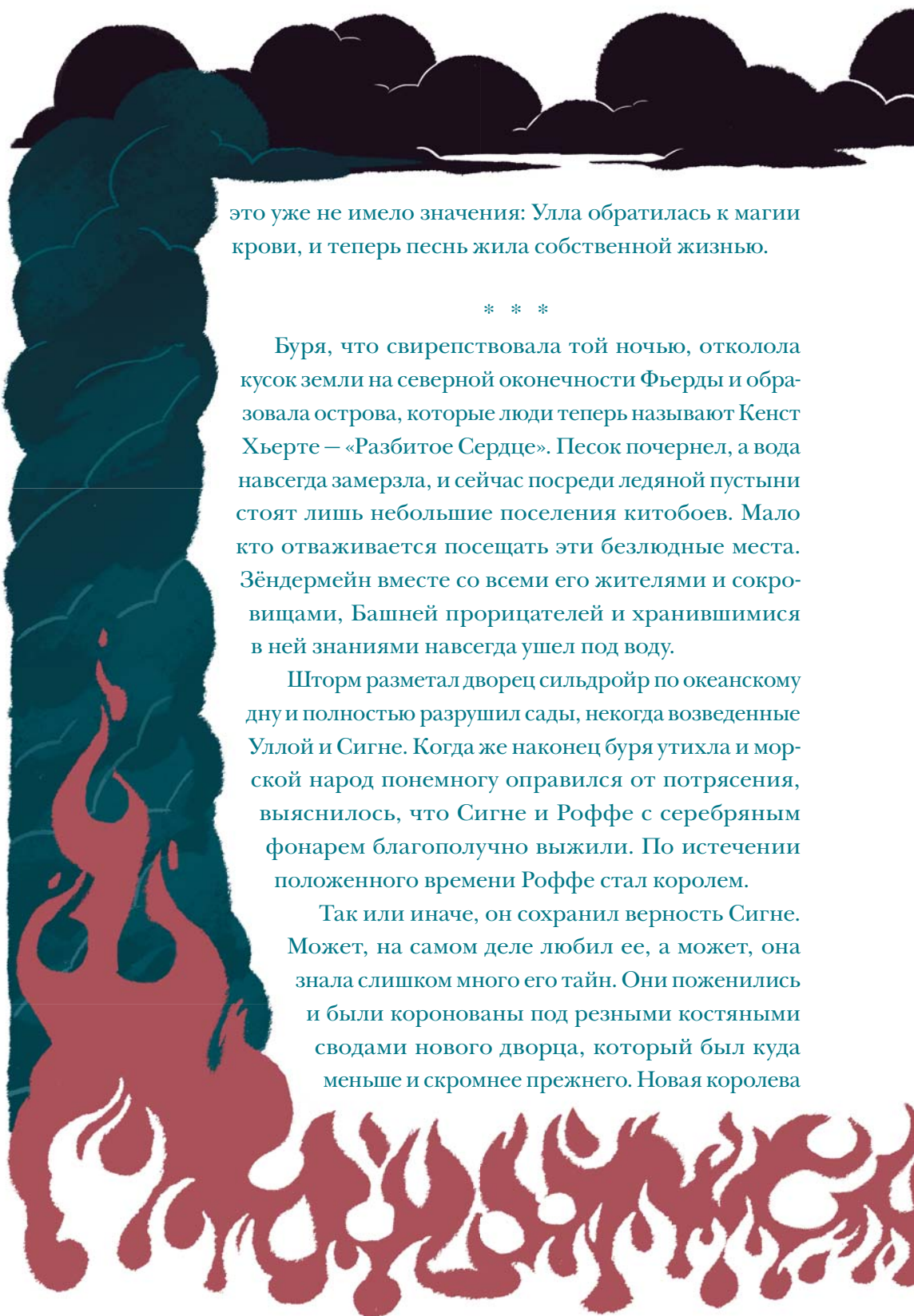
Штормовая магия. Первое, что освоила Улла, первое, что изучали все сильдройры. Эта магия считалась самой простой, хотя требовала объединенных усилий. В одиночку Улла не справилась бы, но она была не одна. Миллионы брошенных, сломленных, раздавленных девушек пели вместе с ней, и мощь этого хора повергала в ужас.

Улла ткала песнь, сплетая две мелодии, две стихии — море и небо, воду и кровь. Сверкнула молния, превращение началось. Волосы на голове зазмеились, за клубились, точно завитки темного дыма. Кожа Уллы стала твердой, будто камень, и обросла мхом. Опустив взгляд, Улла увидела, как срastaются ее ноги, но хвост, появляющийся вместо них, не покрывала серебристая чешуя. Чешуи не было вовсе. Новый хвост был черным, гладким и мускулистым, словно туловище мурены.

Хор продолжал греметь, и в какой-то момент Улле показалось, что она слышит низкий голос моря, зывающий к ней. Море звало ее *домой*.

Огромная волна с оглушительным грохотом ударила в скалу, за ней последовала другая, еще и еще. Песнь Уллы поднимала океан. Вода с ревом обрушилась на утес и захлестнула дворец, выдавливая окна, круша лестницы, сметая все на своем пути. Улла слышала крики обезумевших от страха людей, тысячный хор смертных. Вода достигла ее, обняла, закружила, вырвала из руки осколок зеркала. Но

это уже не имело значения: Улла обратилась к магии крови, и теперь песнь жила собственной жизнью.

* * *

Буря, что свирепствовала той ночью, отколола кусок земли на северной оконечности Фьерды и образовала острова, которые люди теперь называют Кенст Хьерте — «Разбитое Сердце». Песок почернел, а вода навсегда замерзла, и сейчас посреди ледяной пустыни стоят лишь небольшие поселения китобоев. Мало кто отваживается посещать эти безлюдные места. Зёндермейн вместе со всеми его жителями и сокровищами, Башней прорицателей и хранившимися в ней знаниями навсегда ушел под воду.

Шторм разметал дворец сильдройр по океанскому дну и полностью разрушил сады, некогда возведенные Уллой и Сигне. Когда же наконец буря утихла и морской народ понемногу оправился от потрясения, выяснилось, что Сигне и Роффе с серебряным фонарем благополучно выжили. По истечении положенного времени Роффе стал королем.

Так или иначе, он сохранил верность Сигне. Может, на самом деле любил ее, а может, она знала слишком много его тайн. Они поженились и были коронованы под резными костяными сводами нового дворца, который был куда меньше и скромнее прежнего. Новая королева

пропела брачные обеты, навечно связывая себя с супругом, и с тех пор от нее не слышали ни одной песни, даже колыбельной. Сильдройры сделались гораздо осторожнее. Теперь они боялись всего: новой разрушительной катастрофы, берега, людей, и со временем утратили большую часть своей музыки. Их жизнь была долгой, а память — короткой; морской народ быстро забыл прошлые напасти.

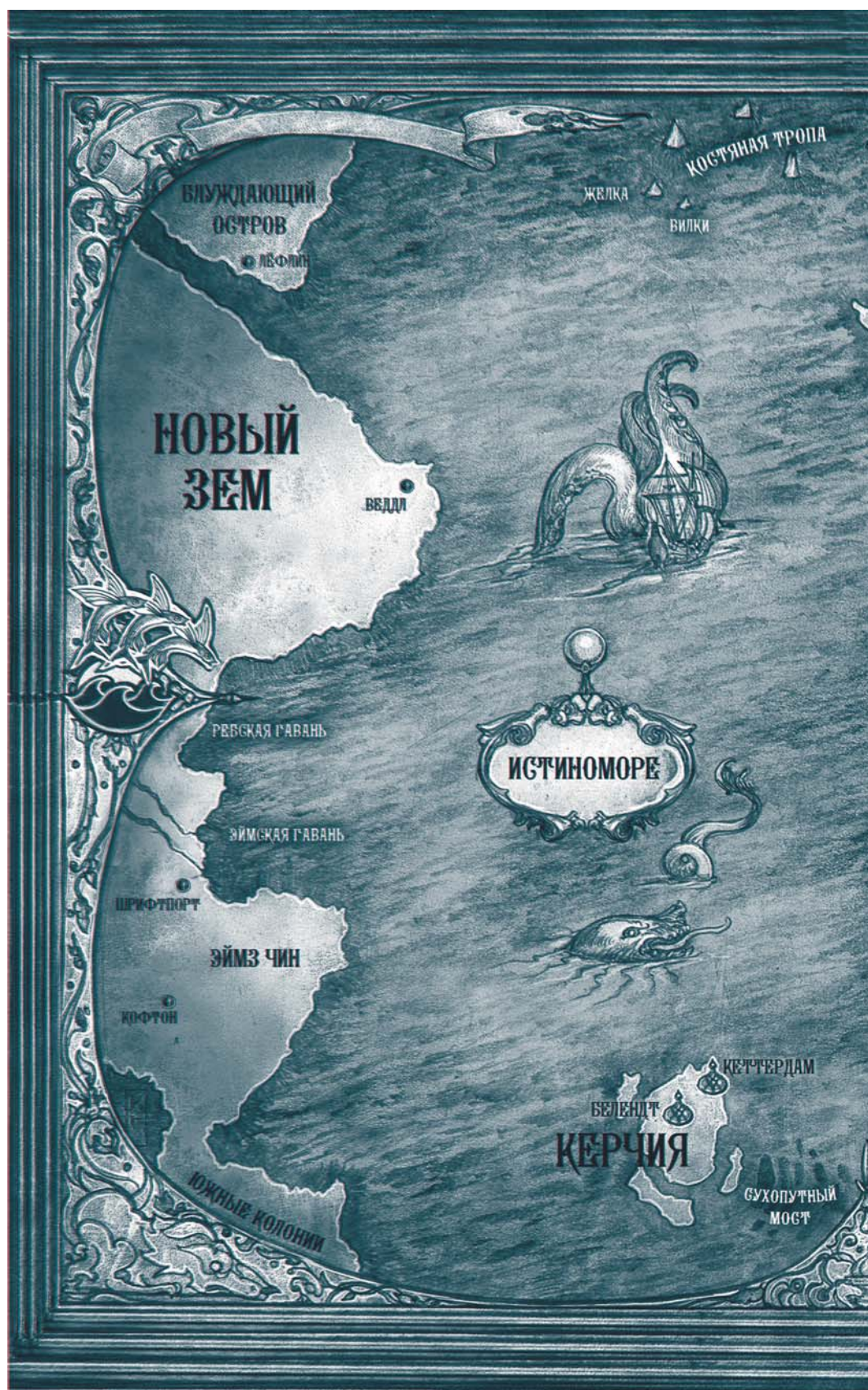
И только Улла помнила все. Она лелеяла и растила каждую обиду, как моллюск выращивает из песчинки жемчужину, накапливала и неустанно их перебирала. Когда Сигне произвела на свет дочерей — шестерых сильдройр, младшая из которых унаследовала от матери огненно-рыжий цвет волос, — Улла возликовала. Она-то знала, что на каждой из них лежит проклятье: как и их отец, они будут мечтать о недостижимом; как и их мать, предадут самое дорогое, что имеют, в надежде получить нечто большее. Улла не сомневалась: настанет время, и все они, одна за одной, придут к ней.

Шторм вынес Уллу к северным островам. Там, среди вечного холода, она нашла прибежище. И по сей день она скрывается в темных пещерах и гротах, залитых темной водой, поджидая своих жертв — одиноких, тщеславных, умных, слабых, всех тех, кто готов заключить сделку.

Всякий раз ждать ей приходится недолго.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

В 2012 году, во время подготовки к публикации моего первого романа, издатели поинтересовались, не хочу ли я написать приквел к «Тени и кости». Я охотно согласилась, однако замысел, пришедший мне в голову, не имел ничего общего с героями этой книги. Скорее, это была сказка, которую когда-то могли слышать персонажи романа, моя личная интерпретация истории, сильно впечатлившей меня в детстве, — сказки «Гензель и Гретель».

Больше всего мне нравилась версия Джоан Уолш Энглунд с жутковатым названием «Кто там ходит под окном?», однако мое детское воображение поражала отнюдь не ведьма-людоедка, и даже не злобная мачеха. Главным негодяем я всегда считала отца Гензеля и Гретель, слабовольного труса, который дважды позволил своей бессердечной жене отправить детей на верную смерть в глухом лесу. «Не возвращайтесь!» — шептала я, переворачивая последнюю страницу с неизменной иллюстрацией счастливого финала: радостный отец воссоединяется с детьми, гадкая мачеха изгнана. Закрыв книгу, я каждый раз испытывала некое смутное беспокойство.

Именно это беспокойство во многом направляло меня при создании данного сборника сказок — та тревожная нотка, которая, уверена, слышится многим из нас в хорошо знакомых историях. С самого детства мы знаем, что невыполнимые задачи — странный способ выбрать себе спутника жизни, что опасные хищники могут скрываться под самыми разными личинами, что прихоти королевских отпрысков зачастую бывают жестокими. Чем больше я прислушивалась к внутреннему ощущению тревоги, тем больше вдохновлялась.

Свое влияние оказали и другие источники. Так, жуткие легенды о чудовищном обжорстве Таррара¹ в сильно смягченном варианте нашли отражение в первой истории, рассказанной Айямой. Детская травма, возникшая у меня после прочтения «Плюшевого зайца»², и тягостная мысль о том, что оживляющей силой обладает лишь любовь, в измененном виде легли в основу «Принца-Солдата». Что до русалок, то отправной точкой, конечно же, послужила классическая сказка Ганса Христиана Андерсена. При этом стоит упомянуть, что Улла — это уменьшительно-ласкательная форма шведского имени Урсула.

Надеюсь, вам понравятся мои истории и мир, в котором они разворачиваются. Надеюсь, вы будете читать их вслух, когда придут холода. И — помешивайте варево в горшках. Надеюсь, у вас все получится.

¹ Таррар (фр. Tarrare, Tarare; ок. 1772—1798) — французский балаганный актёр и солдат, прославившийся противоестественным обжорством. (*Прим. переводчика.*)

² «Плюшевый заяц, или Как игрушки становятся настоящими» — сказка англо-американской писательницы Марджери Уильямс. Впервые опубликована в 1922 г. (*Прим. переводчика.*)

БЛАГОДАРНОСТИ

Практически все страницы этого сборника украшены иллюстрациями Сары Кипин, и я благодарна ей за каждый смелый мазок кисти, за каждый удивительный штрих.

Немалое число замечательных сотрудников издательской группы «Macmillan» и издательства Imprint без устали трудились, чтобы воплотить в жизнь этот проект, в частности: мой чудесный редактор Эрин Штайн; Натали Соуза и Эллен Дуда — авторы прекрасной обложки и дизайна страниц; мои гениальные агенты по рекламе, Молли Эллис и Морган Дьюбин; беспощадная в своей изобретательности Кэтрин Литтл; Рэймонд Эрнесто Колон, который взял на себя управление сложным процессом двухкрасочной печати; Кейтлин Суини; Мариэль Доусон; Люси Дель Приоре; Тьяра Киттрелл; вся команда Fierce Reads; Кристин Дулейни; Эллисон Верост и, разумеется, Джон Ядждед, который отчего-то продолжает меня терпеть.

Также выражаю благодарность сетевому журналу Tor.com за публикацию трех равкианских сказок, которые вошли в эту коллекцию, и Ною Уилероу за его вдумчивую редакторскую работу.

Каким-то волшебным образом я оказалась на душистом летнем лугу, воплощением которого для меня стала настоящая литературная семья — агентство New Leaf Literary Media. Искренне благодарю Хилари Пешн, которая неизменно находит решение самых неразрешимых вопросов; Девина Росса; Пойю Шахбазян; Криса МакЮэна; Кэтлин Ортиз; Мию Роман; Даниэллу Бартель и, конечно, Джоанну Вольпе, которая давно вынашивала мечту об этом сборнике.

Бесконечно благодарю мою армию ведьм и королев за щедрую и мощную поддержку: Морган Фейхи, Робин Кали Бейкон, Рейчел Мартин, Сару Мезль и Мишель Чихару. Спасибо Дэну Брауну, Кэти Филипс, Лиз Гамильтон, Джошу

Каменски и Хизер Джой Розенберг, которые помогали определиться с названием сборника. Та любезная леди на вечеринке — кажется, ландшафтный дизайнер, — тоже мне помогла. В общем, это была командная работа.

Сара Джей-Джонс консультировала меня в музыкальной терминологии. Сьюзан Деннард увеличила мои познания в области биологии морской среды и рассказала об ушастых медузах аурелиях. Дэвид Питерсон помог дать имена русалкам и священным ножам. Мари Лу, Саба Тахир, Алекс Бракен, Гретхен Макнил, Джимми Фримен и Виктория Авеярд ужасно меня сместили, Рейнбоу Рауэлл поддерживала фирменным чаем и здравыми советами. Зонтики в кафе The Golden Patties обеспечивали мне великолепную тень. Хафза Файзал в мгновение ока создавал превосходную графику, как и Кайт Гаффар, которая, как говорят, балуется колдовством. При помощи Хэдви́г Аэ́ртс я разобралась с особенностями празднования Нахтшпеля, ну, а Джоша Минуто не испугать никакими эсэмэсками, даже такими: «Привет, как дела? У меня что-то живот крутит. Думаешь, мне стоит сходить к доктору?»

Как обычно, хочу поблагодарить мою семью: Эмили, Райана, Кристину и Сэма; Лулу, которая позволяла мне читать все, что угодно, лишь бы я читала; и моего дедушку, который не уставал снова и снова повторять для меня сказку про монстра у дверей.

И, наконец, особая благодарность — вам, мои читатели, не побоявшиеся последовать за мной в терновый лес.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Для широкого круга читателей
Оқырмандардың кең ауқымына арналған

Миры Ли Бардуго. GRISHAVERSE

ЛИ БАРДУГО
ЯЗЫК ШИПОВ.
ПОЛУНОЧНЫЕ СКАЗКИ
И ТЕМНОЕ ВОЛШЕБСТВО

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ведущий редактор *Лианна Акопова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректор *Инесса Федорова*
Верстка *Александра Лытаева*

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Подписано в печать 20.02.2019. Формат 70х100/16
Печать офсетная. Гарнитура NewBaskervilleITC. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,33.
Тираж 5000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU • Интернет-магазин: book24.ru

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru • E-mail: mainstream@ast.ru
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2019
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
https://vk.com/ast_mainstream
https://www.instagram.com/ast_mainstream
<https://www.facebook.com/astmainstream>

GRISHAVERSE

ЯЗЫК ШИПОВ

ЛЮБОВЬ ГОВОРИТ ЯЗЫКОМ ЦВЕТОВ.
ИСТИНА КОЛЕТ ШИПАМИ.

Сказания о прекрасных русалках
и рыжебородых големах, монстрах и принцессах,
зачарованных городах и наводящих ужас лесах.

Коллекция завораживающих историй
с великолепными цветными иллюстрациями —
для всех любителей вселенной гришей
и темного фэнтези.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-112359-8

www.vk.com/ast_mainstream